

УДК 391/395+930.9

ББК 63.5+63.3(543)

В14

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
согласно проекту № 98-01-16163

Редактор издательства
Л.С.ЕФИМОВА

При оформлении книги использованы изображения среднеазиатского ковра из раскопок С.И.Руденко курганов Пазырыка на Алтае (форзац и отдельные элементы на переплете и в тексте) и керамических рельефов из раскопок автора в культовом центре Калалы-гыр 2 в древнем Хорезме.

На переплете представлен легендарный авестийский персонаж Гопатшах — духовный вождь или правитель легендарной страны древних иранцев Арианам-Вайджа.

Вайнберг Б.И.

В14 Этногеография Турана в древности. VII в. до н.э. – VIII в. н.э. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – 359 с.: ил.

ISBN 5-02-018049-1

В монографии исследуется история расселения и миграций иранских племен и народов в северной части Средней Азии (на Туранской низменности) на расширенной источниковедческой базе (палеогеография, экология, исторические модели, археологические материалы и письменные источники). Автор предлагает новые решения ряда исторических проблем, вопросов этнической истории (например, о происхождении хорезмийцев, истории дахов, ариаков, тохар, ранних хазар и др.). В работе предпринята попытка создания единой картины расселения и взаимодействия иранских племен и народов в пустынной зоне Средней Азии в древности, от начала ее заселения до эпохи тюркизации.

ББК 63.5+63.3(543)

ТП-99-1-120

ISBN 5-02-018049-1

© Б.И.Вайнберг, 1999

ВВЕДЕНИЕ

В предлагаемой читателю книге рассматривается история географического размещения народов на Туранской низменности, природные особенности территории их расселения, взаимосвязи между ними и с другими народами Среднеазиатско-Казахстанского региона, а также проблема сложения историко-культурных областей (ИКО) в его северных районах.

Территория Турана (Туранской низменности) определяется географами от Каспийского моря на западе до Центрального Казахстана на востоке и от степной полосы на севере до южных окраин крупнейших азиатских пустынь Каракум и Кызылкум на юге [Энциклопедический словарь, с. 675]. Туран в географической науке, по определению академика В.В.Бартольда, — это «бассейн Аральского моря» [Бартольд, 1971, с. 231]. Именно таковы границы региона, в пределах которого проводилось наше исследование.

Мы постараемся показать ниже, что именно этот регион был единой экосистемой, в которую входили земледельцы и скотоводы полупустынной и пустынной зон, связанные между собой сложными культурными, этническими и политическими отношениями (рис. 1).

Хронологически мы исследуем эпоху от VII в. до н.э. по VIII в. н.э.; она охватывает «иранский» период в истории региона — от начала железного века (к которому, рассматривая ретроспективно данные археологии, можно уже относить «этнонимы», зафиксированные в письменных памятниках VI–V вв. до н.э.) до начала сплошной его тюркизации. Последнее особенно относится к восточной части региона, где в VIII–IX вв., согласно письменным источникам, уже известны только тюркские народы и племена (печенеги, огузы и т.д.). Тюркизация Хорезма происходит много позднее, хотя на окраинах этой области кочевники-тюрки, бесспорно, появляются и в X–XII вв. Верхняя дата, таким образом, является довольно условной границей.

Учитывали мы и то, что VII век является и вехой в историко-культурном развитии Средней Азии. Завершается ее завоевание арабами, резко меняется политическая ситуация, особенно в низовьях

Амударьи. Ислам постепенно все глубже внедряется в культуру и быт народов Средней Азии, но этот процесс больше затрагивает земледельческие оазисы.

Традиционно этногеография Средней Азии и сопредельных районов изучается довольно однотипно: исследуются привлекаемые (с различной полнотой) письменные источники той или иной эпохи, довольно подробно рассматривается историография, иногда в «качестве иллюстрации» привлекаются археологические материалы. Если это делают не специалисты-археологи, то подобный подход, как мы покажем ниже, не только не достигает результата, а порой просто приводит к курьезам. Вместе с тем археологи, обращаясь при интерпретации своих материалов к вопросам этногеографии, тоже чаще всего ограничиваются узким кругом письменных источников, не рассматривая, как согласуются они с другими при предлагаемой исторической интерпретации археологических данных.

И те и другие исследователи, как правило, практически оставляют в стороне вопросы экологии и особенно палеогеографии, что приводит к искаженному восприятию письменных источников. Вместе с тем только изучение палеогеографии, принципиально важное для Турана, где резко изменялся в отдельные периоды речной сток, что, в свою очередь, приводило к заселению или опустошению больших районов, может послужить надежной основой для понимания сведений письменных источников.

Данные об экологии также представляются нам необходимыми не только для определения природной среды обитания народов региона, но и как еще один весьма существенный источник исследования, если рассматривать и этнические аспекты экологии [Свод, 1988, с. 92–95; Вайнберг, 1990]. Природная среда, ее особенности — важный компонент в культуре народов; часто они определяют многие специфические формы культуры и влияют через хозяйственную деятельность на ее ареалы. Распространение культуры и ее носителей происходит преимущественно в той географической среде, в которой она возникла и к которой предельно адаптировано хозяйство населения (особенно это относится к кочевникам).

Исходя из отмеченных выше положений, мы сочли необходимым посвятить исследованию палеогеографии и экологии региона первую часть работы; только подобный подход позволил нам получить дополнительные данные для этногеографического изучения региона. Для воссоздания палеогеографической картины необходимо было провести дополнительно археологическое изучение региона, так как выводы наших предшественников чаще всего строились на изучении только памятников оседлого населения (низовья Амударьи), а широкомасштабное исследование памятников скотоводов (кочевников и оседлых скотоводов) в Хорезмском оазисе, на Узбое и Заузбой-

ском плато началось только с середины 60-х годов (см. [Вайнберг, 1991]).

Над темой исторической этногеографии Турана–Приаралья автор специально работает около тридцати лет. За это время совершенствовалась и уточнялась методика исследования, круг возможных дополнительных источников.

В структуре предлагаемой читателю работы получили отражение все основные методические подходы автора. Каждая часть ее объединяет определенный круг материалов, хотя все они взаимосвязаны. Велика роль археологии во всей работе не только потому, что автор прежде всего археолог по профессии, но и в связи с тем, что археологические материалы, являясь базой культурологического исследования, определяют хронологию как в области развития культуры, так и в палеогеографии, а также зачастую «объясняют» сведения письменных источников.

Существенный для нашей темы вопрос о соотношении археологической культуры (АК) и этноса неоднократно обсуждался в печати (см. литературу [Арутюнов, 1989], см. также [Этнографо-археологические комплексы, 1996; Проблемы исторической интерпретации, 1990; Томилов, 1987; Токарев, 1973; Косарев, 1981; Клейн, 1988]), но не получил достаточно убедительного разрешения. Не претендуя на какую-либо универсальность предлагаемого подхода, автор считает необходимым познакомить читателя со своим пониманием проблемы соотношения АК и этноса. Следует учесть, что признаки, по которым выделены АК, у разных исследователей сильно варьируют. Нам представляется, что на изучаемой территории требуется максимально полно учесть все АК, их локальные варианты и археологические комплексы, связанные с широкими культурными общностями (например, хозяйственно-культурным типом — ХКТ). При сравнении АК следует учитывать, по каким признакам они выделялись (обряд погребения, поселения, керамика и т.д.). Большое значение имеет и степень изученности территории, и количество известных разнотипных памятников. Экологически изолированные территории, как правило, дают картину археологических памятников, которая заметно отличается при сравнении, например, со степными районами, где постоянно происходили перемещения значительных групп населения.

Исходя из общего положения о том, что в материальной культуре заключена определенная этническая (этнографическая) информация, автор считает возможным сопоставить материалы археологического изучения всей территории с учетом дополнительных данных (палеогеография, экология, возможности хозяйственного использования территории, итоги исследований этнографии и этнической истории в тех же территориальных пределах) с данными письменных источников об «этнусах» в регионе. Вместе с тем следует учесть, что этническая ин-

древности, основываясь на данных об обводнении территории. Существенно могли бы в этом помочь материалы анализов пыльцы, но их очень немного и они представлены в единичных образцах (работы проводились лабораторией А.Н.Варущенко, геофак МГУ).

ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ

Автор не ставит перед собой задачу обзора огромного количества литературы по основной теме работы. Археологи, историки, лингвисты в течение долгого времени отсылают читателей к обстоятельному обзору этой литературы, предложенному Б.А.Литвинским [Литвинский, 1972, с. 156 и сл.], который в основном обратился к *мнениям исследователей* о локализации разных племен и народов. Явно отдано предпочтение лингвистическим аспектам (этимологии, происхождению названий). Вместе с тем не учтена историческая география и палеогеография региона. Особенно ярко это видно в смещении Каспия и Арала и отнесении данных Птолемея с побережья Каспия в междуречье Окса, впадающего в это море, и Яксарта, который, по мнению античных географов, впадал туда же, в современное междуречье рек у Аральского моря. Оксийские горы, являющиеся существенным ориентиром у античных географов, практически проигнорированы. Итогом обзора является вывод о том, что античные источники довольно путанны и сложны для понимания [Литвинский, 1972, с. 173].

Мы считаем возможным отметить основные этапы в разработке этногеографических проблем, которые как-либо увеличивали объем знаний по этой теме. К исследованию локализаций племен в регионе привлекалась вся доступная автору литература, упоминаем же мы в тексте лишь основные работы, особенно те, которые полнее всего разбирают текст источников, не предпринимая попыток его кардинально «исправлять».

Данные письменных источников представляются нам решающими в этногеографическом исследовании, если к тому же они подтверждаются экологическими, палеогеографическими и археологическими материалами. Вопросы этимологии названий мы оставляем в стороне, так как для решения поставленной задачи — определить расселение народов и племен в зоне пустынь и полупустынь Средней Азии в период от начала железного века до средневековья, как это показал обзор Б.А.Литвинского, — они не дают оснований.

В опубликованной Б.А.Литвинским таблице [Литвинский, 1972, с. 159–161], отражающей точки зрения о расселении основных групп кочевых племен в Среднеазиатско-Казахстанском регионе, ярко предлагается предлагаемая ниже периодизация.

Первый период — от начала научного изучения региона до начала планомерного археологического его исследования. У Б.А.Литвинского подробно указана литература этого этапа научной разработки проблемы. На развитие науки, на наш взгляд, наибольшее влияние оказали работы В.В.Григорьева [Григорьев, 1871], Й.Маркварта [Marquart, 1905], Э.Херцфельда [Herzfeld, 1947; Herzfeld, 1931], А.Хермана [Herrmann, 1920], В.В.Тарна [Tarn, 1951], Й.Юнге [Junge, 1939], В.В.Струве [Струве, 1946; Струве, 1949], К.В.Тревер [Тревер, 1950].

В этот период анализировались только письменные источники, вопросы палеогеографии и экологии оставались в стороне. Некоторое внимание привлекали лишь различно оцениваемые данные античных авторов о впадении Окса (Амударьи) в Каспийское море.

Второй период — со второй половины 40-х годов, когда начинается планомерное археологическое изучение региона Хорезмской экспедицией АН СССР, созданной еще в 1937 г. С.П.Толстовым, и восточных районов Средней Азии А.Н.Бернштамом, который был пионером в археологическом изучении памятников скотоводов на Тянь-Шане, Алае, Памире и сопредельных районах (см. [Толстов, 1947а; Толстов, 1948; Толстов, 1948а; Бернштам, 1949а; Бернштам, 1949; Бернштам, 1951; Бернштам, 1952; Бернштам, 1956]). В работах этих исследователей и некоторых их учеников данные письменных источников уже рассматривались с учетом археологического материала из Средней Азии. В Приаральском регионе это был еще период изучения почти исключительно земледельческого населения и древней цивилизации Хорезма. Учитывая положение этой области в окружении кочевых племен, С.П.Толстов считал необходимым изучать проблему взаимодействия Хорезма со скотоводческой периферией. Под этим углом зрения рассматривались и письменные источники.

Третий период выделяется нами по материалам изучения Турана, но он находит определенные соответствия и в изучении других районов Средней Азии. С 1957 г. Хорезмская экспедиция приступает к активному изучению низовьев Сырдарьи, появляются отчеты об этих работах, первые обобщения этих материалов С.П.Толстовым [Толстов, 1959; Толстов, 1960; Толстов, 1961], а затем и монография С.П.Толстова «По древним дельтам Окса и Яксарта» [Толстов, 1962]. Изучение памятников скотоводческой периферии, и прежде всего известных могильников Тагискен и Уйгарак, только начиналось, когда тяжелая болезнь навсегда оторвала от работы С.П.Толстова (см. [Толстов, Итина, 1966]).

Одновременно разворачивалось исследование памятников, оставленных кочевниками, на территории Казахстана [Акишев, 1959; Акишев, Кушаев, 1963; Кадырбаев, 1959; Маргулан и др., 1966], Таджикистана (см. список работ Б.А.Литвинского [Литвинский, 1972, с. 236]; см. также [Мандельштам, 1966]), Узбекистана [Сорокин, 1956; Соро-

формация, заключенная в материальной культуре, может быть понята только в контексте культуры данного народа, которая нам не всегда ясна по материальным остаткам. Некоторую помощь в этом может оказать этноархеологический подход (см. часть II).

Если исходить из конкретных археологических материалов Турана, то, на наш взгляд, наибольшей «этнической» информацией обладает керамика *ручной лепки* (домашнего изготовления), так как она сохраняет наиболее архаические (традиционные) навыки народа или этнографической группы. Исследования в Хорезме выявили, что единой гончарной посуде древнего Хорезма, распространенной по всему оазису, сопутствуют два различных одновременных керамических комплекса ручного изготовления в левобережной и правобережной части его (см. часть III). Подобный «бикультуризм» можно предполагать и в других районах Средней Азии, но его довольно трудно выявить при небольшом объеме археологических исследований. На втором месте по информативности, вероятно, стоит погребальный обряд.

Применяемая нами этническая терминология довольно условна, ибо, как правило, мы не обладаем информацией о том, что содержит письменный источник — иноназвание или самоназвание этнической группы, к тому же сам характер ее неясен тоже — племя это, союз племен либо в некоторых случаях — народность.

Многие объединения кочевников, бесспорно, вторичные этнические образования, это социальные организмы, принявшие этническую форму, — этносоциальные организмы (ЭСО), по определению Ю.В.Бромлей [Бромлей, 1970; Бромлей, 1973; Бромлей, 1983].

Учитывая исследования этнографов по теории хозяйственно-культурных типов, мы вынуждены, как этого требует конкретный материал, уточнить эти понятия применительно к экосистеме пустынь и полупустынь Турана (например, особенности скотоводства, материальной культуры кочевников и т.д.). Особое внимание уделено культурному и хозяйственному взаимодействию земледельцев и скотоводов на изучаемой территории на протяжении веков.

В работе мы сознательно оперируем только понятием «историко-культурная область» (ИКО), а не «историко-этнографическая область» (ИЭО), так как рассматриваем материалы довольно глубокой древности, для которой чисто этнографическими данными почти не располагаем, а археология дает основание выделять только ИКО. Возможно, что в ряде случаев эти понятия совпадали.

Решающее значение в интерпретации археологических материалов мы придаем письменным источникам, понимаемым в контексте той эпохи, к которой они принадлежат, и в свете их исторического анализа (см. часть IV). Для Турана-Приаралья, как мы постараемся показать ниже, сопоставление всех отмеченных выше источников дает возможность достоверно истолковать письменные известия, не считая их

искажающими действительную картину, и восстановить меняющуюся этногеографическую ситуацию на протяжении большого исторического периода.

Для нашей работы особое значение имеет применение сравнительно-исторического метода исследования [Свод, 1988, с. 211–216]. Вопросы этногенеза специально нами не исследуются, но в ряде случаев мы обращаемся к ним, особенно когда они разъясняют археологические материалы или данные письменных источников или в связи со временем появления «этноса».

Материалы иранского языкознания в виде выводов и заключений специалистов мы используем весьма ограниченно, так как для Турана они имеются только о хорезмийском языке.

Особо следует оговорить ограниченное использование в работе палеоантропологических материалов. Во-первых, исследования проблем этногенеза на разных территориях показали, что палеоантропология имеет большое значение при изучении этнических корней будущего народа, а для познания последующих этапов этнической истории она уже утрачивает свою информативность ([Свод, 1988, с. 60], там же литература). Во-вторых, ограниченность палеоантропологических материалов с территории региона и большая неравномерность в их распределении по ней заставляют нас настороженно относиться к широким обобщениям, которые сделаны на материалах с очень ограниченной периферийной территории, а распространяются, например, на целую ИКО (ср. [Яблонский, 1990]). В третьих, сходство палеоантропологических материалов даже в эпоху довольно частых миграций не всегда может свидетельствовать об этническом родстве, так как палеоантропологические типы намного шире конкретных этносов. К тому же нерешенность вопроса о происхождении так называемой «расы среднеазиатского междуречья» [Гинзбург, Трофимова, 1972; Ходжайов, 1980] не дает достаточных оснований для использования многих выводов палеоантропологов при решении исследуемых нами проблем этногеографии Приаралья.

Автор осознает, что еще многие вопросы из того круга проблем, которые он пытается охватить, требуют более углубленного изучения. Некоторые из них сознательно были оставлены в стороне. Так, для реконструкции хозяйственной деятельности в прошлом и полной характеристики хозяйства скотоводов в разных районах Турана, бесспорно, нужна оценка пастбищных угодий. По современным материалам это можно было бы при некоторых усилиях сделать, но резкое отличие современного режима обводнения от существовавшего в древности не позволяет нам экстраполировать эту картину на то время. Мы предлагаем лишь некоторые косвенные соображения по этому поводу, основанные на наших наблюдениях. Только специалисты-ботаники, возможно, могут реконструировать растительный покров в

кин, 1958; Обельченко, 1956; Обельченко, 1957; Обельченко, 1964, и др.], Туркмении [Марущенко, 1959; Мандельштам, 1963, и др.] и Киргизии [Абетеков, Баруздин, 1963; Абетеков, 1967]. Большинство авторов, публикуя большой новый материал, почти не уделяли внимания его исторической интерпретации, ограничиваясь лишь проблемами своей узкой территории, так как еще неясна была синхронная картина археологических памятников на всем пространстве Среднеазиатско-Казахстанского региона. Локализации племен письменных источников давались часто довольно произвольно.

В начале 70-х годов появились обобщающие исследования, рассматривались вопросы этногеографии кочевого населения [Литвинский, 1972; Мандельштам, 1972]. Памятники кочевников в Средней Азии и Казахстане изучались и в последующие годы, но в публикациях нет серьезной и, главное, аргументированной разработки проблем этногеографии региона.

Для собственно Приаралья можно выделить и особый, *четвертый период* в изучении памятников скотоводов. Здесь с разницей в несколько лет с начала 70-х годов начались археологические работы на Узбое (Х.Юсупов), в Присарыкамышской дельте Амударьи (Б.Вайнберг), на Устюрте (В.Н.Ягодин) и Джетыасарском урочище в низовьях Сырдарьи (Л.М.Левина). Работы эти получили частично отражение в сводном издании «Археология СССР» (том «Степи Азиатской части СССР в скифо-сарматское время», М., 1992) и в ряде обстоятельных работ [Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта, 1978; Юсупов, 1986; Вайнберг, 1991; Левина, 1996], где предложены этнические отождествления и сопоставлены с той или иной полнотой письменные источники и археологические материалы отдельно каждой исследовавшейся области.

В 1985 г. вышла в свет монография И.В.Куклиной «Этногеография Скифии по античным источникам» (Л., 1985), в которой довольно много места уделено Средней Азии, откуда автор пытается «вывести» киммерийцев и скифов и ищет подтверждения этому в письменных источниках. Часть этой работы, касающаяся европейских скифов, их походов в Переднюю Азию, проблемы формирования скифской культуры, отрецензирована в специальной монографии М.Н.Погребовой и Д.С.Раевского [Погрובה, Раевский, 1992]. Текст об азиатских кочевниках вообще изобилует вольными допущениями, противоречит элементарным понятиям по экологии, поэтому рецензировать его весьма сложно. Автор предпримет попытку в самом кратком виде изложить основные положения, вызывающие наибольшие возражения.

В античных источниках понятие «скифы» употребляется очень расширительно, оно относится зачастую ко всем кочевникам вообще, к иранским кочевникам в частности, и к одновременным образованиям (см. там же). И.В.Куклина совсем этого не учитывает. Идя по этому

пути, можно на основании текста «Шах-наме» всех кочевников Турана, и прежде всего Афганистана, считать тюрками. Подобный подход порождает путаницу и вольное толкование источников. Употребляемое автором понятие «скифо-сакские племена» [Куклина, 1985, с. 188] не уточнено. Автор афиширует использование археологических материалов, которых в книге практически нет, кроме названий нескольких ярких памятников (в первую очередь это относится к азиатской части). Нет четкого понимания «археологической культуры». Неясно, что понимается под «скифской культурой» и «скифским археологическим комплексом» (например, «культура скифского типа» на с. 187). В итоге разные по погребальному обряду памятники сопоставляются с описанием погребального обряда царя у Геродота. «Скифская триада» считается единой на всей территории, хотя автор и сам упоминает локальные различия в зверином стиле. Аналогичные различия в оружии и конском снаряжении даже не упомянуты. Вопрос о том, что часть комплекса культуры кочевников может быть связана с ХКТ, а не этносом, вообще не ставится. Совсем не затронуты локальные черты культур так называемого «скифского круга», не анализируются истоки культурных комплексов на востоке, хотя им отдается предпочтение в идентификации с киммерийцами и скифами.

Весьма вольно И.В.Куклина обращается с исторической географией. Нет четкого изложения представлений древних авторов о географии Средней Азии, что порождает путаницу. О «впадении» Яксарта в Каспий говорится походя и в связи с частным вопросом, а это одно из основных представлений в древности.

Говоря о Меотидах, И.В.Куклина уверенно заявляет, что Аральское море было известно древним западным авторам. Но о нем не знали даже китайцы, лучше них знакомые с этим районом. Арал лежал в стороне от торговых дорог, устье Сырдарьи находилось далеко от современного, даже не все средневековые путешественники знали о нем, так как их путь *всегда* проходил в стороне от моря. О Сарыкамышском озере, обводненном с VII в. до н.э. по IV–V вв. н.э., нет даже упоминания, хотя это озеро было скорее всего известно в связи с водным путем по Оксу в Каспий (Плиний, NH, VI об озере у «источков» Окса). Вообще не учитывается, что многие сведения в древности были связаны с торговыми путями и маршрутами завоеваний.

Особо обсуждается вопрос о границе между Европой и Азией, проходящей по Танаису. Автор стремится отнести эти сведения к Яксарту. Но, во-первых, если Дон не может быть признан такой границей из-за направления течения, то и Яксарт-Сырдарья тоже, так как течет с юго-востока на северо-запад и представлять его течение с «летнего восхода» (северо-восток) никак нельзя. Во-вторых, считая Яксарт границей, И.В.Куклина, как представляется, смешивает сведения о границе ахеменидских (персидских) владений с границей Европы с Азией.

В третьих, с Яксартом связана и проблема «саков за Согдом» у северных (северо-восточных) пределов державы Ахеменидов. В-четвертых, Птолемеяевская карта отчетливо показывает, как искаженно воспринимались направления и координаты, вычисляемые по расстояниям и путям. Беруни неоднократно в «Геодезии» (Беруни, III) писал об этом.

Совсем не учтена палеогеография Средней Азии, при этом археологам адресован упрек, что они исходят из современной географической ситуации.

Обводненный Узбой, по мнению И.В.Куклиной, это тот Аракс, через который массагеты вытеснили скифов. Обводнение Узбоя произошло не ранее VI в. до н.э. и вряд ли сухое русло античные авторы назвали бы рекой. Сами массагеты, по археологическим данным, пришли к Узбою и поселились здесь не ранее конца V в. до н.э.

О дельте Сырдарьи, направлении ее протоков, об озере у слияния Сырдарьи, Чу и Сарысу реальные географические сведения могли появиться только в эпоху поздних Ахеменидов, когда здесь обустроивалась сатрапия «саков за Согдом». Через дахов в эпоху Парфянского царства, когда дахи вступили в тесный культурный контакт с эллинистическим миром, последний мог познакомиться с этими сведениями.

Не учитывается и уровень воды в Каспийском море, который, как мы показали в разделе о палеогеографии, влиял на формирование представлений о дельте Яксарта.

Неясно, как автор предлагает решать вопрос о массагетах и исседонах и их роли в вытеснении скифов за Аракс. При восточной локализации скифов нет географических условий для территориального сближения этих народов, так как локализация массагетов определяется в пределах Восточного Прикаспия.

При локализации скифов в междуречье Амударьи и Сырдарьи совсем не берутся в расчет природные условия (пустыня с острым дефицитом воды, нет круглогодичных пастбищ и условий для выпаса лошадей), археологические материалы из Средней Азии, отсутствие каких-либо следов их продвижения в Переднюю Азию. У автора отсутствует представление о культуре Средней Азии в VIII в. до н.э., особенно в ее северных областях.

В решении проблемы продвижения скифов с востока есть и антропологический аспект, который тоже не учитывается. В ранних сакских погребениях начиная с VII в. до н.э. в палеоантропологических материалах четко фиксируется монголоидная примесь, поэтому скифы-европеиды не могли продвинуться в Переднюю Азию, а потом в Европу с востока. Если бы скифы и киммерийцы двигались с востока через территорию Мидии и Ассирии, то это вряд ли бы осталось вне внимания ассирийских хроник (исследования их в этом плане см. [Дьяконов И., 1956]).

Парадоксально, но при локализации родины киммерийцев и скифов в Средней Азии, а также определении Танаиса—Яксарта как границы между Европой и Азией они, согласно И.В.Куклиной, всегда жили в Европе и только в своих походах попали в Азию, что вообще противоречит всей античной традиции.

По античным данным Океан располагался к востоку от Индии и заливом его было Каспийское море, поэтому место к «северо-западу от Индии», связываемое со скифами, должно было находиться где-то у северо-восточного или северного берега Каспия.

Предлагаемая И.В.Куклиной гипотеза об азиатской родине киммерийцев и скифов игнорирует проблему родства и соотношения иранских кочевых и нековых народов на территории Средней Азии, Мидии и Ирана и их предков.

В связи с вопросом о зарождении звериного стиля на востоке хотелось бы обратить внимание на отсутствие его в южных районах Средней Азии и Восточном Иране.

В нашей работе мы затрагиваем вопрос о походах саков в Иран и Мидию, с которыми и связываем импортную керамику в раннесакских погребениях Южного Приаралья. Таким же образом передневосточный импорт мог через Среднюю Азию попасть в Алтайско-Тувинский район. А со второй половины VI в. до н.э., когда Южное Приаралье вошло в состав Ахеменидской империи, возможности торговых связей явно расширились.

При определении путей продвижения киммерийцев И.В.Куклина считает, что они прошли у Персидского залива (вблизи моря). При этом не учитывается экология и традиции передвижения кочевников на территории современного Ирана. Они всегда шли с востока вдоль гор через Каспийские ворота. Все пути располагались вдали от моря. Берег Персидского залива не пригоден для продвижения какого-то крупного отряда вообще, это хорошо показали в своих записях спутники Александра Македонского, сопровождавшие его на пути из Индии в Вавилон после завершения Индийского похода.

Вряд ли стоит все без разбора сведения относить к Аральскому морю. Аристотель (I, 13, 17) отмечает, что горы (Кавказа) видны «при входе в Меотийское озеро», а это никак нельзя отнести к Аралу. У него же: «Меотида течет в Понт» (II, 1, 12), или при описании населенной земли: «от Эфиопии до Меотиды и самых отдаленных местностей Скифии» (II, 5, 14). Сведения о Меотиде и Понте есть и у Полибия (IV, 39, 1–10; 40, 1–10; 42).

Если Скифия Азиатская была за Яксартом, то при движении на юг скифы должны были бы пересечь две полноводные реки, что источники не отмечают.

Количество подобных примеров можно было бы умножить, но представляется, что сказанного достаточно, чтобы мы могли оставить

без внимания гипотезу И.В.Куклиной при анализе конкретного материала и источников в настоящей работе. Особенно огорчает подход автора к сведениям источников, которые все время «исправляются» или «подгоняются» под точку зрения автора.

В последнее время появились и другие работы, в которых авторы довольно произвольно толкуют письменные источники и не учитывают богатый археологический материал из Приаралья, содержащий значительную историческую информацию (см., например, [Васильев, Савельев, 1993; Скрипкин, 1990; Берлизов, Каминский, 1993 — здесь владение Яньцай локализуется в Хорезме]).

В заключение краткого историографического обзора отметим особую роль С.П.Толстова в разработке этнических проблем Приаралья. К вопросам локализации племен он обращался сначала в связи с анализом исторических событий в Средней Азии в последние века I тыс. до н.э. в известном экскурсе «Угроза Евтидема» [Толстов, 1948, с. 231 и сл., особенно с. 243–244], а затем в связи с изучением археологических памятников низовьев Сырдарьи [Толстов, 1948а; Толстов, 1962, с. 136 и сл.]. С.П.Толстов считал, что саки-хаумаварга занимали пространства пустынь Кызылкумов и Каракумов и были одним из самых значительных массагетских племен [Толстов, 1948, с. 243]. Эту же группу саков он отождествлял с сакараваками [Толстов, 1948, с. 243], которых помещал, опираясь на данные Птолемея, между устьями Окса и Яксарта, на восточной периферии Хорезма [Толстов, 1948, с. 244]. С.П.Толстов поддерживал предложенное еще в конце прошлого века отождествление сакарауки=Кангюй [Gutschmid, 1888, с. 58, 70 и сл.], подчеркивая, что Кангюй — это название страны, а не племени [Толстов, 1948, с. 244]. Он же развивал гипотезу об отождествлении «больших юечжи» с массагетами [Толстов, 1948, с. 242–245], а саков-тиграхауда помещал за Яксартом [Толстов, 1948, с. 243].

Исследуя памятники низовьев Сырдарьи, С.П.Толстов определил территории четырех крупных племенных союзов саков в этом районе: апасаков — в бассейне Жаныдарьи (чирикратская культура), тохаров — в бассейне Кувандарьи (джегыасарская культура), аугасиев — в нижнем междуречье Кувандарьи и Сырдарьи («болотные городища» или «города гузов»). Новая группа памятников, обнаруженных в 1959 г. в бассейне Инкардарьи (Тагискен, Уйгарак, шлаковые курганы), связывалась с территорией расселения сакараваков [Толстов, 1960; Толстов, 1962, с. 136–204]. Подобная локализация племен не является общепринятой (см., например, [Литвинский, 1972, с. 175]). Локализация апасаков, как и сакараваков, в междуречье современных рек Амударьи и Сырдарьи основана на данных Птолемея и выводе С.П.Толстова об отсутствии стока из Амударьи в Каспий в античности.

Несмотря на значительные расхождения точек зрения автора и С.П.Толстова — основного исследователя этой проблемы в 40–60-х

годах — по многим вопросам этногеографии Приаралья в древности, я считаю себя продолжателем этого направления его исследований. Только новые планомерные археологические работы на широкой территории от Каспийского моря на западе до низовьев Сырдарьи на востоке позволили предложить, во-первых, новую реконструкцию палеогеографической картины этого региона в древности и средневековье и, во-вторых, выделить в этом регионе новые археологические комплексы и определить их ареалы.

На этой новой базе уже рассматривались данные письменных источников.

Применяя вслед за С.П.Толстовым этноархеологический метод исследования материала, автор попытался широко использовать исторические параллели прежде всего в изучении закономерностей расселения и передвижения кочевых скотоводческих племен Среднеазиатско-Казахстанского региона вообще и Турана в частности, учитывая особую зависимость их хозяйства и быта от конкретной экологической ситуации.

Будем надеяться, что наступит такое время, когда продолжатся археологические исследования в регионе и появятся новые исследователи этногеографии этого важного в истории не только Средней Азии, но и соседнего степного пояса Евразии района, которые смогут прояснить некоторые вопросы этнической истории и расселения племен и народов и предложат новые решения многих вопросов, которые сейчас кажутся нам уже решенными.

Завершению предлагаемой работы способствовал грант, полученный автором в итоге Всероссийского конкурса научно-исследовательских проектов в области гуманитарных наук на 1994–1995 гг. (№ ZZ5000/193 Международный научный фонд, фонд «Культурная инициатива»).

Карты выполнены Л.С.Винокуровой и Г.М.Баевым по авторским эскизам. Часть карт воспроизводится по изданиям, которые указаны в каждом случае.

Общие вопросы экологии
и палеогеография

Значительную часть азиатской территории Евразийского материка (площадь около 2,5 млн. кв. км) от Каспийского моря на западе до Китая на востоке и от Арало-Иртышского водораздела на севере до Ирана и Афганистана на юге занимает Средняя Азия. Следует оговорить, что в литературе, прежде всего западной, вместо названия «Средняя Азия» часто, особенно в наше время, употребляется термин «Центральная Азия». Но эти термины не являются равнозначными, так как в Центральную Азию входят и области, расположенные к востоку от Средней Азии (Казахстан, Южная Сибирь, Монголия, Синьцзян, Тибет). В исторической литературе области Средней Азии и Афганистана иногда называли Восточным Ираном.

Но Средняя Азия это не только географическое понятие. В первую очередь это крупный историко-культурный регион с общей для его народов многовековой историей, развивавшийся как своеобразная историческая и культурная общность. В случаях, когда мы обращаемся к территории не только Средней Азии, но и современного Казахстана, мы используем понятие Среднеазиатско-Казахстанский регион.

Средняя Азия расположена между 46° и 35° с.ш. в полосе перехода от умеренного климата к субтропическому (рис. 1). Природные условия на ее территории очень разнообразны. На западе и севере преобладают различные по рельефу равнины, это в основном песчаные (около 700 тыс. кв. км) и глинистые пустыни. На востоке и юге значительная часть территории занята горами. Среди них выделяются две крупные горные системы — Памир и Тянь-Шань с большим количеством хребтов, многие из которых достигают высоты 4000–5000 м (отдельные вершины превышают 7000 м).

Климат Средней Азии в силу ее географического положения резко континентальный с большими амплитудами колебания температур и

малым количеством осадков (в среднем 100–200 мм в год на равнине). Природные условия и особенности рельефа определили и разнообразие климатических условий в пределах региона. Для равнин характерны очень жаркое лето и холодная, как правило, зима, большие колебания суточных и годовых температур, очень небольшое количество осадков. С севера на юг, даже в пределах пустынной зоны, климатические условия несколько меняются. В северных пустынях (Устюрт, Бетпақдала, Муңкум, Приаральские Каракумы и др.) летом из-за большой сухости могут существовать главным образом кустарники-ксерофиты, среди них — полынь, основной корм для скота в этих районах. В южных пустынях (Каракумы, Кызылкумы, Голодная степь, высокогорья Памира и др.) в связи с тем, что осадки выпадают здесь в основном зимой и весной, растительность хорошо развивается ранней весной и осенью: начиная с июня она почти полностью выгорает, а в октябре появляется вновь.

Вообще в Средней Азии рельеф, климат и разнообразие почв определяют разнообразие растительности и ее районирование, что оказало большое влияние на развитие хозяйственной деятельности населения на всех этапах исторического развития.

Реки этого региона зарождаются в горах, при выходе на пустынные равнины многие из них исчезают. Долины рек и их дельтовые области с глубокой древности стали местом расселения человека. Большие оазисы сформировались у рек Зеравшан, Мургаб, Теджен. Для пустынной зоны особое значение имеют две великие реки — Амударья (Вахш — в древности, Окс — по-гречески, Джейхун — в средние века) и Сырдарья (у греков — Танаис и Яксарт, в средние века — Сейхун), которые вместе с притоками обеспечивают жизнь большей части территории Средней Азии от верховьев в горах до крупнейших оазисов в их дельтах у Аральского моря.

Сельское хозяйство на равнинах с глубокой древности основано на орошаемом земледелии оазисного типа, сочетавшемся с придомным и отгонным скотоводством в тугаях у рек и на пустынных пастбищах. Понятно, что реки всегда составляли основу жизни на этой территории.

Животноводство на равнинах Средней Азии связано с пустынными пастбищами, пригодными для круглогодичного выпаса скота (летом высохшая трава является очень калорийным сухим кормом). Кроме того, на равнинах Средней Азии всегда было развито стойловое животноводство (прежде всего — крупный рогатый скот и высокопородные лошади) в оазисах орошаемой зоны.

Средняя Азия по наличию земельного фонда, пригодного для использования в сельском хозяйстве, очень богатый район, но дефицит воды (часто сезонный) или технические сложности использования вод крупных рек в древности всегда ограничивали развитие земледельческих оазисов и объемы территорий для выпаса скота. Значительная

часть земельных массивов здесь всегда использовалась лишь под пастбища. Даже в настоящее время пашни занимают только около 6% территории Средней Азии.

Особенности рельефа, климата, почв, растительности послужили основой для выделения специалистами-географами ряда физико-географических округов в пределах Средней Азии, многие из которых совпадали в отдельные исторические периоды с историко-культурными областями.

ГЛАВА I

Палеогеография Приаралья

Как уже говорилось выше, Туран — это обширная область на севере Средней Азии, охватывающая территорию от восточного берега Каспийского моря на западе до Центрального Казахстана на востоке и от зоны степей на севере до южных окраин великих среднеазиатских пустынь Каракум и Кызылкум на юге (рис. 1). Это зона пустынь и полупустынь [Бабаев, Фрейкин, 1977; Средняя Азия, 1968], особое место в которой занимают области дельт двух крупнейших рек региона — Амударья и Сырдарья.

Этот регион — один из самых засушливых и экстремальных по климатическим условиям районов Евразии, для которого первостепенным является вопрос о водообеспечении населения. Особенности природных условий региона определили существование на территории Туранской низменности с глубокой древности в тесном взаимодействии земледельцев и скотоводов (экосистема пустынь и полупустынь Среднеазиатско-Казахстанского региона). Земледельческое хозяйство в прошлом здесь, как правило, было связано с искусственным орошением, и лишь отдельные группы населения, чаще всего полуседлого, практиковали лиманное или каирное земледелие [Андрианов, 1969]. Скотоводство с самого начала железного века и до эпохи индустриализации было представлено разными типами: оседлое, полукочевое, полuosедлое и кочевое, что прежде всего было связано с экологическими особенностями отдельных областей в пределах всего региона.

Вопросы палеогеографии региона мы рассматриваем как в эпоху древности, так и в средневековье. Нам представляется, что только такой общий подход может помочь выявить общие закономерности и полнее рассмотреть аналогичные явления в изменениях природного комплекса.

Амударья — основная река, определяющая жизнь значительной части Средней Азии и Приаралья. Поэтому вопрос о направлениях стока

ее русел в историческое время был предметом исследования как историков-востоковедов, так и географов с конца прошлого века [Бартольд, 1965]. Эта проблема часто связывалась с дискуссией о возможном прогрессирующем «усыхании» Средней Азии [Берг, 1947; Марков, 1955; Толстов, 1948, с. 43–56; Андрианов, 1969, с. 48 и сл., с. 231 и сл.]. Именно в силу этого обстоятельства в работах С.П.Толстова и Хорезмской экспедиции АН СССР одной из важнейших была проблема обводнения древних русел Амударьи и Сырдарьи. К ее разработке были привлечены географы и геоморфологи, широко использовались аэрометоды, созданы были новые методики комплексных археолого-геоморфологических исследований. В связи с изучением древней гидрографической сети дельтовых областей было предпринято и широкомасштабное изучение древней и средневековой ирригационной сети [Андрианов, 1969]. Итоги изучения низовьев Амударьи, проводившегося совместно с известным геоморфологом А.С.Кесь в 50-х годах, были изложены в фундаментальном исследовании об истории формирования и заселения человеком этого региона [Низовья Амударьи, 1960], ставшем в последние тридцать лет основополагающим для широкого круга исследователей.

Во второй половине 50-х годов начинается интенсивное исследование Хорезмской экспедицией и А.С.Кесь районов древней дельты Сырдарьи, которое, к сожалению, не получило отражения в аналогичной обобщающей работе [Толстов, 1960; Андрианов, 1969; Андрианов и др., 1975, с. 147–156; Вайнберг, Левина, 1993, с. 7–15].

Палеоэкологическая характеристика Приаралья должна базироваться на палеогеографических данных об обводнении этого района в разные исторические периоды. Археологические материалы обеспечивают достаточно надежную датировку природных объектов, связанных с обводнением [Вайнберг, 1997].

Обратимся к характеристике дельтовых областей Южного Приаралья в свете современных данных археологии.

Дельтовые протоки Амударьи и Узбой

В итоге археолого-геоморфологического изучения территории дельты Амударьи и Узбой под руководством С.П.Толстова и А.С.Кесь был сделан вывод об отсутствии оседлого населения на берегах Узбой в древности и кратковременности стока в средневековье, в связи с чем были поставлены под сомнение данные письменных источников. Констатировалась зависимость режима обводнения от социальных факторов [Низовья Амударьи, 1960, с. 319, 343–347].

После открытия в середине 60-х годов в Присарыкамьшской дельте курганных могильников скотоводов началось планомерное изучение их памятников в Присарыкамьшской дельте (Б.И.Вайнберг) и на Узбое (Х.Юсупов, Б.И.Вайнберг). В итоге за 25 лет археологических работ получены принципиально новые данные о режиме обводнения дельты Амударьи и Узбоя [Вайнберг, 1991; Вайнберг, 1991а; Вайнберг, 1989; Юсупов, 1986, с. 179 и сл.].

В эпоху неолита вплоть до конца III тыс. до н.э. функционировали Акчадарьинская и Присарыкамьшская дельты, Сарыкамьш и Узбой. На верхнем Узбое открыты стоянки V тыс. до н.э., в Присарыкамьшской дельте — неолитический могильник, новые стоянки обнаружены на Узбое, на западном берегу Келькора и вдоль русла Актама.

В эпоху бронзы стока в Присарыкамьшскую дельту и соответственно в Узбой не было. Активно функционируют Акчадарьинские дельты.

В конце VIII — начале VII в. до н.э. обильно обводняются русла Присарыкамьшской дельты и начинается заполнение Сарыкамьшской впадины. В этом районе появляется новое население — оседлые и полуседлые скотоводы (куюсайская культура), неукрепленные поселения которых располагаются на берегах дельтовых протоков. На возвышенностях обнаружены курганные могильники и укрепленные поселения.

Подобный режим обводнения стабильно сохраняется до конца I тыс. до н.э. На рубеже V–IV вв. до н.э. уже постоянно функционирует Узбой, на его берегах открыты каменные склепы и культовые сооружения скотоводов [Юсупов, 1986; Степная полоса, 1992, с. 122 и сл.]. По данным письменных источников (описание похода Кира у Геродота), обводнение его началось в VI в. до н.э., но постоянного населения на берегах Узбоя еще не было.

В связи с тем что памятники Присарыкамьшской дельты особо важны для определения хронологии обводнения Сарыкамьшского озера и вытекавшего из него Узбоя, мы подробно излагаем полученные там результаты археологических работ, относящихся к интересующей нас эпохе.

*История обводнения Присарыкамьшской
дельты Амударьи в древности
в свете археологических работ
последних десятилетий*

Присарыкамьшская дельта — песчано-суглинистая аллювиальная равнина, плавно понижающаяся на запад и северо-запад и ограниченная на востоке современной дельтой Амударьи, на юге — Заунгузскими Каракумами, на западе — Сарыкамьшской впадиной, на севе-

ре — чинком плато Устюрт. Эта территория пересекается крупными (Дарьялык, Даудан, Туныдарья и др.) и мелкими сухими древними речными руслами и протоками. Значительные массивы земель в зоне этих русел в различные исторические периоды орошались и были освоены под земледелие и скотоводство.

Работы последних десятилетий были сосредоточены в юго-западной части дельты, которая меньше всего пострадала от хозяйственной деятельности в XX в., что открывало определенные перспективы в исследовании этого района. Кроме того, здесь находится ряд останцовых возвышенностей, где, как правило, располагаются курганные могильники, открытие которых было важно для изучения культуры скотоводческих групп населения левобережного Хорезма.

С начала XIX в. предпринимались исследования гидрографической сети в Присарыкамьшской дельте [Низовья Амударьи, 1960, с. 147, 148]. В 30-е годы XX в. было начато и специальное геоморфологическое изучение дельты [Доскач, 1940], продолженное позже; одновременно велись почвенные и геологические исследования [Низовья Амударьи, 1960]. До 1939 г., когда в Присарыкамьшской дельте Амударьи начала работы Хорезмская экспедиция АН СССР под руководством С.П.Толстова, сведения о памятниках этого обширного района были очень обрывочны. Чаще всего отдельные развалины упоминались в трудах географов без всякого описания их и датировки [Низовья Амударьи, 1960, с. 148].

Детальный анализ письменных источников и в связи с этим попытка идентификации некоторых памятников этого района были предприняты В.В.Бартольдом в его фундаментальном исследовании «Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XVII века» [Бартольд, 1965, (III), с. 15–94]. В результате первых же маршрутных работ С.П.Толстова были датированы и описаны в большинстве своем крупные памятники Присарыкамьшской дельты [Толстов, 1948; Толстов, 1948а]. Работа Я.Г.Гулямова (1957) по истории орошения Хорезма содержала обобщение всех известных к началу 50-х годов материалов по гидрографии и истории памятников левобережного Хорезма, включая письменные источники и этнографию. Последующие работы отрядов экспедиции в 40–50-х годах расширили представление о времени заселения и освоения дельты, о развитии ирригационной сети и памятниках этого района (работы С.П.Толстова, Б.В.Андрианова, М.А.Итиной, Е.Е.Неразик, Ю.А.Рапопорта, Н.Н.Вактурской, О.А.Вишневской). Предпринятое в 50-х годах совместно с геоморфологом А.С.Кесь (Институт географии АН СССР) археолого-геоморфологическое изучение амударьинских дельт [Низовья Амударьи, 1960] стало научной базой для всех последующих работ археологов в Присарыкамьшской дельте.

В 60-е годы работы в левобережном Хорезме велись несколькими отрядами по специальной тематике и в небольшом объеме: Б.В. Андрианов [Андрианов, 1969, гл. II, гл. IV] проводил изучение древней и средневековой ирригационной сети, Н.Н. Вактурская [Вактурская, 1963, с. 41] исследовала средневековое поселение Шахрлик, Е.Е. Неразик — сельские поселения [Неразик, 1976], В.А. Лоховиц — курганы на возвышенности Тузгур [Лоховиц, Хазанов, 1979, с. 111].

С 1971 г. в пределах левобережного Хорезма проводил работы Присарыкамышский отряд Хорезмской экспедиции, который в 70-х — первой половине 80-х годов занимался исследованием поселений и могильников скотоводов и палеогеографической ситуацией в зоне изучавшихся памятников [Вайнберг, 1972, с. 530; Вайнберг, 1973, с. 475; Вайнберг, 1975, с. 42–48; Вайнберг, 1975а, с. 518; Вайнберг, 1979, с. 7–76; Вайнберг, 1983, с. 473; Вайнберг, 1984]. Наряду с Присарыкамышским отрядом с 1981 по 1988 г. ежегодно проводил работы Левобережный археолого-антропологический отряд, который изучал курганные могильники в юго-западной части дельты [Яблонский, 1983, с. 482; Яблонский, 1984, с. 492; Яблонский, 1985, с. 559; Яблонский, 1986а, с. 476; Яблонский, 1986б, с. 45–54]. Гяуркалинский отряд в течение двух сезонов исследовал поселение IV–II вв. до н.э. Гяур 3, находившееся в непосредственном соседстве с коллектором [Коляков, 1985, с. 551; Коляков, 1986, с. 471].

За несколько полевых сезонов был раскопан открытый в 1972 г. неолитический могильник Тумек-кичиджик — первый и пока единственный в северном регионе Средней Азии [Виноградов и др., 1986, с. 7–78]. С ним, как и с неолитическими стоянками у границы Заунгузских Каракумов [Низовья Амударьи, 1960, с. 174–178], связано начало заселения Присарыкамышской дельты.

Исходя из местоположения памятников, можно сделать вывод о том, что протоки Южного Даудана функционировали в неолитическое время. Однако объем воды только этих протоков не мог обеспечить заполнение Сарыкамышской впадины и сток воды по Узбою, а обводнение последнего в эпоху неолита определяется по значительному количеству памятников этого времени на его берегах [Низовья Амударьи, 1960, с. 269–315; Юсупов, 1986, с. 10]. Очевидно, что в это время функционировали и другие русла Присарыкамышской дельты. С начала II тыс. до н.э. сток воды по Узбою по археологическим материалам не фиксируется.

В связи с активным функционированием Акчадарьинской (правобережной) дельты Амударьи произошло, очевидно, осушение Присарыкамышской дельты. Памятников этого времени, несмотря на специальные разведки, обнаружено не было. Лишь в начале I тыс. до н.э., в конце эпохи бронзы, когда постепенно затухал сток в правобережную дельту, вновь начала обводняться Присарыкамышская дельта. Перво-

начально это, вероятно, были отдельные, достаточно мощные, проорывы воды по руслам эпохи неолита, в результате которых в первую очередь заполнялись естественные котловины, где образовались озера.

Подобная ситуация, судя по всему, создалась у восточного склона возвышенности Канга-гыр, где А.С.Кесь отметила четко выраженные озерные котловины [Низовья Амударьи, 1960, с. 164—165]; именно на восточном склоне Канга-гыра на мысе Юрышлыджа (на юго-запад от Канга-калы) на территории поселения середины I тыс. до н.э. в хозяйственных ямах были обнаружены остатки более древнего культурного слоя с керамикой амирабадского типа (конец VIII в. до н.э.). На остальной территории дельты она не зафиксирована [Юсупов, 1991].

С начала VII в. до н.э. Присарыкамышская дельта, очевидно, обводнялась постоянно. В зоне протоков Южного Даудана в 70–80-е годы был открыт и исследован целый ряд археологических памятников VII–VI вв. до н.э. (рис. 10): поселение Куюсай 2, могильники на возвышенностях Тумек-кичиджик, Тарым-кая, Сакар-чага (Куюсай-гыр), Шахсенем, относящиеся к куюсайской культуре [Вайнберг, 1979; Яблонский, 1986]. Этот этап освоения Присарыкамышской дельты связан, как показали исследования, с появлением здесь нового населения, оставившего эти памятники. Археологический материал демонстрирует нам, что в VII — середине VI в. до н.э. на начальном этапе сложения куюсайской культуры на территории Присарыкамышской дельты происходило взаимодействие разных по происхождению и культурным традициям групп населения (выделяются по крайней мере две группы). Судя по материалам поселения Куюсай 2 (площадь до 12 га) и могильникам, это были скотоводы, разводившие преимущественно крупный рогатый скот и лошадей, имевшие оседлые поселения, где зафиксировано развитие местного ремесленного производства (металлургия, гончарство, обработка кости, камня, в том числе и бирюзы, и т.д.). Неукрепленные поселения располагались непосредственно на берегах обводненных боковых протоков русел, ирригационные сооружения не выявлены.

С VI в. до н.э. начался новый этап в хозяйственном освоении территории Присарыкамышской дельты. Появились ирригационные сооружения, началось строительство крепостей, наряду с каркасным строительством возводятся жилые постройки из сырца, зародилась сырцовая архитектура, широко распространился гончарный круг. В пределах дельты, а иногда и в непосредственном соседстве существуют куюсайские комплексы VI — V вв. до н.э. и даже более позднего времени и памятники древнехорезмийской цивилизации (арханчская или кюзелигырская культура).

На протяжении всего периода от VI в. до н.э. до V в. н.э. большая часть протоков Присарыкамышской дельты продолжала функциони-

ровать и, как показывают исследования последних лет, доносила свои воды до Сарыкамышской впадины.

Крупнейший памятник этого времени в Присарыкамышской дельте — крепость Кюзели-гыр, с которой связано начало древнехорезмийской цивилизации и градостроительства [Вишневская, 1973, с. 544; Вишневская, 1979, с. 567; Вишневская, Рапопорт, 1977]. Хотя земледелие играло большую роль в хозяйстве кюзелигырцев, преобладание в стаде крупного рогатого скота, лошадей и верблюдов дало основание С.П.Толстову сделать вывод о господстве и в это время полукошевого скотоводства [Толстов, 1962, с. 104]. В 1977 г. в ближайших окрестностях, в 1–1,5 км к юго-востоку от Кюзели-гыра, была обнаружена скотоводческая стоянка кюзелигырцев в песчаной котловине. Вероятно, остатками скотоводческих стоянок являются и скопления фрагментов кюзелигырской посуды в песках между этой стоянкой и памятником. Находки тяготеют к древнему руслу, выраженному в настоящее время на местности такырной полосой.

Во время разведочных работ в 70-е годы Присарыкамышский отряд предпринял специальные поиски укрепленных поселений на мысах возвышенностей. Подобные типы зачастую неприступных поселений известны как по письменным источникам (см., например: Арриан, III, 30, 10, IV, 18, 21; Страбон, XI, 11, 4), так и по археологическим материалам из Восточного Прикаспия [Вайнберг, Юсупов, 1970, с. 426]. В левобережном Хорезме к памятникам подобного типа бесспорно относится крепость Бутентау-кала [Толстов, 1958, с. 81, рис. 36], расположенная на мысу возвышенности, обращенном прямо к руслу Дарьялыка. Строительство этого памятника, судя по подъемной хорезмийской гончарной керамике, относится к IV — II вв. до н.э. Находящаяся против этой крепости на мысу Устюрта хорезмийская крепость Девкескен-кала, возникшая в то же время, принципом местоположения следует Бутентау-кале.

В 1970 г. юго-западнее Канга-калы на узком мысу Юрышлыджа, перекрытом галечным валом древнего Сарыкамышского озера, было обнаружено укрепление, названное нами Канга 2 и датированное по подъемному материалу серединой I тыс. до н.э. Небольшие раскопки вала-стены, отсекавшей это поселение от возвышенности, и остатков культурных напластований проводил Д.Дурдыев [Дурдыев, 1983]. Поселение это предшествовало по времени Канга-кале и, вероятно, принадлежало скотоводам-куюсайцам, расселившимся в этом районе. Среди керамических материалов этого поселения — фрагменты лепной посуды куюсайского типа и мелкие фрагменты гончарной кюзелигырской посуды.

Еще одно поселение этого же времени, но с преобладающей кюзелигырской керамикой было открыто в 1977 г. на северном мысу одной из возвышенностей Яссы-гыр. Эти небольшие, вытянутые с севера на

юг возвышенности находятся к востоку и северо-востоку от Кюзели-гыра и располагаются попарно в меридиональном направлении.

К востоку от этой возвышенности проходит один из двух архаических (кюзелигырских) каналов, обнаруженных Б.В.Андриановым в левобережном Хорезме [Андрианов, 1969, с. 155].

Значительное число размытых поселений VI — V вв. до н.э. с кюзелигырской и лепной керамикой, иногда в сопровождении находок бронзовых втульчатых стрел, обнаружено у русел к северу от поселения Куясай 2, к западу от северного мыса возвышенности Сакар-чага [Андрианов, 1969, с. 151–154], а также к северу от Шахсенем-гыра и вблизи поселения Гяур 3. Все эти находки учитывались нами при определении хронологии русел этого района.

Следующий период (вторая половина V — первая половина IV в. до н.э.) в материалах из юго-западной части дельты практически не выделяется. К самому концу его относятся уже опубликованные нами памятники — поселение на юго-западном мысу Тарым-кая 1 с захоронениями очищенных костей в сосудах [Вайнберг, 1979, с. 25–27, 37–38].

Предложенная мною ранее дата этих памятников — рубеж V–IV вв. до н.э. — требует пересмотра в сторону омоложения на полвека в связи с уточнением хронологии «кангюйской» культуры Хорезма на основании анализа материалов из раскопок Калалы-гыра 2.

Не совсем еще ясны все стороны взаимодействия кюзелигырской и куюсайской культур в этот период, хотя факт этого взаимодействия не вызывает сомнения.

Все обнаруженные до сих пор поселения куюсайцев на равнине по берегам русел (вблизи крепости Кюзели-гыр в том числе) не сохранили культурного слоя. В подъемном материале на них наряду с преобладающей лепной куюсайской посудой с красной поверхностью встречается в некотором количестве гончарная кюзелигырская керамика.

Большие изменения происходят на территории Присарыкамышской дельты в конце ахеменидского периода (середина — вторая половина IV в. до н.э.). Городище Кюзели-гыр не доживает до этого времени. Причины запустения его не совсем ясны. Каких-либо следов явной катастрофы при раскопках не было обнаружено. Не исключено, что широкий, но короткий магистральный канал этого времени, который обнаружен около памятника [Андрианов, 1969, с. 155], был сооружен в основном для переброса воды из хорошо обводнявшейся части русел к Кюзели-гыру, но и это мероприятие могло лишь отсрочить катастрофу для жителей городища, а не предотвратить ее полностью.

И.В.Пьянков на основе анализа письменных источников предположил, что при ахеменидском царе Артаксерксе II (404–359 гг. до н.э.) Хорезм становится отдельной сатрапией Ахеменидского государства [Пьянков, 1965, с. 42]. Представляется, что предпосылка этого кроется

не только в политической ситуации того времени. Археологические работы последних десятилетий показывают, что сток воды в Присарыкамьшскую дельту активно осуществлялся на протяжении всего периода античности. Даже наиболее южные протоки Даудана, отмиравшие в первую очередь, были обводнены еще в IV–II вв. до н.э. Они доносят воду до Саракамьшского озера.

Особенно интересно в связи с этим поселение скотоводов Канга 3, расположенное на возвышенности непосредственно в дельте Кангадарьи. Подобные же поселения этого времени обнаружены Х.Юсуповым еще западнее в узком коридоре между возвышенностями Канга-гыр и Ишек-ангрэн-гыр. Заполнявшееся с VII в. до н.э. Сарыкамьшское озеро какое-то время спустя дало сток в Узбой. Первоначально это, очевидно, были лишь отдельные прорывы. В VI в. до н.э., когда Кир II шел походом на массагетов [Дандамаев, 1985, с. 52; Пьянков, 1964, с. 115–130], судя по описанию источников, поселений массагетов на берегах Узбоя, где уже была вода, еще не было, они располагались в нескольких переходах от него к северу. Но к началу IV в. до н.э. ситуация резко изменилась, на берегах Узбоя и в его устье появляются поселения, культовые постройки и многочисленные погребальные сооружения [Юсупов, 1986, с. 40, 179].

Все это свидетельствует, как нам представляется, о том, что к началу IV в. до н.э. установился регулярный сток и водное сообщение по Узбою, открывавшее для Хорезма более короткий путь сообщения с наиболее развитыми центральными и западными районами Ахеменидской державы, прежде всего с Мидией и Месопотамией. От устья Узбоя в Туркменском заливе Каспия до устья Куры, как и до устья Сефидруда (Кзылузенья), около 350 км плавания по морю. Пути эти выводили в Мидию Атропатену и в Гилян, а оттуда к бассейну Диялы и к административному центру Ахеменидского государства.

Именно выделение Хорезма в самостоятельную сатрапию и новые направления культурных связей с западными областями Ахеменидской державы определили, как нам кажется, своеобразие следующей эпохи в культуре Хорезма — «кангюйской», сложение которой происходит в IV в. до н.э. Уникальность этого культурного комплекса в Средней Азии, наличие в нем многих передневозосточных и конкретно позднеахеменидских традиций, зачастую характерных именно для Западного Ирана, и к тому же просто импорт из Закавказья и Месопотамии в материалах из проводившихся нами с 1981 г. раскопок культового центра Калалы-гыра 2 служат веским доводом в пользу высказанных выше положений. Детальный же анализ этих материалов еще впереди, он будет связан с полной публикацией и анализом результатов раскопок Калалы-гыра 2.

Представляется, что именно водный путь определил выбор и местоположение центра вновь образованной ахеменидской сатрапии в

Хорезме — крепости Калалы-гыр I [Голстов, 1958, с. 153; Рапопорт, Лапиров-Скобло, 1963, с. 141; Рапопорт, 1987, с. 140]. Она располагалась на возвышенности у русла Южного Даудана, примерно в 20 км к западу от разделения русел системы Даудан на северное и южное (последнее обеспечивало наиболее короткий путь к южной части Сарыкамыша и оттуда в Узбой). Интересно, что центр Хорезмийской сатрапии был заложен на территории левобережного Хорезма, где к этому времени не было сколько-нибудь значительных земледельческих оазисов, а крупнейшее поселение ахеменидской эпохи минимум за полвека до этого было заброшено. Здесь впервые создается большой земледельческий оазис и возникают крупные местные центры.

На противоположном от Калалы-гыра I северном берегу Южного Даудана создается уникальное ирригационное сооружение — мощный канал протяженностью в 50 км [Андрианов, 1969, с. 156–158]. Созданный вдоль этого канала оазис с севера охраняла система небольших укреплений [Андрианов, 1969; Неразик, 1976, с. 19], вокруг которых, как показали наши обследования в 1965 и 1970 гг., располагались открытые поселения. Археологический материал с этих поселений, как и небольшое количество керамики из субструкционных клеток Калалы-гыра I [Воробьева, 1959, с. 77–78, рис. 6], относится к комплексу, переходному от «дингильджинского» к «кангюйскому» по археологической классификации Хорезма, и аналогичен тому, что получен нами при раскопках поселения на юго-западном мысу Тарымкая и связанных с ним оссуарного типа погребений в сосудах.

Сложение «кангюйского» комплекса культуры в силу его специфических связей с культурой поздних ахеменидских центров, что выразилось в подражаниях в хорезмийской керамике ахеменидским художественным изделиям из металла (это прежде всего культовые сосуды: тиаровидные бокалы, ритоны с протомами животных, амфоровидные ритоны, фляги с рельефами и т.д.), должно было произойти до падения Ахеменидской державы. К тому же каких-либо эллинистических элементов культуры в раннекангюйском комплексе не отмечено. Все это дает основание считать, что сложение «кангюйской» культуры Хорезма завершилось к последней трети IV в. до н.э. Возможно, это произошло немного ранее, так как считается, что к концу правления Артаксеркса II Хорезм, как и ряд других восточных владений, переходит в разряд союзников царя [Дандамаев, 1985, с. 248; История древнего Востока, 1979, с. 307]. Если в связи с этим за начальную дату «кангюйского» комплекса принять середину IV в. до н.э., то тот переходный материал, который мы отмечали выше на куняузском канале и в субструкционных клетках Калалы-гыра I, может быть грубо датирован первой половиной IV в. до н.э., а скорее всего — его серединой.

Мы не можем определить, когда началось строительство Куня-Уаза и Калалы-гыра 2 — еще при Ахеменидах или после получения Хорез-

мом независимости; такой точности в датировках археологические материалы не дают. Представляется вместе с тем, что все эти памятники могли быть связаны. Они располагаются у одного и того же русла Даудана в 10–15 км друг от друга.

В любом случае несомненно, что вблизи верховьев крупного магистрального канала, обслуживавшего большой земледельческий оазис, возникает один из крупнейших городов античного Хорезма послеахеменидской эпохи. В то же время в этом районе функционирует и еще один общественный и культовый центр — Калалы-гыр 2.

Следует заметить, что в ближайших окрестностях этого памятника нет одновременных с ним поселений, он не связан ни с одним оазисом, но по руслу Даудана мог сообщаться практически со всей южной частью Присарыкамьшской дельты, в религиозной жизни которой этот культовый центр играл, вероятно, большую роль. Большинство культовых предметов и находок из слоя памятника связаны с культом плодородия, который, скорее всего, и был основным в системе религиозных церемоний, совершавшихся здесь. Как и всякий культовый центр в системе древнего государства, он мог совмещать религиозные функции с фискальными, тем более что здесь были встречены надписи хозяйственного содержания. Большой интерес представляет и сам факт наличия такого специального культового центра вблизи одновременного города и с точки зрения истории социальной жизни в Хорезме в послеахеменидское время.

Для истории древних русел Присарыкамьшья важно и местоположение поселения Гяур 3, расположенного в 6 км к востоку от крепости Гяур-кала Черменьябская, у восточного края южного обрыва возвышенности Гяур-гыр. Поселением мы назвали весь комплекс памятников, обнаруженных на площади около 4 кв. км, которые относятся к одному времени и отделены от соседних оазисов полосой чистых такыров. Центр поселения образует усадьба, обозначенная как Гяур-кала 3 в силу монументальности развалин, окруженных стенами. В усадьбе Гяур-кала 3 выделяется круглое здание. Впервые этот памятник был зафиксирован Б.В. Андриановым в 1953 г. при обследовании античного русла канала Чермен-яб, ранний период функционирования которого датировался по материалам поселения [Андрианов, 1958, с. 319].

В 1979 г. во время разведочных раскопок Х.Юсупов и Д.Дурдыев выявили общий круглый контур центрального здания Гяур-калы 3 и направление основных стен внутри его, частично было вскрыто помещение типа овальной башни, примыкавшее к зданию с севера. Стратиграфия не была выяснена, датировка памятника «кангюйским» временем подтверждалась.

В 1980 г. нами было определено, что оба русла канала Чермен-яб на территории поселения, нарушив культурный слой, перерезали основ-

ную усадьбу и ряд других мелких усадеб к западу от нее и в силу этого, бесспорно, были проложены в более позднее время. Поселение же Гяур 3 располагалось в развилке двух небольших естественных протоков у правого берега крупного русла системы Южного Дaudана, огибающего возвышенность Гяур-гыр с юго-востока и функционировавшего в это время. Все постройки находились у берегов протоков, а одна из крупных усадеб обнаружена на северном берегу основного русла.

Следов ирригации, одновременной постройкам на поселении Гяур 3, обнаружено не было, за исключением узенького арыка (50 см шириной), соединявшего естественные протоки к западу от Гяуркалы 3. Полной уверенности, что сооружение относится ко времени поселения, нет.

На Гяур-кале 3 мы впервые столкнулись с очень большим комплексом лепной посуды, сопровождающим обычную хорезмийскую гончарную. Этот факт, как и характер построек, отсутствие ирригации, позволяет нам сделать вывод о том, что поселение Гяур 3 — небольшой оазис оседлых скотоводов, занимавшихся, возможно, земледелием на берегах естественных протоков и в зоне разливов на другом берегу основного русла, куда плавно понижается местность от возвышенности Гяур-гыр. Разливы Ильялинского коллектора, проведенного на этом участке частично по древнему руслу, постоянно устремляются на ту же территорию. Очевидно, проживавшая здесь группа скотоводов представляет наследников куюсайской культуры раннего железного века. Подобные, но более мелкие поселения потомков куюсайцев сохранились в ряде пунктов юго-западной части Присарыкамьшской дельты, где древнехорезмийское государство основало несколько крупных крепостей — центров цивилизации на этой периферии Хорезма (Канга-кала, Шахсенем). Все отмеченные выше памятники послеахеменидского времени могут, по нашему мнению, относиться к IV—II вв. до н.э.

К IV—II вв. до н.э. по находкам гончарной хорезмийской посуды относятся и поселения у подножия Тарым-кая против юго-западного мыса; от возвышенности их отделяло мощное русло Адсыз. Усадьбы располагались вблизи левого (юго-западного) берега этого русла на небольшом расстоянии друг от друга. Здесь также нет никаких следов ирригационных сооружений, кроме узких (до 50 см) канальчиков, соединявших боковые параллельные протоки русла.

Представляется, что именно в связи с активным включением населения западных окраин Хорезмского оазиса в систему хорезмийской государственности и культуры была заложена в этом районе крупная крепость Канга-кала, ставшая вплоть до IV в. н.э. несомненным центром этого скотоводческого по преимуществу района [Толстов, 1962, с. 227]. Канга-кала расположена на возвышенности против более

древнего укрепленного поселения местного населения — крепости Канга 2 и связана с системой действовавших протоков древних русел.

Обследование Канга-калы и ее окрестностей показало, что на южном склоне возвышенности за стеной крепости есть нечто вроде «нижнего» города и открытое к западу поселение.

Другим крупным хорезмийским центром в скотоводческом районе, бесспорно, была крепость Акча-гелин, расположенная на восточном склоне возвышенности Туз-гыр [Толстов, 1958, с. 26]. У стен крепости, как и на Канга-кале, возникает открытое поселение на спуске возвышенности. С ним, вероятно, связано и сооружение огромного водоема у юго-восточного угла памятника, куда, очевидно, собирались со склона возвышенности дождевые воды. Водоем с восточной стороны окружал вал, задерживающий воду. Открытое поселение тянется от этого водоема полосой на север.

Хорезмийское государство в послехеменидский период явно проводило протекционистскую политику по отношению к скотоводам левобережного Хорезма. Кроме крепостей в скотоводческой зоне появляются специальные ремесленные поселения — микрооазисы, существовавшие с IV—III вв. до н.э. до конца обводнения местности (IV в. н.э.). В настоящее время нам известно несколько таких оазисов между возвышенностями Тарым-кая и Туз-гыром, базировавшихся на протоках Даудана, которые впадали в Сарыкамыш в районе Тунюклю. Наиболее полно изучены Тузгырское поселение [Неразик, 1976, с. 17, рис. 3] и западнее его Нурумский оазис.

Последний оазис возник вокруг центрального массива построек на площади в несколько квадратных километров между двумя широтными протоками русел. Севернее и западнее этой территории, а может быть, и южнее были небольшие участки орошенных полей. Наиболее четко ирригация выражена на более высоком берегу русла, огибавшего поселение с запада. В это русло, которое, судя по найденному на его восточном берегу развешанному архаическому поселению, функционировало еще в VI—V вв. до н.э., был как бы «вложен» канал. Хотя ирригационная сеть в настоящее время на местности слабо заметна, так как по этой территории прошла целая сеть дорог, тем не менее удалось установить ряд каналов и дамбированных русел, обеспечивавших водой многочисленные усадьбы. Оазис возник в кангюйское время, но позднее, чем поселения Гяур 3 и Калалы-гыр 2. Верхняя граница существования оазиса определяется по археологическим материалам примерно серединой — второй половиной III в. н.э.

Материал из описываемого оазиса сходен с известным материалом с Акча-гелина, а это позволяет считать, что обводнение русел системы среднего Даудана осуществлялось до второй половины — конца III в. н.э.

В послехеменидскую эпоху в левобережном Хорезме появляется новая группа скотоводов. На всех возвышенностях юго-западной и

центральной части Присарыкамьшской дельты широко распространены курганные могильники, многие из которых содержат подбойные, катакомбные и ямные погребения в различных комбинациях.

Таким образом, в IV—II вв. до н.э. в пределах южной части Присарыкамьшской дельты в тесном соседстве и взаимодействии жили земледельцы (Куняузский оазис, район Калалы-гыра 2 и поселения у Кюзели-гыра, оазисы ремесленников на среднем Даудане, Шахсенем с близкой округой и городища Канга-кала и Акча-гелин), оседлые скотоводы — потомки куюсайцев (по крайней мере на всем пространстве между возвышенностями Канга-гыр, Тарым-кая и Зенги-баба) и кочевники-скотоводы (практически во всей южной части дельты). Представляется, что фиксируемые в Хорезме не позже III в. до н.э. курганы с подбойно-катакомбными погребениями свидетельствуют о появлении здесь первой группы собственно кочевого населения. Возможно, она состояла из родственных племен, если вслед за рядом исследователей связывать погребения в подбоях с северной и южной ориентировкой, как и катакомбы описанного типа, с разными племенами.

Рассматривая проблему взаимоотношений кочевников с земледельческим населением Хорезмского оазиса, следует отметить, что границы Хорезма на западе с IV в. до н.э. и до конца античности довольно четко определяются по пограничным крепостям, которые были сооружены на возвышенностях. С юга на север — это Канга-кала, Бутентау I и II и ранний Дев-кескен [Толстов, 1958, с. 70, 81].

Все отмеченные выше памятники древних скотоводов в Присарыкамьшской дельте расположены внутри границ Хорезмского оазиса.

Наиболее удаленные от земледельческих оазисов могильники Тумек-кичиджик и Туз-гыр находятся от них всего на расстоянии 15 км (крепости Шахсенем, Туз-гыр и Акча-гелин). Нет каких-либо оснований связывать отмеченные курганные могильники с оседлым земледельческим населением, так как для последнего характерен оссуарный обряд захоронения. Оссуарные могильники известны в этой зоне на развалинах Калалы-гыр 1, Калалы-гыр 2, около Гяур-калы и в ряде других мест. А кроме того, для наиболее ранних подбойно-катакомбных погребений характерна нехорезмийская керамика. В ряде курганов скотоводов встречены захоронения оссуарного типа и переходные к ним, которые рассматриваются всеми исследователями как свидетельство влияния хорезмийского погребального обряда на скотоводов.

Скорее всего, мы должны констатировать, что к первым векам н.э. у скотоводческого населения, поселившегося в пределах левобережной части Хорезмского оазиса, во-первых, установились прочные экономические отношения с населением соседних земледельческих оазисов и, во-вторых, оно было включено в систему хорезмийской государственности. Следует учесть, что природные ресурсы Присарыкамьшской дельты в период ее минимального обводнения были достаточны

для круглогодичного выпаса скота лишь в ее пределах и что обводненное или заболоченное Сарыкамышское озеро препятствовало перекочевкам в западном (северо-западном и юго-западном) направлении. Судя по наличию слоев первых веков нашей эры в таких памятниках, как Канга-кала, Бутентау I и II, Каладжик-баба и Курган-кала, обеспечивавшихся водой только из естественных русел и расположенных на периферии дельты, в это время русла Дарьялыка и Кангадарьи, бесспорно, были обводнены и давали сток в Сарыкамышское озеро. Сами эти обводненные русла могли служить препятствием для перекочевок за пределы дельты.

В последующие периоды (I в. до н.э. — I в. н.э. и II — III вв. н.э.) ситуация в освоении земель южной части дельты мало изменилась. Земледельческие оазисы не сократились, а, наоборот, стали расширяться за счет освоения земледельцами территории, орошенной грандиозным каналом Чермен-яб [Андрианов, 1969, с. 159]. Канал этот, как показывают исследования в его зоне, был призван заменить отмершее русло самого южного протока Даудана, проходившего у края песков Заунгузских Каракумов (особенно четко это видно на территории поселения Гяур 3). Ширина канала, как и большая высота его валов, до сих пор поражает своими размерами, которые практически сохраняются такими до самых хвостовых участков. Б.В.Андрианов при изучении этого канала отметил ряд сбросовых отводов в русла на участке от юго-восточного мыса Гяур-гыра [Андрианов, 1969, с. 161]; заканчивается это уникальное ирригационное сооружение, пропускавшее огромный объем воды, большим сбросом в русло Адсыз у Тарым-кая, где была обнаружена серия поселений. Представляется, что именно в связи с усыханием и отмиранием самых южных протоков Даудана и Туныдарьи было предпринято строительство канала Чермен-яб для обеспечения водой — основным источником жизни юго-западных районов Присарыкамышской дельты в первые века н.э. Получает объяснение и наличие больших участков холостого хода магистрального канала, так как его основная функция заключалась в переброске большого количества воды на дальнейшее расстояние. У подножия Тарым-кая, вблизи Канга-калы, где земледельческих возделанных площадей, вероятно, было немного из-за сильно пересеченной руслами и впадинами местности, иного почвенного покрова (некогда это было дно Сарыкамышского озера), тугайного характера растительности в предшествующий период обильного обводнения, необходимости в распределительной сети канала не было, поэтому роль распределителя уже переброшенной сюда Чермен-ябом воды выполняли естественные протоки, возможно где-то запруженные. Мелкие каналы-распределители воды, доставлявшие ее к поселениям и усадьбам первых веков н.э. около Тарым-кая, брали начало уже от обводненных русел. Два таких канала были открыты и обследованы нами.

Они имеют очень скромные размеры и весьма простую конструкцию. Ширина магистрального канала, отведенного от русла, едва достигает одного метра, более мелкая сеть арыков подводит воду к усадьбам и на небольшие участки полей, ширина этих арыков — 40–50 см, они просматриваются в виде более темных полосок на такырных участках. Единственное поле, обнаруженное нами, представляет собой небольшой массив узких (2,5–3 м) грядок, оконтуренных арычками.

У подножия возвышенности Тарым-кая, у обводненного через Чермен-яб русла Адсыз, обнаружено значительное количество памятников первых веков н.э., часть их расположена по соседству с более ранними поселениями (IV–II вв. до н.э.). На участке сильно пересеченной и покрытой растительностью и песками местности протяженностью около 5 км от юго-западного мыса Тарым-кая к югу от русла Адсыз обнаружены три группы построек первых веков н.э. Скорее всего, все они относятся к одному поселению, своеобразным центром которого была большая, возможно укрепленная, усадьба, названная нами Адсыз-кала (левобережная).

По составу археологических находок поселения первых веков н.э. мало отличаются от других памятников Хорезма этого времени; обращает на себя внимание несколько большая по количеству примесь гипса в тесте сосудов гончарного производства. Лепной керамики, как обычно, в подъемном материале немного, она продолжает традиции аналогичной керамики предшествующего времени, т.е. является «куюсайской» по типу теста, отделке поверхности. Этот факт, как и своеобразная традиция в планировке жилища, позволяет предположить, что и в первые века н.э. в юго-западной части Присарыкамышской дельты продолжали жить потомки древних куюсайцев. Прimitивный характер ирригации указывает на то, что, несмотря на оседлый характер поселений, основным занятием их жителей было скотоводство. Учитывая дельтовый характер местности, с известной долей вероятности можно предположить традиционное развитие коневодства и разведение крупного рогатого скота.

На поселениях у подножия Тарым-кая, очевидно, есть и постройки I в. до н.э. — I в. н.э., но мы не можем их выделить. Именно с этим оазисом у Адсыз-калы связаны могильники Тарым-кая 2 и 3 с оссуарного типа погребениями под курганами. Они расположены на возвышенности над поселениями.

Если в IV–II вв. до н.э. функционировало крупное русло реки (Адсыз), протекавшей непосредственно у подножия юго-западного мыса Тарым-кая, то в первых веках н.э. ситуация изменилась: это русло, очевидно, высохло, а на смену ему пришло менее выраженное в рельефе и меньшее по размерам, частично параллельное ему более южное русло и его протоки. Возможно, формирование его происходило в более раннее время. Самым примечательным является тот факт,

что обводнялось русло первых веков н.э. искусственно — вода поступала в него из самого крупного ирригационного сооружения этого времени в Хорезме, канала Чермен-яб. У канала Чермен-яб возникает Гяуркалинский земледельческий оазис поселений, базирующихся на разветвленной системе каналов, выведенных из Чермен-яба. В нем господствовали две крепости — Гяур-кала I и Гяур-кала 2.

К IV в. сток воды в Присарыкамышскую дельту довольно резко сокращается. Сначала прекращается жизнь на наиболее западных поселениях — у Тарым-кая и между Тарым-кая и Туз-гыром. До V в. доживают земледельческие оазисы у Турпак-калы и в районе Чермен-яба у Кызылча-калы, но уже после этого Присарыкамышская дельта осушается (во всяком случае, в своей южной части) полностью, течение воды по руслу Северного ДAUDANA возобновляется только в средние века (каналы берут начало из него в районе Куня-Уаза). Тогда же, в домонгольское время, восстанавливается канал Чермен-яб, доносивший свои воды до южной оконечности Гяур-гыра. История функционирования Дарьялыка не изучена в достаточной степени, открытым остается вопрос о возможности его обводнения после V в. и до VIII–IX вв., когда начинается возвышение Ургенча, на берегу которого он расположен.

История юго-западной части Присарыкамышской дельты в средние века реконструируется нами на основании работ последних десятилетий и при учете геоморфологических наблюдений А.С.Кесь, детально описавшей гидрографическую сеть этого района. Она довольно подробно изложена нами в специальной статье [Вайнберг, 1989, с. 122–138].

Русла Южной Акчадарьинской дельты (рис. 2), бесспорно, были обводнены до V–IV вв. до н.э. Поселения и стоянки VII–V вв. до н.э. есть на всех участках и в Северной дельте вплоть до берега Арала. Стоянки и разветвленные поселения IV–II вв. до н.э. с хорезмийской гончарной посудой в Северной Акчадарьинской дельте свидетельствуют, что в каком-то виде сток воды по Акчадарье в Арал происходил и в это время. Сырдарьинские обводненные русла, как показали исследования чирикрабатской культуры, не доходили до Северной Акчадарьинской дельты.

В Южной дельте головные сооружения каналов только в IV–II вв. до н.э. стали, вероятно, переноситься на современное основное русло [Андрианов, 1969, с. 125], которое функционирует уже в середине I тыс. до н.э. В IV–II вв. до н.э. из него стал осуществляться сток по Пра-Куванышжарминскому направлению (правобережье, к северу от гор Султануиздаг, крепость Ток-кала в районе Нукуса) в сторону Северной Акчадарьинской дельты. Заполнялось, очевидно, Айбугирское озеро в левобережье (Большая и Малая Айбугир-кала и памятники, связанные с ними).

Сложившийся здесь режим обводнения в общем виде сохранился до IV в. н.э.

Кризис в связи с усыханием русел Присарыкамышской дельты в IV–V вв. н.э. затронул и другие районы дельты Амударьи. Прекращается сток и по Пра-Куванышжарминскому протоку из Приаральской дельты.

К IV–V вв. относится существование замка Барак-там и ряда поселений вблизи него в Северной Акчадарьинской дельте. Вопрос об обводнении этого района не совсем ясен. Предполагавшееся С.П.Толстовым подтопление староречий из русла Жаныдарьи (дельтовый проток Сырдарьи) в свете новых материалов должно быть отвергнуто, так как Жаныдарья в это время вообще не была обводнена. Куванышжарминский проток сюда тоже не доходил. Остается сделать вывод о том, что в это время вода в Северную Акчадарьинскую дельту поступала по Акчадарьинскому коридору, вероятно, за счет стока по Суяргану вдоль восточного края Южной дельты (о стоках по Суяргану см. [Андрианов, 1969, с. 127]).

V–VII века — наиболее темный период в истории Амударьи. Нет стока ни в Южную Акчадарьинскую дельту, ни в Присарыкамышскую, ирригация сокращается, но и в Приаральской дельте нет памятников до конца VII в. [Сорокина, Ягодин, 1980, с. 201 и рис.]. Возможно, последняя была сильно заболочена, что препятствовало ее заселению.

В VIII–IX вв. вновь происходят прорывы воды по руслам Дарьялыка и Северного Даудана в Присарыкамышскую дельту. Сток в Сарыкамыш происходит еще в домонгольское время. Канал Чермен-яб в XI–XIII вв. выводился из русла Даудана. К началу XIII в. Сарыкамыш (вместе с Ассак-кауданом) достигает отметки +50 м, так как через дельту Кангадарьи, расположенную на этом уровне, начинается сток по староречьям в сторону Пишкекуинской котловины, где на берегу вновь возникшего небольшого водоема появилось поселение [Вайнберг, 1989, с. 71 и сл.]. Тогда же начинается и сток в Узбой. Монгольское разрушение ирригации только увеличило сток в Сарыкамыш, затопляется поселение в Пишкекуинской котловине, куда уже идет вода и с севера по образовавшемуся каньону. В XIII–XV вв. из Сарыкамыша обводняются многие староречья у восточного берега озера. На этой воде возникают поселения туркмен-скотоводов с простейшей ирригацией и известный по письменным источникам Адак у возвышенности Кой-кырлан. К XVI в. все эти памятники погибли в связи с прекращением обводнения [Вайнберг, 1989, с. 71 и сл.]. Средневековые памятники на Узбое тоже датируются в пределах XIII–XV вв. [Юсупов, 1975]. В конце XVI в. прекратилось и обводнение Дарьялыка. Водоподъемные сооружения на топких берегах усыхавшего Сарыкамышского озера используются для водопоя скота до XVII в., но площадь озера резко сокращается.

Прорывы воды из основного русла в Дарьялык в XIX в. привели к обводнению вновь освоенных туркменами земель в левобережном Хорезме [Вайнберг, 1959, с. 31–45; Андрианов, 1969, с. 180].

Таким образом, новые археологические материалы, расширяющие наши представления о хронологии и объеме речного стока по Амударьинским дельтам и Узбою, дают основание утверждать, что и античные и средневековые источники достоверно фиксировали периоды впадения Амударьи в Каспий, когда существовал сток по руслу Узбоя. Причины изменения направления течения реки не совсем ясны, но бесспорно, что вывод С.П.Толстова об их неперемнной зависимости от социальных кризисов [Низовья Амударьи, 1960, с. 346] не может быть принят. Так, прекращение стока в Присарыкамышскую дельту и Узбой предшествовало кризису IV–V вв. и, возможно, способствовало его развитию; средневековый сток в Сарыкамыш начался до монгольского нашествия, в эпоху процветания Хорезма. Стабильное обводнение Присарыкамышской дельты с VII в. до н.э. по IV–V вв. н.э. и регулярный сток по Узбою в период с конца V в. до н.э. по IV в. н.э. не были связаны с какими-либо социальными причинами (государственными образованиями и т.д.). Представляется, что основные причины изменения режима обводнения дельтовых протоков Амударьи нужно искать среди географических факторов, влияющих на него.

Узбой

Остановимся более подробно на проблеме обводнения Узбоя в древности, так как она является наиболее важной при использовании данных античных источников. Как уже отмечалось выше, в 70–90-х годах были получены в значительном количестве новые археологические материалы, обобщенные в ряде публикаций [Юсупов, 1986; Юсупов, 1991; Степи азиатской части, 1992, с. 122 и сл.], которые свидетельствуют о том, что в период с V в. до н.э. по IV в. н.э. существовал постоянный сток из Сарыкамыша по Узбою в Каспий. Этот вывод опирался и на дополнительные исследования археологических памятников и гидрографической ситуации в западной части Присарыкамышской дельты [Вайнберг, 1991] (см. также соответствующий раздел наст. изд. выше), показавших, что с VII в. до н.э. по IV–V вв. н.э. обводнялись все основные русла этого района и в Сарыкамышское озеро шел постоянный сток большей части воды Амударьи. Вместе с тем некоторые из наших коллег, не занимавшиеся специально проблемой обводнения Узбоя, при обсуждении наших работ на внутренних научных заседаниях продолжали настаивать на выводах С.П.Толстова, считая, что памятники скотоводов могли быть связаны с колодцами, а средневековая керамика на берегах Узбоя — с кара-

ванными путями. Хотя в печати и не появлялось каких-либо критических материалов, связанных с этой проблемой, автор этих строк считает необходимым подробно остановиться на основных вопросах, связанных с ней, и дать ряд разъяснений. Впрочем, открытие в 1983 г. поселений и могильников на западном берегу Келькора уже должно закрыть все споры о времени обводнения Узбоя, так как они могли существовать только на его воде.

Проблемой обводнения Узбоя автору пришлось заняться еще в 60-е годы, когда С.П.Толстов поручил мне руководство стажером, а затем аспирантом из Туркменистана Х.Юсуповым, которому по моему предложению была дана тема о туркменских средневековых племенах на Узбое (см. [Юсупов, 1975]). В 1965–1966 гг. Х.Юсупов с помощью А.А.Марущенко и мной проводил дополнительное изучение средневековых памятников на горах Большие Балханы и в низовьях Узбоя. Во время этих работ мы впервые обратили внимание на различия «набора» археологических памятников на русле Актам (соединяет солончак Келькор и Балханский залив) и западном берегу Келькора, где были выявлены разветвленные поселения эпохи древности. Но тогда этих материалов было мало, и они не были нами интерпретированы. Каких-либо иных данных, которые бы побудили пересмотреть вывод С.П.Толстова об отсутствии стока по Узбою в древности, в районе нижнего течения этого русла не было обнаружено ни тогда, ни позднее, в силу природных особенностей этого региона. Балханский коридор — это своеобразная аэродинамическая труба, ветровой режим которой даже в наше время, когда существует водопровод от Ясхана до Красноводска, не способствует расселению скольконибудь значительного населения (в первую очередь скотоводов).

К востоку от Б.Балхана к руслу Узбоя по обоим берегам подходят массивы песков. Если и были на их окраинах поселения, то, скорее всего, они перекрыты песками и могут быть обнаружены лишь случайно (как это, собственно, произошло с памятниками на западном берегу Келькора), а целенаправленных археологических разведок здесь не проводилось. Погребальные же памятники древних скотоводов, как правило, находятся вблизи берегов Узбоя на возвышенностях, в каменистой местности. Погребения местных племен совершались в *каменных* склепах и, вероятно, именно поэтому все они открыты на правом берегу Узбоя — отроге Устюрта.

В 1969 г., после завершения работ Х.Юсупова по средневековым археологическим материалам с Узбоя, мы с ним провели двухмесячное маршрутное обследование обширной территории от Каракумов на юге до Мангышлака на севере и от гор Б.Балханы на западе до меридионального отрезка русла Узбоя на востоке. На этой территории мы стремились выявить памятники разных эпох [Вайнберг, Юсупов, 1970]. Большой неожиданностью для нас было открытие комплекса

памятников на возвышенности Дордуль прямо над руслом Узбоя (средневековое кладбище, группы курганов-склепов на отдельных останцах возвышенности и большой массив каменных развалов со шлаками, оказавшийся при раскопках в последующие годы культовым центром Ичанлы-депе). Благодаря сведениям, полученным от местного пастуха из района колодцев Буруна и Тоголака, мы обнаружили в местности Афаджиклар на правом берегу Узбоя между возвышенностями Текеджик, Бегиарслан и Чолинкыр крепости-убежища. Еще одно такое убежище, по словам информатора, до недавнего времени было и около Буруна, вблизи сохранившегося средневекового кладбища, на одной из могил которого, по данным А.М.Мандельштама, выбита дата, соответствующая XIV в. В 7 км к северу от караван-сарая Ак-яйла, на юго-западном краю плато Каплангыр, обращенном к руслу Узбоя (сразу после подъема по дороге на возвышенность), мы буквально наткнулись на каменный склеп с площадкой (один из ранних типов по классификации Х.Юсупова).

Разведка вдоль западного края Каплангыра выявила погребальные сооружения иного типа — небольшие, полностью разграбленные ящики. До сих пор неясно, как решалась проблема обводнения солончака Карашор, расположенного под западным краем Каплангыра. Мы тоже не смогли добавить материалов к ее разрешению. Но следует обратить внимание на то, что в средней части обрыва, на одном из нижних уступов нами была обнаружена, очевидно, средневековая крепость-убежище. Может быть, в период регулярного обводнения Узбоя происходило и заполнение Карашора водой (возможно, за счет подпитки подземными водами). К сожалению, технически мы не смогли осуществить исследование западного берега Карашора, хотя и предприняли эту попытку.

Весь приведенный выше археологический материал поставил перед нами новую проблему — изучение памятников древних скотоводов вдоль Узбоя. Даже без раскопок было ясно, что это памятники древности, так как подобные склепы в первой половине 60-х годов были открыты А.М.Мандельштамом в западной части Заузбойского плато, вблизи Карабогазгола, а все средневековые погребения на берегах Узбоя совершались по мусульманскому обряду (несколько кладбищ уже было известно к тому времени).

Тем не менее мы еще были очень далеки от пересмотра заключений С.П.Толстова об обводнении Узбоя в древности.

В 1970 г. в продолжение маршрутного исследования предыдущего сезона мы (автор, Х.Юсупов, Д.Дурдыев) провели исследование территории западной части Присарыкамышской дельты с частичным объездом берегов Сарыкамышского озера. Прежде всего мы задались целью выявить памятники скотоводов и определить границу распространения каменных склепов в сторону Хорезма. Во время этого

двухмесячного полевого сезона [Вайнберг, Юсупов, Дурдыев, 1971] мы открыли курганные могильники на большей части возвышенностей в дельте, крепости — примитивные укрепления на мысах возвышенностей, поселения скотоводов вне зоны ирригации между возвышенностями Канга-гыр и Тарым-кая к востоку от Сарыкамыша. Именно во время этого маршрута автору удалось найти на местности открытое Б.В.Андриановым еще в 1954 г. «варварское» поселение, которое назвали Куюсай 2 и после раскопок которого в 1971 г. была выделена куюсайская археологическая культура раннего железного века [Вайнберг, 1979].

Итогом наших с Х.Юсуповым разведочных работ было соглашение о разделении исследуемых территорий: он занялся Узбоем, а позднее и Заузбойским плато, я — Присарыкамышской дельтой Амударьи. Работы эти координировались, периодически на Узбое осуществлялись совместно (1976 и 1983 гг.). Кроме того, Х.Юсупов проводил раскопки курганных могильников на возвышенности Шахсенем в Присарыкамышской дельте и некоторых других объектов, а позднее начал раскопки на средневековом городище Куня-Ургенч.

Только в итоге многолетних планомерных исследований памятников Присарыкамышской дельты и Узбоя мы пришли к иным выводам, чем С.П.Толстов. Это связано, как уже неоднократно отмечалось, прежде всего с тем, что С.П.Толстов искал на Узбое памятники только оседлого населения [Низовья Амударьи, 1960, с. 319 и сл.], в то время как в античных источниках подчеркивается, что земля у племен, живущих на востоке от Каспийского моря у русла Окса-Аракса, есть, но они ее не обрабатывают, а питаются бараниной и рыбой (Геродот, II, 216; Страбон, XI, VII, 7). В 50-е годы, когда С.П.Толстов проводил свои исследования на Узбое и в Присарыкамышской дельте, А.Н.Бернштам начал изучение памятников кочевников на востоке Средней Азии [Горбунова, 1995]. Методика выявления их в природных условиях Восточного Прикаспия и Приаралья (особенно в дельтах рек) еще не была выработана. По публикациям Хорезмской экспедиции видно, что все находки керамики скотоводов и их развезанные поселения обозначались термином «варварские» (отдаленная реминисценция античной традиции). Различий в их археологическом материале не было отмечено. И даже несколько позднее, когда стали изучаться памятники из зоны Жаныдарьи (древняя дельта Сырдарьи), все материалы скотоводческого населения из пустынной зоны С.П.Толстов предложил обозначить единым понятием «кокчатынгизская культура» [Толстов, 1960, с. 136–137] (см. по этому поводу [Степи азиатской части, 1992, с. 47]), включив сюда и материалы из Присарыкамышья.

Когда в начале 60-х годов в дельте Сырдарьи были открыты могильники Тагискен и Уйгарак [Толстов, 1962], то вполне обоснованно был сделан вывод об обводнении Инкардарьи и Жаныдарьи в период

их существования (аналогичный вывод о русле Узбоя позднее оспаривался). Вблизи возвышенностей, где находились эти могильники, были обнаружены остатки поселений, но они не исследовались, так как традиционно их считали развеечными.

Подобная ситуация очень знакома автору, так как в 1970 г., когда я впервые увидела поселение Куюсай 2 с богатейшим набором керамики, бронзовых наконечников, стрел и другими предметами из металла и камня, было трудно допустить, что все это не являлось следами уже разрушенного памятника. Шурф, заложенный тогда же на месте большого скопления артефактов, показал, что на глубину около полуметра уходят супесчано-глинистые наслоения со слабыми включениями размытого культурного слоя. Планируя раскопки поселения в 1971 г., я не рассчитывала на остатки нетронутого слоя. Максимум, что ожидалось, — это следы его в ямах. Когда нам удалось обнаружить остатки наземных каркасных жилищ, землянку и хозяйственные постройки [Вайнберг, 1979], это было приятной неожиданностью. Еще большее удивление вызвал тот факт, что наиболее сохранившийся культурный слой был под чистыми участками такыра, по краям которого концентрировались на поверхности археологические находки.

С 1971 г. в течение двух десятилетий Присарыкамьшскому отряду Хорезмской экспедиции (руководитель — автор этих строк) удалось накопить значительный опыт по методике раскопок остатков каркасных построек (кроме поселения Куюсай 2 на Гяур-кале 3, на культурном центре Калалы-гыр 2) в условиях почти полностью смытого культурного слоя. Теперь бы я рискнула раскопать и остатки развеечных стоянок скотоводов на берегах Узбоя (большое количество их отмечалось и С.П.Толстовым, см. [Низовья Амударьи, 1960, с. 316–319]). Особенно перспективна, как представляется ныне, большая стоянка у Гаррыкичита, к западу от дороги при подъеме из русла Узбоя. Здесь при осмотре в 1976 г. я встретила большое количество очажных камер, фрагменты керамики и даже два шаровидных лепных сосуда местного производства, хорошо известных по находкам из склепов. Нижний был целиком вкопан в землю, а верхний стоял на нем горлом вниз. Возможно, что и он был частично вкопан, об этом свидетельствует светлый цвет ангоба. Та же часть сосуда, которая выходила на поверхность и лежала в разбитом виде, имела красный пустынный загар, отличающий всю посуду скотоводов на Узбое, найденную в подъемном материале (вероятно, это свойство местного светлого ангобного покрытия). Интересно отметить, что найденный ранее С.П.Толстовым на Узбое шаровидный сосуд с прямым горлом, отнесенный предположительно к анауским по красному цвету поверхности [Низовья Амударьи, 1960, с. 314, рис.185], тоже является типичным сосудом местных скотоводов, а поверхность его получила красную окраску под воздействием солнечного света.

В части III подробнее будут излагаться итоги исследования памятников, находящихся вдоль Узбоя. В связи же с проблемой его освоения отметим несколько фактов. При внешне малом количестве склепов в могильниках (как правило, два-три) они содержат в среднем от десяти до двадцати погребений каждый, так что любая группа склепов по количеству погребенных равнозначна приличному могильнику. Могильник же на Дордуле (план см. [Степная полоса, 1992, с. 123–125, табл. 47, 2; Вайнберг, Юсупов, 1990, рис.1]) содержит не менее 20 склепов с числом захоронений, бесспорно превышающим 250. В комплексе этого огромного по условиям Приаралья могильника входил и культовый центр, функционировавший с начала IV до II в. до н.э. Под склоном возвышенности проходило в древности русло Узбоя (позднее оно переместилось в сторону), на левом берегу которого находились следы разветвленных поселений скотоводов и даже было обнаружено уникальное для этого района каменное изваяние из белого известняка (человеческая фигура, сохранившаяся несколько ниже пояса, с согнутой в локте рукой и четко выделенной шеей. Лицо сильно затерто, верх головы или головной убор — обломан).

Средневековое русло Узбоя на всем протяжении у возвышенности Дордуль заполнено отложениями соли и соляными озерами. Условий для организации колодцев здесь нет, и, судя по данным местного населения и этнографов, их и не было. Дордульский комплекс у Узбоя мог существовать только в период функционирования реки. Археологические материалы с него дают даты в пределах от рубежа V–IV вв. до н.э. до IV в. н.э. [Вайнберг, Юсупов, 1990; Юсупов, 1986]. Подобным образом можно рассмотреть и иные могильники (сводку материалов см. также [Юсупов, 1991]), особенно на меридиональном участке Узбоя к югу от Сарыкамыша, где дно русла большей частью каменистое и непригодно для устройства колодцев. Здесь в нескольких склепах были обнаружены даже кости рыб, что совсем уж невозможно в условиях пустыни и вдали от водоемов. Целая серия могильников из нескольких склепов тянется на расстоянии от нескольких метров до десяти или пятнадцати километров по правому берегу русла вплоть до района караван-сарая Галайханата.

Если признать, что каждый склеп являлся местом погребения членов одной семьи, то явно объединение двух-трех семей составляло какую-то хозяйственную ячейку общества: возможно, это были объединения ближайших родственников.

Характер самих склепов и обряд захоронения в них (многократные подхоронения) свидетельствуют если не об оседлом или полuosедлом образе жизни жителей, то, во всяком случае, о постоянстве территории их расселения и перемещениях на не очень значительные расстояния.

Каменные склепы при разрушении превращаются в небольшие кучи камней, которые неопытному человеку довольно трудно различить

на местности. Их часто воспринимают как «туры», которыми в пустыне метят дороги или пути перекочевков. Очевидно, так воспринимал некоторые из них и С.П.Толстов: в архиве экспедиции есть несколько фотографий, на которых он и другие участники экспедиции сняты у подобных сооружений, судя по внешнему виду, бесспорно, каменных склепов. Можно предположить, что в настоящее время открыта только часть погребальных сооружений скотоводов древности на Узбое. Но даже то количество их, которое раскопано к настоящему времени Х.Юсуповым, свидетельствует о том, что по берегам Узбоя в древности жили довольно большие группы скотоводов, прочно освоившие к IV в. до н.э. пастбища на Заузбойском плато и в Каракумах.

В связи с проблемой обводнения Узбоя большое значение придается обычно и раскопкам на крепости Игды-кала у верхнего Игдинского порога (см. [Низовья Амударьи, с. 319 и сл.; Юсупов, 1979, с. 53 и сл.; Юсупов, 1986, с. 154 и сл.; Вайнберг, Юсупов, 1984, с. 23 и сл.]). В 1956 г. маршрутный отряд под руководством С.П.Толстова провел разведочные раскопки на этом памятнике, который по вскрытому слою был датирован рубежом IV–V вв. н.э. исходя в основном из датировок керамики раннесредневекового Хорезма [Низовья Амударьи, 1960, с. 323].

Последующие раскопки, проводившиеся с 1971 г. Х.Юсуповым (автор принимал участие в сезонах 1976 и 1983 гг.), вскрыли довольно значительные площади на крепости и позволили выяснить ее стратиграфию и хронологию. Стало ясно, что на памятнике есть разновременные комплексы, стратиграфия на нем — пространственная, в силу малых размеров крепости разрушившиеся или требовавшие перестройки помещения, как правило, полностью очищались от культурных напластований и отстраивались в пределах существующих стен заново. Нам удалось раскопать у северо-восточной стены комплекс построек, в одно из его помещений был выброшен весь ранний материал с культурным слоем, а проход, через который проводилась эта «операция», был заложен и заштукатурен со стороны соседнего помещения (см. подробно [Юсупов, 1979]), где обнаружен археологический материал, идентичный открытому С.П.Толстовым в 1956 г. Ранний слой с богатым археологическим материалом был выявлен и в коридоре над каньоном Узбоя, с которым соседствовал отмеченный комплекс.

После раскопок Х.Юсупова у северо-западной стены крепости, вблизи места раскопок 1956 г. стало ясно, что, во-первых, рекогносцировочные раскопки затронули помещения, функционировавшие только в поздний период, когда на крепости произошли разрушения и был организован новый вход в нее по насыпи через ров у северо-западной стены. Во-вторых, весь археологический комплекс с памятника сейчас имеет бесспорные аналогии в парфянских и раннесасанидских мате-

риалах на юге Туркменистана; сопоставления с хорезмским материалом объяснить можно только общими явлениями в керамическом производстве разных областей Средней Азии. Датировка керамического комплекса не вызывает сомнений, она лежит в пределах со II в. до н.э. до IV в. н.э.

Большой интерес представляли и фрагменты парфянских надписей из Игды-калы [Лившиц, 1978, с. 138 и сл.]. По палеографическим признакам надпись I датирована В.А.Лившицем «скорее всего I в.н.э.» [Лившиц, 1978, с. 138 и сл.]. Фрагмент этот найден в слое *третьего* периода в коридоре в северо-восточной стене [Юсупов, 1979, с. 56], когда эта часть крепости уже восстанавливалась только частично, и поэтому не противоречит общей датировке памятника. Надпись II (для нее В.А.Лившиц не предложил точной датировки — см. [Лившиц, 1978, с. 144]) происходит тоже не из раннего комплекса (помещение № 13, верхний слой завала).

Крепость Игды-кала имела мощную фортификацию и была построена по иным канонам, чем памятники Хорезма и Южного Туркменистана [Вайнберг, Юсупов, 1984]. Разрушения ее на протяжении шести веков существования происходили, очевидно, по разным причинам. Так, часть построек в какой-то период обрушилась в каньон Узбоя, тогда же разрушился, вероятно, и первоначальный вход через коридор вдоль Узбоя. Возможно, в конце парфянской эпохи был небольшой период запустения, но при ранних Сасанидах крепость была восстановлена и существовала до конца обводнения Узбоя. Явных следов разгрома — следствия штурма этого укрепления, расположенного вдали от всех караванных путей и оазисов и связанного только с водным путем по Узбою [Вайнберг, 1990], — нет. Слой пожара в ряде помещений у северо-западной стены может быть объяснен скорее всего землетрясением, так как работавший в своей мастерской и погибший при пожаре гончар был внезапно застигнут этим бедствием.

Хотелось бы обратить внимание на один факт, выявленный в районе крепости Игды-кала. Выше ее по течению у правого берега русла расположен большой пониженный мыс — терраса со следами перемещения русла ([Низовья Амударьи, 1960, с. 320, рис. 191]; на разрезе спутаны обозначения левого и правого берега). При работах на памятнике мы обратили внимание на выходы горелого слоя на этой террасе вблизи берега Узбоя и в один из сезонов произвели там разведочные раскопки в надежде выявить землянку или иную заглубленную в грунт постройку. Но наши ожидания не оправдались, границы горелого слоя, подстилавшегося тонкой болотной рыжеватой прослойкой, не удавалось уловить — гарь распространялась по всей площади. В связи с тем что в пылеватом горелом слое (мощность его местами доходила до полуметра) нам попадались почти полностью сгоревшие стебли камыша и мелкого кустарника, мы сделали вполне обоснованный, как

представляется, вывод о том, что эта терраса Узбоя периодически подтоплялась и поросла камышом. Вероятно, она была подожжена людьми (для охоты, борьбы с комарами и т.д.). Геоморфолог А.Н.Варущенко (МГУ) в середине 80-х годов специально брала палинологические пробы с этого участка; сделанное по ее заказу определение радиоуглеродной датировки дало — I век н.э. Таким образом, не подлежит сомнению, что поджигали заросли у Узбоя в период существования крепости и обводнения реки.

Появление парфянского форпоста на реке было связано прежде всего с контролем водного пути по Узбою, так как крепость была построена в очень удачном, с точки зрения фортификации, месте, но вдали от мест массового расселения местных скотоводов, как об этом можно судить по топографии погребальных склепов и развешанных стоянок. Иных критериев для определения мест расселения древних скотоводов не должно быть, ибо подход к этому вопросу с точки зрения психологии современного человека, особенно незнакомого с практикой ведения скотоводческого хозяйства или рыболовством, может привести к искаженной оценке возможностей освоения той или иной экологической ниши в районе Узбоя (ср. [Низовья Амударьи, 1960, с. 281, 283 и др.]).

В качестве примера можно привести материалы из окрестностей Игды-калы. Район этот был сочтен «мало благоприятным для жизни человека» [Низовья Амударьи, 1960, с. 281]. К тому же считалось, что у порогов первобытный человек не устраивал стоянок. Вместе с тем А.А.Марущенко на правом берегу каньона против Игды-калы обнаружил одну из крупнейших на Узбое неолитических стоянок. В течение ряда лет при перемещении песчаного бархана Х.Юсупов добирал с нее кремневый материал. Он же открыл неолитическую стоянку и у нижнего Игдинского порога. Если учесть, что современные рыбаки успешно ловят рыбу у искусственных плотин на всех реках и каналах, можно предположить, что вряд ли менее наблюдательными были древние рыболовы, поджидавшие рыбу у преград при ее движении вверх по реке.

В районе Игды-калы на правом берегу к северу от памятника (в пределах видимости) есть и каменный склеп древних скотоводов, тоже живших в этом районе. А от эпохи средневековья осталось кладбище несколько выше по течению от каньона, на верхнем коренном берегу реки (за «сгоревшим пониженным мысом»). На этих примерах хотелось показать, что с точки зрения населения предшествующих эпох, хотя экологические условия на отдельных участках у берегов Узбоя и различались, но все они были в той или иной мере благоприятны для освоения человеком в периоды обводнения русла.

Заметим, кстати, что о впадении Окса (Аракса и Амударьи) в Каспийское море с востока в письменных источниках говорится только в

связи с двумя историческими периодами — в античности (древности) и в средние века (послемонгольский период). Обнаруженные археологические памятники тоже относятся только к указанному времени, что, как нам представляется, делает эти сведения бесспорными. При многолетних исследованиях разных специалистов (и особенно археологов) не было найдено каких-либо материалов иных исторических эпох (например, раннего средневековья или XVI—XVIII вв.).

Предположение о стоке воды в эпоху бронзы, основывавшееся на находках нескольких фрагментов керамики этой эпохи, не подтвердилось. Новых дополнительных материалов не было получено, а отсутствие в это время обводнения и в Присарыкамышской дельте Амударьи исключает подобную ситуацию вообще.

Хотелось бы надеяться, что вывод об отсутствии стока части амударьинских вод по руслу Узбоя в Каспий в древности (античности), основанный на том, что «оседлых поселений или следов ремесленного производства» этого периода там не было обнаружено [Низовья Амударьи, 1960, с. 319], станет пройденным этапом в науке. К изложенным выше материалам можно добавить еще и косвенные данные, свидетельствующие о существовании водного пути по Узбою в Каспий в древности.

На рубеже V—IV вв. до н.э. Хорезм выделяется в отдельную сатрапию в империи Ахеменидов. В итоге изучения Присарыкамышской дельты Амударьи мы увязали этот факт с появлением водного пути по Узбою: Хорезм получал более короткий и независимый (минуя южные районы Средней Азии) путь к западным центрам Ахеменидского государства [Вайнберг, 1990; Вайнберг, 1991, с. 21 и сл.].

Новое направление культурных связей определило и своеобразие «кангуйской» культуры Хорезма, сложение которой произошло не позднее середины IV в. до н.э. В материалах раскапывавшегося нами в 1981, 1985–1991 гг. уникального памятника этой культуры — культового центра Калалы-гыр 2 [Вайнберг, 1991, с. 26 и сл.; Vainberg, 1994, с. 67 и сл.] представлена импортная чернолощенная керамика с прорезным орнаментом, характерная для районов Закавказья, фрагменты нескольких сосудов из самоглазирующегося вавилонского фаянса, отмеченные в одном из остраков с памятника в качестве подати (чтение В.А.Лившица). Широко представлен набор местной хорезмийской гончарной посуды с красной росписью по светлому фону. При местных формах керамики некоторые параллели типу росписи обнаруживаются также в закавказской позднеахеменидской и пост-ахеменидской расписной керамике.

С западноиранскими центрами торевтики в позднеахеменидское время, несомненно, связаны и культовые керамические сосуды из Калалы-гыра 2, сделанные в подражание металлическим. Древневосточные традиции прослеживаются и на терракотовых статуэтках этого

времени. Особо следует отметить найденные на Калалы-гыре 2 уникальные хорезмийские керамические фляги с рельефами, на которых представлено около десяти мифов или мифологических персонажей. По ним можно сделать вывод о близости религиозных воззрений хорезмийцев в эту эпоху к зерванизму поздних Ахеменидов.

Возможно, что религия сыграла большую роль в интеграции культур древнего Хорезма и Северо-Западного Ирана в IV в. до н.э. Повторим: только водный путь из Хорезма через Узбой в Каспий мог обеспечить тесные культурные контакты с Закавказьем и западными центрами державы Ахеменидов. Добавим к этому находки импортных вещей в культовом центре Ичянлы-депе на Узбое [Вайнберг, Юсупов, 1990].

Таким образом, и эти археологические материалы подтверждают данные античных источников (Страбон, XI, VII, 3; Плиний, NH, VI, 50–52; Солин, XIX, 5) о существовании водного пути из Бактрии в Каспий в период с рубежа V–IV вв. до н.э. до IV в. н.э.

Восточное побережье Каспийского моря

По вопросу о колебаниях уровня Каспийского моря имеется обширная литература (библиографию см. [Апполов, 1956; Апполов, 1956а; Берг, 1934; Крицкий, Коренистов, Раткович, 1975; Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене, 1980]). Для выяснения этого вопроса в историческое время неоднократно привлекались данные археологии, письменных источников, картографические материалы (см. например, [Гумилев, 1964; Гумилев, 1966, с. 32–47; Алиев, 1980, с. 56 и сл.; Николаева, Кудрявцев, 1980, с. 142–146; Магомедов, 1980, с. 147–151; Квачидзе, 1980, с. 152–154; Комарова, 1980, с. 155 и сл.]), но различное или неправильное истолкование фактов зачастую приводило исследователей к противоречивым выводам (см. возражения Л.Н.Гумилеву в статье М.Г.Магомедова [Магомедов, 1980] по поводу «Хазарской Атлантиды», например). Реконструируя историю колебаний Каспия в древности, Л.Н.Гумилев [Гумилев, 1980, с. 32 и сл.], как правило, подменяет конкретные факты общими соображениями об увлажненности тех или иных регионов, сделанными на основании косвенных данных. При этом им не учитывалось, что на изменение климата влияют не только циркуляционные факторы, связанные с процессами внутри земной атмосферы, но и еще целая группа естественных факторов, выделяемых специалистами [Борисенков, 1982, с. 39 и сл.; Изменения климата, 1980]. К тому же при характеристике перемещений племен и народов на территории Евразии, на чем базируются основные выводы Л.Н.Гумилева об увлажненности или

усыхании отдельных регионов, им совсем исключается из рассмотрения Средняя Азия, так как, по мнению автора, пустыня враждебна скотоводству [Гумилев, 1980, с. 34], что противоречит фактам древней и средневековой истории и археологии и всем данным этнографии. Кроме того, пустыни Средней Азии и район лесостепи, который тоже исключен из рассмотрения, с одной стороны, поглощали часть кочевого населения, передвигавшегося по полосе степей в неблагоприятные периоды, а с другой — скотоводы пустынной зоны Средней Азии в отдельные периоды вовлекались в это движение.

В нашем распоряжении имеются археологические материалы из района низовьев Узбоя (проток Актам и западный, точнее северо-западный, берег Келькора), которые дают основание обратиться к вопросу об уровне Каспийского моря в периоды его обводнения (рис. 3).

Археологические материалы этого района, связанные с Узбоем, относятся к трем историческим эпохам — неолиту, древности (античности) и средневековью.

Памятники эпохи неолита и средневековья, как правило, встречаются в одинаковых условиях и часто в одном месте вдоль русла Актама и на западном берегу солончака Келькор, бывшего в период обводнения озером — пресным в условиях уровня Каспия ниже -23 (отметки его дна к западу от Небитдага) или соленым при более высоких уровнях моря, см. [Низовья Амударьи, 1960, с. 288]. Археологические материалы получены в результате работ Хорезмской экспедиции в 50-е годы [Низовья Амударьи, 1960, с. 290 и сл. и карта] и совместных работ Института истории АН Туркменской ССР и Хорезмской экспедиции в 1966, 1969 и 1983 гг. [Вайнберг, Юсупов, 1970; Вайнберг, Юсупов, 1985].

Интересен в этой связи и небольшой остров у истоков Актама на границе с Келькором. Здесь обнаружены богатая неолитическая стоянка и значительное средневековое поселение.

«Античность» на Узбое представлена памятниками местной культуры, оставленными скотоводческим населением. Материалы этого типа встречены только на западном берегу Келькора, но отсутствуют на берегах Актама, где найдены лишь отдельные грубые лепные черепки, условно отнесенные к «античности», так как нельзя исключить и средневековое происхождение их (никаких скоплений подобной керамики обнаружено не было).

Западный же берег Келькора является одновременно восточной окраиной полуострова Дарджа. Здесь встречены большие скопления «античной» лепной керамики, сопровождаемые находками бронзовых наконечников стрел, украшениями из металла и камня, остатками очажных камней, зернотерок — бесспорные остатки поселений той эпохи вблизи береговой линии пресного озера, так как отсутствует иной источник водоснабжения. Некоторые из этих развееванных посе-

лений расположены на остатках такыра, разрушенного и частично перекрытого барханскими песками полуострова Дарджа. В непосредственном соседстве с одной из групп «античных поселений» был обнаружен и частично раскопан могильник Келькор 2 [Вайнберг, Юсупов, 1985]. Он расположен в 200–250 м от береговой линии древнего озера, в 12–13 км от истока сухого русла Актам. Вокруг могильника в радиусе 2–5 км открыто большое количество развеечных поселений с грубой лепной керамикой, содержащей большое количество минеральных примесей (чаще всего белого цвета). Возраст этих поселений может быть определен по бронзовым трехлопастным и трехгранным наконечникам стрел в пределах от V до II в. до н.э. Найденный на одном из поселений фрагмент гончарного сосуда с подкосом у дна подтверждает раннюю дату. Для периода после II в. до н.э. датирующих предметов на поселениях не обнаружено, но раскопанные в могильнике погребения датируются со II в. до н.э. до III–IV вв. н.э., что дает основание для вывода о заселении западного берега Келькора в период с V в. до н.э. до IV в. н.э. Могильник Келькор 2 состоял из ряда, возможно, одновременных групп погребений. Остатки разнотипных могил были обнаружены на узких, частично смытых полосах такыра средидвигающихся песчаных гряд. Часть погребений перекрыта песками.

Бесспорно, что периоду заселения западного берега Келькора в «античности» предшествовало образование такыров (общая толщина глинистых наслоений не должна была намного превышать 1 м, так как о поверхности древнего такыра можно судить по реконструируемой глубине погребальных ям). Такыр подстилает песок. Все обильные находки неолита сделаны вдоль берега Келькора и в глубь полуострова Дарджа до могильника и к востоку от него на небольших песчаных возвышениях или в котловинах, часто вблизи разрушенных такыров. На такырах неолитические находки не зафиксированы. Кроме «античных» на них встречены средневековые материалы.

Все это позволяет предположить, что между эпохой неолита (конец III тыс. до н.э.) и началом «античного» освоения в этом районе были периоды сильного обводнения за счет поднятия уровня Каспия, когда и образовалась небольшая толща такыров. В этот период Узбой, как показывают новые материалы, не имел стока.

Современные массивы песков на западном берегу Келькора появились после IV в. н.э., а в ряде мест, возможно, и после XV в. В период обводнения Узбой, по данным А.С.Кесь, сток пресной воды в Каспий из Келькора шел по протокам Актам и Аждаиб [Низовья Амударья, 1960, с. 288–290]. Этот вывод бесспорен для эпохи неолита и средневековья, когда и было проработано глубокое русло Актам, прослеживающееся на дне Каспия [Низовья Амударья, 1960, с. 289; Рихтер, 1954, с. 57 и сл.].

В «античности» же, судя по топографии археологических находок, Актам был затоплен морскими водами, уровень их, очевидно, не превышал отметок близких к -24 , так как в противном случае на месте Келькора было бы соленое озеро (морской залив), на берегу которого не могло быть условий для расселения людей. Очертания Балханского залива в зависимости от уровня Каспия на картах XVIII в. приведены Н.Г. Комаровой [Комарова, 1980, с. 157, рис. 1]. Для нас представляют особый интерес две карты: Т. Вудруфа, 1745 г. (№ 4), и М. Войновича, 1781 г. (№ 6). На основании сопоставления с современными картами Н.Г. Комарова считает, что карта Т. Вудруфа соответствует уровню Каспия около -23 м [Комарова, 1980, с. 158]. На карте Балханский залив включает и всю низменную часть берега к югу от него. В заливе отмечены острова: Огурчинский, Нефтяной, Дервиш и большой остров Дарган вместо изображавшегося ранее полуострова Дарджа. В описании путешествия Т. Вудруфа указываются и большие глубины в проливах между островами [Комарова, 1980, с. 158]. Судя по картам М. Войновича (1781–1782), уровень Каспия в это время стал еще выше и достиг наивысшей в XVIII в. отметки около -22 м [Комарова, 1980, с. 159–160]. Восточный берег Каспия отстоит от острова Нефтяного более чем на 100 км, здесь отмечены большие глубины. Остров Дервиш почти полностью покрыт водой, в центре Балханского залива расположен большой остров Даржи. Балханский залив включал в себя в это время пространство современных Красноводского, Челекенского и Туркменского заливов. Для нас существенно, что каспийские воды заливали поверхность солончака Келькор.

Таким образом, обе эти карты показывают, что при уровне Каспия -23 м и выше полуостров Дарджа превращается в остров и окружается морской водой. Топография поселений и могильника «античного» времени на западном берегу Келькора (т.е. на современном полуострове Дарджа) отвечает уровню Каспия только ниже -23 , но ненамного, так как Актам должен был быть морским заливом, непригодным для заселения. Очевидно, близкие условия были в 60-х годах XVIII в., что получило отражение на карте И.В. Такмачева (1764 г.). По данным Н.Г. Комаровой, отметка уровня моря в это время была от -24 до $-24,5$ м [Комарова, 1980, с. 159, рис. 1, 5]. На этой карте Балханский залив продолжается на юго-восток, занимая и территорию протока Актам, так как морской залив омывает полуостров Дарджа и с востока.

Отсутствие четких геоморфологических данных о руслах, впадающих в залив Аджаиб (см. [Низовья Амударьи, 1960, с. 288]), не дает нам возможности представить целиком географическую картину этого района в «античный» период. Возможно, из Келькора на юго-запад был сток пресной воды по руслам, скрытым сейчас песками и выявляемым только на берегах заливов Аджаиб и Ордекли. Тогда Дарджинский массив превращался практически в остров, омываемый с

запада, севера и востока морем, а с юго-востока и юга пресноводным Келькором и протоком Аджайб. Сходная ситуация повторилась и при более низком уровне моря в средние века (XIV–XV вв.), когда были заселены берега протоков Аджайб и Актам и пресноводного озера Келькор.

Внутривековые колебания Каспия, прослеживаемые по картам Н.Г.Комаровой для XVIII в., показывают, что преобладали отметки ниже -23 , но ненамного, когда сохранялись условия, близкие к тем, которые соответствуют топографии «античных» памятников рассматриваемого района. Нельзя исключить и временного затопления Келькора водами Каспия в «античности», так как протяженность этого периода очень велика.

Мы можем проверить наши выводы независимыми от них исследованиями геоморфологов. На основании анализа гипсометрического положения моллюсков с разных участков побережья Каспия, для которых определены радиоуглеродные датировки, А.Н.Варущенко, С.И.Варущенко и Р.К.Клиге построили кривую колебаний уровня моря (1980, с. 79 и сл. и вклейка). На этой кривой для периода неолита (IV — III тыс. до н.э.), когда происходил сток воды по Узбою, отмечен очень низкий уровень Каспия (вероятно, около -40 м); это объясняет заселение берегов Актама и глубоко врезанное в дно Каспия его русло.

С повышением уровня моря до отметки -20 м или немного меньше во II тыс. до н.э., когда должен был быть затоплен водами Каспия Келькор и, очевидно, низкие части полуострова Дарджа (см. [Низовья Амударьи, 1960, с. 289]), может быть связано начало периода образования такыров на западном берегу современного Келькора, на которых уже потом появились поселения и могильник «античного» периода. Несомненно, что процессу такырообразования должен был способствовать и период резкого падения уровня Каспия, и осушение затопленных территорий на значительный отрезок времени в конце II и начале I тыс. до н.э., а затем вновь происходит резкий подъем уровня моря в конце первой половины I тыс. до н.э. Для периода существования «античных» поселений на западном берегу Келькора максимальный уровень Каспия близок к отметке -23 , т.е. отвечает условиям, рассчитанным нами по топографии памятников. Наиболее стабильным уровень Каспия, по данным геоморфологов, был во II — IV вв. н.э., когда он снижался совсем незначительно. Сильное падение уровня Каспия около рубежа эр и в III в. до н.э. археологических соответствий не имеет. Сток по Узбою в это время продолжался, и обводнение Келькора оставалось неизменным. На берегах Актама пока не обнаружено каких-либо подтверждений существования пресноводного русла в «античности» хотя бы в какой-то промежуток времени.

Средневековые археологические материалы сопоставить с кривой геоморфологов несколько сложнее, так как в это время отмечаются

периоды резкого колебания уровня моря. Во всяком случае, на XIV в. приходится период резкого падения уровня Каспия, когда на берегах пресноводного Актама могли появиться средневековые поселения (см. [Юсупов, 1975, с. 17 и сл.]).

Вопрос об уровне Каспийского моря в «античности» не только имеет значение для уточнения границ расселения на нижнем Узбое в это время, но и важен в связи с анализом представлений античной географии об этом бассейне и связанных с ним реках.

Исходя из приведенных выше материалов, можно констатировать, что уровень Каспийского моря в «античности» большей частью находился на отметке около -23 м.

Это дает нам основание реконструировать и береговую линию на других участках Каспийского побережья (рис. 4). Море при таком уровне распространялось и на весь шор Мертвый Култук к северу от полуострова Бузачи (отметка -25 м). Очевидно, были затоплены морем также и пониженные части самого полуострова Бузачи по его периферии; сохранялся, вероятно, лишь небольшой перешеек, соединявший его с Мангышлаком (к востоку от Мангышлакского залива). Все это довольно существенно изменяло географическую ситуацию в Северо-Восточном Прикаспии. На широте современного Комсомольского залива резко увеличивалась ширина моря, а обводнение Мертвого Култука практически почти до современной станции Бейнеу сужало промежутки между Каспием и Аралом на плато Устюрт до 250 км.

Довольно высокий и относительно стабильный уровень Каспия в период «античности» можно считать одной из фаз новокаспийской трансгрессии (ср. [Федоров, 1980, с. 19–20]). По данным географов, колебания уровня Каспийского моря имеют климатическую природу, при этом с трансгрессиями связаны более влажные и прохладные эпохи, хотя существенных изменений растительного покрова практически не происходит [Федоров, 1980, с. 20; Абрамова, 1980, с. 71 и сл.]. Особый интерес для нас представляет вывод географов о том, что «при определенном сочетании климатических и гидрологических условий высота уровня Каспия в пределах отметок -23 , -20 была наиболее благоприятной в том отношении, что площадь моря при этом достигала размеров, при которых суммарное испарение компенсировало избыток поступающих в Каспий масс воды» [Леонтьев, Чекалина, 1980, с. 98]. Вероятно, именно это состояние достаточно устойчивого равновесия существовало в «античный» период при уровне моря около -23 м, что фиксируется археологическими материалами с Актама и Келькора (ср. [Гумилев, 1980, с. 36 и сл. и рис. 3]).

Совпадение уровня Каспия в XVIII в. и в «античный» период дает, по нашему мнению, основание для вывода о том, что сток по Узбою не оказывал существенного влияния на уровень моря (ср. [Гумилев, 1980, с. 36 и сл.]).

Вопрос об археологических памятниках на западном берегу Келькора представляется нам особо важным еще и потому, что эти памятники могли появиться *только при обводнении Узбоя*, они больше чем какие-либо другие материалы являются доказательством стока части амударьинских вод по этому руслу в Каспий.

Древняя дельта Сырдарьи

Район древней дельты Сырдарьи на юго-западе смыкается с Северной Акчадарьинской дельтой Амударьи, с запада он ограничен восточным берегом Аральского моря, а с юга — коренными песками пустыни Кызылкум. С северной стороны граница дельты идет примерно по современному руслу реки ниже города Кызыл-Орда. К востоку от современного русла в районе между городами Джусалы и Кызыл-Орда сохранилась система озер и протоков, по которым в прошлом с бассейном Сырдарьи соединялись реки Сарысу и Чу.

Древнее, доисторическое русло Сырдарьи (Пра-Сырдарья) проходило значительно южнее дельты современной реки, к югу от основного массива Кызылкумов и соединялось с системой Пра-Амударьи [Толстов, Кесь, 1954, с. 141—145; Кесь, 1958, с. 7—12]. Позднее в связи с прорывом вод Сырдарьи на север река разлилась многочисленными, сильно меандрирующими протоками на обширной низменности, где и сформировалась ее древняя дельта со стоком к восточному берегу Аральского моря.

Анализ топографии археологических памятников позволяет восстановить историю древней дельты реки хотя бы в общих чертах.

В период III—II тыс. до н.э., в эпоху неолита и бронзового века, основным протоком дельты Сырдарьи была Инкардарья, русло, идущее в широтном направлении по северной окраине коренных песков. Это наиболее меандрирующее из староречий дельты, неоднократно пересекающееся более поздним руслом Жаныдарьи. В верхнем течении Инкардарья протекала главным образом к югу от Жаныдарьи, затем после ряда меандров в северной части, где Жаныдарья пересекает это русло, староречья Инкардарьи на нижнем отрезке расположены уже преимущественно к северу от Жаныдарьи. В низовьях русло Инкардарьи, как и позднее Жаныдарьи, образовывало общую дельту с самым восточным древним руслом Амударьи — Акчадарьей.

В своем нынешнем течении Сырдарья проходит по пологому возвышению из собственных наносов, что при паводках приводит к затоплению широких пространств.

По данным географов [Герасимов, 1937; Федорович, 1950], до заселения человеком дельта реки изобиловала озерами и болотами, среди которых извивались обводненные протоки русел. Уклон местности

определил сток на северо-запад и север среди песчаных гряд Восточного Приаралья. Отголоском этого являются и современные ландшафты, где пустынные равнины пересекаются с небольшими участками, поросшими невысокой травянисто-кустарниковой растительностью. На приустьевых валах в зоне современного обводнения встречаются тугайные леса из лоха, тополя, ивы и кустарников [Казахстан, 1970].

К востоку от Кызыл-Орды находится обширная такырная равнина (Дарьялык-такыр), где, очевидно, в древности и, возможно, еще в средние века было озеро, в которое впадали реки Сырдарья (частью своего стока), Сарысу и Чу. Не исключено, что именно это озеро отмечали на древних и средневековых китайских картах и упоминали средневековые мусульманские путешественники [Бичурин, III, приложения; Агаджанов, 1969, с. 65 и сл.]. Инкардарья и древняя Жаныдарья, имевшие истоки южнее этого района, не впадали в это озеро, но ряд староречий правобережья, четко различимых в районе Чилии, которые датируются археологическим материалом ранним железным веком и средневековьем, бесспорно, «вливались» в Дарьялык-такыр.

В 25 км от Кызыл-Орды вниз по течению Сырдарьи, на ее правом берегу отделяется проток Караузьяк длиной около 180 км, который у г. Джусалы вновь соединяется с основным руслом. Возможно, он связан с древним озером на Дарьялык-такыре; местность к востоку от него изобилует топями и солончаками.

Древние русла Сырдарьинской дельты — Инкардарья и Жаныдарья имели истоки у левого берега современного русла гораздо выше Кызыл-Орды, ориентировочно в районе Янгиарыка — Тюменьарыка. Левобережье от г. Кызыл-Орды до г. Джусалы изобилует остатками древних русел и археологических памятников, связанных с ними. На севере этот район замыкают «широтные» протоки Эскидарьялыка, куда впадает и Кувандарья, древнее и современное русло, изливающееся сейчас отдельным устьем в залив Аральского моря.

Подобное направление стока, как нам представляется, было обусловлено геологическим строением этого участка дельтового пространства. Именно на участке ниже г. Джусалы современное русло реки пересекают неогеновые и палеогеновые отложения [Казахстан, 1970, с. 18–19], которые заходят и на левобережье реки. По-видимому, речной сток еще в глубокой древности пошел вдоль южной оконечности этих более плотных пород, что получило отражение и в формировании почвенного покрова [Казахстан, 1970, с. 58–59, 66–67]. Именно на участке современной Сырдарьи, пересекающей неогеновые и палеогеновые отложения, отсутствуют лугово-бурые или аллювиальные почвы, характеризующие долину Сырдарьи на всем ее протяжении; соответственно здесь нет тугайной и высокотравной растительности, обычно характерной для остальной части поймы реки.

Поскольку мы не располагаем данными об археологических памятниках к северу от Эскидарьялыка и до современного русла реки в ее дельтовой части, трудно сделать окончательный вывод о хронологии и истории формирования этого нижнего участка реки. Представляется, что памятники на своеобразном острове, образованном современным руслом, морем и его заливом, в который впадал Эскидарьялык, так называемые города гузов или «болотные городища», определяют время обводнения этой территории не ранее конца VII в. н.э.

Судя по археологическим данным, к III тыс. до н.э. направление стока стало уже постоянным, сформировались основные русла. Образовались два «широтных» протока — Инкардарья на юге у коренных песков и Эскидарьялык на севере. Между ними функционировали многочисленные меридиональные русла. Направление их определялось общим уклоном местности в сторону моря. На формирование меридиональных русел оказывали влияние и отдельные островки палеогеновых отложений на этой территории.

Памятники III тыс. до н.э. немногочисленны, но они четко определяют существование в то время двух ведущих направлений стока: на запад по Инкардарье к Северной Акчадарьинской дельте и, в центральной части Сырдарьинской дельты, — с юга на север, от протоков Инкардарья к Эскидарьялыку. Памятники II тыс. до н.э. слабо представлены, что может быть связано в общими климатическими изменениями в Средней Азии. Расположены они на Инкардарье и некоторых меридиональных руслах, а также на севере дельты. Можно заключить, что крупных изменений в гидрографии дельты в это время не происходило.

В I тыс. до н.э. происходят существенные изменения. Начинают отмирать многие участки Инкардарьи, и на ее месте формируется более спрямленное русло Пра-Жаныдарьи. У нас нет основания считать, что последнее полностью сформировалось в это время, так как западнее района Бештам-калы материалы I тыс. до н.э. отсутствуют, зато там обильно представлены средневековые памятники. Во второй половине I тыс. до н.э. сток формирующейся Жаныдарьи шел по меридиональным руслам к северу. Во время маршрутных разведок в этой зоне обнаружены стоянки скотоводов и отдельные погребальные сооружения. Отсутствие оседлых поселений, подобных тем, что выявлены в большом количестве в южных районах дельты, не должно вызывать удивления, так как по природным условиям район меридиональных русел — это пастбищная территория. Следы подтопления древних стоянок свидетельствуют о неустойчивости водного режима. Пески, среди которых располагались стоянки, не были пригодны для занятия земледелием, здесь могли возникать временные, скорее всего зимние стоянки, связанные с выпасом скота в песках. Отсутствие массива такыров не создавало условий для создания стационарных поселений.

Следует учесть, что в древности, как и позже, дельта Сырдарьи — это место постоянных поселений преимущественно оседлых скотоводов, а около них, очевидно, располагались и зимовки кочевой части населения. Именно поэтому основная масса открытых памятников, как правило, концентрируется в благоприятной для постоянного расселения зоне «Жаныдарьи» (широтное русло) и на южных отрезках меридиональных русел.

В зоне Пра-Кувандарьи — Эскидарьялыка, в восточной части древней дельты Сырдарьи, ситуация несколько иная. Там нет такого массива песков. На почвообразовательные процессы оказывали влияние и северные широтные русла.

Этнографические материалы [Востров, Муқанов, 1968] показывают, что казахи, зимовки которых располагались в дельте Сырдарьи, ранней весной еще по льду реки перегоняли скот в правобережье. Здесь он выпасался до весенних теплых дней в песках Приаральских Каракумов, где было немало колодцев (вероятно, потому, что эти пески подстилают прочные более древние отложения). Позднее начиналась перекочевка на север или на северо-запад, на летние пастбища. Осенью этот путь проделывали в обратном направлении.

Обилие скотоводческих стоянок середины и второй половины I тыс. до н.э. на восточных меридиональных руслах может свидетельствовать о том, что в древности уже существовала подобная практика перекочевков. Именно восточные меридиональные русла были для населения чирикратской культуры тем коридором, по которому они могли перекочевывать на сезонные пастбища на север, минуя территорию своих восточных соседей, «джетыасарцев» (восточная часть древней дельты, к востоку от Кувандарьи).

Можно предположить, что в I тыс. до н.э. отдельные прорывы воды в староречья к западу от района Бештама могли происходить, но постоянного стока не было вплоть до средневековья. Общего объема стока реки в дельту хватало лишь на русла в зоне чирикратской и джетыасарской культур. Никогда позднее столь обширные территории одновременно здесь не орошались. В III в. до н.э. в западной части дельты начинается кризис обводнения, ко II в. до н.э. она полностью осушается, население покидает эту территорию.

Многочисленные ирригационные сооружения, призванные сохранить воду в старицах и отдельных участках отмирающих русел, выявлены в зоне чирикратских памятников. Детальное исследование их проводил Б.В. Андрианов [Андрианов, 1969]. Вероятно, период постепенного изменения объема стока воды длился довольно долго. После II в. до н.э. обводнялась только восточная часть дельты, где располагаются памятники джетыасарской культуры. Учитывая, что истоки тех русел, которые орошали Джетыасарский оазис, находились на участке от г. Кзыл-Орды и ниже по современному течению реки, можно пред-

Попытка восстановить климатическую картину прошлых эпох исходя из исторических и часто археологических данных была предпринята Л.Н.Гумилевым [Гумилев, 1966; Гумилев, 1966а; Гумилев, 1980, с. 32–47]. Можно полностью согласиться с исходной посылкой исследователя о том, что «этническая среда» (правда, рассматриваемая нами не как биологическая, а социальная единица) — это «показатель, чутко реагирующий на изменение внешней среды» [Гумилев, 1980, с. 35], но выводы, которые он делает из конкретных исторических фактов, зачастую вызывают возражения. Устанавливая динамику ландшафтных зон, прилегающих к поясу степей, где располагались основные группы кочевников, факты из истории которых послужили основанием для выводов о климатических изменениях, Л.Н.Гумилев почему-то рассматривает только северную границу степи в сторону тайги (неясно при этом, куда исчезает очень важная для хозяйственного использования зона лесостепи). Южная зона полупустынь и пустынь в расчет вообще не принимается, так как автор декларирует, что пустыня «враждебна скотоводству» и что в «пустынной зоне постоянного населения не было» [Гумилев, 1980, с. 34–35]. Последние постулаты могут вызвать лишь удивление, так как противоречат не только весьма определенным историческим источникам средневековья, но и многочисленным археологическим памятникам разных эпох, на протяжении десятилетий исследовавшимся в Средней Азии и Казахстане. Именно игнорирование этих материалов и приводит к искажению ряда фактов из истории народов, связанных с пустынной зоной, что заставляет усомниться в закономерности многих выводов Л.Н.Гумилева об изменении климатических фаз (например, уход печенегов из Приаралья не может свидетельствовать об усыхании и изменении климата, так как их место заняли огузы, а позднее огузов вытеснили кипчаки, что скорее всего свидетельствует об обратном — кочевники активно боролись за земли в Приаралье на протяжении VIII–XII вв.).

Весьма сомнительными в связи с этим кажутся и «увязки» трансгрессий и регрессий Каспия с предлагаемыми периодами колебаний климата в Евразии. К тому же далеко не все данные о колебаниях уровня Каспия, по Л.Н.Гумилеву, могут быть приняты, хотя бы в силу их противоречия выводам других исследователей [Колебания увлажненности, 1980]. Не совпадают его заключения об уровнях моря и с нашими материалами по дельте Узбоя, изложенными выше.

Вместе с тем нам представляется перспективным общий подход Л.Н.Гумилева о связи природных изменений с «потенцией кочевых народов» [Гумилев, 1970]. Состояние природной среды, даже ее незначительные изменения, бесспорно, оказывали большое влияние на хозяйственную деятельность кочевников. Изменения ими традиционных сезонных пастбищ, путей перекочевков приводили к далеким переселениям и завоеванию новых территорий для расселения. Значи-

тельным индикатором в оценке хозяйственных возможностей в связи с изменением климата могут выступать и взаимоотношения скотоводов и населения соседних земледельческих оазисов и государств, на территорию которых часто устремлялись массы кочевников. Л.Н.Гумилев постулирует два типа передвижения кочевых народов: завоевательные походы (Аттилы или Чингисхана, например), происходившие, по его мнению, в периоды «климатических оптимумов», когда существовал «богатый тыл», и миграции «мелких групп кочевников, обычно оседавших на степных окраинах» [Гумилев, 1980, с. 35], которые он, в свою очередь, коррелирует с увлажненностью степной зоны. Но исторические факты не укладываются в подобную схему. Например, достаточно хорошо освещенный источниками и исследованный специалистами период образования державы Абулхайра и завоевания кочевыми узбеками ряда районов Средней Азии полностью противоречит предложенной схеме, так как он совпадает с «малой ледниковой эпохой», периодом ухудшения климатических условий, когда при повышении увлажнения падали температуры зимой и летом, увеличивался снежный покров, который препятствовал зимней тебеневке скота в степях Казахстана и Приуралья. Следствием этого стало стремление узбеков захватить вначале земли в дельтах Амударьи и Сырдарьи, а затем и в более южных районах. Дельта Сырдарьи к началу XVI в. перестала обводняться, в Присарыкамышской дельте Амударьи тогда же прекратилось течение воды по Дарьялыку, и население покинуло этот район, переселившись в более южные части оазиса.

Представляется, что только полный учет особенностей экологии всех районов степной зоны и детальное изучение взаимодействия ее населения с земледельческими цивилизациями, учет материалов из полупустынь и пустынь, часто относимых многими исследователями-историками просто к «степям» без учета специфики скотоводческого хозяйства в этой зоне, позволит выявить те закономерности в передвижении кочевников, которые могут быть связаны с климатическими изменениями. При этом, бесспорно, очень важно проследить проявление этих процессов в разных частях Евразии — например, в Центральной Азии и Средней Азии и Казахстане. Пока же мы предлагаем в качестве гипотезы сопоставление историко-археологических материалов из этих регионов с полученными независимо от них данными по изменениям климата за исторический период [Гриббин, Лэм, 1980, с. 104 и сл.].

Для интересующего нас времени предложены следующие реконструкции: между 900 и 300 гг. до н.э. — «похолодание железного века», увеличение атмосферных осадков, расширение заболоченных областей в Северной Евразии, продвижение к югу границы леса (Россия), снижение летних температур, изменение видового состава растительности. В Средиземноморье климат становится суше, но все же более

влажным, чем в настоящее время [Гриббин, Лэм, 1980, с. 104–105]. Возможно, именно с началом этого периода связано расселение древних иранцев в Средней Азии, сложение кочевого типа хозяйства, освоение кочевниками новых территорий, сложение традиционных путей перекочевков. Применительно к Турану эта эпоха связана с новым после тысячелетнего периода обводнением Присарыкамышской дельты Амударьи, обводнением Узбоя и освоением его берегов скотоводами, появлением кочевников на Устюрте. В дельте Сырдарьи тоже происходят изменения гидрографической сети. Отмирают русла Инкардарьи, на их базе формируется Пра-Жаныдарья — широтный проток, объединявший систему меридиональных русел рек, стекавших в Арал и Эскидарьялык.

В Центральной Азии, о которой автор может судить лишь по литературным источникам, складываются традиционные ареалы культур скотоводов. На территории Монголии четко фиксируются два различных по культуре и палеоантропологии региона — в Западной и Восточной Монголии [Новгородова, 1989, гл. 8, заключение]. Как можно судить по более поздним письменным источникам, у северных границ Китая и к северо-западу от него к концу этого периода четко разграничиваются две разные этнические группы кочевников — сюнну и юечжи, последние подчиняли себе первых до III в. до н.э.

Дальнейшая история климата фиксируется только для эпохи средневековья (XI — начало XIII в.).

Но можно предположить, что после «похолодания железного века», верхняя граница которого отнесена к концу IV — III в. до н.э., наступает более жаркий и сухой период, вероятно, менее благоприятный для кочевников. Но едва ли это справедливо для всех регионов «кочевого мира степей», так как потепление климата, если оно не было очень резким, делало более надежными в зимнее время пастбища на севере Казахстана и в Приуралье, что, возможно, нашло отражение в расцвете прохоровской и саргатской культур в этих регионах.

В связи с климатическими изменениями стоит вспомнить, что к концу I тыс. до н.э. начинает отмирать Южный Даудан в Присарыкамышской дельте Амударьи, высыхает дельта Кангадарьи там же. Ко II в. до н.э. постепенно перестают функционировать и западные русла в древней дельте Сырдарьи.

В Средней Азии, и прежде всего в левобережном Хорезме, появляются, вероятно, первые кочевники, пришедшие сюда из-за пределов Среднеазиатско-Казахстанского региона (погребения подбойно-катакомбного типа). Не позже рубежа IV — III вв. до н.э. они продвигаются с севера из зоны степей. Вторая волна этих же кочевников фиксируется во II в. до н.э., но теперь они продвигаются уже через Семиречье и Фергану на территорию древнего Согда, а затем и Бактрии. Северная часть Средней Азии этим движением не была затронута, так

как, скорее всего, оно миновало пояс степей и, возможно, было вызвано чисто политическим давлением противников юечжей — сюнну, которые стали с этого времени господствовать у северных границ Китая. Частным случаем является и переселение дахов из дельты Сырдарьи, где произошло усыхание протоков, на которых располагались их поселения, на юг, к границам Парфии. Освоение новой для скотоводов территории между земледельческими поселениями у северных предгорий Копетдага и южной границей коренных песков Каракумов, вероятно, стало возможным именно в связи с какими-то климатическими изменениями. Скотоводы расселяются на этой территории и поныне.

Строительство именно к 300 г. до н.э. Великой Китайской стены, ограждавшей земледельческие районы страны с севера и северо-запада от нападений кочевников, возможно, тоже маркирует произошедшие климатические изменения, которые вынуждали скотоводов искать новые земли даже в эпоху расцвета своего могущества (юечжи). Эти же обстоятельства обострили и вызвали борьбу юечжей и сюнну за господство и пастбищные территории.

Какова была продолжительность следующего периода и его более или менее определенные климатические характеристики, неясно. Исходя из археологических материалов из Средней Азии и Казахстана и Юго-Западной Сибири, можно предположить, что к рубежу эр установились достаточно стабильные природные условия, так как в большинстве областей четко фиксируется расцвет традиционных местных культурных общностей.

Не исключено, что к концу I тыс. до н.э. в силу климатических изменений граница степей сместилась к северу, о чем говорит тот факт, что в Южном Приуралье в обычных местах расположения погребений скотоводов IV — III вв. до н.э. памятники первых веков н.э. встречаются очень редко и в небольшом количестве (сокращение их началось еще в I в. до н.э.).

Памятники саргатской культурной общности, традиционно располагавшиеся в Западной Сибири и Прииртышье (с IV в. до н.э. до IV в. н.э.), связаны, как правило, с лесостепной зоной и показателем в данном случае не могут являться.

В связи с этим заметим, что исследователи указывают на большую зависимость ландшафтов и фауны Северного Приаралья от изменений увлажненности. Исследования, проводившееся на широкой территории от нижней Эмбы и Устюрта до Северных Кызылкумов, низовьев Сырдарьи и Тургая и гор Мугоджар, верховьев Уила, Эмбы и Иргиза на севере, показали, что в периоды преобладания сухих и особенно очень сухих лет происходило опустынивание зональных ландшафтов и даже некоторое перемещение границы пустынной зоны к северу. Это сопровождалось слабым развитием растительного покрова, более короткими сроками весенней вегетации и полным отсутствием осенней в

сухие годы. В растительном покрове повышается удельный вес устойчивых пустынных видов (полыни, солянки), сокращаются популяции животных, некоторые из них вымирают.

В периоды повышенного увлажнения, когда увеличивается количество годовых и сезонных осадков, идет хорошая и продолжительная вегетация растительности, нередко возобновляющаяся и осенью. Следствием общего хорошего состояния растительности было увеличение вегетативной массы и разнообразия ее (влаголюбивые полупустынные и даже южностепные формы и группы, прежде всего злаки, ковыль, типчак). Зональные границы полупустыни смещаются к югу.

Современный период повышенной увлажненности сроком более 30 лет (50 — 80-е годы) привел к значительным изменениям в природных условиях. Границы ареалов большого числа видов животных, четко среагировавших на климатические изменения, сдвинулись к югу от 100–120 до 200–300 км [Варшавский, 1980, с. 210–214]. Все эти, казалось бы, частные данные свидетельствуют о большой зависимости природных условий региона от малейших колебаний климата. В первую очередь изменяется растительный покров, от которого зависит хозяйство кочевников.

Внутривековые колебания увлажненности региона [Шнитников, 1950, с. 18–29; Шнитников, 1969] (критику положений А.В.Шнитникова в связи с материалами из Приаралья см. [Андрианов, 1969, с. 48–49; Итина, 1977, с. 323–334]), бесспорно, оказывали влияние на хозяйственную деятельность скотоводов, но не приводили к передвижению крупных масс населения; их циклы составляли около 25 лет и могли зависеть и от солнечной активности.

К IV в. н.э. наступает новый перелом в климатической ситуации. Она, очевидно, была близка к климату «малой ледниковой эпохи» XV–XIX вв., так как реакция населения степного пояса была сходной. Это суровые климатические условия с понижением температур, их большой изменчивостью, суровыми зимами и резким усыханием, особенно в южных районах.

В Приаралье осушается Присарыкамьшская дельта Амударьи, Сарыкамьши и Узбой, население уходит с этой территории.

В Центральной Азии в начале V в. происходит максимальное падение уровня воды в Тариме [Восточный Туркестан, 1988, с. 272 (там же литература)], активно усыхает и район озера Лобнор, процесс этот начался еще во второй половине III в. [Восточный Туркестан, 1988, с. 272].

Вероятно, именно с этими климатическими переменами было связано активное перемещение сюнну-гуннов по степному поясу на запад, которое привело в движение угорские племена лесостепей, начавшее «великое переселение народов». Часть этого смешанного массива племен оказала давление на население низовьев Сырдарьи (джетыасарская культура), кото-

рое, в свою очередь, двинулось вверх по Сырдарье до западной Ферганы и привело в движение население средней Сырдарьи (каунчинская культура). Оно, в свою очередь, продвинулось на запад вплоть до Амударьи и на юг до границ современного Афганистана во всяком случае. Следует учесть, что смещалось со своей территории не все население.

В это же время в Центральной Азии наряду с переселением гуннов на запад началось переселение групп сянну в Северный Китай, в сельскохозяйственные районы. Некоторые косвенные данные свидетельствуют о том, что этот период охватывал IV–VI вв.

Напомним, что в исследуемом регионе памятники этого времени есть только в Южной Акчадарьинской дельте, где они связаны с искусственным орошением; исчезли памятники скотоводов.

Ситуация начинает постепенно меняться лишь с конца VII в. И в XI — начале XIII в. наступает второй климатический оптимум (первый был в послеледниковый период). В Среднеазиатско-Казахстанском регионе наблюдается расцвет кочевого скотоводства (кипчаки, канглы и др.), широкое распространение их поселений на Сырдарье, подъем средневекового Хорезма, в экономике которого большую роль играла торговля с кочевниками. В Приаралье — новый сток воды в Присарыкамьшскую дельту (Даудан и Дарьялык), постепенное заполнение Сарыкамьша. В XIII в. за этим последовал сток в Узбой, который обводняется до конца XV в. и «обсыхает» в «малую ледниковую эпоху», последующий климатический период с весьма суровыми условиями. В дельте Сырдарьи к XV в. прекращает существование город Янгикент, и к концу этого же века осушается Жаныдарья.

В «малую ледниковую эпоху», характеристику климата которой мы приводили выше, узбеки покидают степные районы на севере и переселяются в Мавераннахар, монголы появляются в Тибете, а калмыки, пройдя с войнами через Среднюю Азию и Казахстан, достигают низовьев Волги.

При изучении климата Турана вряд ли можно опираться на устанавливаемый современными исследователями режим Аральского моря, и прежде всего на хронологию его трансгрессий, определяемых по его береговым террасам. Исследователи объясняют причины трансгрессий по-разному, а иногда приходят к резко полярным выводам. Например: «...основные изменения уровня Аральского моря в течение последних тысячелетий... не связаны с климатом и были обусловлены блужданием устья Амударьи и, возможно, Сырдарьи» [Рубанов, 1980] или: «Позднечетвертичные стадии развития Аральского моря в целом совпадают с важнейшими изменениями климата региона» [Вейнсбергис, Стелле, 1980, с. 180].

Нам представляется, что истина находится посередине между этими выводами. Сопоставим факты. В Аральском море выделяются четыре

надводные террасы, связанные с трансгрессиями моря. Возраст их оценивается следующим образом: древнеаральской — 4–5 тыс. лет (по А.Л.Яншину) или 3 тыс. лет (по А.С.Кесь), новоаральской — около 2,5 тыс. лет и двух более поздних — примерно в 1,5 и 0,5 тыс. лет [Рубанов, 1980, с. 205 (там же литература); Мамедов, Трофимов, 1986, с. 106].

К концу III тыс. до н.э. (возраст древнеаральской трансгрессии, по А.Л.Яншину) происходит резкая аридизация климата и прекращается сток воды в Сарыкамыш и Узбой. На уровень моря могли оказать влияние оба фактора — изменение климата и резкое увеличение амударьинского стока в Арал. Ситуация с Сырдарьей в это время не очень ясна.

Завершение новоаральской стадии в истории можно связать с новым обводнением Присарыкамышской дельты, Сарыкамыша и Узбоя. Процесс этот, судя по большому количеству открытых и исследованных в 70–80-е годы памятников, начинается в конце VIII — начале VII в. до н.э., а в V в. до н.э. уже фиксируется регулярный сток в Узбой. Но к этому времени относят, как мы отмечали выше, и похолодание климата.

С V в. до н.э. до IV в. н.э. русла и дельты Амударьи функционируют довольно стабильно. В этот период как будто бы не было и резких изменений уровня моря.

Трансгрессию возрастом в 1,5 тыс. лет можно, очевидно, связать с прекращением стока по Узбою и полным осушением Присарыкамышской дельты. Но мы уже отмечали, что в это время, вероятно, происходит очень резкое изменение климата, приведшее к большим передвижениям кочевых племен в степном поясе и прилегающих к нему районах Азии.

Климатический оптимум 1000–1200 гг. как будто бы не коррелируется с каким-либо четко фиксируемым уровнем моря.

Трансгрессия пятисотлетней давности сопоставима с прекращением средневекового стока в Узбой и наступлением «малой ледниковой эпохи». Начало же обводнения Узбоя не позднее конца XIII в. не получает отражения в истории Аральского моря.

Таким образом, трансгрессии Арала совпадают как с аридизацией климата, так и с его похолоданием, а сток в Узбой не всегда приводит к переменам в режиме моря.

Обращаясь к Каспийскому морю на западе региона, отметим, что вопрос о колебаниях его уровня часто связывается и с климатическими факторами [Апполов, 1956; Берг, 1934; Крицкий, Коренистов, Раткович, 1975; Колебания увлажненности, 1980]. Привлечение данных письменных и археологических источников (см. [Колебания увлажненности, 1980; Гумилев, 1964]) не способствовало прояснению этой проблемы.

Исходя из рассмотренных нами материалов (см. выше), можно констатировать, что уровень Каспийского моря в «античности» большей частью находился на отметке около -23 , что дало нам основание реконструировать береговую линию его восточного побережья. Отмеченный довольно высокий стабильный уровень Каспия в «античности» можно считать одной из фаз новокаспийской трансгрессии [Федоров, 1980, с. 19]. По данным географов, колебания уровня Каспийского моря имеют климатическую природу, при этом с трансгрессиями связаны более влажные и прохладные эпохи, хотя существенных изменений растительного покрова могло и не происходить [Федоров, 1980, с. 19; Абрамова, 1980, с. 71 и сл.]. Вероятно, именно это состояние устойчивого равновесия было характерно для периода «античности».

Совпадение уровня моря в XVIII в. и в «античный» период дает, как нам представляется, основание для вывода о том, что сток по Узбою не оказывал существенного влияния на уровень моря (ср. [Гумилев, 1980, с. 36 и сл.]).

Изложенные нами материалы показывают, что в древности и средневековье экологические условия Турана–Приаралья чаще всего существенно отличались от современных (даже если не принимать в расчет проблему современного кризиса Арала), что необходимо учитывать при изучении истории народов на этой территории, охватывающей практически все северную часть Средней Азии.

Экология и этническая история. Исторические параллели и некоторые закономерности

Объем источников для изучения этногеографии северной пустынной части Средней Азии очень скуден; ее южной части в силу исторических обстоятельств в письменных источниках уделено большее внимание. Археологические материалы, объем которых благодаря работам Хорезмской экспедиции АН с 1937 г., археологов Туркменистана и Каракалпакстана стал в настоящее время весьма значительным, позволяют существенно дополнить наши знания по этой проблеме. Учитывая особенности экологии региона, ограниченные возможности хозяйственного освоения людьми большей части территории в силу экстремальности природных условий, я сочла необходимым исследовать разные аспекты этнической истории Турана, так или иначе связанные с экологией, для того чтобы выявить закономерности, которые могли бы дать дополнительные данные в изучении этногеографии (см. аналогичный подход [Хазанов, 1972]). Именно поэтому в настоящем разделе читателю предлагаются некоторые итоги исследования этой проблемы, давшие дополнительную группу очень важных сведений.

В начале железного века с развитием и распространением кочевого скотоводства [Акишев, 1972] в пустынной зоне Турана человеком осваиваются новые обширные территории. Этот процесс совпал и с климатическими изменениями (см. часть I); заселенными оказались и некоторые вновь обводненные территории в древних дельтах Амударьи и Сырдарьи. Подавляющая часть населения здесь, как и в пустынных районах, являлась скотоводами.

На новых территориях комплекс природных факторов, необходимых для хозяйственной деятельности в данных конкретных условиях, определил границы расселения и территорию, в пределах

которой на базе обыденных экономических и социальных связей создается культурная и, очевидно, этническая (правильнее, на наш взгляд, этносоциальная) общность [Вайнберг, 1989; Вайнберг, 1990]. Для скотоводов комплекс природных условий (прежде всего источники обводнения и сезонные пастбища) обусловил традиционные и почти не менявшиеся на протяжении многих веков размеры хозяйственных территорий в регионе. На их базе создавались этносоциальные общности. Они существовали в единой экосистеме скотоводов и земледельцев пустынной зоны Средней Азии, в которую входил, с одной стороны, самый северный в Средней Азии земледельческий оазис в низовьях Амударьи — центр цивилизации и государственности — древний Хорезм, и с другой — объединения кочевников, известные по письменным источникам (массагеты, дахи, Кангюй).

Низовья Сырдарьи, территория ее древней дельты с глубокой древности становятся центром кочевых объединений Юго-Восточного, Восточного и Северного Приаралья, где в местах массовых зимовок и вблизи них создаются оседлые поселения, ремесленные центры и простейшая ирригация.

С древности в регионе соседствуют хозяйственно-культурные типы оседлых земледельцев дельтовых областей (с ирригацией), оседлых и полuosедлых скотоводов дельтовых областей, в хозяйстве которых традиционно присутствует и земледелие (преимущественно каирное и лиманное), и кочевников-скотоводов пустынь и полупустынь (различные подтипы и сочетания их).

Поиски исторических закономерностей в развитии кочевых сообществ Евразии предпринимались в науке неоднократно (см. [Хазанов, 1972; Марков Г.Е., 1976; Лашук, 1973]. Их итоги наиболее полно отражены в монографии С.А.Плетневой «Кочевники средневековья» [Плетнева, 1982]. Как правило, исследователи прежде всего касались социально-политического развития кочевого общества и лишь иногда — вопросов этногенеза. Проблемы экологии рассматривались в основном в связи с установлением той или иной формы кочевания [Руденко, 1961; Плетнева, 1982, с. 30 и сл.].

Насколько нам известно, попытки экологического районирования внутри территории, занятой кочевниками, не предпринимались. Если этнографы изучали пути традиционных сезонных перекочевок конкретных групп кочевников, то зависимость путей их миграции от географической среды оставалась, как правило, вне исследований, так как в науке господствует общая точка зрения о традиционности миграций кочевых племен и народов по степному поясу с востока на запад. Автор попытается в меру своих сил и возможностей исследовать на материалах Среднеазиатско-Казахстанского региона именно те закономерности в истории кочевников, которые в первую очередь

связаны с экологией и именно в силу этого являются наиболее устойчивыми (традиционными).

Предложенные С.А.Плетневой модели развития кочевых сообществ [Плетнева, 1982] достаточно убедительно обоснованы, но конкретный материал Турана в древности не укладывается в эту схему. Так, например, в Северо-Западной Туркмении и вдоль Узбоя мы имеем очень выразительные археологические памятники (группы склепов с многократными захоронениями, культовые постройки, примитивные крепости-убежища и остатки развеечных стойбищ), характер которых свидетельствует о том, что здесь господствовала по меньшей мере вторая стадия кочевания — полукочевание [Плетнева, 1982, с. 36 и сл.], для которой предполагается уже становление раннеклассового общества, формирование государственных объединений, этнической общности и общего языка, «появление первых черт этнической культуры», культ вождей и всадников, связанный с космогонией. Вместе с тем письменные источники не дают оснований говорить о формировании какого-то, даже зачаточного, государственного объединения на этой территории. И несмотря на это, этническая общность здесь отмечается всеми античными авторами с середины I тыс. до н.э. — это широко известные массагеты. Позднее, по мере знакомства с ними, в источниках появляются и названия двух племен, дербиков и апасиаков, входивших в состав массагетов. Данных о языке этой группы скотоводов, кроме самих названий племен и нескольких имен, у нас нет.

Таким образом, конкретный материал заставляет нас сделать вывод о том, что, во-первых, не всегда для второй стадии кочевания характерно сложение государственности в каком-либо виде и, во-вторых, что этническая общность в данном случае сложилась вне государственного объединения и явно предшествовала ему. В-третьих, достаточно яркий комплекс этнографической культуры фиксируется здесь уже с середины I тыс. до н.э. (прежде всего погребальные сооружения и обряд, керамика, украшения и др. — см. часть III настоящей работы). Кроме того, в археологическом материале не фиксируется какое-либо социальное расслоение, нет оснований говорить и о культе вождей и всадников. В то же время исследование культовых сооружений выявило несомненное поклонение огню, сопровождавшееся сооружением алтарей огня, сожжением растений — полыни и, возможно, можжевельника, жертвоприношениями лошадей в святилища.

Другой яркий пример отклонения от предлагаемых моделей развития кочевых сообществ — древний Кангюй.

Вопрос об этом объединении мы специально рассматриваем в части IV настоящей работы. Здесь же отметим, что это несомненно уже объединение государственного типа, в которое входили разные по уровню развития и форме хозяйства группы скотоводов на северо-востоке Среднеазиатско-Казахстанского региона. Бесспорно, Кангюй

относится к третьей модели [Плетнева, 1982, с. 77 и сл.]; для нее характерна полуоседлость и даже оседлость части кочевников, войны за политическое господство, феодализм, государство, устойчивая этническая общность с единым языком, развитая культура с письменностью, торговля, города, принятие мировых религий и археологические памятники, аналогичные тем, что встречены у оседлых земледельческих народов (в Кангюй включены наиболее развитые области по средней и нижней Сырдарье и в долине реки Чу).

Оставляя в стороне вопросы политического и социального строя государства Кангюй, которое, бесспорно, судя по письменным источникам, вело войны за политическое господство и имело династические связи с могущественными соседними государствами, отметим, что нет никаких оснований делать вывод о том, будто Кангюй представлял собой «устойчивую этническую общность с единым языком» [Плетнева, 1982, с. 145]. По данным Птолемея, ко II в. н.э. относятся сведения о целом ряде народов, расселявшихся на этой территории, и прежде всего вдоль Сырдарьи, где проходил торговый путь. Косвенным образом это подтверждается и данными китайских источников о пяти малых владениях Кангюя (подробно см. в части IV), которых не должно было быть, как нам представляется, при единой этнической общности.

Археологические памятники на значительной части территории Кангюя дали основание выделить ряд ярких культур, довольно сильно различающихся между собой по большинству параметров, но объединяемых одним признаком — сочетанием в местах зимовок монументальных сырцовых построек (укрепленных поселений) и расположенных рядом с ними курганных погребений. Если можно говорить о развитой культуре на этой территории, то данных о письменности до появления тюркской руники, что уже несомненно связано с другой эпохой и иными политическими реалиями, у нас нет. Вызывает сомнение и тезис о принятии мировых религий, исходя из конкретного материала с этой территории. Археологические материалы о культах и верованиях довольно разнообразны и не дают оснований сделать вывод о каком-либо единстве вне пределов конкретных археологических культур, которые, скорее всего, по нашему мнению, соответствуют историко-культурным (или историко-этнографическим) областям «низшего порядка», существовавшим на этой территории и в более поздние эпохи.

Именно в силу изложенного выше вряд ли можно привлекать выделенные С.А.Плетневой модели для реконструкции этнической ситуации в регионе.

Природные факторы (изменение климата, падеж скота, эпидемии, демографический взрыв) рассматриваются С.А.Плетневой только в связи с исследованием причин гибели степных государств

[Плетнева, 1982, рис. 4 на с. 132]. Совершенно не учитываются палеогеографические материалы, экологические особенности ряда районов обитания кочевников, определявшие специфику их хозяйства, хотя вслед за С.И.Руденко автор в общем виде признает роль географической среды в установлении определенной формы кочевания [Плетнева, 1982, с. 30]. Вопрос о связи путей миграций кочевников с природными факторами ею не ставится вообще.

С нашей точки зрения, недооценка «экологических факторов» снижает достоверность выделяемых С.А.Плетневой исторических закономерностей.

В предлагаемой II части нашей работы мы попытаемся проанализировать на материалах из Среднеазиатско-Казахстанского региона, относящихся к разным эпохам, именно те закономерности в расселении и миграциях скотоводческого населения, которые прежде всего обусловлены экологией: ее реконструкцию мы предложили выше, в части I.

ГЛАВА I

Формы хозяйственного освоения естественных ресурсов

В связи с тем что территория Турана занимает большую часть пустынной и полупустынной зоны Среднеазиатско-Казахстанского региона, первостепенное значение для изучения истории расселения древних племен и народов в этом регионе имеет оценка природных ресурсов этой зоны, хотя бы в самых общих чертах. К сожалению, в археологической и исторической литературе, как правило, дается только характеристика дельтовых областей, связанных с земледелием и ирригацией [Толстов, 1948; Толстов, 1962; Андрианов, 1969; Андрианов, 1991]. Скотоводы упоминаются мельком, а природная база их хозяйства не изучается. Это приводит к тому, что зона пустынь вообще исчезает из общих описаний и классификаций как среда обитания кочевников-скотоводов (см., например, [Андрианов, 1991, с. 47], где фигурируют только степи и сухие предгорья).

Вместе с тем исследованию ресурсов пустынь, своеобразию их природы, истории освоения и эксплуатации посвящена обширная географическая литература (см., например, [Саушкин, 1947; Петров, 1966; Петров, 1967; Петров, 1973; Бабаев, Фрейкин, 1977, там же приведена основная литература]). Сколько-нибудь детальное сопоставление данных географических и археологических исследований проводилось только в связи с вопросами палеогеографии или развитием

ирригации, хозяйственная же деятельность скотоводов оставалась, как правило, в стороне. Ни в коей мере не претендуя на полноту освещения всех вопросов, связанных с природными ресурсами различных регионов Турана, автор попытается сопоставить географическое районирование региона с археологическими материалами, что, как представляется, дает основание (при учете границ каждой хозяйственной зоны) для определения возможной территории расселения племен и народов, названных в письменных источниках.

Географы справедливо отмечают [Бабаев, Фрейкин, 1977, с. 31 и др.], что как среда обитания людей пустыня, за исключением небольших оазисов, не вызывала интереса историков, археологов, этнографов. Очень мало исследований, где бы в комплексе изучались природные условия и освоение пустынь скотоводами. Нет точных данных о сезонности пастбищ, их ресурсах, численности скота, видовом составе стад. Не всегда учитываются даже особенности скотоводческого хозяйства в каждом районе (сезоны и пути перекочевков, выпас стад пастухами, возможности подножного содержания разных видов скота, влияние кровососущих насекомых на состав стад и т.д.).

Географы и геоботаники предлагают большое количество классификаций типов пустынь (обзор их см. в работах М.П.Петрова). На их основе, учитывая и свои работы, М.П.Петров предложил выделить в пустынной зоне Азии четыре физико-географические области, имеющие значительные отличия в климате и растительности [Петров, 1966, с. 15 и сл., рис. 3]. Территория Турана входит в Джунгаро-Казахстанскую и более южную Ирано-Туранскую область. Это, во-первых, объясняет традиционные миграции народов не только по расположенному севернее этого района поясу степей, но и в пределах Джунгаро-Казахстанской области, так как для скотоводов здесь сохранялись привычные климатические условия, растительность, периоды вегетации ее и т.д. А это не требовало перестройки хозяйственного цикла и отвечало навыкам населения. Во-вторых, граница Джунгаро-Казахстанской и Ирано-Туранской областей пустынной зоны пусть и достаточно условно, но пересекает дельтовые области Амударьи и Сырдарьи. Древняя дельта последней скорее всего целиком относится к первой области, а в низовьях Амударьи туда отходит практически вся территория Приаральской дельты и северная часть Северной Акчарьинской.

Различия двух отмеченных пустынных областей следующие.

Климат в Джунгаро-Казахстанском регионе — умеренно континентальный, умеренно сухой. Осадки обусловлены воздействием североатлантических циклонов, годовая сумма их — 80–150 мм, максимум осадков выпадает в весенне-летний период (апрель–август). Среднемесячная температура января в районе Аральского моря достигает $-13,5^{\circ}$, а в июле — около $+27^{\circ}$ (среднегодовая $+6,8^{\circ}$). Весна прохлад-

ная и влажная. В вегетационном периоде отмечается слабовыраженный период летней депрессии. Эфемеров и эфемероидов меньше, чем в более южной Ирано-Туранской области. В растительности господствуют полыни и полынно-солянковые формации [Петров, 1966, с. 16–18].

Климат Ирано-Туранской провинции сухой, субтропический континентальный; осадки связаны с средиземноморскими циклонами, годовая сумма их несколько выше — 100–200 мм, а максимум приходится на зимне-весенний период (март–апрель). Весна теплая и влажная. Среднемесячная температура января в г. Нукусе $-6,9^{\circ}$ (среднегодовая $+11^{\circ}$), в более южных районах она значительно повышается. В вегетационном периоде ярко выражен весенний максимум и летняя депрессия. Среди травянистых растений широко представлены эфемеры и эфемероиды и кустарниковые формации [Петров, 1966, с. 16–17].

Отмеченные различия в климате, сроках и характере вегетации растений, а также в составе самой растительности имеют существенное значение для организации хозяйства скотоводов. К этому следует добавить еще и другие климатические показатели, часто опускаемые даже рядом географов, — высоту снегового покрова и продолжительность безморозного периода. Высота снегового покрова до 10 см характерна для районов, расположенных южнее линии от дельты Волги, чуть севернее Астрахани, до г. Казалинска в дельте Сырдарьи (далее граница идет по правобережью реки до Ташкента). Высота снегового покрова до 30 см (критической для скотоводов считается высота в 25 см; при более глубоком снеге затруднен выпас скота даже с тебеневкой — когда вначале идут лошади, разбивающие снег, а затем овцы) характерна уже для степной зоны. Особенности ее, как и других климатических показателей в районе к северо-востоку от Аральского моря, мы охарактеризуем в следующей главе в связи с проблемой хозяйственных и этнических территорий.

Количество дней в году с температурой ниже -10° на Туранской низменности в пределах Джунгаро-Казахстанского региона — от 30 до 60 при продолжительности снегового покрова от 60 до 100 дней. Следует обратить особое внимание на суровые климатические условия зоны полупустынь и степей к северо-востоку от Аральского моря. Здесь при невысоком снеговом покрове, приемлемом для зимнего выпаса скота, число дней в году с температурой ниже -10° достигает 60–90, что совпадает с теми же показателями для большой зоны Восточной Европы от района Самары на юге до Архангельска и Мурманска на севере. Продолжительность снегового покрова в этом районе достигает 140 и более дней в году (данные примерно для района гор Улутау).

В Ирано-Туранской области в пределах исследуемого региона число дней в году с температурой ниже -10° не превышает 30, а продол-

жительность снегового покрова — около 20 дней в районе Нукуса, к югу она уменьшается.

Сухой климат в пустынях Азии определил общий облик ландшафтов [Петров, 1966, с. 9 и сл.], но в соответствии с климатическими условиями развитие почв, растительности и животного мира имеет свои особенности (вне зон ирригации). Выделенные области в пустынной зоне, в свою очередь, подразделяются на ряд провинций, к характеристике их в пределах Турана мы обратимся ниже. Пока же отметим, что в каждой из них по литологии (геология) материнских пород и почвам выделяется до 9 эдафических типов пустынь [Петров, 1966, с. 20–21]. В южных районах Средней Азии, как и вообще в Туране, более всего распространены ландшафты песчаных и глинистых пустынь (рис. 5). Первые чаще всего закреплены растительностью. В северной части пустынной зоны Приаралья преобладают суглинистые на пластовых равнинах и щебнистые гипсированные пустыни [Петров, 1966, с. 21–22; Бабаев, Фрейкин, 1977, карта на с. 82–83]. Как правило, различные ландшафты представлены в одном районе в комплексе, где чередуются небольшие участки разнообразных пустынных урочищ. Довольно обычны в древних долинах и дельтах рек сочетания песчаных и солончаковых, песчаных и такыровых пустынь [Петров, 1966, с. 31]. Сочетания разных типов пустынь в комплексе часто удобны для хозяйства скотоводов, так как они представляют собой пастбища разных сезонов (прежде всего в связи с развитием растительного покрова).

В связи с вопросами о миграциях населения по зоне степей, полупустынь и пустынь Азиатского материка с востока на запад заметим, что климат и растительность Центральноазиатской области довольно значительно отличаются от природных условий пустынь Среднеазиатско-Казахстанского региона. В Центральноазиатской области климат умеренный, экстрааридный и резко континентальный. Осадки связаны с восточнокитайским муссоном, при годовой сумме не более 100 мм максимум их выпадает летом (август–сентябрь). Вегетационное время с двумя периодами депрессий (на юге) — весенним и более слабым летним. Различается и флористический состав восточных и западных областей пустынь Азии [Петров, 1966].

Все это создало предпосылки для различной организации хозяйственного цикла скотоводческого хозяйства на востоке и западе. Поэтому при переселении с востока на запад для населения и скота требуется период адаптации. Представляется, что с этим связаны и позатные миграции кочевников Азиатского материка, когда передвигающееся сообщество чаще всего остается довольно продолжительное время в районе Джунгарии. Только пояс степей создавал более благоприятные условия для переселения на новые земли благодаря наличию богатых пастбищ и относительного однообразия их растительности.

Специальные комплексные карты природных районов всех пустынь Среднеазиатско-Казахстанского региона отсутствуют, но есть много геологических, геоморфологических, гидрологических, геоботанических, почвенных и других карт. Основные работы, посвященные физико-географическому районированию зоны пустынь Средней Азии, отмечены в монографии А.Г.Бабаева и З.Г.Фрейкина (1977, с. 153 и сл.). Описание пустынных районов Приаралья и Восточного Прикаспия мы даем на основании этой обобщающей работы еще и в связи с тем, что в ней полнее всего охарактеризованы возможности хозяйственного освоения территории, особенно в связи со скотоводством. Названия районов, предложенные авторами этой монографии, мы оставляем без изменения, и хотя районы, расположенные вне исследуемого региона, мы опускаем, но общая их нумерация не меняется (рис. 6, 7, 8).

2. Прикарабогазье — территория вокруг залива Кара-Богаз-Гол и южная часть плато Устюрт. Абсолютная высота до 270 м. Много древних озерных впадин, к ним обычно приурочены колодцы. На юге — пески Октым-Кум. С востока к плато примыкают пески Чильмамедкум с барханным и грядовым рельефом (гряды имеют направление с.-з. — ю.-в.), пески закреплены травянисто-кустарниковой растительностью. Грунтовые воды (глубина 20–30 м) слабо и сильно засоленные. Почти в центре района находятся горы Большие и Малые Балханы. Первые достигают высоты 1880 м, на верху их — плоскогорье с богатым травянистым покровом, довольно много крупных арчовых деревьев, кустарников (особенно по склонам), есть родники. Среднегодовая температура в районе — около $+15^{\circ}$, максимум $+43^{\circ}$, минимум -25° . Продолжительность безморозного периода до 225 дней. Осадков — 100 мм в год. Вблизи моря много солончаков. На Красноводском плато распространены серо-бурые почвы. Преобладающая растительность — кустарнички и полукустарнички, эфемеровое разнотравье. Водно-кормовые условия благоприятствуют выпасу верблюдов.

6. Дельта и долина Амударьи сложены аллювиально-дельтовыми отложениями. Равнина имеет уклон на запад и северо-запад, что определило направление древних русел рек, стекавших в Сарыкамыш (Дарьялык, Даудан и др.). Распространены земли древнего орошения разного возраста, такыры и пески, чаще всего вблизи древних русел. Солончаки в основном встречаются в Сарыкамышской впадине (в настоящее время значительная часть ее заполнена сбросовыми водами) и у Аральского моря. Грунтовые воды находятся на глубине от 1,5 до 20 м. Среднегодовая температура $+12^{\circ}$, максимум $+43^{\circ}$, абсолютный минимум -32° . Годовая сумма осадков — 90 мм. Растительный покров — главным образом черкез, черный саксаул, биюргун, ульдрок,

кеврейк и разнообразные эфемеры. Заросли тамариска и камыша встречаются у Сарыкамыша, Аральского моря и вдоль современных коллекторов — старых русел. Вдоль русла Амударьи еще недавно были луга и тугайные заросли. Большая часть дельты в настоящее время занята под орошаемое земледелие, распаханы многие площади земель древнего орошения. Оазис расположен на надпойменной террасе. Вне ее развито пастбищное животноводство.

7. Устюрт расположен между полуостровом Мангышлак и Аральским морем (мы имеем в виду не современный водный бассейн на месте моря, а море в его прежних размерах). Абсолютные отметки достигают +341 м. Преобладают плоские возвышенности с узкими хребтами, долинами, ущельями, солончаковыми котловинами. Есть отдельные останцовые горы — Ак-кыр (высота +481 м), Музабель, Текеджик (высота +483 м), Коймат-даг, Каплан-кыр (высота +329 м) и др. С юга этот массив расчлененных возвышенностей ограничен древним руслом Узбоя, распространены щебнистые плато (кыры), есть солончаки, бугристые и барханно-бугристые пески. Следует выделить два крупных песчаных массива — пески Учтаган (к западу от Каплан-кыра) с грядами, поросшими растительностью, и Кумсебшен к западу от Сарыкамыша. Влияние моря здесь почти не ощущается. Безморозный период — до 210 дней в году, среднегодовая температура — около +12°, абсолютный максимум +42°, а минимум -40°, осадков — 90 мм в год. Почвы серо-бурые, суглинистые или супесчаные, в днищах котловин — такыры и шоры. На песках — пустынные песчаные почвы. Растительность — полукустарниковые солянки (тетыр, биюргун) и полынь, кормовая емкость которых невелика. Пастбищное животноводство ограничено из-за маловодья.

От себя добавим некоторые наблюдения, сделанные во время полевых работ. На возвышенностях у правого берега Узбоя весной — сплошной зеленый ковер из невысоких травянистых растений, среди которых есть и злаковые, по сравнению с ними пески Каракумов с роскошным злаком (песчаная осока) кажутся более бедным пастбищем. Весной пастухи с отарами спускаются с возвышенностей, только когда овцы уже не могут обходиться без воды. Именно в связи с богатством этих пастбищ от озера Ясхан на восток сейчас производится механизированный подъем воды по трубам с колодцами (в 1983 г. они уже достигали района к востоку от возвышенности Текеджик).

8. Мангышлак. Большую часть полуострова занимает Мангышлакское нагорье и находящиеся к востоку от него плато. Рельеф очень разнообразен, много глубоких впадин по соседству с возвышенностями. Нагорья достигают отметки 556 м. Они тянутся с северо-запада на юго-восток от центральной части полуострова. По краям его находятся бессточные солончаковые впадины, днища которых лежат намного ниже уровня океана. Местами встречаются родники, поверхностных

вод нет. Грунтовые воды расположены на глубине более 30 м. Климат сухой, пустынного типа, температура июля — плюс 26°–28°, января — минус 2°–6°, среднегодовое количество осадков — около 150 мм. Почвы — глинистые серо-бурые, песчаные и солончаковые. Растительность — разные виды полыни, солянки (биоргун, бояльч и др.). В восточной части полуострова в 1969 г. мы наблюдали островки полупустынной растительности с ковылем.

Мангышлак — это район сезонного пастбищного животноводства, слабо обеспеченный водоемами. Специальное комплексное обследование его сельскохозяйственных угодий, включая северную часть Устюрта, проводилось в конце 20-х годов. Оно выявило особенности кочевого скотоводства этого одного из самых засушливых районов пустыни (см. [Особенности сельского хозяйства Адаевского уезда, 1929]).

10. Северный Кызылкум — условно большой район от дельты Амударьи на западе до гор Каратау на востоке и от нижней дельты Сырдарьи на севере до гор Нуратау и Кулджуктау на юге. Здесь расположены возвышенности, среди которых выделяются горы Букантау в центре песчаной пустыни. Пески большей частью закреплены растительностью; господствует рельеф золотых песков (грядовые и бугристо-грядовые формы); на западе в зоне возвышенностей есть отдельные родники; поверхностных вод, кроме весеннего стока с возвышенностей, нет.

На востоке находятся суглинисто-глинистая аллювиальная, аллювиально-дельтовая и пролювиальная равнины. Источником питания грунтовых вод здесь является Сырдарья и мелкие речки, стекающие с гор Нуратау и Каратау. В долине Сырдарьи грунтовые воды находятся на глубине 2–6 м, в Кызылкумах же — на глубине 20–50 м.

Климат пустынно-континентальный, средние температуры июля — плюс 26°–30°, января — минус 9°. Среднегодовое количество осадков — 100–200 мм. Растительность — различные виды кустарников, полукустарников, эфемеров и эфемероидов, создающие базу для отгонного скотоводства. Осенью 1957–1958 гг. в древней дельте Сырдарьи мы встречали отары из Бухарской области, готовившиеся к перекочевке на зимние пастбища на юг. Для нас этот район интересен в связи с оценкой хозяйственных возможностей населения древней дельты Сырдарьи в период ее обводнения.

11. Дельта и долина Сырдарьи. Мощность аллювиальных отложений, слагающих древнюю дельту, достигает 80 м; они перекрывают третичные отложения, отдельные останцы которых сохранились в древней дельте, перерезанной крупными (Жаныдарья, Кувандарья и др.) и более мелкими руслами. Вдоль многих из них располагаются отдельные массивы земель древнего орошения, археологические памятники и грядовые и бугристо-грядовые пески.

Правобережная часть дельты — равнина Дарьялыктакыр. Эта плоская глинистая равнина более приподнята, слабо расчленена.

Климат — пустынного типа, осадки в редких случаях превышают 100 мм в год, средняя температура июля — плюс 26°–29°, января — 9°–12°.

Почвенный покров представлен песчано-пустынными такырными и глинистыми (районы древнего орошения) типами почв. Растительность — кустарники, полукустарники и эфемеры. В долине Сырдарьи — тугай.

В настоящее время в этом районе расширяется зона орошаемого земледелия за счет освоения территории древнего Джетыясарского оазиса и земель, осваивавшихся к югу от него в средние века. На периферии оазиса — отгонное животноводство.

13. Приаральские Каракумы. Название условное. Этот район включает пустынные области к северу от Устюрта, Аральского моря и дельты Сырдарьи, юг Тургайского нагорья и собственно Приаральские Каракумы. Рельеф очень разнообразный. Столовые возвышенности чередуются с понижениями солончаков и соленых озер, массивами песков (Большие и Малые Барсуки, Приаральские Каракумы). На востоке района — возвышенный характер местности, абсолютная высота превышает 400 м.

Пески лежат тонким чехлом на плотных материнских породах (особенно в Приаральских Каракумах), что обеспечивает довольно хорошее обводнение неглубоких колодцев в них. Формы песков — ячеистые и бугристые. Они заросли кустарниковой, полукустарниковой и травянистой растительностью.

Климат — резко континентальный, зима довольно холодная, среднемесячная температура в январе — минус 12°–15°, в июле — плюс 25°–26° (лето жаркое и сухое). Осадков выпадает 130–200 мм в году. Весной есть временные водотоки с соседних возвышенностей в полупустынной зоне.

Почвы преобладают бурые, песчано-пустынные и солончаковые. Растительность — травянисто-кустарниковая (песчаная акация, саксаул) и травянисто-кустарничковая (житняк сибирский, ковыли, полыни, терескен и др.). Большая часть территории из-за слабого обводнения ограничено используется под сезонные пастбища. По данным этнографов и средневековым письменным источникам (Рузбихан и др.), в прошлом, когда было развито кочевое скотоводство, Приаральские Каракумы активно использовались почти круглогодично.

К этой физико-географической и сельскохозяйственной характеристике отдельных районов Турана необходимо добавить данные, полученные в результате реконструкции палеогеографии региона (см. часть I). В древности, как мы показали выше, обводненность региона и его климат отличались от современного состояния, что не могло не сказаться на возможностях хозяйственного освоения территории. Обводненный Узбой восполнял недостаток водоемов в южной части

ность мезоксерофильного облика с обилием злаков и участием ценозов обводненных местообитаний (пыльца ольхи, частуховых, осоковых, возможно, споры зеленых мхов и др.). Обводненность района, по мнению исследовательницы, «в целом была достаточно высокой».

Таким образом, данные палинологического исследования дополняют реконструированную палеогеографическую картину для Присарыкамьшской дельты Амударьи.

Обводненная дельта Сырдарьи тоже, несомненно, влияла на климат и растительность района.

Следует учесть, что мы можем оперировать только довольно общими характеристиками районов, а разница природного ландшафта на соседних территориях в пределах одного района вызывала часто существенные различия в их хозяйственном использовании. Специалисты подчеркивают, что, оценивая природную среду с точки зрения возможностей хозяйственного использования, нужно рассматривать смежно располагающиеся районы [Ракитников, 1958, с. 11], для кочевого скотоводства это особенно важно. «Изучение истории сельского хозяйства ясно показывает, что на разных этапах развития земледелия и животноводства наиболее пригодными, наиболее ценными местностями, где сельское хозяйство оказывалось наиболее эффективным, являлись районы с очень неодинаковым сочетанием климатических и почвенных условий» [Ракитников, 1958, с. 7].

Основываясь на физико-географических характеристиках разных районов Турана при оценке возможностей их хозяйственного использования, мы должны учитывать практический многовековой опыт народов этого региона, получивший отражение в письменных источниках, данных этнографов и в меньшей степени в археологических материалах.

К этим вопросам мы обратимся в следующей главе. Сейчас же рассмотрим некоторые общие сведения об особенностях земледелия и скотоводства в пустынной зоне.

Оценивая природные ресурсы, отметим, что в условиях аридного климата, а пустынной зоны особенно, основой жизни является вода и реки в первую очередь. Транзитный характер крупных рек типичен для многих пустынь в мире. Истоки их находятся за пределами пустынной зоны, чаще всего в высокогорных районах с иным режимом увлажнения. На территории пустынь они чаще всего не подпитываются притоками, а теряют воды на испарение и фильтрацию. Реки пустынь Средней Азии и Казахстана имеют минимум два паводка в году: в первой трети года, во время весенних дождей и таяния снежного покрова, и второй — в начале лета, когда происходит таяние вечных снегов и ледников. Основные реки Средней Азии — Амударья и Сырдарья различаются по водному режиму и объему водного стока [Андрианов, 1969, с. 97 и сл., 188; Гулямов, 1957, с. 237]. Амударья

относится к рекам со снежно-ледниковым питанием, на ней происходит четыре паводка, что исключительно благоприятно для развития поливного земледелия: период максимального подъема воды совпадает с периодом вегетации. Сырдарья — река смешанного питания, у ее истоков нет ледников, максимальный расход воды не в июле, а в июне, объем ее стока меньше, чем у Амударьи. Все эти обстоятельства могли сказаться на предпосылках развития земледелия и ирригации в древней дельте этой реки. Следует учесть, что периодически обводненность ее могла быть столь значительной, что препятствовала развитию земледелия, особенно, как кажется автору, это относится к Джетысарскому урочищу, с востока граничащему с Дарьялыктакыром, территорией древнего озера, в которое вливались воды Сарысу, Чу и восточные русла древней дельты Сырдарьи.

Развитию земледелия в дельте Амударьи посвящена обширная литература (см., например, [Цинзерлинг, 1927; Гулямов, 1957]; подробную библиографию см. [Андрианов, 1969]). Развитие земледелия и ирригации этой области в древности, средневековье и новое время освещено в работах Б.В.Андрианова [Андрианов, 1969; Андрианов, 1958, и др.], что дает нам основание не останавливаться подробно на этой проблеме. Материалы, опубликованные Я.Г.Гулямовым, Б.В.Андриановым, С.П.Толстовым [Толстов, 1948; Толстов, 1962; Низовья Амударьи, 1960] и другими нашими предшественниками, могут быть дополнены некоторыми наблюдениями по традиционным особенностям земледелия и ирригации в обводненной древней Присарыкамьшской дельте [Вайнберг, 1991; Вайнберг, 1996].

Для древней эпохи, точнее I тыс. до н.э. — I тыс. н.э., по особенностям природных условий в Приаралье выделяется три типа дельтовых районов:

а) Южная Акчадарьинская дельта Амударьи (правобережье), где происходит раннее отмирание естественных протоков и развитие ирригации с крупными магистральными каналами, головные сооружения которых, очевидно, уже в V–IV вв. до н.э. переносятся на основное русло реки. Для этого района характерно самотечное орошение, большой холостой ход магистральных каналов, оазисы около них и их отводов, государственные крепости на периферии всего правобережного оазиса;

б) Северная Акчадарьинская, Приаральская и Сырдарьинская дельты, которые резко отличаются от нее. Их характеризует изменчивый режим обводнения, большая зависимость от паводков, лиманно-озерный и каирный тип орошения. На базе этого — подсобный характер земледелия. Основная база хозяйства — скотоводство. Значительна роль рыболовства. Скотоводческое хозяйство частично связано и с перекочевками на сезонные пастбища соседних территорий. В стаде в этих районах велика роль крупного рогатого скота и лошадей;

Устюрта и Прибалханье, что сейчас препятствует полноценному использованию хороших и разнотипных пастбищ. К западу от обводненных Сарыкамыша и Ассак-аудана, вместе составлявших огромную водную площадь, тоже создавались уникальные условия для скотоводства. Район этот, к сожалению, археологически не изучался. Только вблизи Агиныша у западного берега Сарыкамыша на средневековом кладбище во время маршрута 1970 г. был обнаружен ранний каменный склеп узбойского типа. Обрывистый западный берег озера вряд ли был непреодолимым препятствием для использования его воды скотоводами, она могла подниматься на веревках как из колодца при высоком стоянии воды (сток в Узбой происходил при отметке воды +50 м и выше). А в тех местах Сарыкамыша (на севере) и у Ассак-аудана, где отметка края впадин +50 м, вода была легкодоступной.

Таким образом, можно предполагать, что в древности весь район к югу от увала Карабаур и к востоку от увала Музабель мог быть освоен скотоводами. Косвенным подтверждением этому служит и средневековая ситуация, когда на несколько веков сложилась сходная картина обводнения. Тогда посланник королевы Елизаветы — Дженкинсон, направляясь из России через Мангышлак в глубь Средней Азии, прошел вдоль берегов этого водоема, принятого им за залив Каспийского моря, где были земли «туркменского царя», администрации которого он уплатил пошлину (анализ текста Дженкинсона см. [Бартольд, 1965, с. 81 и сл.]).

Отличные от современных условия обводнения должны были повлиять и на климат большого района, расположенного к югу от Мангышлака. Растительность в силу увлажнения тоже должна была обогатиться новыми формами, и общий объем ее, несомненно, должен был увеличиться.

Отличались от современных природные условия в Присарыкамышской дельте, где обводненные Дарьялык, Даудан и другие русла влияли на увлажнение климата и растительность. В 80-х годах мы на практике наблюдали изменение этих параметров по мере заполнения Сарыкамыша и развития коллекторной сети в пределах южной части Присарыкамышской дельты. На водоемах, вокруг которых появились обильные заросли кустарников, местами и камыш, поселилось много птиц, особенно весной. Необычные раньше в летний период дожди стали не редкостью для этого района пустыни.

В 1986 г. сотрудники лаборатории А.Н.Варущенко (МГУ) с нашим участием брали целую серию проб с разновременных памятников древнего Хорезма для палинологического исследования. К сожалению, как это часто случается в аридной зоне, большая часть их оказалась пустыми, но по некоторым мы располагаем заключениями Т.А.Абрамовой, которая проводила их исследование по своей специальной методике.

Образцы из слоя крепости Кюзели-гыр (VI — начало V в. до н.э.), по мнению исследовательницы, характеризуют фазу распространения травянистой ксерофитной растительности с незначительным участием древесных, обилием маревых и злаков, среди которых отмечаются и культурные формы. Спектры близки к поверхностным пробам современного Хорезма, отличаясь от них лишь бóльшим участием злаков и водных растений. Реконструированная растительность характеризует «аридную фазу, близкую по своим климатическим показателям современному климату региона исследования» (Т.А.Абрамова подчеркивает в своем заключении известную степень их гипотетичности).

Спектр из нижнего слоя крепости Калалы-гыр 2 (IV—II вв. до н.э.), расположенной в 6 км от Кюзели-гыра, характеризует распространение травянистой растительности при некотором участии лесных фитоценозов широколиственных и лиственных пород. Есть пыльца водных растений и культурных злаков. Коэффициент облесенности определен в 6%. Реконструируя палеоклиматические показатели, Т.А.Абрамова заключает, что отмеченный образец свидетельствует о некотором понижении среднегодовых температур по сравнению с современными (на 1–2° С) и увеличении осадков на 150–170 мм в год.

Близок к калалыгырскому и один образец с поселения Гяур 3, но он не содержит статистически достоверного количества пыльцы, по заключению Т.А.Абрамовой.

В составе пыльцы травянистых растений из Присарыкамышской дельты в период IV—II вв. до н.э. доминирует во всех образцах пыльца дикорастущих злаков (до 71%), есть пыльца культурных злаков, осоковых, прибрежно-водных растений, разнотравья. Пыльца ксерофитных растений, характерных для аридных районов, относительно немногочисленна, и она «не составляет экологического фона». По спектрам можно сделать заключение о распространении травянистой растительности лугово-степного облика с доминированием ценозов дикорастущих злаков, умеренным участием ценозов ксерофитов и группировок ксерофильного разнотравья и локальным участием прибрежно-водной растительности. Подобный растительный покров, по заключению Т.А.Абрамовой, «можно считать показателем межплювиальной климатической фазы по сравнению с современным резко аридным и континентальным климатом района исследования».

Образцы из Куны-Уаза, расположенного в 10 км от Калалы-гыра 2, датировать несколько затруднительно, так как это многослойный памятник, но, учитывая, что образцы взяты из шурфа на глубине менее 1,5 м (юго-восточная часть крепости) из однородного культурного слоя, мы не ошибемся, если датировем их первыми веками н.э. Материал из этих образцов, по заключению Т.А.Абрамовой, довольно скудный, но, по-видимому, «речь идет о межплювиальной фазе развития растительного покрова». Распространена травянистая раститель-

в) Присарыкамышская дельта Амударьи (левобережье реки) выделяется в особый тип — живая на протяжении от VII в. до н.э. по V в. н.э., с большим количеством обводненных протоков и стабильным стоком крупных русел Даудана и Дарьялыка в Сарыкамышскую впадину. Широтное расположение протоков на большей части ее способствовало созданию традиционной системы оазисов на небольших или средних каналах. На этой территории были открыты поселения и ирригационные сооружения древних земледельцев и многочисленные памятники разных по происхождению групп скотоводов. Взаимодействие их в пределах одной природной зоны (своеобразной экологической ниши) проявлялось прежде всего в хозяйственной кооперации. Немалую роль в этом процессе играло и древнехорезмийское государство. Исследованы небольшие (до 10 кв. км) однотипные оазисы, находившиеся в зоне скотоводческих могильников, где было широко развито гончарное производство (по несколько обжигательных горнов в каждой усадьбе) и земледелие, в том числе и крупномасштабное виноградарство, явно носившие товарный характер. Возникают эти оазисы уже в IV—III вв. до н.э. Используя материалы по экономике древневосточных обществ и Ахеменидского государства, можно сделать вывод, что древнехорезмийское государство, очевидно, специально создавало (или способствовало созданию) такие поселения на западных окраинах Хорезма для того, чтобы обеспечить скотоводов продуктами земледелия и ремесла непосредственно в районах их расселения. Подобная забота о скотоводах могла диктоваться лишь политическими соображениями. Очевидно, скотоводы западных районов Хорезма были военной опорой государства и получали за свою военную службу довольствие зерном, вином и ремесленными изделиями.

Условия живой дельты определили особенности ирригационных сооружений этого района Хорезма. Крупные каналы (от 50 до 100 км) — Куняузский и Черменяб имитируют широтные русла. Головные сооружения их были устроены на русле Даудана, крупнейшем во всей дельте.

Основной тип расселения в Присарыкамышской дельте в древности, как показали археологические исследования, это небольшие оазисы, располагавшиеся между двумя параллельными протоками русел. Каналы, орошавшие их, выводились из северного русла и вливались в южное. Общее их направление (северо-восток — юго-запад) учитывало и уклон местности. Подобная организация орошения предупреждала заболачивание территорий у концевых участков каналов (а это бич всех районов искусственного орошения в Средней Азии) и сохраняла равновесие в экологической системе.

Исследовавшиеся оазисы функционировали до IV в. н.э., за 600—700 лет их существования изменялся и режим обводнения в зоне поселений. Часто отмирали русла, из которых каналы получали воду,

тогда головная часть каналов удлинялась и новые сооружения для забора воды переносились на действовавшие в то время русла (иногда в нескольких километрах от поселения), увеличивался холостой ход головной части канала. На одном из таких поселений — Нурумском, расположенном к югу от возвышенности Тузгыр, была обнаружена целая система плотин, дамб, запруд, обваловок, практически на всех протоках к северо-востоку от поселения, обеспечивавшая в разные периоды устойчивое обводнение ирригационной сети оазиса. Но когда в IV в. н.э. приток воды в русла Присарыкамьшской дельты резко сократился, очевидно, перестали помогать и эти сооружения. На последнем этапе существования поселения воду собирали в южном, перегороженном дамбами широтном русле, куда остатки ее поступали и через оросительную сеть с севера, и во время паводков по течению самого русла (тогда восточную плотину, очевидно, открывали). Создавалось довольно крупное водохранилище, на берегах которого расположены наиболее поздние усадьбы.

Одно из древних поселений, открытое непосредственно у южного, обрывистого склона возвышенности Тузгыр, существовало, вероятно, даже несколько дольше остальных поселений. Население его упорно боролось за существование. После того как прекратился сток воды по руслу, из которого были выведены каналы, его тоже перегородили плотинами, создав большой водоем, куда кроме паводковых вод стекала и дождевая вода с возвышенности Тузгыр (русло проходило у самого ее подножия). Для этого на ее склоне даже сделаны борозды-канавки, которые хорошо различаются на крупномасштабных аэрофотоснимках. Из водоема, созданного в русле, были выведены новые каналы иного направления, частично пересекавшие старые (направление речного стока уже не имело для них значения), но воду они подводили к старым полям и виноградникам и старым же постройкам. Интересно отметить, что и в наше время (к 50-м годам XX в.) тақыры у этого поселения тоже использовались для водосбора и здесь соорудились *каки* — водоемы для водопоя скота.

Когда в V в. н.э. происходит полное осушение Присарыкамьшской дельты, оно сопровождается реорганизацией ирригации левобережья Амударьи. Впервые здесь возникают каналы, головные сооружения которых располагаются на самом русле Амударьи. Новые магистральные каналы проводятся в междуречье Даудана и Дарьялыка почти параллельно современному основному руслу реки. Каналы, орошавшие оазисы Хивы, Хазараспа и других городов южной части левобережного Хорезма, ранее получавшие воду из русла Даудана, теперь продлеваются до новых магистральных артерий, заменивших высохшие русла.

Особую природную и хозяйственную зону образуют сами долины рек Амударьи и Сырдарьи и, очевидно, их древние русла. Здесь на

узких полосах пойм образовался особый ландшафт — тугайные леса со своеобразными почвами, растительностью и животным миром. Ирригация и орошаемое земледелие связано с надпойменными террасами рек. В поймах рек развивается так называемое джангильное земледелие, когда под посевы (особенно бахчевые культуры) расчищают от растительности повышенные участки поймы. Грунтовые воды здесь имеют очень высокий уровень, что позволяет обходиться без орошения. В прошлом довольно широко было распространено в дельтах рек и лиманное и каирное земледелие, при которых весеннее увлажнение почвы происходит за счет местного стока; на некоторое время эти воды удерживались системами валов и дамб. Б.В. Андрианов детально описал эти способы земледелия по материалам каракалпакских поселений XVIII–XIX вв. [Андрианов, 1958] (см. также Андрианов, 1969). Я.Г. Гулямов [Гулямов, 1957, с. 59] отмечает особенности земледелия на каирных землях в низовьях Амударьи. Здесь (низменные полосы вдоль реки и ее протоков, верховья искусственных каналов) нельзя культивировать зерновые, так как они могут быть залиты летними паводками, а с наступлением жары влаги в почве в удаленных от паводка участках уже становится недостаточно, она испаряется из верхнего слоя каирной земли, который питает «поверхностно лежащие корни пшеницы, ячменя и других злаков, и они погибают, не успев заколоситься» [Гулямов, 1957, с. 59]. Поэтому каиры здесь используют для посева бахчевых, у которых корни расположены глубже. По данным Я.Г. Гулямова, население Хорезма издавна использовало для посева зерновых низины в старых руслах рек или высохших озер, где довольно высок уровень грунтовых вод. В древности в Присарыкамышской дельте Амударьи, в период ее обводнения, за счет многочисленных обводненных русел и протоков подпочвенные воды, несомненно, имели высокий уровень, что создавало большие возможности для развития земледелия, не связанного с ирригацией, у скотоводов.

Отмечаются и другие формы мелкооазисного земледелия в пустыне, когда используется малейшее увлажнение почвы, чтобы можно было заниматься хотя бы на малых площадях земледелием [Бабаев, Фрейкин, 1977, с. 234–235]. Используя свойство песков сохранять влагу от дождей недалеко от поверхности, в Каракумах и Кызылкумах практиковали посевы в межбарханных понижениях. Аналогичные посевы (просо, бахчевые) в понижениях между буграми песков отмечаются и в Приаральских Каракумах [Казахстан, 1970, с. 234].

На восточном побережье Каспийского моря сеяли зерновые и бахчевые культуры, используя дождевые воды, подпираемые снизу солеными, что было возможно только при высоком уровне моря [Бабаев, Фрейкин, 1977, с. 234]. Возможно, этот прием практиковался и в древности, так как уровень моря тогда оставался стабильно высоким (см. часть I).

Современная Средняя Азия воспринимается как хлопкосеющая страна, но еще в начале нашего столетия хлопок не был монопольной культурой. Н.И.Вавилов [Вавилов, 1987, с. 71 и сл.] отмечал, что в низовьях Амударьи большая часть культурных растений отражала влияние Ирана. Пшеницы и ячмени, происходящие оттуда, под влиянием особой среды и географической изоляции выработали уникальные низкорослые формы. Географическая изоляция Хивинского (Хорезмского) оазиса способствовала появлению и других оригинальных форм — белосемянных и белоцветковых льнов, белосемянного кунжута [Вавилов, 1987, с. 72]. Особое место в оазисе занимала люцерна-юренджа (*Medicago sativa* L.). Н.И.Вавилов писал: «Обширное пространство дельты Амударьи — современной Каракалпакии — занято посевами многолетней синей люцерны — главного кормового растения низовьев Амударьи. Хорезм — мировой центр семеноводства люцерны» [Вавилов, 1987, с. 72]. Все это свидетельствует о глубокой древности земледельческой культуры в низовьях Амударьи.

По мнению Н.И.Вавилова [Вавилов, 1987, с. 72], особенность режима паводков Амударьи, когда запоздалое таяние снегов в горах задерживает поступление воды, и большая удаленность низовьев реки от истоков привели к сокращению вегетационного периода, вследствие чего в Хивинском оазисе выработались и чрезвычайно скороспелые формы хлопчатника, «азиатской гузы». Отмечаются и особые хорезмские дыни, которые во всем мире стали известны по месту их вывоза в другие страны как «чарджуйские».

К этому можно добавить, что археологические работы открыли планировки больших виноградников в разных районах Хорезма, даже на его окраинах [Андрианов, 1969; Вайнберг, 1991].

Пшеница и ячмень часто возделываются на условно-поливных землях, им нужно меньше не только воды, но и тепла и рабочей силы (см. [Бабаев, Фрейкин, 1977, с. 238]). В слоях памятников IV–II вв. до н.э. (Кой-крылган-кала, Калалы-гыр 2) найдены зерна и отпечатки зерен пшеницы, ячменя, проса, косточки винограда, абрикоса, персика и других садовых культур. Я.Г.Гулямов описывает примитивные формы земледелия в низовьях Амударьи, которые появляются периодически, когда изменяется режим обводнения отдельных участков дельты [Гулямов, 1957, с. 60 и сл.]. Когда в XVI в. наступил очередной кризис обводнения в Северном Хорезме, жители Арала стали искусственно затоплять систему обсохших впадин у восточных чинков Устюрта и засеивать их пшеницей. Местность эта получила название «Куйгун», что по-узбекски означает «место сброса». В 1602 г. из Амударьи сюда был подведен канал, голову которого открывали (пускали воду по нему) в июле, когда заканчивалась жатва пшеницы, и до сентября Куйгун представлял собой пресноводное озеро. Земля насыщалась водой, на дне скапливались плодородные наносы. В сентябре поступ-

ление воды в канал прекращалось, глашатаи на базарах специально оповещали население об этом. Оседлое и кочевое население Арала съезжалось сюда и по мере высыхания озера засевало зерно прямо в жидкий ил. Урожай собирался следующим летом. После сбора урожая место снова опустевало. Значительная часть населения продолжала заниматься скотоводством. Таким же образом использовалась в Хорезме территория Даукаринского озера, Аккуля и низовьев канала Шахабад [Гулямов, 1957, с. 60 и сл.] (см. также [Андрианов, 1958]). Подобный способ примитивного земледелия широко практиковался в Средней Азии и, несомненно, использовался и в древности, прежде всего в Присарыкамьшской дельте вблизи Сарыкамьша, где было много озерных понижений и где расселялись оседлые и полуоседлые скотоводы.

Выше уже говорилось, что преимущественно каирные дыни Хорезма получили широкую известность. Бахчевые традиционно наряду с молоком и рыбой, обильной в руслах низовьев Амударьи, составляли «пищу бедных» в оазисе (см. [Гулямов, 1957, с. 64–65]).

В древней дельте Сырдарьи условия для развития земледелия и характер ирригации были несколько иными [Андрианов, 1969]. Ирригационные сооружения большей частью выполняли роль накопителей воды в условиях нестабильного обводнения (см. также [Вайнберг, Левина, 1993]). Распределители отводили воду на поля чаще всего из бассейнов-водохранилищ, образованных в старицах рек. Новые исследования в Джетыясарском урочище показали, что простейшие каналы появились здесь не ранее IV в. н.э. [Левина, Галиева, 1993]. Развитого земледелия здесь не было. Оно всегда сочеталось с разными видами скотоводства. По данным современных исследователей, район дельты Сырдарьи и ее низовья ниже станции Чиили изобилуют озерами, болотами, старыми руслами, периодически заполняемыми водой. Местность богата тростником, который, как и в современной дельте Амударьи, используется в качестве строительного материала. До начала нашего века казахи использовали старые русла реки и водоемы, весной заполнявшиеся водой, как естественные каналы, производя возле них посевы проса, люцерны или пшеницы [Казахстан, 1970, с. 326]. Вероятно, в древности подобного типа земледелие практиковалось и в зоне древней дельты Сырдарьи.

Разливы реки — бич этих мест, они приводят к подъему грунтовых вод и заболачиванию земель, а затем и их засолению [Казахстан, 1970, с. 326]. Представляется, что именно эти обстоятельства препятствовали развитию земледелия в Джетыясарском урочище в древности; только с постепенным «усыханием» оазиса и изменением гидрографической ситуации (см. [Левина, Галиева, 1993; Левина, Галиева, 1993а; Левина, Галиева, 1995]) здесь появляются небольшие каналы и, очевидно, расширяется доля земледелия в хозяйстве. На основании этно-

графических материалов можно реконструировать принципы орошения и земледелия здесь в древности. Казахи в дельте Сырдарьи выводят небольшие арыки из протоков и затопляют удобные для посева участки. Иногда дополнительно делается искусственная обваловка. У местного населения эта система носит название *сулама* (водосбор). Она широко применялась в XVIII в. на Жаныдарье и Кувандарье каракалпаками [Гулямов, 1957, с. 61]. Этот способ обводнения является одной из разновидностей лиманного орошения.

В Средней Азии при больших площадях, пригодных для орошения, его развитие ограничивается водными ресурсами. Даже в наше техногенное время под орошаемое земледелие освоено около 5–6% всей территории [Бабаев, Фрейкин, 1977, с. 255]. На долю чистой пустыни приходится большая часть территории исследуемого региона, и она играет роль пастбища с глубокой древности: пастбищное животноводство — древнее занятие человека в пустыне. Только с развитием кочевого скотоводства пустыня была практически полностью освоена человеком.

Скотоводство в пустынной зоне в зависимости от природных условий развивалось в разных формах, но преобладали типы кочевого и полукочевого скотоводства. Оно относительно нетрудоемко и обходится без больших капитальных и трудовых затрат. Скот содержится, как правило, на подножном корме. В пустыне разводят преимущественно овец и верблюдов, приспособленных и к передвижению по песчаной местности, к солоноватым водам колодцев, и к ограниченному травостоям. Лошади не выпасаются в пустыне, в этой зоне они разводятся только на краю земледельческого оазиса, в тугаях у рек [Сазонова, 1978, с. 54 и сл.] или при стойловом содержании. Разведение высокопородных лошадей требует не только сочных кормов (люцерны), но и зерна в рационе их питания [Витт, 1952].

В отличие от степной зоны в пустынях Турана, где преобладают песчаные, нет угрозы «джута», он встречается лишь в северных глинистых пустынях Казахстана. Возможности ведения скотоводства, связанные с характером растительности (кормов), водообеспечением, — весь комплекс этих данных, переработанный опытом многих поколений скотоводов, определил сезонные пастбища для разных видов скота и пути перекочевок на них (рис. 9).

Даже в наиболее благоприятные годы основные животные пустыни — овцы испытывают недостаток кормов летом и зимой, когда объем кормов и их питательность снижаются практически вдвое [Бабаев, Фрейкин, 1977, с. 257]. Неустойчивая погода может резко изменить кормовые условия. 3 года из 10 по урожайности бывают плохими [Бабаев, Фрейкин, 1977, с. 257], чередование их нерегулярно. Важным условием для выбора пастбищ в пустынной зоне является не только состав кормовых растений и количество их биомассы, но и пригод-

ность тех или иных растений в разное время года для выпаса. Например, овцы летом избегают полыни и солянки, но поздней осенью и зимой, когда полынь теряет терпкость, а солянка — горечь, они хорошо их поедают. Кандым служит кормом весной и в начале лета, саксаул и черкез — чаще всего осенью и зимой [Бабаев, Фрейкин, 1977, с. 258]. Неправильная, неумеренная пастбыа снижает запасы кормов, при чрезмерной нагрузке пастбищ овцы острыми копытами подрезают корни растений. Недогрузка пастбища тоже явление отрицательное, так как пески уплотняются, изменяется состав растительности, появляются не поедаемые скотом растения [Бабаев, Фрейкин, 1977, с. 259].

Пастбища бывают сезонными и круглогодочными. Для первых характерна травянистая растительность, для вторых — травянисто-кустарниковая. Круглогодочные пастбища часто делят на весенне-летние и осенне-зимние, стравливая их поочередно. Сезонными в регионе являются пастбища глинистой пустыни — они используются в осенне-зимнее время, песчаная пустыня может использоваться круглый год.

Количество выпасаемого скота ограничивается не только емкостью пастбищ в самое неблагоприятное время, но и водопоями. Ими служат в пустыне колодцы (наливные и обычные шахтные), *сардобы*, дождевые ямы-*каки* на такырах, в предгорьях гор Большие Балханы — родники. В благоприятных условиях древней эпохи обводнение Узбоя и Сарыкамыша резко поднимало возможности разведения скота в Восточном Прикаспии, так же как и обводнение Присарыкамышской дельты и древней дельты Сырдарьи — в этих районах. Зимой скот чаще всего не нуждается в водопоях, потребляя влагу со снегом, дождем, из луж и т.д. Весной воды потребляется меньше, чем обычно, так как часть влаги поступает с зеленым кормом. На Узбое в 1969 г. после катастрофически снежной зимы, сопровождавшейся большим падежом скота, мы встретили в мае отары, спускавшиеся с возвышенности Чолинкыр к водопою (искусственно сооруженный бульдозером водоем), до этого овец не поили. Летом овцам нужно максимальное количество воды, и главное — пресной или солоноватой. Соленую воду они могут пить только поздней осенью и зимой.

Мы не будем загружать читателя сведениями о степени минерализации воды, потребляемой скотом в разные сезоны (см. [Бабаев, Фрейкин, 1977, с. 261]), так как для эпохи древности эти сведения не могут быть применимы. Дальность перегонов для овец зависит от дебита колодца и урожайности пастбищ. Оптимальным считается радиус отгона в 5–7 км. Для нас это означает, что только широкая сеть довольно близко расположенных колодцев может обеспечить скотоводческое хозяйство. Поэтому обводнение древних русел (как в дельтах, так и Узбоя) создавало наиболее благоприятные условия для водопоя, особенно в летнее время.

Верблюдов в пустыне не пасут, они самостоятельно осваивают большую территорию, необходимую им для поисков корма. Пасутся они, как правило, небольшими группами, способны проходить и пробегать большие расстояния, но через несколько дней они возвращаются к своему колодцу на водопой. Верблюды избегают дельтовых и вообще обводненных районов, так как они очень страдают от укусов кровососущих насекомых, поэтому, например, при обводнении Узбоя в средние века, когда здесь расселялись туркменские племена, по описанию Абулгази, племя тиведжи (погонщики верблюдов) заняло территорию к северу от Большого Балхана и, очевидно, на Красноводском плато, вдали от русла Узбоя (см. [Осунов, 1975]).

Другие виды хозяйственной деятельности населения, и прежде всего рыболовство на реках и водоемах и охоту, которые доставляли пищу как земледельцам, так и скотоводам, мы не рассматриваем, так как они не могут дать нам дополнительный материал для изучения проблемы расселения народов и племен в регионе.

ГЛАВА 2

Хозяйственная и этническая территория в историческом аспекте

Автор отчетливо сознает, что вступает на довольно зыбкую почву сравнения хозяйственной и этнической территории в древности, так как даже для более позднего времени понятие «этнос» довольно нечетко. В земледельческих районах Средней Азии население, как правило, именовало себя по области проживания [Гребенкин, 1871; Люшкевич, 1980; Розенфельд, 1978 и др.] или образу жизни или культурному типу (сарт, тат, аймак и др. — см. [Люшкевич, 1980; Кармышева, 1980]).

В начале XVI в. Рузбихан отмечал, что к узбекам относятся три «племени»: шибаницы, казахи и мангыты [Рузбихан, 1976, с. 62], объединяя родственные народы.

Вероятно, и в древности обычными были названия по историко-культурным областям (хорезмийцы, согдийцы, бактрийцы) и по образу жизни (саки, например). В своих надписях и документах Ахемениды называли саками всех кочевников Средней Азии, хотя знали и названия отдельных их групп (см. часть IV, раздел о дахах — «саках, которые за Согдом»). Вслед за ними и античные авторы часто заменяли понятием «саки» реальные названия племен, но Геродот подчеркивает, что саками действительно называется только одна группа кочев-

ников (Геродот VII, 64), отличает он и массагетов от саков (Геродот I, 201).

Мы не претендуем на рассмотрение всех аспектов проблемы «этническая территория», так как для нас важно выяснить, может ли хозяйственная территория, которую позволяют выделить данные археологического изучения и экология, быть ориентиром в определении территории расселения племен и народов в древности в данной конкретной области — пустынной зоне Среднеазиатско-Казахстанского региона. Весьма существенно, что эта территория впервые полностью осваивается кочевниками только с начала железного века. Поэтому их расселение могло свободно следовать наиболее приемлемым экологическим нишам.

Данные этнографии и поздние исторические источники тоже дают известные ориентиры. Эти материалы мы считаем возможным использовать еще и потому, что хозяйство кочевников очень консервативно, а способы ведения его и сезонные пастбища, определяемые экологией, веками сохраняются неизменными. Нет причин считать, что хозяйственная территория у тюркских народов была иной, чем у их предшественников — иранцев.

Узбойские склепы, которые мы имеем все основания рассматривать как семейные усыпальницы, что уже отмечалось, встречаются группами по два-три, редко больше. Это позволяет предположить, что группы из нескольких семей составляли хозяйственную основу сообщества кочевников в Восточном Прикаспии. Вероятно, Дордкульский могильник (общее количество склепов в изолированных группах незначительно превышает 20) отражает следующую социальную группу — объединение из нескольких десятков семей. Интересны в связи с этим историко-этнографические материалы о кочевниках. Описывая военную систему казахов, Рузбихан отмечает социальную структуру кочевых объединений (*улусов*). Основу их составляют семьи — кибитки (*ханэвар*), объединение нескольких семей образует колено (*фирке*), вероятно, далее идет род (*тайфа*), составлявший один улус [История Казахской ССР, 1957, с. 147]. Каждый род имел свои маршруты кочевий, на которые другие роды посягать не имели права. Казахи кочевали аулами и группами аулов. Аул, основная хозяйственная ячейка, очевидно соответствующая колену Рузбихана, был объединением нескольких семей одного рода, но в нем могли быть и чужеродцы, отколовшиеся от своих родов, и семьи рабов, отпущенных на волю [История Казахской ССР, 1957, с. 151]. Этнографы отмечают, что у кочевников значительные группы кочевали вместе непродолжительное время в году, к зиме они обычно распались [Сабырханов, 1969, с. 151; Вайнштейн, 1972, с. 72 и сл.].

В казахских ханствах еще не было управления по областям, сохранялось управление по родам. Поэтому мы можем предположить, что и

у древних кочевников Турана группа родов образовывала «племя» (например, апасиаки, дербики) и уже ряд таких племен создавали кочевое объединение (массагеты), выступавшее на сцену чаще всего в условиях военной угрозы и т.п. Представляется, что в этой системе «племя», вероятно, связано с одним хозяйственным комплексом — территориальной необходимостью для выпаса скота пастбищ. Вместе с тем история Казахстана свидетельствует, что там издревле определились три хозяйственных района, довольно обособленных друг от друга (Южный Казахстан — Семиречье, Центральный Казахстан и Западный — от низовьев Сырдарьи), каждый из которых включал в себя полный комплекс разносезонных пастбищных угодий. Группа казахских родов, входивших в такую территорию, получила название жуз (соответственно Старший, или Большой, Средний и Младший). В каждый жуз (см. [Жанузаков, 1980]) входили разные родо-племенные группы, исторически оказавшиеся на этой территории. Подобная модель, вероятно, отвечает комплексу природных условий Казахстана. Как мы увидим ниже, уже с глубокой древности территория Младшего жуза была довольно обособленным хозяйственным районом, где расселялись разные этнические группы («племена»).

Для территории Восточного Прикаспия этнография и исторические источники предполагают несколько отличную модель. В период средневекового обводнения Узбоя у его берегов от Сарыкамышы и до Каспия вновь поселяются, согласно Абульгази [Кононов, 1958], туркменские племена, образовавшиеся из смешанных групп кочевников. Происхождение их связывается с легендарными предками — это хызырили, али-или, теvedжи и кара-ойли. Указывается территория их расселения, в общих чертах совпадающая с районами локальных групп древних кочевников в этом районе. Поскольку никакой преемственности между ними быть не могло (их разделяет минимум 700 лет), можно сделать вывод, что подобное районирование отвечает особенностям экологии и соответствует определенной хозяйственной территории в условиях обводнения Узбоя. Дальних перекочевок в этом районе не происходило; Абульгази, детально описавший хозяйство приузбойских племен, ничего не пишет о них. В Восточном Прикаспии по этнографическим материалам известны еще два района расселения туркмен, связанных с определенной хозяйственной территорией, — это Прибалханье (район гор и территория к северу от него — Прикарабугазье, по районированию географов) и Мангышлак и Устюрт, откуда после XVI в. туркмены постепенно были вытеснены казахами.

Казахи-адаевцы, занявшие Мангышлак и Устюрт, очевидно, унаследовали от своих предшественников и сезонное распределение пастбищ с довольно ограниченными ресурсами, и пути перекочевок на них (см. [Особенности сельского хозяйства Адаевского уезда, 1929]). Таким образом, и в Восточном Прикаспии несколько хозяйственных зон

были заселены «племенами», входившими в состав туркменского народа (наряду с другими, расселявшимися на иной территории). Возможно, что и в древности картина была сходной.

Создававшаяся общность хозяйственной территории обусловила развитие социальных связей в ее пределах, что способствовало выработке общих форм культуры, материальные аспекты которой отражает археология. На этой же территории, как следствие тех же социально-хозяйственных связей, вырабатывается общий язык (либо диалектные формы более распространенного языка). Первоначальное общение населения до создания единого языка вряд ли было затруднено, так как лингвисты отмечают, что иранские языки на древнеиранской стадии развития мало отличались друг от друга [ОИЯ, 1979, с. 83–84, с. 88–89]. А тюркские народы даже с отдельными самостоятельными языками хорошо понимают друг друга, как это мы видим в наше время. Вероятно, это обстоятельство способствовало довольно легкому переходу племен, частей (осколков) одного племени в состав другого объединения скотоводов. Как показали этнографические исследования, в составе современных узбеков, казахов, каракалпаков и других народов Среднеазиатско-Казахстанского региона есть много одинаковых «родо-племенных» подразделений общего происхождения [Жданко, 1974].

Важным моментом является и осознание общности происхождения той или иной группы населения. Для этого создаются легендарные генеалогии. Для эпохи средневековья известны развернутые «родословные» многих тюркских племен в трудах Рашид-ад Дина, Абульгази и др. Общеизвестно, что в послемонгольское время широко распространились легенды о происхождении родо-племенных вождей от Чингисхана (особенно на территории Казахстана). Для иранской эпохи нам известны тоже легендарные генеалогии правителей, восходящих к Сиявушу и Кейхосрову. До Сельджукидов и Караханидов в районе средней Сырдарьи дожили представления о «доме Афрасиаба», к которому возводили свое происхождение правители [Вайнберг, 1973; Вайнберг, 1977, с. 73 и сл., 98 и сл.].

Если мы обратимся к данным Авесты, сложение которой принято связывать с Восточным Ираном (Средней Азией), то увидим, что общая структура общества иранцев в эпоху раннего железного века (время сложения ранних ее частей) сходна с той, что описал Рузбихан. Общество, по Авесте [Лившиц, 1963, с. 139 и сл.], — это патриархальная община оседлых скотоводов и земледельцев с выделенной военной демократией и жречеством. Авеста содержит данные о минимуме четырехступенчатой системе организации общества, восходящей к первобытнообщинному строю. Низшая ячейка — «дом-семья» (*нмана*), родственные «дома-семьи» образуют род (*вис*), этим же термином обозначается и родовое поселение, в состав рода должно было

входить не менее 15 семей [Лившиц, 1963, с. 143]. В старейших частях Авесты родовая община — основная экономическая ячейка общества. Ближайшие родственники образовывали и промежуточную между семьей и родом агнатическую группу — *нафа* [Периханян, 1983, с. 50 и сл.]; В.А.Лившиц, правда, считает, что этим термином обозначалась и семья (см. [Лившиц, 1963, с. 504, примеч. 7]), поэтому мы не выделяем *нафа* в особую структуру общества. Предполагается, что пастбища, поля, простейшие оросительные сооружения составляли собственность рода [Лившиц, 1963, с. 143–144]. Небольшие по количеству членов роды вели хозяйство сообща, а большие роды могли распадаться на ряд хозяйственных ячеек. Есть данные и о поселениях соседской общины (*врзана*), и «союзе соплеменников, племени» (*арьяман*) [Лившиц, 1963, с. 144]. Предполагается, что «племя» — это также «культурный союз». В связи с этим вспомним, что на приузбойской территории, где мы локализуем массагетские племена дербиков и апасиаков (см. часть IV), по археологическому комплексу (см. часть III) выделяются два ареала, в каждом из которых обнаружен свой культовый центр. В левобережном Хорезме (Присарыкамышская дельта Амударьи), где уровень социального развития общества был значительно выше, уже существовало государство с его обязательными атрибутами, обнаружены датированные IV — II вв. до н.э. культовые центры Гяур 3 в зоне оседлых скотоводов и Калалы-гыр 2 в районе расселения земледельцев. В каждом из них основным является монументальный храм (см. [Вайнберг 1991]).

Шойтра в Гатах означает «область обитания племени, племя» [Лившиц, 1963, с. 144] и одновременно «сельская округа». Последнее понятие прилагается и к обозначению селения — *гава*. «Проживание в селении» (*гава-шити*) — название, употребляемое для характеристики центрального пояса земли, противостоящего северным районам, населенным кочевниками (Яшт X; [Лившиц, 1963, с. 145]). Может быть, именно в связи с этим в Авесте подчеркнуто для северной земледельческой области согдийцев, что это *гава Сугда* — «Согдийское поселение», в противовес соседней территории кочевников.

Для обозначения племени в младшей Авесте употребляется термин *занту*, но его составляющие нигде не обозначены. Считается, что в обществе оседлых скотоводов и земледельцев «племя» является формальной общностью, в его составе учитывается только сам факт родства [Лившиц, 1963, с. 146]. Согласно зороастрийской традиции, племя должно состоять минимум из двух родов и насчитывать не менее 30 семей.

По Геродоту (I, 101), мидяне делились на шесть племен, а персы — на десять, но реального значения племена уже не имели. Это относится к оседлому населению, а у кочевников роль племен, вероятно, была еще значительной, так как их расселение отмечалось не по областям

или иным территориальным единицам, а по «племенам» (см. о расселении племен парнов-даев у северных границ Парфии по Страбону — XI, VIII, 12). В ряде случаев в источниках говорится об участии в каких-то военных событиях не всего народа, а лишь какого-то его «племени» (массагеты и дербики в связи с последними сражениями Ахеменидов или скифы и даи в войнах с Александром — ср. Арриан III, 11, 13 и Квинт Курций Руф IV, XII, 6).

Понятие *дахью* — «область, страна» — употребляется в Авесте в разных значениях. В Гатах это более крупная единица, чем племя, но и область, занимаемая одним племенем [Лившиц, 1963, с. 147]. Упоминаются там же «иранские области» (*арьянам дахьюнам*), но и *дахью* туров-кочевников. Понятие это «прежде всего территориальное, географическое, нередко указывающее на значительную этническую общность, но еще не четкая административная единица в составе сложившегося государства» [Лившиц, 1963, с. 147].

Исходя из данных Авесты, мы можем предположить, что подавляющая часть конкретных сведений источников об этнических объединениях в древности относится к *дахью* — «области, стране» (по аналогии с *дахью* туров) и обозначает союзы племен. Лишь в отдельных случаях появляются дополнительные данные (как правило, в результате более близкого знакомства) о племенах, входивших в эти объединения. Выделить «племена» на земельной территории даже в самый ранний период затруднительно.

Перейдем к анализу материалов из отдельных районов.

Восточный Прикаспий

В этот регион мы включаем территорию от северных границ пустыни Каракум, весь Устюрт, Прикарабугазье (Прибалханье), Мангышлак. По исторической традиции эта область начиная с эпохи средневековья была зоной расселения туркмен [Агаджанов, 1973; Каррыев и др., 1954]. На всей этой территории от Узбоя до северного чинка Устюрта встречаются очень характерные археологические памятники — погребальные склепы. Исключение составляет только район дельты Узбоя, где погребения очищенных костей из-за отсутствия камня совершались в сосудах или специально вырытых ямках. Данных о древних погребениях на Мангышлаке нет. Каменные склепы в пределах территории и хронологически имеют некоторые различия (см. часть III), но традиционность их и однообразное развитие обряда погребения показывают, что на всей этой территории существовали общие нормы, связанные с основополагающими для каждого народа представлениями о смерти, погребении, идее возрождения и плодородии.

Изучение керамики из погребальных сооружений и культовых центров на Узбое и в Прибалханье дает основание выделить как минимум два района по особенностям этих изделий (см. часть III). Это свидетельствует о некотором культурном единстве в их пределах. В каждом из них открыт свой культовый центр (Гарраулдепе и Ичянлыдепе) со следами сходных культов, но некоторыми отличиями в самих сооружениях. Исходя из данных Авесты, мы можем считать, что эти археологические материалы свидетельствуют о территории двух разных племен в пределах общего культурного ареала. Материалов с остальной территории мало или совсем нет, поэтому трудно судить, сколько еще племен входило в объединение кочевников Восточного Прикаспия. Особенности погребальных сооружений на Устюрте (см. часть IV) как будто бы дают основание для выделения еще одного «племени». Хочется надеяться, что когда-нибудь и Мангышлак откроет нам свои тайны.

Гарраулдепе на Большом Балхане датируется VII–II вв. до н.э., а на Узбое памятники относятся в основном к началу IV в. до н.э. — IV в. н.э., когда русло стало устойчиво обводняться. Кочевники пришли к Узбою из других районов Восточного Прикаспия, где они проживали в более стесненных (прежде всего обеспечением водой) условиях. Мы не знаем, пришла ли сюда какая-то группа (племя) целиком или здесь образовалось новое племя из разных частей, отделившихся от существовавших ранее племен. На нижнем Узбое, скорее всего, расселились выходцы из Прибалханья, расширившие свою хозяйственную территорию. Сток по Узбою и образовавшийся в связи с этим торговый водный путь познакомили античный мир с населением этих районов, и таким образом в источниках появились имена массагетских племен дербиков и апасиаков, живших вдоль этого пути. Всю же территорию Восточного Прикаспия, объединяемую в единый регион каменными склепами — основными здесь археологическими памятниками, — занимал, очевидно, массагетский «союз» племен. По данным Геродота (Геродот I, 206), во время похода Кира на массагетов основные районы расселения их находились минимум в трех днях пути (около 100 км) к северу от реки.

Учитывая возможный и наиболее приемлемый по природным условиям маршрут войска Кира (см. об этом в части IV, раздел о массагетах), район этот находился примерно к востоку от Карабугаза вблизи современных колодцев Чагыла, Туэра. Хозяйственно он всегда был связан с Большим Балханом, и скорее всего культовым центром его и был изначально Гарраулдепе. Погребальных памятников VII–VI вв. до н.э. мы не знаем: район этот археологически очень мало изучен, а Краснодарское плато вообще даже предварительно не обследовано. Хозяйственные территории в этом регионе скорее всего соответствовали «племенам». По данным этнографов [Оразов, 1972; Васильева,

1975], в Прибалханье кочевники используют колодцы и родники, вокруг которых организуется выпас скота; на зиму часто его перегоняют в пески Чильмамедкум. Как выяснил автор, местное население этих районов не причисляет себя к *чарва* (кочевникам), так как женщины и маленькие дети постоянно жили у колодцев и не участвовали, как правило, в каких-либо перекочевках.

Северная часть региона, связанная с длительными перекочевками с Мангышлака через Устюрт к Эмбе и далее на север или от северных границ Хорезма через Устюрт к районам левобережья реки Урал (р. Уил, озера Индер, Челкар и др.), несомненно, была иной хозяйственной территорией, что дает дополнительное основание предполагать расселение здесь других племен, вероятно входивших в массагетский союз. В силу того что они кочевали вдали от торговых путей и земель сельскохозяйственных оазисов, письменные источники не сохранили нам их имен.

На территории Прибалханья и вблизи Дордуля на Узбое, в местах массового расселения местных скотоводов, встречены и погребальные памятники скотоводов иного происхождения и культуры — это подбойные и иногда катакомбные погребения в земляных курганах. Наиболее ранние из них датируются по хорезмийской гончарной керамике IV — II вв. до н.э. (могильник Туэр), часть ввиду бедности инвентаря по типу погребального сооружения была датирована первыми веками н.э., но это нуждается в уточнении. Бесспорно, однако, что на территорию Восточного Прикаспия проникали какие-то группы «иноплеменного» населения и смешивались с местным населением. Для новой группы кочевников это характерно и для других соседних районов — Присарыкамышской дельты Амударьи и Устюрта. Очевидно, синхронно — по нашему мнению, на рубеже IV — III вв. до н.э. — группы кочевников с подбойными или катакомбными погребениями (подробнее см. часть IV, раздел о юечжах) от степных районов Приуралья продвигаются на юг, в Восточный Прикаспий, левобережный Хорезм, и достигают даже северных предгорий Туркмено-Хорасанских гор [Марущенко, 1959].

Вопрос о хронологии всех групп этих погребальных памятников и возможности нескольких «волн» миграций требует еще уточнения.

После осушения Узбоя условия для ведения скотоводческого хозяйства в регионе резко сокращаются. Вероятно, население уходит отсюда практически совсем. В качестве исторической аналогии отметим, что в средние века, после усыхания Узбоя в XVI — XVII вв., текинцы, жившие в основном к северу от Балхан, из-за безводья стали искать иные места для обитания на юге современного Туркменистана [Аннанепесов, 1972, с. 55].

По своим природным условиям эта территория относится к районам развития кочевого скотоводства. История этнических и государственных образований, возникавших здесь, представляет большой интерес, так как показывает относительную стабильность основных границ этой историко-этнографической области, определяемых комплексом сезонных угодий, необходимых для экстенсивного кочевого скотоводства.

В XIII в., когда этот район входил в состав обширной Монгольской империи, именно здесь выделяется удел Шибана (Шейбана), брата Батыя. Согласно Абульгази [Histoire des Mogols, 1871, с. 181], пределы его определяются следующим образом: «...между (Бату) юртом и юртом старшего брата моего Орда-Ичена, летом ты живи по восточной стороне Яика и по рекам Иргиз, Савук, Орь, Илек до горы Урал, а во время зимы в Аракуме, Кара-Куме и побережьях реки Сыр, в устьях Чу и Сарысу». Как отметил В.В.Бартольд [Бартольд, 1964, с. 545–546], эти сведения довольно позднего источника подтверждаются современником событий Плано Карпини [Рубрук, 1911].

В составе улуса Джучи, как правило, выделялись в уделы традиционные и, очевидно, обусловленные природными условиями и потребностями скотоводческого хозяйства районы, где сохранялись местные этнические группы [Федоров-Давыдов, 1966]. Территория удела Шибана вряд ли представляла исключение в этой связи. В природном отношении она сочетает разные по своим характеристикам пастбища и различные климатические районы, что отвечает даже современным экономическим представлениям [Ракитников, 1958, с. 108; Рубрук, 1911, с. 1–62]. Для интересующего нас района выделяются четыре почвенные зоны. Северная полоса степей (часть Дешт-и Кипчака от 48° до 53° с.ш.) — каштановые почвы сухих степей с солонцами, на которых распространены дерновинно-злаковые степи с ковыльной и типчаковой растительностью. Районы низовьев Сарысу и Чу характеризуются сероземами, серо-бурыми и такыровыми почвами с солончакками. В долинах рек — луговые пойменные почвы. Бурые почвы полупустынь с солонцами характерны для низовьев реки Урал, района Эмбы, к северу от Аральского моря. В районах, отнесенных источником к зимним пастбищам, распространены полынные, полынно-солянковые и солянковые пустыни.

На летовках — комплексы степных и полупустынных группировок растительности, дерновинно-злаковые и полынные степи.

Весь район относится к зоне, где в году бывает от 90 до 120 дней с температурой выше +20°, среднегодовая температура — +15°. Осадки более или менее одинаковы для всей зоны, в Приуралье их больше

летом и зимой. Только в Кызылкумах, примыкающих с юга к древней дельте Сырдарьи, высота снежного покрова меньше 10 см. В районах летовок она достигает 30 см, что препятствует подножному содержанию скота зимой. К тому же увеличение осадков зимой в этом районе создает условия, благоприятные для гололеда. Продолжительность снежного покрова, весьма существенная для скотоводческого хозяйства, наименьшая в описываемом районе в Кызылкумах (от 20 до 60 дней) и наибольшая — в районе летовок (от 100 до 140 дней) [Физико-географический атлас, 1964].

Резюмируя приведенную выше характеристику, напомним (см. предыдущую главу), что зона Юго-Восточного и Восточного Приаралья является глинистой пустыней, кормовые ресурсы которой не могут обеспечить выпас скота круглый год. Именно вследствие этого скотоводы описываемого района были вынуждены дополнительно перекочевывать на сезонные летние пастбища. На юге Кызылкумов не было условий из-за недостатка воды, поэтому оставались только пути на север и северо-запад к степной зоне. Северные районы более активно эксплуатировались местным населением Центрального и Северного Казахстана, поэтому перекочевки туда были более редкими, как показывают данные этнографии. Наиболее приемлемым был путь к рекам Илек и Урал.

Таким образом, природно-климатическая характеристика района подтверждает рациональное размещение летних и зимних пастбищ в отмеченных районах [Особенности сельского хозяйства Адаевского уезда, 1929, с. 97; Ракитников, 1958, с. 107, 110–111].

В европейской части Прикаспия, как и на интересующей нас территории, вплоть до организации колхозов и совхозов сохранялись традиционные сезонные угодья выпасов и пути перекочевок [Ракитников, 1958, с. 112; Хазанов, 1972]. Особенности кочевого скотоводческого хозяйства определяли сохранение традиционных форм его ведения и многие специфические черты в культуре и быту в течение многих веков [Потапов, 1957, с. 61–67]. Удел Шибана поразительно совпадает с основной территорией владения Кангюй, определенной по ранним китайским хроникам. Попытаемся проследить судьбу этого региона в древности по имеющимся источникам.

Хозяйственно-культурный тип кочевого скотоводства возникает в конце эпохи бронзы или на рубеже эпохи бронзы и железного века. Анализ погребального обряда и инвентаря савроматов Южного Приуралья и сопоставление его с сакским из низовьев Сырдарьи [Вишневская, 1973; Вишневская, Итина, 1971; Толстов, Итина, 1966] позволил К.Ф.Смирнову сделать вывод о том, что генетические связи южноуральского и нижнесырдарьинского населения выявляются в археологическом и антропологическом материале [Смирнов, 1964, с. 287, 276 и сл., 196]. Отмеченные связи южноуральских савроматов с

населением Юго-Восточного Приаралья могут свидетельствовать о том, что хозяйственно-культурная область от Южного Приуралья до низовьев Сырдарьи начала складываться во всяком случае уже в это время.

Памятники раннесарматской (прохоровской) культуры в Приуралье демонстрируют достаточно тесные, но, возможно, лишь торговые связи с Приаральем [Мошкова, 1974, с. 43]. Вместе с тем обращает на себя внимание уменьшение сарматского населения в Южном Приуралье ко II в. до н.э. [Мошкова, 1974, с. 47]. Можно предположить, что это явилось следствием климатических изменений или окончательного сложения хозяйственной территории той группы племен, зимовки (и соответственно центр) которых находились в Юго-Восточном Приаралье (см. часть I). Именно в это время, согласно китайским источникам, в политической жизни Средней Азии фигурирует могущественное государство Кангюй (см. часть IV). Археологически районы, которые, согласно данным китайских хроник мы считаем коренными землями Кангюя, в основном совпадают с этим районом. Особое место занимают в нем дельтовые районы Сырдарьи, изучавшиеся Хорезмской экспедицией [Толстов, 1962, и др.].

Здесь в период IV–II вв. до н.э. известны памятники чирикрабатской культуры [Вайнберг, Левина, 1993]. Выделяются крупные центры — крепости Чирик-рабат и Бабниш-мулла. Развитая архитектура и гончарная керамика указывают на тесные связи с земледельческими областями Средней Азии [Толстов, 1962, с. 158–170]. Но во II в. до н.э. по причине усыхания русел в зоне чирикрабатской культуры население покидает этот район дельты [Вайнберг, Левина, 1993] (см. ниже часть III).

Вместе с тем в низовьях Сырдарьи по протокам Пра-Кувандарьи известны памятники очень самобытной джетыясарской культуры [Левина, 1996]. Исследование ее значительно продвинулось в последнее десятилетие (см. [Толстов, 1948, с. 125–137; Толстов, 1958, с. 235 и сл.]). В результате работ последних лет начали выявляться более ранние комплексы джетыясарской культуры, относящиеся ко второй половине I тыс. до н.э. [Левина, 1996]. Есть некоторые основания считать, что эта культура скотоводческих племен восходит своими корнями к концу эпохи бронзы, так как в ней могут быть отмечены генетические связи с материалами из позднебронзового могильника Тагискен [Левина, 1996].

Непрерывное развитие джетыясарской культуры в низовьях Сырдарьи вплоть до конца IX в. н.э., переселение части племен ее в конце VII в. в дельту Амударьи и на север Сырдарьинской дельты в Казалинский район и связанный с этим расселением удельный чекан Кердера (Северный Хорезм), отличающийся, с одной стороны, специфической короной в виде лежащего двугорбого верблюда, а с другой —

тамгой, известной позднее у канглов [Вайнберг, 1973; Баскаков, 1940, таблица тамг], а также локализация центра Кангюя китайских источников в этом районе позволяют считать, что носителями джетыясарской культуры были «кангюйские» племена (или часть их). Существуют различные точки зрения о происхождении и этимологии названия «Кангюй» (см. [Кляшторный, 1964, с. 173; Литвинский, 1968, с. 21–23]). Нам представляется, что есть основания отдать предпочтение мнению о том, что Кангюй — это название географической области либо политического образования, а не тому, что это этническое наименование (см. раздел о Кангюе в части IV). Кангха, которую все исследователи отождествляют с Кангюем, в Авесте является центром Турана, области расселения туров (уточненный перевод см. [Кляшторный, 1964, с. 169]). Аналогична и роль Канга в «Шах-наме». Центры (зимняя и летняя резиденции) Кангюя в китайских хрониках названы иначе. Вместе с тем уже со времени Птолемея известны этнические наименования племен, расселявшихся у Сырдарьи и среди них как будто бы восходящие к названиям Кангха–Канг–Кангюй [Птолемей VI, 14, 10; Marquart, 1946, с. 318].

Можно предположить, что в VIII в. после падения Тюркского каганата на территории от низовьев Сырдарьи и к северо-западу от них возникает объединение местных племен во главе с тюркским племенем печенегов [Вайнберг, 1973, с. 115–116], в составе которых кангары были господствующей группой.

Существует обширная литература, посвященная печенегам, но она касается почти исключительно их истории в Восточной Европе, куда они переселились, согласно данным Константина Багрянородного, в конце IX в. [Константин Багрянородный, 1991, гл. 37]. Этому предшествовала борьба печенегов (баджанакон, баджана) с гузами, карлуками и кимаками в степях у Аральского моря [Якубовский, 1947, с. 51; Marquart, 1914, с. 26]. На стороне печенегов выступали нукарды и баджгарды. С.Г.Агаджанов [Агаджанов, 1969, с. 129] привлек в этой связи предания башкирского народа, в которых говорится, что ряд башкирских племен первоначально обитал в долине Сырдарьи и Приаралье, а в VIII–IX вв. они переселились к Южному Уралу и в Приуралье. Огузы, карлуки и кимаки являлись соседними с печенегами племенами и располагались на средней Сырдарье и в Семиречье, на Иртыше и в Центральном Казахстане [Агаджанов, 1969].

Борьба печенегов с огузами, в которой первоначально побеждали печенеги, нашла отражение в исторических преданиях ([Агаджанов, 1969, с. 130 и сл.], там же литература). В ходе этой борьбы часть печенегов была включена в состав победивших их к концу IX в. огузов.

Все эти данные позволяют и первоначальное объединение печенегов связывать с территорией Северо-Западного Казахстана и Приаральем.

По Ибн Русте и Гардизи, печенеги, очевидно, в IX в. помещаются к северо-западу от Аральского моря. Страна печенегов простирается на 30 дней пути (ср. с описанием пути Платона Карпини и Рубрика через земли канглов-кангитов). Позднее Ибн Фадлан остатки их встретил к востоку от реки Урал у озера Челкар [Бартольд, 1963б, с. 820, 823; Ковалевский, 1956, с. 130]. Эти факты свидетельствуют о том, что западная граница печенежской конфедерации проходила по традиционным рубежам древнего Кангюя (см. также [Шаниязов, 1974, с. 48–49]).

В начале VIII в. кангары — наследники имени Кангюя — еще известны в Средней Азии под именем кенгересов [Кляшторный, 1964, с. 161 и сл.] или кангарарлыг [Зуев, 1960, с. 127]. Позднее этот этноним не встречается в Средней Азии, а с XII в. в источниках уже фигурируют канглы, в имени которых большинство исследователей видят тюркское переоформление этнонима «кангар» [Толстов, 1947, с. 93; Зуев, 1960, с. 127] (литературу см. [Щербак, 1959, с. 370]). Активная тюркизация древнего населения, начавшаяся в V–VI вв. (см. часть IV), вероятно, происходила именно в период печенежского объединения в Приаралье.

Господствующее положение в политическом объединении печенегов несомненно способствовало активной тюркизации кангар [Алексеев, Бромлей, 1968].

Сохранение кангарами особого положения среди печенежских племен, очевидно, является следствием того, что именно кангарам принадлежала та область, на которой происходило сложение печенежского союза племен, и они составляли наиболее многочисленный компонент в нем. Аналогичную картину можно наблюдать и в более позднем объединении кипчаков, складывавшемся практически на той же территории. Точно так же как Константин Багрянородный называет кангар «храбрейшими и благороднейшими» среди печенегов [Константин Багрянородный, 1991, гл. 37], так и Махмуд Кашгарский отмечает, что «канглы у кипчаков — наименование знатного человека» ([Махмуд Кашгарский, 1963], см. также [Караев, 1972, с. 379]). Аналогичную характеристику имеют аланы у осетинов [Абаев, 1958, с. 47].

В конце IX — начале X в. место вытесненных из Азии печенегов занимают огузы. Исследование письменных источников — и прежде всего очень ценного, но весьма запутанного труда Идриси — позволило С.Г.Агаджанову выявить территорию расселения огузов в X в. [Агаджанов, 1969, с. 72 и др.]. Это была степная полоса от Южного Прибалхашья до низовьев Волги. «Наиболее компактно они жили в Приаралье, Северном Прикаспии, в нижнем течении Сырдарьи» [Агаджанов, 1969, с. 72]. Перед нами опять вырисовывается та же территория древних земель Кангюя, и даже максимальные границы расселения огузских племен почти совпадают с максимальными границами Кангюя, как их рисуют китайские хроники.

Близки к ним и границы кипчакского объединения, пришедшего на смену огузскому в степях Северо-Западного Казахстана. Только центр этого объединения сместился несколько к югу — в город Сыгнак [Бартольд, 1963, с. 236, 392]. Если у Махмуда Кашгарского (XI в.) канглы — это господствующее племя кыпчаков, то источники XIV в. в составе кипчакских племен разного происхождения указывают «кангуоглы (или каголы)», «канааралы» [Тизенгаузен, 1884, с. 540–541]. У огузов известны также племена канлы [Рашид-ад-дин, 1952, с. 84] и бичине (баджене) [Рашид-ад-дин, 1952, с. 89]. Тамга баджене, приведенная у Рашид-ад-дина (У), обнаруживает явное сходство с тамгой племени канглы у ногайцев (У) [Баскаков, 1940, таблица тамг] и аналогичной тамгой, помещенной правителем Кердера в северном Хорезме на монетах в начале VIII в. [Вайнберг, 1973].

Не только печенеги, но и канглы известны в связи с историей туркмен и огузов. Канглы нападают на туркмен в их старом юрте после ухода Сельджука [Кононов, 1958, с. 57]. Хан канглов Кок-тонлы известен на Яике в связи с переселением Салор-огурджика [Кононов, 1958, с. 72].

В XII — начале XIII в. канглы упоминаются в районе Баласагуна и Алмалыка [МИТТ, I, с. 503]. В это же время ставка канглов известна в Приаральских Каракумах [МИТТ, I, с. 485; Бартольд, 1963, с. 482]. Плано Карпини и Рубрук отмечают независимо друг от друга, что земля кангитов–канглов начинается к востоку от Яика (Урала) и тянется приблизительно на месяц пути в юго-восточном направлении [Рубрук, 1911, с. 50–51, с. 102–103].

Таким образом, тюркизованные потомки древних кангюйцев — средневековые канглы, несмотря на смену политических образований и значительные этнические передвижения, продолжали жить в Северо-Западном Казахстане и Приаралье (на территории древнего Кангюя, по нашей локализации) и входили во все племенные союзы, образовавшиеся на этой территории.

В XV–XVI вв. на территории Казахстана складываются племенные союзы узбеков, казахов, ногайцев (мангытов). В «Михман-наме-йи Бухара» Рузбихана приводится ряд интересных в связи с нашей темой сведений. В разделе «Рассказ о местонахождении стран Туркестана и земель казахов» (глава XXI) Рузбихан отмечает, что «в каждом улусе знаменитом есть султан могущественный из потомков Чингис-хана, и они с народом своим пребывают в местности, которая со времен Джучи-хана и Шейбани-хана и до настоящего времени является древним юртом их, и они наслаждаются находящимися там пастбищами» [Рузбихан, 1976, с. 92 и сл.].

Зимовки узбеков и казахов, согласно Рузбихану, располагались «по берегу реки Сейхун, которую там называют Сырдарьей», и в Караку-

мах (Приаральских) [Рузбихан, 1976, с. 145]. Летовки их — степи Дешти-Кипчака [Рузбихан, 1976, с. 143].

Традиционная территория сохраняется и в этот период. История и этнография казахов дают весьма ценный материал. Как мы уже отмечали, на территории Казахстана в позднем средневековье создаются три племенных образования — жуза ([Востров, 1962, с. 73–74], там же литература). Младший (алашинский) жуз складывается на территории Северо-Западного Казахстана, опять на тех же землях древнего Кангюя и сменявших его объединений кочевых племен [Востров, 1962, с. 74–75; Востров, 1963, с. 30 и сл.; Муқанов, 1961].

Традиционное расселение племен на этой территории и в связи с этим сезонная эксплуатация пастбищ были нарушены лишь после развития земледелия в Приуралье, в местах традиционных летних пастбищ.

Таким образом, по историческим источникам с конца I тыс. до н.э. и вплоть до XX в. на территории Северо-Западного Казахстана и в Приаралье прослеживается устойчивая историко-этнографическая область, известная с эпохи II в. до н.э. и вплоть до раннего средневековья под названием Кангюй.

Некоторые материалы эпохи древности из области древней дельты Сырдарьи, полученные в итоге археологических работ, могут несколько дополнить общую картину.

Здесь, как мы отмечали выше, выявлены два культурных ареала — чирикрабатская культура (дахи) и джетыасарская культура (условно «кангюйские племена», в части IV мы постараемся обосновать отождествление их с ариаками Птолемея), — связанных с разными экологическими нишами (см. часть I). Какое-то время (в пределах III — II вв. до н.э. бесспорно) они сосуществовали. На территории чирикрабатской культуры выявлено несколько оазисов, каждый из которых, как правило, включал крепость, монументальный мавзолей, а также сельские поселения (см. [Вайнберг, Левина, 1993]). Наиболее крупным является оазис у крепости Бабиш-мулла I, в основе которой лежит недостроенная резиденция ахеменидских сатрапов. Крепость Чирик-рабат выделяется своими большими размерами и крупными курганами и мавзолеями, расположенными внутри крепостных стен. Предполагается, что это была «столица» местных племен скотоводов. Остальные оазисы и постройки уступают этим памятникам по масштабам. Это Баландинский оазис с небольшой крепостью и уникальным монументальным мавзолеем и Чирик 2, Кабул-кала, Сенгир-кала. Представляется, что эти крепости были центрами территории зимовок относительно обособленных групп населения.

Хотелось бы обратить внимание на этнографические и исторические аналогии. Родо-племенная организация у казахов, узбеков и туркмен долгое время являлась хозяйственно-политической и админи-

стративной единицей. Каждое из племен платило подати, участвовало в разделе воды и земли, поставляло воинов. По племенам определялась и территория с пастбищами, пашнями, на которой часто располагались и укрепленные пункты, служившие резиденцией главы племени [Иванов, 1958, с. 12 и сл. — данные об узбеках]. Для туркмен эти материалы автор изучал в Присарыкамышской дельте Амударьи [Вайнберг, 1961; 1964, где приведена литература]. Осваивая земли древнего орошения в левобережном Хорезме в XIX в., туркмены расселялись на них по родо-племенным подразделениям и в первую очередь начинали там заниматься земледелием и стойловым разведением лошадей [Вайнберг, 1982]. В зоне этих поселений среди планировок полей в некоторых местах встречаются «племенные» укрепления: Машрик-сенгир, Теке-сенгир, Сакар-сенгир. Это примитивные крепости с сырцовыми стенами без явных оборонительных сооружений, внутри которых рядами, но изолированно друг от друга стоят, как правило, одно-двухкамерные, постройки из пахсы. Мест для размещения скота нет. Удалось выяснить, что эти сенгиры строились на ранней стадии освоения территории при довольно неспокойной политической ситуации (борьба с хивинскими ханами за воду).

Исходя из этих аналогий, можно предположить, что чирикратские укрепления тоже были резиденциями глав отдельных племен дахского объединения, а некоторые из них могли служить и племенным убежищем на случай опасности: все они имеют оборонительные сооружения (бойницы, иногда стрелковые коридоры, примитивные башни).

Родовые (родо-племенные) крепости-убежища известны и на территории расселения каракалпаков в современной дельте Амударьи [Андрианов, 1958].

В связи с соседством и одновременным расселением в древней дельте Сырдарьи чирикратцев и джетыясарцев можно вспомнить, что в XVIII в. практически на той же территории жили и каракалпаки, и казахи.

Страбон (Страбон XI, VII, 2) отмечал, что «из даев одни называются апарнами, другие — ксанфиями и третьи — писсурами», эти племена даев (дахов) расселялись у границ Парфии после ухода их из Приаралья (от Меотиды, здесь — Аральского моря).

Эти сведения подтверждают предположение о том, что в составе «саков, которые за Согдом» — конфедерации племен, возглавляемой дахами, — были и другие племена, имена которых нам неизвестны. Отмеченные выше укрепления на территории дахов в Приаралье, как нам представляется, достаточное подтверждение этого.

Авеста знает для иранских народов такое понятие, как «культовый союз», равнозначный понятию «племя» (*арьяман*), о чем говорилось выше, в связи с чем, может быть, мавзолеи вблизи крепостей и явля-

ются подтверждением этого, так как с ними, бесспорно, был связан основополагающий культ плодородия и предков, обеспечивавших благополучие живущих.

Одной из характерных черт джетыясарской культуры являются мощные укрепленные поселения при отсутствии «сельской» округи. Представляется, что и они могли быть «племенными» крепостями, где население укрывалось от врагов, находясь на зимовках либо постоянно проживая здесь. О количестве таких одновременно существовавших укреплений, особенно в ранний период, судить еще трудно, так как ранние слои их мало изучены. Подробные данные об этих поселениях приведены в монографии Л.М.Левиной [Левина, 1996].

Низовья Амударьи

Хотя археологические памятники района основательно изучены, составить относительно точное представление об этнической ситуации на этой территории в древности довольно сложно. В современном оазисе в низовьях Амударьи живут три крупные этнические группы: узбеки, туркмены и каракалпаки [Народы Средней Азии, 1962, с. 92 и сл.], при этом среди узбеков тоже выделяются две группы — северные и южные [Сазонова, 1952; Задыхина, 1952].

Сложилась эта современная картина расселения народов в основном за период после XVI в., когда начались активные перемещения скотоводов в оазис (см. следующую главу). В основном границы этнических территорий в низовьях Амударьи совпали с природно-хозяйственными зонами позднего средневековья и нового времени.

Историю формирования этнической территории каракалпаков в северном Хорезме детально исследовал Б.В.Андрианов [Андрианов, 1958]. Он считал, что начало этого процесса относится к XVI–XVII вв., когда каракалпаки появляются на территории Аральского владения северных узбеков в силу традиционных территориальных, этнических и политических связей этих народов [Андрианов, 1958, с. 115]. Особенности экологии определили конкретные формы их расселения. А политическая ситуация способствовала новым переселениям каракалпакских племен в амударьинскую дельту [Андрианов, 1958, с. 115]. Расселялись каракалпаки в дельте по родо-племенным подразделениям.

Туркмены начали заселять левобережные районы Хорезма с периода средневекового обводнения Сарыкамышы и Узбоя в XIII в. (см. [Вайнберг 1989; Юсупов, 1975]); в XVII–XVIII вв., когда здесь отсутствовали источники водоснабжения, кроме редких и маломощных колодцев, только кочевники могли оставаться на этой территории. Но в XIX в. в новых условиях туркменские племена активно осваивали

западные окраины Хивинского ханства [Брегель, 1961; Марков Г.Е., 1961] (см. также [Аннанепесов, 1972, с. 13 и сл.]), где создали земельческие оазисы [Вайнберг, 1959].

Разные исторические судьбы были у северных и южных узбеков Хорезма [Сазонова, 1952; Задыхина, 1952].

В значительной мере современное расселение народов в низовьях Амударьи отражает исторический процесс освоения этой территории в зависимости от ее обводнения. Как уже многократно отмечалось, условия обводнения в дельте Амударьи довольно изменчивы и в древности значительно отличались от настоящих.

В.В.Цинзерлинг даже современную дельту Амударьи делил на три основные части: верхнюю, среднюю и нижнюю. Верхняя, самая древняя, это бассейн протоков Даудана и Канга-дарьи (Присарыкамышье), она простирается от Питняка до теснины Джумуртау. Средняя — между Джумуртау и Тахиаташем, это бассейн Дарьялька. Ниже Тахиаташа находится современная нижняя дельта [Цинзерлинг, 1927]. Последующие исследования палеогеографии и истории формирования дельтовой области Амударьи значительно уточнили ее районирование [Низовья Амударьи, 1960]. Выше мы уже отмечали, что по природным условиям и возможностям хозяйственного освоения в древности выделяются три больших района: Южная Акчадарьинская дельта (правобережье реки), зона развитой ирригации и земледелия; Северная Акчадарьинская и Приаральская дельты с изменчивым режимом обводнения, лиманным и каирным типом орошения в подсобном земледелии и преобладанием скотоводства в хозяйстве и Присарыкамышская дельта (левобережье реки) — живая дельта на протяжении с VII в. до н.э. до V в. н.э., с обилием обводненных русел и протоков, создававших условия для развития преимущественно не крупных земельческих оазисов со своей системой ирригации, и расположенных по соседству с ними районов расселения оседлых (куюсайская культура и ее наследники) и кочевых (подбойно-катакомбные могильники) групп скотоводов.

На базе этого природного районирования Хорезмского оазиса в древности можно рассматривать и этническую ситуацию в свете археологических материалов, так как в письменных источниках фигурируют лишь названия оазиса Хорезм или хорезмийцы — собирательное название его жителей. Подробное описание археологических комплексов приводится в части III настоящей работы. Здесь же в связи с затронутым кругом проблем отметим, что комплекс гончарной посуды распространен с начала ее появления в VI в. до н.э. одинаково по всем районам низовьев Амударьи: она отражает общность в пределах историко-культурной области (древний Хорезм вообще). А детальное изучение сотрудниками экспедиции особенностей керамики ручной выделки позволяет выделить на современном уровне знаний два обособ-

ленных района — правобережный и левобережный Хорезм, и в каждом из них сохранялась на протяжении веков своя независимая традиция выделки условно названной нами «деревенской» посуды. Подробно мы останавливаемся на этом вопросе в части III. Есть основание предполагать, что оба этих комплекса отражают различные по происхождению группы иранского по языку населения.

Подробнее нами изучена левобережная группа, которую мы возводим к хорасмиям, переселившимся сюда из района Туркмено-Хорасанских гор, и сакам (дахам?) из низовьев Сырдарьи. Вероятно, этой группе и обязан своим названием весь оазис дельты Амударьи (см. часть IV).

Правобережное население — потомки амирабадцев позднебронзовой эпохи, генетически связанных, в свою очередь, с иранскими степными племенами, появившимися в низовьях Амударьи в середине II тыс. до н.э. [Итина, 1977].

Население Северной Акчадарьинской дельты для периода ее обводнения в VII–II вв. до н.э. по основным параметрам археологической культуры нам практически неизвестно. Отдельные фрагменты лепной керамики из этого района дают основание предположить, что здесь расселялась еще одна группа населения.

В конце VII в. н.э. в правобережной части современной дельты из низовьев Сырдарьи появляется новая группа населения с яркой и самобытной кердерской культурой, которую есть основание связывать, как мы пытаемся показать в части IV, с угорской группой и выделять среди нее «племя» арсиев, широко известное по событиям в Хазарском каганате. Кердер составлял особое удельное владение в Хорезме и имел в VIII в. свой монетный чекан [Вайнберг, 1973].

В левобережном Хорезме этническая ситуация была непростой, она не до конца ясна и по археологическим материалам. С VII в. до н.э. Присарыкамышскую дельту широко осваивают оседлые скотоводы (куюсайская культура). С VI в. до н.э. с развитием древнехорезмийской цивилизации куюсайцы (древние хорасмии) воспринимают многие черты «городской» культуры всего оазиса: здесь распространяется та же гончарная посуда, что и в правобережье, но наряду с ней сохраняется своя традиционная, «деревенская», ряд форм которой подражают гончарной при сохранении традиционных особенностей выделки и оформления ее. В строительстве появляется сырцовая архитектура, но в жилых постройках сохраняются традиции каркасного строительства (есть каркасы с камнем и сырцом). С другой стороны, в памятниках оседлого населения в этой части оазиса восприняты и многие особенности культуры куюсайской группы: в первую очередь каркасное строительство (на Кюзели-гыре, Калалы-гыре 2), что может быть объяснено и экологией. В керамическом комплексе Кюзели-гыра значительное количество лепной посуды составляют куюсайские по облику и отделке сосуды. Красный ангоб на ряде форм столовой гончарной

посуды этого памятника, вероятно, связан также с традиционно куюсайским красно-оранжевым покрытием лепной керамики.

С IV—III вв. до н.э. на территории левобережного Хорезма довольно широко расселяются земледельцы. В это же время здесь появляются и первые «пришлые» кочевники (погребения подбойно-катакомбного типа). Не совсем ясно, как разделилась территория Присарыкамышской дельты между всеми ними. Можно высказать только ряд довольно предварительных соображений, так как памятники этой территории изучены мало и довольно неравномерно.

Когда появились первые подбойные погребения, то они совершались в самостоятельных могильниках, но часто по соседству с более ранними, куюсайскими (Тумек-кичиджик, Тарым-кая 1, вероятно, в ряде мест на Тузгыре). Позднее, если судить по топографии могильников, их зоны разделились; на рубеже веков на Тарым-кая уже остаются только могильники местного населения — потомков куюсайцев. Это оседлые скотоводы, поселения которых располагаются вблизи русла и в пределах видимости с территории могильника, находящегося на возвышенности. Потомки куюсайцев, бесспорно, занимали всю территорию между возвышенностями Тарым-кая на востоке и Сарыкамышем на западе, Зенги-баба на юге и устьем Даудана на севере. Территория эта практически совпадает с зоной расселения туркмен адаклы-хызыров в XIII—XV вв. (см. [Вайнберг, 1989]). Поселения и могильники куюсайцев известны вплоть до первых веков н.э. В этой зоне на поселении куюсайцев обнаружен и культовый центр Гяур 3 [Вайнберг, 1991], существовавший в IV—II вв. до н.э., позднее его сменил более монументальный культовый центр Гяур 1. Мы считаем возможным так интерпретировать этот памятник по аналогии с изучавшимся нами много лет культовым центром Калалы-гыр 2. Комплекс Гяур 1 (Гяур-кала черменябская) находится в 6 км к западу от Гяур 3 и в пределах уже отмеченной зоны. В связи с этим особым районом расселения оседлых скотоводов следует рассматривать и создание хорезмийской крепости Канга-кала, так как она построена в центре этого района и существовала в IV в. до н.э. — IV в. н.э., до конца освоения этой территории. Это была государственная крепость, вероятно, административный центр этого района. Путем наземного обследования и шурфовки нам удалось установить, что у западной и южной стен крепости за рвом существовало обширное открытое поселение (рыхлый культурный слой с костями и преимущественно куюсайской по облику посудой; мощность слоя — до полуметра, явных сырцовых конструкций нет). На юге это поселение по склону возвышенности спускалось к речному руслу. За пределами поселения, к северо-западу от крепости, сохранились основания сырцовых наусов и остатки врытых около них в землю оссуариев — памятники хорезмийского населения, жившего в самой крепости.

Подбойно-катакомбные памятники в первые века н.э. встречаются практически на всех возвышенностях за пределами описанного района. Особенно много их на возвышенностях Тузгыр, Шахсенем и Ясыгыр (восточная возвышенность). Есть они вблизи крупных хорезмийских крепостей Шахсенем, Акча-гелин и просто под стенами некоторых из них — Мангыр-кала, Куюсай-кала. Можно предположить, что скотоводы-кочевники этой группы освоили всю территорию Присарыкамьшской дельты, оттеснив потомков куюсайцев в самые западные районы. На всей этой территории открыты и небольшие земледельческие оазисы с многочисленными агроирригационными планировками, виноградниками и избытком гончарных печей. Мы уже отмечали [Вайнберг 1991; Вайнберг, 1996], что есть все основания рассматривать их как специально выдвинутые в скотоводческую зону центры древнехорезмийской культуры для снабжения кочевников продуктами земледелия и ремесла. Кочевники, очевидно, обеспечивали безопасность государства в силу каких-то договорных отношений, за что, в свою очередь, государство расплачивалось продуктами земледелия (хлеб, вино) и ремесла (керамика, металлические изделия и др.).

Если этническое единство «подбойно-катакомбной» группы кочевников несомненно, хотя имени их мы и не знаем (условно мы сохраняем за ними имя юечжей — см. часть IV), то даже предположительно нельзя определить этническую принадлежность населения оазисов. Считать их переселенцами из правобережного Хорезма у нас нет оснований, так как в комплексе керамики здесь нет характерной для правобережного Хорезма светлоангобириванной керамики ручной лепки. Может быть, это потомки куюсайцев, воспринявшие хозяйственные навыки и культуру земледельцев Хорезмского оазиса? Пока ответа на этот вопрос нет.

После осушения Присарыкамьшской дельты в IV–V вв. территория оазиса в низовьях Амударьи сильно сократилась. Возможно, что скотоводы, и прежде всего кочевники, влились в миграционные потоки «эпохи великого переселения народов». Но несомненно, что плотность населения в правобережном Хорезме и узкой полосе левобережья, орошенной вновь выведенными из Амударьи каналами, значительно возросла. Представляется, что в этот период произошла окончательная ассимиляция куюсайской этнической группы и, пожалуй, с этого времени название «хорезмийцы» становится и этническим, а не только собирательным обозначением жителей оазиса в низовьях Амударьи.

Таким образом, «экологические ниши» в дельтовой области способствовали развитию в них особых форм хозяйственной деятельности, а она часто совпадала с особой этнической группой. Но достаточно обычным было и проживание на одной территории разных этниче-

ских групп, находившихся в тесных культурных и хозяйственных контактах, сохранявших при этом свою самобытность. Совпадение хозяйственной территории (зоны, района) с этнической представляется более вероятным для районов, заселенных скотоводами, в земледельческой зоне выделить их достаточно сложно.

ГЛАВА 3

Традиционные пути миграций племен в средние века

Недостаток, а иногда и полное отсутствие письменных источников о народах, населявших северные области Среднеазиатско-Казахстанского региона в древности, заставляет нас возможно полнее использовать нетрадиционные для исторического исследования косвенные свидетельства, позволяющие интерпретировать археологические материалы и скудные данные письменных источников, которыми мы располагаем в настоящее время. В связи с этим считаем возможным рассматривать и такой связанный с экологией аспект этнической истории скотоводческих племен, как пути их миграций. В некотором роде это своеобразный опыт этноархеологического исследования. При переселении больших групп кочевников, в которые входили их семьи и скот, несомненно, выбирались наиболее удобные пути передвижения, где мигрирующая группа была обеспечена водой, топливом и пастбищами для скота. Часто эти пути совпадали с маршрутами отдаленных сезонных перекочевок, но в большинстве случаев они далеко выходили за их пределы. Очень широко распространен взгляд о господствовавшем в Средней Азии и Казахстане направлении движения кочевников лишь с востока на запад (например, [Гумилев, 1980; Пьянков, 1981; Бартольд, 1963, с. 489]; ср. [Иванов, 1958, с. 15]), что, как мы покажем ниже, не соответствует реальной исторической картине в тот период, когда мы можем проследить ее по письменным источникам.

Не имея возможности (а главное, достоверных данных) исследовать все передвижения кочевых народов в пределах региона на разных этапах исторического развития, мы позволим себе выявить их в пределах XV–XVIII вв., когда они подробнее всего освещены письменными источниками.

После монгольского нашествия вся обширная завоеванная территория была поделена между наследниками Чингисхана на ряд уделов — государств. Наиболее крупным из них был улус его старшего сына Джучи. Государство это известно под именем Золотой Орды. Центр

его был в Поволжье, а до XIV в. территория его простиралась от Днепра на восток, включала Крым, Поволжье, Северный Кавказ, Южный Урал, северную часть Хорезма, бассейн нижней Сырдарьи и степи к северу от этой реки и Аральского моря [Греков, Якубовский, 1950; Федоров-Давыдов, 1966]. Южные районы Средней Азии вошли в состав Чагатаева улуса. В начале XIV в. улус Джучи распался на два государства — Кок-Орду и Ак-Орду, последняя была в вассальной зависимости от первой и включала в себя восточные районы владений Золотой Орды. Наиболее важной частью Ак-Орды (Белой Орды) в экономическом, культурном и политическом отношении были районы средней и нижней Сырдарьи [Тизенгаузен, 1941, с. 127; Бартольд, 1963в, с. 57 и сл.]. Помимо этого в нее входили огромные степные пространства Дешт-и Кипчака в Казахстане и частично лесостепные и лесные районы к северу от него. Эта территория была в XIV в. заселена многочисленными кипчакскими племенами, в состав которых вошли и оставшиеся здесь частично более древние племена этого региона [Греков, Якубовский, 1950, с. 296 и сл.; Шаниязов, 1974, с. 42–76]. Подчинившие кипчаков монголы (татары) смешались с местным населением, к XIV в. постепенно утратили свой язык и стали говорить на тюркском (кипчакском) языке. Аналогичный процесс происходил и на юге Средней Азии [Греков, Якубовский, 1950, с. 297]. Даже два крупнейших монгольских племени — кунграты и мангыты, в Дешт-и Кипчаке выделявшиеся племенным единством, не смогли сохранить свой язык и были оторечены. Во второй половине XIV в. мангытов стали называть ногаями (по имени крупного политического деятеля конца XIII — XIV в. в Золотой Орде, правителя западных областей Дешт-и Кипчака). Они образовали орду (ханство), которая с 80-х годов XV в. занимала земли к востоку от Волги до Яика (р. Урал). Население Ак-Орды, находившейся восточнее, в XV в. в источниках называется «узбеками», а саму Ак-Орду часто называют «узбекским улусом» [Греков, Якубовский, 1950, с. 298 и сл.]. Эти ак-ордынские кочевники-узбеки стали в дальнейшем «последним слагаемым» в этногенезе узбекского народа и передали ему свое имя [Якубовский, 1941; Народы Средней Азии и Казахстана, 1962; Греков, Якубовский, 1950, с. 296 и сл.]. Столицей Ак-Орды был город Сыгнак, расположенный на правом берегу Сырдарьи, между рекой и горами Каратау, до монгольского нашествия это был центр кипчаков на Сырдарье.

В конце XIV в. восточная часть Дешт-и Кипчака стала ареной ожесточенной борьбы между ханом Тохтамышем, захватившим власть в Ак-Орде, и Тимуром, которому была подчинена вся южная часть Средней Азии. После разгрома Тохтамыша в западных областях Дешт-и Кипчака Тимур, согласно источникам, переселил на территории к северо-востоку от Аральского моря и на нижнюю Сырдарью значительное число кочевых племен [Шаниязов, 1974, с. 79].

В 20-х годах XV в. в восточной части территории Дешт-и Кипчака Абулхайр-хан при поддержке около 200 представителей племен и родов создал государство кочевых узбеков [Ахмедов, 1965, с. 46 и сл.]. Это объединение просуществовало менее полувека (особо обратим внимание на то, что от подобного недолговечного объединения никаких археологических свидетельств не могло бы сохраниться).

Еще до создания государства Абулхайра, с начала XV в., узбеки начинают последовательное наступление на Среднюю Азию. В 1405–1406 гг. они захватили Хорезм, откуда стали совершать набеги на южные районы, доходя до Бухары и даже Астрабада. Хорезм представлял для кочевников особый интерес, так как этот земледельческий оазис расположен изолированно от остальной части Средней Азии и поэтому был более доступен для завоеваний [Иванов, 1958, с. 33, 36].

Не менее упорно боролись узбеки за обладание низовьями Сырдарьи. Начавшись в 1416 г., война здесь продолжалась с переменным успехом в течение всего XV в. [Иванов, 1958, с. 22, 33]. Этот район имел удобные для кочевников места зимовок и стал, как и Хорезм, базой, откуда в конце XV в. узбеки предприняли завоевание южных районов Средней Азии. Особенно успешно завоевывали узбеки среднеазиатские земли под предводительством внука Абулхайра узбекского хана Мухаммеда Шейбани. В 1488 г. он овладел Туркестаном, в 1500 г. — Бухарой и Самаркандом, в конце XV в. — северо-западным Хорезмом с городом Вазиром. В XVI в. узбеки уничтожили Чагатайское государство и несколько позже основали Хивинское и Бухарское ханства (а с конца XVIII в. и Кокандское). Уже узбекский хан Шейбани, победивший Тимуридов, образовал обширное государство (от Ташкента и Ферганы до Хорасана и Хорезма), на территории которого расселились многие кочевые племена из Дешт-и Кипчака. Вероятно, уже в это время часть узбекских племен продвинулась и в левобережье верхнего течения Амударьи (современный Северный Афганистан), где они заняли ряд областей к северу от Гиндукуша [Бартольд, 1974, с. 53; Иванов, 1958, с. 52 и др.].

В начале XVI в. Шейбани-хан вел успешное наступление на Хорасан. В борьбе с правителем Герата Хусейн-мирзой и его наследниками он овладел Гератом и подчинил все области от Кандагара и Мешхеда на юге до Хорезма на севере [Иванов, 1958, с. 52].

Источники особо отмечают, что большая часть завоеваний Шейбани-хана в земледельческих районах Средней Азии осуществлялась «без грабежа и насилия» [Иванов, 1958, с. 51]. Переселяясь сюда, узбеки стремились сохранить экономику завоеванных областей. Следствием завоеваний узбеков в Средней Азии стал уход Тимурида Бабура с небольшим отрядом со своей родины — Ферганы через Гиссар в Кабул, а затем завоевание им Индии и создание империи Великих Моголов со столицей в Агре [Бабур-наме, с. 14, 144–146, 148 и сл.].

Закреплению узбеков в Хорасане препятствовало Персидское государство; в битве с его основателем шахом Исмаилом у Мерва в 1510 г. пал и сам хан Шейбани. Его наследники сумели удержать его завоевания в Средней Азии.

Существует довольно обширная литература о составе и численности племен, переселившихся в Среднюю Азию [Кармышева, 1976, с. 209 и сл.; Мукминова, 1954; Султанов, 1982, с. 20 и сл.]. Многие исследователи довольно убедительно показывают, что кочевники-узбеки, пришедшие в Мавераннахр с Шейбани-ханом, были довольно многочисленны. Часть одних и тех же племен проживала в Мавераннахре, как и в Дешт-и Кипчаке, еще до завоеваний Шейбани-хана; кроме того, некоторые группы тех же кочевников в течение всего XVI в. и даже позже продолжали переселяться в Среднюю Азию [Кармышева, 1976, с. 210, там же литература].

В преданиях узбеков-конгратов, по данным Б.Х.Кармышевой, сохранилось воспоминание об их приходе в Среднюю Азию из Аркаюрта (страны Арка), где во времена Абдулхайр-хана располагалось государство кочевых узбеков. Это Центральный, Северный и Восточный Казахстан и прилегающие к ним районы Западной Сибири [Кармышева, 1976, 218; Кармышева Б., Кармышева Д.Ж., 1980, с. 108 и сл.].

От узбеков Дешт-и Кипчака уже в XV в. отделились казахи, откочевавшие в Хорезм, Чуйскую долину и Семиречье [Ахмедов, 1965, с. 5, 6, 11–17], позднее они заняли всю территорию бывшего узбекского улуса, включив в свой состав оставшееся здесь население.

Ногайская орда (ханство), выделившаяся в XV в. и занявшая междуречье Волги и Яика, упоминается в источниках и в XVI в. Это было политическое объединение во главе с ханами, центром ногайцев был город Сарайчик в устье Яика [Баргольд, 1968, с. 143]. Только образование яицкого казачьего войска во второй половине XVII в. и завоевание Астрахани Россией в 1556 г. положило конец политической самостоятельности Ногайской орды. Влияние ее распространялось на Северный Кавказ, Крым, частично Поволжье. Этнический состав населения Ногайского и Узбекского ханств был почти однороден, в них были включены части одних и тех же местных тюркских и тюркизированных пришлых монгольских племен. Господствующим племенем в Ногайском ханстве были мангыты (ногаи). В XV–XVI вв. в составе этого объединения завершился процесс этногенеза каракалпаков [Народы Средней Азии и Казахстана, 1962, с. 413; Иванов, 1935, с. 40 и сл.; Жданко, 1950, с. 134 и сл.]. В конце XVI в. каракалпаки уже отмечены в окрестностях г. Сыгнака на Сырдарье. В верховьях рек Урала и Эмбы сохраняется еще один центр расселения этого народа. Третья группа каракалпаков в конце XVII в. находилась в долине Зеравшана, где она, как и около г. Сыгнака, была подчинена Бухарскому

ханству. В XVII и XVIII вв. каракалпаки расселялись и на обводнявшихся руслах древней дельты Сырдарьи (по Кувандарье и Жаныдарье), где сохранились их постройки и ирригационные сооружения [Толстов, 1962; Андрианов, 1969, с. 216 и сл.]. В 1723 г. среднее течение Сырдарьи захватили джунгары (см. об этом ниже). Каракалпаки вынуждены были бежать от этого нашествия в другие районы Средней Азии или на северо-запад к границам России, где они вытеснили калмыков из бассейна Урала и Эмбы и соединились с жившими здесь ранее группами своего народа.

Основная часть «сырдарьинских» каракалпаков разделилась на две части: одна из них двинулась вверх по реке к Ташкенту и Фергане. В Фергане каракалпаки заняли степные районы в центральной части долины, получившие позднее название Каракалпакская степь [Шаниязов, 1974, с. 104]. Другая, нижнесырдарьинская группа каракалпаков попыталась вместе с казахами найти защиту от нашествия джунгар в российском подданстве (1731 г.), но феодальные междоусобицы воспрепятствовали тому. Спасаясь от притеснений казахских ханов, эта группа каракалпаков продвинулась к восточным границам Хорезмского оазиса по Жаныдарье и перешла в подданство к хивинским ханам, поселившись затем на заболоченных пространствах амударьинской дельты [Народы Средней Азии и Казахстана, 1962, с. 414–415].

Ногайцы вели также активную борьбу с туркменами за полуостров Мангышлак в Восточном Прикаспии [Бартольд, 1965б, с. 480].

С 20-х годов XV в. на политическую арену на востоке Среднеазиатско-Казахстанского региона выступают ойраты (калмыки, джунгары). Между 1452–1455 гг. они вторглись в Моголистан (на юго-востоке региона), а затем в Дешт-и Кипчак, прошли вдоль Сырдарьи до Ташкента. Разграбив эти земли, ойраты возвратились в Западную Монголию. После 1455 г. большое кочевое государство ойратов распалось, но в конце XVI — XVII в. мусульманские источники сообщают о его восстановлении [Бартольд, 1968, с. 538 и сл.]. Калмыки становятся грозным врагом практически всех народов на севере Средней Азии. Зимой 1603/04 г. они совершили первый набег на Хорезм и вскоре вступили в сношения с русским правительством. В 1632 г. большая группа калмыков уже поселилась на Волге. В.В.Бартольд отмечал, что «под верховной властью буддийских князей калмыков на р. Или, основателей последней большой кочевой империи в Средней Азии, находилось, вплоть до уничтожения этого государства китайцами в 1758 г., большинство мусульманских областей Туркестана» [Бартольд, 1968, с. 539]. В 1771 г. часть калмыков решила уйти из России на восток и переселиться в китайские владения, но во время этой перекочевки они были разгромлены казахами. Как известно, значительная часть калмыков осталась в пустынных и степных районах правобережья

Волги, где потомки их проживают и поныне, небольшая группа этого народа оставалась и в Семиречье [Бартольд, 1968, с. 540].

Калмыки нанесли существенный урон не только Хорезму, но и туркменам на Мангышлаке и в Восточном Прикаспии.

Основное движение этого народа от Джунгарии и Западной Монголии [Златкин, 1964] шло через Дешт-и Кипчак до нижнего Поволжья и через Семиречье, где у р. Или был центр этой кочевой империи, до Сырдарьи и вверх по ее течению. Из Дешт-и Кипчака калмыки совершали набеги на Хорезм, Мангышлак и другие районы Средней Азии вплоть до границ Ирана. Казахи во главе со своими ханами вели ожесточенную борьбу с этим нашествием. Возможно, что следствием этого и было довольно быстрое продвижение калмыков к низовьям Волги.

Есть данные о том, что отдельные группы калмыков жили по соседству с казахами в Северном и Центральном Казахстане с XVI в. (в районе Улутау, по рекам Ишиму, Тоболу и вплоть до Иртыша, в Тарском уезде). С 20-х годов XVII в. кочевья калмыков отмечены на берегах рек Орь и Эмба, а с 30-х годов в междуречье Волги и Урала [Конкашпаев, 1969, с. 247 и сл.].

На востоке региона после распада Монгольской империи и Чагатайского государства в середине XIV в. образовалось государство моголов (от Кашгара до границ Китая) [Бартольд, 1968, с. 592], в состав которого вошла территория современного Юго-Восточного Казахстана и часть Китайского Туркестана. Главную роль в политической жизни Моголистана XV — начала XVI в. играло отюреченное монгольское племя дуглат (дулат), которое позднее вошло в состав Старшего жуза казахов [Иванов, 1958, с. 41–42].

К началу XVI в. в письменных источниках появляются сведения о киргизах в Средней Азии, в это время они фиксируются на Тяньшане по соседству с Моголистаном. Продвижение их сюда некоторые исследователи связывают с давлением на них калмыков. С XVI в. начинается и проникновение киргизов в Фергану и Кашгарию [Иванов, 1958, с. 66–67; Бартольд, 1963, с. 511 и сл.]. В конце XVI в. отмечается переселение киргизов в район Каратегина (горный Таджикистан). В конце 1635 — начале 1636 г. 12 000 семейств киргизов прибыли через Каратегин в Гиссар, а уже вскоре после этого 12 их предводителей были приняты в Балхе узбекским ханом [Бартольд, 1963, с. 517–518]. Подтверждение этому есть и в материалах этнографов [Кармышева, 1959, с. 173 и сл.; Абрамзон, 1959, с. 42–43; Абрамзон, 1971]. Топонимика Гиссарской долины и Сурхандарьи и местные предания свидетельствуют, что киргизы доходили и до этих регионов. Несколько севернее киргизы продвинулись между Сырдарьей на севере и Туркестанским горным хребтом на юге вплоть до района современного Уратюбе (см. карту современного Кыргызстана). Движение киргиз-

ских племен было связано не только с Енисеем, но, что для нас более существенно, и с прилегающими к Средней Азии районами Восточного Туркестана — Синьцзяна, вплоть до Тибета (см. [Груды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, 1959; Абрамзон, 1959, с. 35, 39–40, 41]). Исследователи этнической истории киргизов отмечают их ногайские связи и особо происхождение ряда эпических и легендарных персонажей «из ногаев» и даже «из Булгар» [Абрамзон, 1959, с. 41–42].

Миграции племен в XV–XVIII вв. практически исчерпывающе иллюстрируют основные пути, по которым осуществлялись передвижения кочевников в пределах Среднеазиатско-Казахстанского региона. Если мы обратимся к предшествующим эпохам средневековья, то можем отметить, что, бесспорно, при продвижении племен с востока на запад по степному поясу (Дешт-и Кипчак) часть их переселялась в области Средней Азии, и прежде всего в Южное и Восточное Приаралье. Это можно наблюдать, например, в предмонгольскую эпоху, когда начинают продвигаться от Иртыша на запад кипчаки, достигшие в своем движении по степному поясу Венгрии и Византии. Часть кипчаков с Северного Кавказа прошла в Закавказье, а наиболее удалившиеся от своей родины кипчаки создали в Египте династию мамлюков. Еще в начале своего движения на запад часть кипчакских племен в XI в. заняла нижнюю и среднюю Сырдарью (г. Сыгнак стал кипчакским центром) и к XII в. продвинулась к Хорезму [Шаниязов, 1974, с. 51 и сл.; Бартольд, 1963, с. 236, 392; Кумекон, 1990, с. 110]. В XII в. хорезмшахи вели упорную борьбу с кипчаками на Сырдарье и в Дешт-и Кипчаке. Вместе с тем отряды кипчаков постоянно поступали на службу к ним [Бартольд, 1963, с. 404–406 и сл.; Кумекон, 1987]. По мнению О. Прицака [Pritsak, 1955, с. 9], в XI–XVI вв. в областях Сырдарьи и Хорезма сформировался общетюркский язык (огузо-кипчакский).

В конце X в. и особенно в первой трети XI в. из района г. Дженда в низовьях реки и со средней Сырдарьи начинается под давлением кипчаков движение на юг сельджуков (огузов). Первоначально они продвигаются к Нуратинским горам, на какое-то время в Хорезм и далее к Нисе и Абиверду у северных предгорьев Копетдага [Бартольд, 1963, с. 236 и сл.; Бартольд, 1974, с. 104; Агаджанов, 1969]. В XI в. уже весь Хорасан был завоеван ими, завоеватели довольно быстро подчинили себе многие страны Азии от границ Китая до Средиземного моря. С Сельджукидами связано и первое продвижение тюрок в Малую Азию и Закавказье [Гордлевский, 1941; Еремеев, 1971, с. 74 и сл.]. После присоединения в XI в. области Балха к этому государству граница с Газневидами прошла по Гиндукушу, ставшему и южным пределом распространения тюрок (гузов) на юге Средней Азии [Бартольд, 1974, с. 52].

После прихода огузов-сельджуков в Хорасан их центром становится г. Нишапур [Бартольд, 1974, с. 111] у южных предгорий Туркмено-Хорасанских гор, откуда шло не только движение их на запад до Малой Азии, но и завоевание южных районов Ирана. Часть огузов, как считают исследователи этой эпохи, появилась независимо от Сельджукидов. Из района Нишапура отдельные, иногда довольно значительные группы их с семьями продвинулись в Керман, Сеистан и Фарс [Лэмбтон, 1981, с. 129–141].

С огузами, переселившимися на запад, связано и обратное продвижение одной из групп этого народа вокруг Каспийского моря с запада на восток. Согласно Абульгази [Кононов, 1958, с. 70–73], за пятьсот–шестьсот лет до него (в XI–XII вв.) из байондырского объединения огузов (в Малой Азии) выделилась группа (*иль*) под предводительством Огурджик-алпа (тысяча кибиток: девятьсот — салорских, сто — каркынских), которая откочевала сначала в Азербайджан — в Шемаху, затем в Крым, а оттуда через Волгу (Итиль) перешла к реке Яику (Урал), где и обосновалась в местности Ала-Кенк и Кара-Каш в соседстве с «народом» канглы. Через несколько лет после ссоры с ханом этого народа и спасаясь от его преследования Огурджик, потеряв семьсот кибиток, с оставшимися переселился сначала на Мангышлак, а затем к Балханским горам.

Мы привели эти подробные сведения, чтобы наглядно показать существование и достаточно нетрадиционных на современный взгляд путей передвижения отдельных этнических групп, хотя большая часть пути движения Огурджика связана с территорией будущего Ногайского ханства и обычными для него перекочевками от Крыма до Приуралья и Мангышлака.

Существовало два пути движения народов с востока на запад, оба они начинались от пределов Западной Монголии и шли один через Семиречье к средней Сырдарье, а другой — по степному поясу — вдоль Иртыша, через Центральный и Северный Казахстан к реке Урал и далее в междуречье Урала и Волги и на запад. На этом пути было несколько традиционных областей, в пределах которых создавались «политические» объединения кочевников, получавшие, как правило, этническую «окраску» и называвшиеся по имени господствующего народа (племени). Так, можно отметить район Сары-Арки (Арка-юрта, см. выше), охватывавший весь север Среднеазиатско-Казахстанского региона с прилегавшими районами по среднему течению Сырдарьи. Позднее это была территория Среднего жуза казахов (об этой территории особо говорится ниже в части IV, в разделе об авестийской географии). От низовьев Сырдарьи до реки Урал и его больших притоков Илека и Ори простиралась другая область, по которой проходили сезонные перекочевки местных племен (печенеги, огузы, позднее — Младший жуз казахов), включавшихся зачастую в миграции по

степному поясу. С севера в них вовлекалось иногда и население лесостепи.

Река Урал (Яик) в силу своей полноводности на всем участке своего меридионального направления не могла легко преодолеваться кочевниками. Только зимой по льду возможен был переход через нее, как и западнее через Волгу. Поэтому междуречье этих рек и стало еще одним районом этнополитического образования (Ногайское ханство).

История продвижения калмыков на запад является наглядным примером того, что миграция может почти не оставить следов на всей промежуточной территории степного пояса от места прежнего обитания до новой этнической территории, хотя само нашествие вызывает существенные изменения в расселении местных племен и народов. Район нижней Волги (от ее правобережья) и Северного Кавказа становится первой в Европе территорией, где задерживаются кочевники, преодолевшие всю восточную часть степного пояса. Отсюда идут передвижения в Крым, Закавказье и в степи Восточной Европы.

Первый путь переселения с востока, прошедший через Семиречье до Сырдарьи, может иногда продолжиться в среднеазиатское междуречье, но, как правило, всегда продолжается и вверх по Сырдарье (в дельту реки — реже), что связано с тяготением кочевников к оседлоземледельческим районам Средней Азии. Сопровождающие миграцию по степному поясу отдельные набеги на Хорезм и Восточный Прикаспий могли и не приводить к изменению здесь этнической картины.

Представляется, что для истории Среднеазиатско-Казахстанского региона наиболее существенными были всегда миграции с севера на юг, когда кочевники степей через дельтовые районы Приаралья продвигались на юг Средней Азии вплоть до Гиндукуша и пустынь Центрального Ирана. Причины этих миграций могли быть различны, но среди них, бесспорно, едва ли не первое место занимало стремление кочевников к земледельческим оазисам Средней Азии, в продуктах земледелия и ремесла которых они испытывали острую потребность. Передвижения из степного пояса на юг иногда, как это было в XV–XVI вв., возникали вследствие формирования там, на севере, новых этнополитических союзов или ханств, а по ходу этих миграций происходили и перемещения скотоводов, проживавших до того и в самой Средней Азии. Следует отметить, что при всех переселениях кочевников немалую роль в направлении их движения могут оказывать и существующие в это время политические (государственные) объединения, которые оказывают сопротивление нашествию и ограничивают возможности миграций. Примером этого может служить потеря узбеками завоеванных земель Хорасана.

Очень важно, на наш взгляд, учитывать при интерпретации прежде всего археологических материалов возможности обратного движения

племен — с запада на восток (юго-восток), что иллюстрируется достаточно наглядно историей Ногайского ханства и входивших в него народов. Требуют четкого разграничения факты культурной интеграции с народами Поволжско-Приуральского региона, Северного Кавказа и даже Крыма и возможные миграции племен из этих областей в Приаралье, особенно к традиционным местам зимовок кочевников в низовьях Сырдарьи.

Следует обратить внимание на протяженность во времени передвижений как одной группы племен, так и всей «серии» связанных между собой миграций. В рассматривавшемся нами случае можно выделить период с конца XIV в. до первой половины XVII в.

Рассматривая пути миграций народов в регионе, еще раз подчеркнем, что они связаны только с кочевниками и обусловлены особенностями их хозяйства, тесно связанными с экологией тех районов, по которым проходили пути переселений.

В какой-то степени теми же причинами и условиями могли быть определены и пути миграции индоариев и иранцев на юг Средней Азии и за ее пределы [Кузьмина, 1994], но расселение индоевропейцев на восток до Западной Монголии, скорее всего, происходило в иных природных и климатических условиях, связанных с плейстоценом IV–III тысячелетий до н.э.

* * *

В разных частях настоящей работы отмечается особая роль территории Северного Казахстана, где происходило, согласно данным источников, формирование ряда объединений кочевников, мигрировавших потом в другие районы (узбекское ханство Абулхайра, кипчаки в IX–X вв. и, вероятно, гунны).

Причины этого нужно искать, скорее всего, в особенностях экологии отмеченной области. В разделе об авестийской географии (часть IV) достаточно подробно изложены ее климатические характеристики. Дополнительные данные представлены на климатических картах. Кроме обычно используемых сведений о температуре, количестве осадков, морозных дней и т.д. следует особо обратить внимание на такой показатель, как высота снежного покрова. Для хозяйства кочевников Среднеазиатско-Казахстанского региона он имеет определяющее значение, так как при высоте снега до 25 см возможно круглогодичное подножное содержание скота (тебеневка, когда лошади идут по пастбищу впереди овец и вытаптывают снег).

Отмеченный район в верховьях р. Ишим, к востоку от р. Тобол, на севере — почти до г. Омска, ограниченный на востоке меридианом от него до г. Караганды, судя по всему, отвечает этому условию. Только для этого далеко заходящего на север района в отличие от соседних территорий степного пояса характерны особые климатические показате-

тели; прежде всего высота снегового покрова здесь не превышает 30 см. В его пределах находятся различные природные зоны: от полупустынь на юге до лесостепи на севере и с большим массивом хорошо обводненных степей в центре. Кроме того, в этот район входит и горный массив Улутау, легендарная «родина» многих тюркских народов. Здесь же располагались и разрабатывавшиеся в древности рудники.

Вероятно, именно отмеченные природные особенности определили особое место этого района в этнической истории ряда народов в древности и средневековье.

При миграциях с востока или юго-востока по степному поясу кочевники «останавливались» на этой территории, так как здесь имелась возможность круглогодичного выпаса скота без использования крупных (дальних) сезонных его перемещений. Это было весьма существенно, так как для создания эффективных маршрутов перекочевков требовались многие годы опыта в освоении конкретных природных ниш, которые, как правило, уже были заняты местным населением.

В описываемом районе в силу его особенностей и географического местоположения в контакт с пришлыми кочевниками вступало местное население района, жители лесостепи Западной Сибири и кочевники из дельты Сырдарьи и северо-запада Центрального Казахстана, приходившие в междуречье рек Тобола и Ишима на летние пастбища, что приводило к созданию новых этносоциальных объединений, которые существовали на этой территории, если судить по эпохе средневековья, от полувека до двух веков. Как правило, основная масса населения после этого по тем или иным причинам (см. выше) мигрировала на юг или на запад.

Можно привести ряд подобных примеров в хронологическом порядке от позднего средневековья к древности.

Узбекское ханство Абулхайра, сформировавшееся и просуществовавшее здесь около сорока лет в начале XV в., а затем начавшее завоевание северных районов Средней Азии [Ахмедов, 1965].

Кипчаки — с конца IX — X в. граничившие с юга с печенегами, а затем — с огузами [Кумекон, 1972]. Кипчаки продвинулись отсюда к средней Сырдарье и Хорезму и на запад в Европу, дав степям свое имя — Дешт-и Кипчак.

Согласно М.И.Артамонову [Артамонов, 1962], здесь же из пришлых гуннов и угорского населения юга Западной Сибири сформировалась во II–IV вв. гуннская орда, продвинувшаяся затем в Восточную Европу. Как показывает археологический материал, часть этого смешанного населения не позже III в. появилась в Восточном Приаралье [Левина, 1996], а затем вместе с частью населения Джетыясарского оазиса двигалась вверх по Сырдарье (см. части III и IV, главы о Сырдарье). В Хорезме в это время происходит резкое сокращение обводнения, в связи с этим нового населения из степей не было.

Может быть, аналогичные процессы происходили и в более раннее время. По археологическим материалам зафиксирован приход с востока — возможно, от западных границ Китая — новой группы скотоводческого населения (условно юечжи) не позже рубежа IV—III вв. до н.э. на Устюрт, в левобережный Хорезм и Восточный Прикаспий. Косвенные данные, подтверждающие это движение, есть в материалах с Иртыша (см. часть III, глава о низовьях Амударьи), из Южного Приуралья и даже из Восточной Европы. Там с рубежа IV—III вв. до н.э. отмечается сильное «давление» степного населения с востока (по археологическим материалам, возможно, даже от границ Китая), которое привело к гибели «Великой Скифии». Разные аспекты этой проблемы недавно были рассмотрены на III Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» (г. Азов, 1997 г.) [Донские древности, 1997].

Можно предположить, что аналогичная ситуация сложилась и в раннем железном веке (с конца VIII — начала VII в. до н.э.), когда на этой территории формировалась первая кочевая орда, следствием чего была миграция одной из ее групп к низовьям Сырдарьи (Уйгарак, Тагискен) и в Присарыкамышскую дельту Амударьи (одна из составляющих куюсайской культуры). Одновременно часть этого объединения кочевников — «скифы» — могла постепенно продвинуться на запад и, перейдя Волгу (Аракс), заняла, как и позже гунны, земли на Северном Кавказе и в Предкавказье, где известны наиболее ранние скифские памятники. Именно отсюда и гунны и скифы совершали дальние походы на юг в Закавказье и Малую Азию.

Археологические комплексы и их ареалы

Проблема соотношения археологических материалов (и в первую очередь археологических культур) с этносом является актуальной в науке на протяжении нескольких десятилетий (см., например, [Монгайт, 1967; Клейн, 1970; Каменецкий, 1970; Артамонов, 1971; Арутюнов, Хазанов, 1979; Генинг, 1988 — здесь же подробнее см. литературу; Арутюнов, 1989, гл. III; Шнирельман, 1993, и др.]). Однозначного решения она не имеет, тем не менее большинство исследователей признают, что хотя бы часть археологического материала несет этническую нагрузку. Должна признать, что по мере углубления в археологический материал каждого конкретного региона увеличивается скепсис в возможности сопоставления выделенных археологических культур с этническими группами. К излагавшимся неоднократно методическим сложностям следует добавить простейшее обстоятельство — на практике чаще всего археологические культуры выделяются и изучаются по разным параметрам (например, только по погребальным памятникам или только по поселениям), не всегда учитываются и археологические комплексы, имеющие более широкий ареал, чем археологическая культура. Не вдаваясь в обсуждение теоретических аспектов этой важной проблемы, автор предлагает конкретный обзор археологических культур и комплексов, выделенных в исследуемом регионе для эпохи древности в результате многолетних работ широкого круга исследователей. Почти шестьдесят лет в этом районе работала Хорезмская экспедиция АН СССР, созданная и до середины 60-х годов возглавлявшаяся С.П.Толстовым. В его работах этнические проблемы занимали центральное место, недаром и экспедиция при нем была археолого-этнографической. Сотрудники экспедиции, его ученики, продолжили разработку многих направлений его исследований, значительно расширили объем археологического материала и

степень его изучения. В настоящее время готовится к печати (по гранту РГНФ) полная библиография работ сотрудников Хорезмской экспедиции, которая отразит все многообразие ее деятельности. И автора это в какой-то мере освобождает от пространных библиографических ссылок, в тексте будут приведены данные лишь основных обобщающих публикаций археологических материалов.

С 60-х годов археологические исследования на территории Прибалханья, в зоне Узбоя и на Заузбойском плато вел Институт истории, археологии и этнографии им. Ш.Батырова АН Туркменистана (А.А.Марущенко, А.М.Мандельштам, Д.Дурдыев, Х.Юсупов).

Каракалпакский филиал АН Узбекистана провел большой цикл очень важных для нашей темы работ в Приаральской дельте Амударьи и на плато Устюрт (А.В.Гудкова, В.Н.Ягодин).

Работы всех этих исследовательских коллективов осуществлялись в тесном содружестве и при постоянной координации, что обеспечивало наиболее полный охват территории.

Предлагаемый обзор археологических материалов автор постарается сделать максимально кратким, отсылая читателя к обобщающим публикациям. Подробнее будут рассмотрены материалы, имеющие, как представляется, наибольшее значение для темы исследования или недостаточно освещенные в изданиях.

ГЛАВА I

Археологические комплексы с широкими ареалами

Наряду с выделенными археологическими культурами исследователь археологических памятников Среднеазиатско-Казахстанского региона, как правило, сталкивается с комплексами предметов, сооружений, ареалы которых гораздо шире территории отдельной археологической культуры. Чаще всего именно они обеспечивают возможности определения хронологии, синхронизируя материалы из разных районов. Попытаемся рассмотреть наиболее массовые из этих комплексов, с тем чтобы определить, с чем связан их ареал и имеет ли он отношение к этническим группам древности.

Оружие

Своеобразие среднеазиатского комплекса бронзовых наконечников стрел в доахеменидскую эпоху довольно убедительно было показано И.Н.Медведской [Медведская, 1972; Медведская, 1980]. Вместе с

тем возможно, что у кочевников Средней Азии лук не имел такого большого значения, как у скифов и сарматов, так как они часто сталкивались с населением земледельческих областей, легко защищавшимся от стрел сырцовыми стенами своих крепостей и домов. Может быть, в связи с этим и в погребениях саков разных областей Средней Азии встречаются довольно скромные по сравнению со скифскими и сарматскими колчаные наборы [Вишневецкая, 1973; Литвинский, 1972, с. 83 и сл.].

Достаточно крупные наборы встречены Л.Т.Яблонским [Яблонский, 1996] в куюсайских погребениях на Сакар-чага, но они относятся к VII — первой половине VI в. до н.э., когда сырцовое строительство крепостей и домов было известно только в самых южных областях Средней Азии. В более северных районах оно широко распространяется только в ахеменидскую эпоху, что отразилось, вероятно, и на развитии военной тактики.

Состав типичного набора доахеменидского времени описан в деталях в ряде работ [Вишневецкая, 1973; Вайнберг, 1979; Вайнберг, 1991; Ягодин, 1984; Яблонский, 1996].

Набор этот отражает как временные так и территориальные особенности этого комплекса — его связи с Южным Приуральем (савроматский набор по археологической классификации) и Южной Сибирью и Западной Монголией (по типам бронзовых черешковых наконечников стрел). Преобладают в нем двулопастные втульчатые наконечники, среди которых весьма значителен процент очень архаических типов. Черешковые наконечники, часто составляющие до трети наборов, западнее Среднеазиатско-Казахстанского региона практически отсутствуют, они характерны для доахеменидского времени не только в Средней Азии, но и на территории Казахстана [Кадырбаев, 1959]. В довольно большом числе встречаются ромбические наконечники с ромбическим сечением головки. Трехлопастные втульчатые наконечники встречаются в виде единичных экземпляров, нет типов, характерных для ахеменидского времени. Как показывают накопленные за последние десятилетия археологические материалы, ареал подобного набора стрел не связан только со степным поясом Средней Азии, южная граница его, во всяком случае, достигает левобережной Бактрии и Юго-Восточного Прикаспия [Ягодин, 1984; Массон В., 1956, с. 401 и сл., рис. 15]. И.Н.Медведская на основе анализа комплекса наконечников стрел из Приаралья сделала вывод об исчезновении черешковых бронзовых наконечников в VI в. до н.э. (сменяющие друг друга наборы стрел из поселения Куюсай 2 и Кюзели-гыра были взяты ею за основу). Смена эта, как нам представляется, происходит не в начале VI в. до н.э., а не ранее его середины или второй половины, так как связана скорее всего с включением среднеазиатских областей в состав Ахеменидского государства. Не только в дан-

ном случае, но и позднее радикальные изменения в вооружении могли происходить в связи с политическими и военными событиями, в результате которых сталкивались разные по вооружению и тактике военные контингенты.

Ахеменидский набор наконечников стрел сложился под влиянием ранних скифских наконечников (принесенных скифами во время их походов на юг), которые затем в Иране не изменялись на протяжении VI—III вв. до н.э. [Медведская, 1980]. В памятниках разных районов Средней Азии подобные типы наконечников встречаются в слоях ахеменидского времени, но в силу длительного периода их бытования не могут использоваться для более точной датировки. В Хорезме стрелы ахеменидского набора встречены на Кюзели-гыре и в усадьбе Дингильдже [Воробьева, 1973, табл. 1Б]. Время сложения «кангюйской» культуры здесь позволяет ограничить ахеменидский период в Хорезме временем от середины VI до середины IV в. до н.э. В этих пределах можно выделить комплексы кюзелигырский и дингильджинский с переходными вариантами к кангюйской культуре.

В низовьях Сырдарьи, как и в южных районах Средней Азии, ахеменидский период завершается в последней трети IV в. до н.э.

Для ахеменидского набора стрел характерны в основном типы I и V втульчатых трехлопастных бронзовых наконечников по классификации К.Ф.Смирнова [Смирнов, 1961, с. 44 и сл.].

Таким образом, вопреки часто употребляемому, особенно неархеологами, широкому понятию «скифское вооружение» или «скифская» культура применительно к азиатской части континента (см., например, [Куклина, 1985, с. 187]) наиболее массовые предметы вооружения имеют четкие границы распространения. В нашем случае это Среднеазиатско-Казахстанский регион. Поскольку эта общность комплексов наконечников сложилась еще в доахеменидский период, политический фактор не мог оказать своего воздействия на его сложение, как это происходит позднее — в эпоху Ахеменидов. Остается предположить, что он был распространен в едином историко-культурном регионе: земледельческих оазисах и зоне расселения кочевников-скотоводов. Возможно, этот комплекс стрел распространялся среди восточноиранских племен и народов.

Современное состояние материалов по другим типам оружия с территории Средней Азии не дает нам оснований безоговорочно использовать сарматские аналогии для его датировки. В свое время А.М.Мандельштам [Мандельштам, 1966, с. 101 и сл.] при анализе предметов вооружения из Северной Бактрии отказался от прямого их сопоставления с сарматскими типами прежде всего из-за большой разницы в датах некоторых элементов (например, наверший кинжалов), а обратился к местным материалам (керамика, монеты) для датировки погребений.

Практически с подобной картиной столкнулись и мы в Присарыкамышской дельте. По находкам керамики общая дата всех подбойных погребений ранней группы там может быть определена в пределах от середины IV до II в. до н.э. В двух погребениях ранних могильников Тумек-кичиджик (курган № 63) и Гяур 4 (курган № 2) найдены длинные мечи с оригинальным изогнутым перекрестьем, концы которого подняты вверх. По материалам близкого к Средней Азии сарматского мира и особенно Приуралья формы перекрестья, переходные к прямому, характерны для IV в. до н.э., в III в. до н.э. встречаются мечи и кинжалы только с прямым перекрестьем [Мошкова, 1963]. Вместе с тем там аналогичные нашим формы перекрестья не зафиксированы, а встреченные вместе с ними кинжалы с прямым перекрестьем и кольцевидным навершием по сарматским аналогиям относятся, как правило, к более позднему времени, хотя появляются они там во II в. до н.э. [Мошкова, 1963, табл. 19]. Можно высказать ряд соображений о развитии вооружения в Средней Азии во второй половине I тыс. до н.э., которые, как нам кажется, позволяют уточнить дату местных переходных форм мечей.

В условиях постоянных контактов и столкновений с земледельцами особое место должно было отводиться тактике ближнего боя. Может быть, этим и объясняется раннее появление (V в. до н.э.) длинных мечей у саков Приаралья [Толстов, Итина, 1966, с. 166, рис. 14] и даже связанных с ними савроматов [Смирнов, 1961, с. 22 и сл.]. Для ближнего боя в ряде районов вместо длинных мечей могли употребляться копья (см., например, об оружии массагетов: Геродот I, 214, 215). В пешем бою и при близком столкновении основным оставался короткий меч или кинжал, который, судя по персепольским рельефам, саки и другие среднеазиатские народы носили подвешенными на ремне на правом боку.

По имеющимся материалам можно сделать вывод, что уже с V в. до н.э. длинный меч в погребениях в Средней Азии сочетается с коротким кинжалом. Несмотря на ограбление и частичное разрушение погребений, это фиксируется в кургане № 59 могильника Тагискен [Толстов, Итина, 1966, рис. 12] и у «золотого человека» в кургане Иссык в Южном Казахстане [Акишев, 1978, с. 14, 17, 51, рис. 69]. В последнем случае перед нами предстает в сложившемся виде не только набор основного вооружения всадника, представителя «военной дружины», ставший затем традиционным, но и способ его ношения: кинжал — у правого бока, а меч — у левого. В погребениях более позднего времени [Мандельштам, 1966, с. 102–104; Юсупов, 1986, с. 114 и сл., рис. 38] длинный меч иногда не был связан с погребенным, но, как правило, он помещался у левого бока, иногда даже заходил на левое плечо погребенного (погребения у Келькора в Западной Туркмении). Вероятно, это объясняется тем, что это был меч всадника, а

при спешивании человеку невысокого роста он мог быть просто велик. Возможно, что длинный меч крепился к поясу только при посадке на коня. Место меча у левого бока всадника объясняется чисто практическими соображениями: только при этом условии его можно вынуть правой рукой из ножен. Для раннего средневековья подобный среднеазиатский набор оружия известен по художественным памятникам Ирана.

Судя по изображениям сасанидского времени, позднее длинные мечи становятся парадными, а способ крепления их к поясу позволял перемещать меч вперед к середине туловища. Но и в раннем средневековье в Иране, как и в Средней Азии, продолжает оставаться традиционным набор вооружения всадника для ближнего боя — длинный меч и кинжал [Тирацян, 1960, с. 474 и сл.; Беленицкий, 1977, с. 117–119, 125, 140 и др.].

В связи с появлением в Средней Азии в V в. до н.э. длинного меча, предназначенного для рубящего удара с коня в ближнем бою, очевидно, развиваются и доспехи всадника и коня, появляется и металлический доспех [Горелик, 1987, с. 110 и сл.]. С таким вооружением, как можно судить по письменным источникам, среднеазиатские саки (и, возможно, другие народы этого региона) выступили в составе ахеменидского войска в войне с Александром Македонским. Уже в битве при Иссе у Александра определилась основная тактика ведения войны — он стремился к ближнему бою (рукопашной), в котором у греков было явное преимущество. При этом он максимально старался сократить урон от стрел персидского войска «на подступах» к основной битве (см.: Арриан II, 10, 3, 4). В это время в персидском войске уже отмечаются тяжеловооруженные всадники, под которыми во время отступления пострадали лошади (Арриан II, 11, 3). По Квинту Курцию Руфу (III, XI, 15), кони и всадники персов были отягощены панцирями и с трудом передвигались. При описании битвы у Гавгамел отмечается, что среднеазиатские скифы и их лошади были защищены броней (Арриан III, 13, 4). По другим данным, этими скифами были даи (дахи) (см.: Квинт Курций Руф, IV, XII, 6). Щиты и панцири отмечаются и у скифских всадников, противостоявших Александру на правом берегу Яксарта (Танаиса) (см.: Арриан IV, 4, 4). Слабость персидского войска, и прежде всего его неспособность противостоять македонской фаланге, неоднократно подчеркивается в описаниях сражений (Арриан III, 11, 6–7). Тяжеловооруженная конница среднеазиатских кочевников принимала участие (и не всегда безуспешное, как можно понять) в ближнем конном бою (Арриан III, 13), каких-либо указаний на ее вооружение нет, но несомненно, что без длинного меча или копья саки не могли вести бой с коня.

Кроме фаланги Александр вводил в рукопашное сражение и конницу, вооруженную копьями (Арриан III, 14, 3). Сочетание в ближнем бою легковооруженных воинов и глубоко эшелонированной конницы

цы обеспечивало ему успех и в битве со скифами за Яксартом (Арриан IV, 4, 4–8).

Поражение среднеазиатских народов в столкновении с войском Александра Македонского, несомненно, должно было дать мощный импульс к совершенствованию вооружения и тактики ведения войны. Как мы пытались показать выше, наиболее уязвимыми среднеазиатские воины оказывались в ближнем бою. Это должно было повлечь за собой усовершенствование как очень тяжелого доспеха за счет его облегчения, так и самого вооружения. Именно с этой исторической эпохой связан переход к прямому перекрестью у мечей и кинжалов. В ряде районов Восточной Европы еще в предскифское время шел процесс развития коротких мечей и кинжалов с прямым перекрестьем (см., например, [Ильинская, 1975, с. 100]), но на рубеже VII–VI вв. до н.э. он был прерван скифами. Кинжалы с прямым перекрестьем с глубокой древности известны в Южной Сибири [Членова, 1976] (сводку данных см. [Ковалев, 1987, с. 93–98]). Для длинных мечей появление прямого перекрестья было, очевидно, заметным усовершенствованием, так как обеспечивало наиболее удобный захват для руки при рубящем ударе (см. [Членова, 1964, с. 24; Халиков, 1977, с. 166–167]), для которого прежде всего и предназначался такой меч. Вероятно, появление прямого перекрестья и у сарматов Приуралья на рубеже IV–III вв. до н.э. было следствием военных событий в Иране и Средней Азии. Сарматы либо сами участвовали в этой войне вместе со среднеазиатскими кочевниками, либо от последних восприняли новый тип оружия. Нельзя исключить и роль среднеазиатских ремесленных центров в передаче этих новаций. При этом нужно особо подчеркнуть, что появлению длинных мечей, а затем и прямого перекрестья в сарматской среде не сопутствовало внедрение здесь среднеазиатского способа ношения длинного меча. В IV–III вв. до н.э. в прохоровских памятниках появляется набор из длинного меча и кинжала, но в сарматской среде он не становится нормой. Обычным для сарматских погребений является помещение меча и кинжала (или одного из них) справа от погребенного. Есть случаи, когда длинный меч лежит поперек погребенного рукоятью вправо. Заметим, что у сарматов значительна и градация размеров мечей, процент очень длинных, достигающих метра, невелик, встречаются и длинные мечи без кинжалов (ссылки на литературу здесь и ниже см. [Вайнберг, 1991]).

В среднеазиатских же погребениях длинный меч без кинжала (если погребение не нарушено) не встречается. Мечи, как правило, длиной около метра. В погребениях послеахеменидской поры тип мечей однообразен — ему свойственно прямое металлическое перекрестье и металлическая же рукоять без навершья. Для переходных вариантов известны «навершья» в виде металлического диска. Один из переходных вариантов представлен и на мече из кургана № 63 на Тумек-

кичиджике. Рукоять его сделана в виде длинного округлого в сечении штыря, наверху которого есть небольшая металлическая «шляпка», удерживавшая, возможно, обкладку рукояти.

Подводя итог нашему общему экскурсу, можно констатировать, что развитие среднеазиатских мечей и кинжалов шло самостоятельным путем, но некоторые новшества, вызванные одними и теми же событиями (столкновение с войском Александра Македонского), приводят к сходным техническим изменениям в оружии в среднеазиатском и сарматском регионах.

На основании изложенного выше можно сделать вывод о появлении длинных мечей с прямым перекрестьем и без металлического навершья в Средней Азии в начале эллинистической эпохи, а переходные формы их датировать, как и сарматские, не позднее рубежа IV—III вв. до н.э.

Еще одна особенность отличает среднеазиатское вооружение от сарматского. У сарматов формы мечей и кинжалов совпадают, а в среднеазиатских комплексах мечам описанного типа, как правило, сопутствуют железные кинжалы с прямым перекрестьем и различными по форме металлическими навершьями. Так, в Западной Туркмении и левобережном Хорезме пока встречены только кинжалы с кольцевидными навершьями. При этом такой тип навершья встречается вместе с ранним «переходным» типом меча. В Согде О.В.Обельченко был обнаружен кинжал с кольцевидным навершьем и дуговидным перекрестьем, датирующийся не позднее III—II вв. до н.э. [Обельченко, 1961, с. 105—106, рис. 1, 15; Хазанов, 1971, с. 9].

Для погребений Северной Бактрии А.М.Мандельштам отметил три типа характерных наверший: серповидное, «сердцевидное» и «волютообразное» [Мандельштам, 1966, с. 104—111]. Подобные навершья, как и кольцевидные, встречены на кинжалах в Согде [Древнейшие государства, 1985, табл. СXXXI]. Еще один вид навершья — слегка прогнутое брусковидное — известен нам по находкам в Ташкентском оазисе [Максимова и др., 1968, с. 219—221] и в Центральных Кызылкумах (вместе с мечом, очевидно, с металлическим перекрестьем и без навершья — раскопки С.А.Оленич).

Районирование отдельных типов металлических наверший кинжалов в Средней Азии еще ждет своего истолкования, но уже сейчас можно сделать вывод, что для датировок этот вид вооружения может быть использован только с большой осторожностью, а привлечение сарматских аналогий в связи с кинжалами Средней Азии неправомерно. Мечи с прямым перекрестьем и без металлического навершья доживают, вероятно, до начала I тыс. н.э., когда на смену им приходят мечи без металлического перекрестья и навершья. Им сопутствуют как будто бы кинжалы того же типа. Но разработка хронологии оружия последующей эпохи — дело будущего.

Описанный нами комплекс вооружения — длинный меч и кинжал, иногда дополняемый колчаном со стрелами, — был характерен для очень ограниченной части мужского населения. Это, вероятно, были представители особой социальной группы — «военной дружины», выделявшейся среди рядовых воинов. Рядовые мужские захоронения иногда сопровождается только кинжал, помещаемый всегда на его традиционном месте — справа у пояса. Вместе с тем существовали, если судить по изобразительному материалу, и другие комплексы вооружения, свойственные каким-то специальным воинским контингентам. На фляге из Калалы-гыра 2 представлен хорезмийский всадник (IV–II вв. до н.э.) с копьем и коротким мечом или кинжалом на левом боку. Кинжал имеет четко различимое серповидное навершие. Подобного типа мечи и кинжалы, идентичные прохоровским, известны из западных районов Средней Азии (например, склепы на Узбое, каменные изваяния на Мангышлаке). У нас нет бесспорных оснований считать эти мечи в среднеазиатских памятниках сарматскими, учитывая отмеченные выше явные несовпадения в типах и хронологии сарматского и среднеазиатского вооружения. Особенно это относится к изображению всадника на хорезмийской фляге.

Анализ вооружения, как нам представляется, дает основание для уточнения времени появления первых подбойных погребений в левобережном Хорезме — это происходит не позднее начала III в. до н.э. Мечи и кинжалы из подбойно-катакомбных погребений Хорезма и других областей Средней Азии логически продолжают линию развития более ранних типов вооружения этого региона, и поэтому нет никаких оснований считать их принесенными сюда племенами с подбойно-катакомбным обрядом захоронения.

Среднеазиатский набор оружия встречен и в Тилля-тепе в Северном Афганистане [Сарианиди, 1983, с. 87 и сл., рис. 38, план четвертого погребения]. Вместе с тем художественные рельефы из Северо-Западной Индии свидетельствуют, что в этой области Кушанского государства бытовало оружие иных типов и отличными были и способы его ношения [Пугаченкова, 1982, с. 149, рис. 153]. Кушанские воины-донаторы вооружены массивным мечом средних размеров. Он свободно перемещается на скобе от одного бока к другому по ремню, закрепленному на поясе. Кинжала у воинов нет.

Таким образом, и общий обзор развития мечей и кинжалов в связи с тактикой ведения боя показывает, что Среднеазиатско-Казахстанский регион и в послеахеменидское время, несмотря на политическую разобщенность районов, сохраняет известное культурное единство в наиболее подверженной изменениям области — вооружении. Намечается как будто региональная особенность наверший кинжалов (но они не имели значения для техники их употребления), возможно, со временем она уточнится.

Давно было обращено внимание на единообразие гончарной посуды Бактрии, Согда, Маргианы, Парфии и Хорезма в период их вхождения в состав Ахеменидского государства.

В Чирчик-Ангренской долине (Ташкентский оазис), в Фергане и «сакских» районах Средней Азии, не входивших в состав этого государства, керамики рассматриваемого типа не было. Это наблюдение приводит к выводу, что распространение «цилиндро-конической» керамики в VI–IV вв. до н.э. можно связывать с утверждением здесь ахеменидского господства. Однако, поскольку подобная керамика не характерна для центральных областей Ахеменидского государства, вопрос о поразительном сходстве керамических комплексов разных среднеазиатских областей VI–IV вв. до н.э. иногда еще считается открытым, хотя происхождение их от более ранней керамики юга Средней Азии теперь признается всеми исследователями.

Е.Е.Кузьмина довольно убедительно показала, что керамический комплекс гончарной керамики Средней Азии ахеменидской эпохи восходит к традициям Намазга VI и Сапали-тепе и он не может служить этническим индикатором [Кузьмина, 1971, с. 178]. Вероятно, в связи с тем что завоевания Ахеменидов сначала затронули юг Средней Азии, именно бактрийско-маргианские керамические традиции (а может быть, и гончары) породили сходство керамических комплексов ахеменидских областей на северо-востоке их державы (в отличие от архитектуры, торевтики и иных искусств так называемого «имперского стиля» в керамике не требовалось копировать прототипы Персии). Тем не менее отмечается, что «при общей стандартизации керамического производства ряд специфических деталей позволяет различать такие керамические провинции, как Парфия, Маргиана, Хорезм, Согд и северная Бактрия, что, видимо, отражает черты этнокультурной специфики» [Массон В., 1984, с. 5].

Отметим, что некоторая специфика появляется и в пределах иных историко-культурных областей.

Чирикратская культура в дельте Сырдарьи [Вайнберг, Левина, 1993] демонстрирует пример того, как с распространением ахеменидского влияния на новый район сюда проникает комплекс гончарной керамики с юга Средней Азии вместе с сырцовым строительством. Область древней дельты Сырдарьи еще ранее IV в. до н.э. стала сатрапией державы Ахеменидов («саки, которые за Согдом», см. часть IV, раздел о дахах), но только к началу этого века она стала «обустраиваться» правителями этой обширнейшей империи. Возможно, что это было связано с единой политической задачей государства — укреплением власти на северных рубежах державы. В низовьях Сырдарьи, Хорезме и Армении, вероятно одновременно (или близко по времени),

начинается строительство сатрапских резиденций (подробнее см. часть IV, раздел о дахах); все они из-за политических обстоятельств остались незавершенными. Культурное влияние южных районов Средней Азии на скотоводов древней дельты Сырдарьи происходит уже на той стадии развития гончарного керамического комплекса ахеменидского времени в Средней Азии, когда перестают выделываться баночные сосуды усеченно-конического типа, прежде всего хумы (но в южных районах они еще находятся в употреблении), поэтому их нет в чирикрабатской культуре. Анализ керамического комплекса детально проведен Л.М.Левиной [Вайнберг, Левина, 1993]. Она показала его совпадение с позднеахеменидской керамикой ряда среднеазиатских памятников на юге. Скорее всего, в дельту Сырдарьи были вывезены гончары, наладившие здесь производство и обжиг гончарной керамики, наряду с которой продолжала употребляться и местная посуда ручной лепки и кострового обжига. После падения державы Ахеменидов культурные связи с югом не нарушаются, но, очевидно, уходят совсем или частично гончары (как и строители) с юга. Керамика резко грубеет, но гончарство уже не исчезает из этого района дельты. После некоторого перерыва достраивается и сатрапская резиденция, очевидно, уже для местного «вождя».

Таким образом, комплекс чирикрабатской гончарной посуды связан с основной (оседлой) частью сатрапии «саков, которые за Согдом» — дахов, но распространился он, вероятно, на значительной территории дахского союза племен, а не только собственно дахов.

Иной вариант развития гончарной посуды можно проследить в конце ахеменидской эпохи и в послеахеменидское время в Хорезме, где образовалось в это время самостоятельное государство.

Выделение Хорезма в отдельную сатрапию и новые направления культурных связей с западными областями Ахеменидской державы (см. [Вайнберг, 1990; Вайнберг, 1991]) определили, как нам кажется, своеобразие следующей эпохи в культуре Хорезма — «кангюйской» [Толстов, 1948], сложение которой происходит в IV в. до н.э. (подробнее см. выше ч. II, гл. 2). Уникальность этого культурного комплекса в Средней Азии, наличие в нем многих передневозвосточных и конкретно позднеахеменидских традиций, зачастую характерных именно для Западного Ирана, и к тому же просто импорт из Закавказья и Месопотамии в материалах из раскопок Калалы-гыра 2 служат веским доводом в пользу высказанных выше положений. Особо следует обратить внимание на то, что роспись на кангюйской посуде Хорезма не находит себе аналогий в Средней Азии, но очень похожа на некоторые виды расписной керамики Закавказья (особенно треугольники). Расписная керамика в Закавказье I тыс. до н.э., в период Урартского царства, продолжает керамические традиции II тыс. до н.э. и доживает до ахеменидской эпохи, она получает развитие в несколько ином виде

и в эллинистическую эпоху (см., например, [Древнейшие государства, 1985, с. 33, 88–89, 99]).

В слоях памятников Присарыкамышской дельты «кангюйская» керамика встречается вместе с местной посудой ручной выделки, продолжающей традиции куюсайской культуры раннежелезного века. В правобережном Хорезме «куюсайской» керамики нет, там, возможно, «кангюйский» комплекс синхронен другому комплексу — ранней группе светлоангобированной посуды ручной выделки [Кой-крылган-кала, 1967, с. 122 и сл., табл. X, XI] (подробнее об их синхронизации см. ниже в гл. 2). Таким образом, и «кангюйская» керамика Хорезма распространена была в пределах одной историко-культурной области низовьев Амударьи, где посуда ручной выделки маркирует более мелкие и, вероятно, этнические (или этнографические) ареалы.

Строительство и архитектура

С ахеменидской эпохой связано широкое распространение в северные районы Средней Азии сырцового строительства, архитектурных приемов из южных областей Средней Азии, а иногда и из центров Ахеменидской империи, так как монументальные постройки (дворцы, храмы и т.д.) отражали «имперский стиль», ставший образцом для подражания местной правящей верхушке.

К концу этой эпохи и особенно в послеахеменидское время достигла большого совершенства фортификация Средней Азии: применялись различные типы башен, укрепленных стрелковых коридоров, протейризмы, предвратные лабиринты, рвы и другие сооружения, усиливающие оборону. Бойницы чаще всего были стреловидные, иногда три бойницы имели сближенные входные отверстия, которые обслуживал один стрелок (Джанбас-кала в Хорезме, Бабиш-мулла I в дельте Сырдарьи). Стрелковые коридоры часто делались на монолитном или засыпном цоколе и имели сводчатые или плоские перекрытия. Как правило, над ними были открытые стрелковые площадки, защищенные стеной или зубцами с бойницами. Иногда сооружались стрелковые коридоры в два этажа. Вариантов решений в фортификационном строительстве разных областей Средней Азии очень много, каких-либо закономерностей в их распространении отметить сейчас еще нельзя.

Высокого уровня достигло строительное дело. Как и ранее, основными строительными материалами были пахса (битая глина), крупный сырцовый кирпич (в Хорезме — квадратный кирпич чаще всего стандарта, близкого к 40×40×10 см). В фортификационных сооружениях, особенно в их цоколях, чаще использовались комбинированные кладки из сырцового кирпича и пахсы. Обожженный кирпич встречается

очень редко, иногда в отдельных вымостках или облицовках. Камень применялся в строительстве в основном для баз и иногда капителей колонн. Последние, как правило, были деревянными. Каменные кладки известны лишь в Восточном Прикаспии и на Устюрте, где не было практически материала для сырца. Кладка там велась из рваных некрупных камней на глиняном растворе, поверхности стен покрывались саманно-глиняной штукатуркой (Игды-кала, Гарраул-депе), погребальные сооружения возводились из более крупных рваных камней, часто встречаются поставленные на ребро плиты и засыпка щебенкой между двумя рядами каменной кладки. Перекрытия погребальных камер здесь осуществлялись напуском каменных плит, образующих ложный свод или купол.

В сырцовом строительстве штукатурка из глины, глины и самана, иногда ганча широко применялась как в монументальных, так и в рядовых постройках. Плотной штукатуркой, как правило, покрывались наружные поверхности построек и крепостных стен, чтобы предотвратить размывание кладки атмосферными осадками.

В силу многослойности большинства памятников на юге Средней Азии и небольшого объема раскопок монументальных построек представление об уровне развития ее архитектуры очень неполное. Известны в основном лишь храмы и дворцы эллинизированной части областей. Но на северной периферии региона, в Хорезме и на территории дахов в дельте Сырдарьи (чирикратская культура), сохранились и изучались крупные постройки (Кой-крылган-кала, Елхарас, Калалыгыр 2 — в Хорезме, мавзолей Чирик-рабата, Бабиш-мулла 2 и донжон Бабиш-муллы 1, мавзолей Баланды 2 — в низовьях Сырдарьи), по которым можно составить представление об уровне развития ряда архитектурных приемов Средней Азии в целом, так как древних истоков ее в этих северных регионах нет [Кой-крылган-кала, 1967; Левина, 1991; Vainberg, 1994; Вайнберг, Левина, 1993].

Монументальные постройки имеют разнообразные по решению и размерам сводчатые перекрытия как малых размеров, так и достигающие почти пятиметровых пролетов. Своды, как правило, сложены из специального сырцового кирпича трапециевидной формы на глиняном растворе поперечными отрезками с упором на одну из торцовых стен. Кривая сводов чаще всего двухцентрового построения с высоким подъемом, но на Елхарасе в южном Хорезме есть и полуциркульные своды. При пересечении двух сводов применялись различные решения (рассекающие общий неф стены с арочными проходами ниже пяты свода, разная высота пересекающихся сводов, но сохранившихся участков их в месте пересечения, к сожалению, нет). На уровне пят сводов чаще всего оставлялась неширокая полочка, которая могла использоваться и для кружал, хотя подавляющее большинство сводов построено без их применения. Есть своды, перекрывающие помеще-

ния, с «дуговидной» планировкой (обводные в круглом мавзолее Баланды 2), где за счет дополнительных расклинок и изгиба поперечных отрезков достигалась прочность кладки, сохранившейся с III в. до н.э. по сей день. Вероятно, широко распространенной конструкцией перекрытия в Средней Азии описываемого времени был ложный купол. Массовое применение его можно отметить при перекрытии загрузочных, а иногда и топочных камер круглых в плане гончарных печей в разных областях региона. Есть гончарные печи диаметром 4–5 м. Поэтому вряд ли можно считать уникальным ложный купол диаметром около 6 м в центральном помещении Баланды 2. Более скромные по размерам ложнокупольные перекрытия были широко распространены и в рядовых погребальных сооружениях (джетыясарские сырцовые склепы второго типа в низовьях Сырдарьи, каменные склепы на Узбое, Заузбойском плато и Устье, например).

Клинчатая кладка практиковалась при перекрытии арок. Расclinка чаще всего велась кусками керамики, реже небольшими плоскими камнями.

Архитектурные формы, судя по всему, были достаточно разнообразны, так как в одновременных постройках встречаются разные решения (сводчатые и плоские перекрытия однотипных помещений, например стрелковых галерей и т.д.).

В ряде памятников культового характера широко используются ниши, иногда с дополнительными сооружениями около них (Елхарас). С IV в. до н.э. в Хорезме известна настенная сюжетная живопись и скульптура.

Таким образом, и строительный комплекс не дает оснований для выделения каких-либо узких ареалов. Может быть, в некоторой степени особое место занимают сырцовые прямоугольные кирпичи пропорций, близких к 50×30 см, и нечетко стандартизированные. Они характерны для построек в древней дельте Сырдарьи. Впервые они появляются в позднебронзовом могильнике Тагискен [Итина, 1992], в сочетании с квадратным кирпичом встречаются в памятниках чирикрабатской культуры [Вайнберг, Левина, 1993] и полностью господствуют в джетыясарских постройках. На рубеже III–IV вв. н.э. они вместе с населением джетыясарского урочища приходят в Ташкентский оазис и вообще на юг Средней Азии [Левина, 1981, с. 170 и сл.], где получают широкое распространение, сменяя квадратный сырцовый кирпич.

Погребальные обряды

В связи с тем что в археологии Средней Азии и Казахстана существует практика объяснять многие погребальные обряды и верования распространением зороастризма, автор считает необходимым привести небольшой обзор погребальных обрядов в исследуемой зоне.

Суждения о верованиях населения тех или иных областей Средней Азии и окружающего их мира степей часто основываются на данных о

погребальной обрядности. Вместе с тем изучение целым поколением исследователей сложных по истолкованию и часто разновременных данных авестийских текстов о полагающихся праведному зороастрийцу погребениях, а также исследование археологических и письменных материалов, связанных с истоками оссуарного обряда погребения [Рапопорт, 1971, там же основная литература], часто считавшегося в связи с каноническим зороастризмом раннего средневековья — основным ортодоксальным, показывают, что очень широкий круг погребальных сооружений в Средней Азии может быть признан с глубокой древности вполне отвечающим требованиям зороастрийской религии, хотя они и не связаны с ней. Это вряд ли может вызвать удивление, так как религиозные предписания, очевидно, сложились на базе местной культовой практики.

Так, погребения в ямах, обложенных камнем, с перекрытием из каменной плиты или ряда плит восходят еще к эпохе поздней бронзы, когда в них совершались погребения по обряду трупоположения и трупосожжения (срубные погребения в Туркменистане, дандыбайбегазинская и андроновская культуры). Традиция трупосожжения — возможно, наследие индоариев — изживает себя к III в. до н.э.; наиболее поздние памятники с таким обрядом — «крестовины» в чирикрабатской культуре низовьев Сырдарьи. С середины I тыс. до н.э. на севере Средней Азии появляются склепы как наземные, так и подземные — каменные на Устюрте и в Восточном Прикаспии и сырцовые в джетыясарской культуре в дельте Сырдарьи [Левина, 1996]. Здесь происходит выставление погребенного в закрытом помещении с сопровождающим его инвентарем.

В каждой из областей развитие этих типов погребальных сооружений идет своим путем — в Восточном Прикаспии со II в. до н.э. в таких склепах появляются оссуарии, что как будто бы приближает их к зороастрийским, а в джетыясарской культуре идет последовательное развитие трех типов сырцовых склепов вплоть до VIII в. н.э. (время гибели культуры), оссуарные захоронения здесь не появляются даже в раннем средневековье, когда они широко распространяются в Согде, Семиречье, с которыми у населения низовьев Сырдарьи в это время бесспорно были тесные культурные контакты.

Вместе с тем именно в склепах джетыясарской культуры можно проследить развитие типа погребального сооружения, приведшее к сложению в Средней Азии центрического мавзолея с порталом. Порталы у скользящего прохода мавзолея подземного склепа появляются еще в I тыс. до н.э., а после рубежа н.э. господствуют уже склепы с порталом и входом в центре стены камеры.

Древнейшие оссуарии, известные в Средней Азии в настоящее время, — это поставленные в кургане сосуды на юго-западной периферии

Хорезма. От канонических их отличает полный комплект костей скелета вплоть до фаланг конечностей, что предполагает иной способ очищения от мягких тканей, чем труповывставление, предписываемое религией. Возможно даже, что мы имеем здесь дело с осуждаемым Авестой обрядом какой-то тепловой очистки костей («варить, печь» — термины не имеют однозначного истолкования). Бесспорно, каноническими зороастрийскими в Хорезме были оссуарные захоронения начиная с первых веков н.э., когда им предшествовало труповывставление. Последнее, например, совершалось в развалинах круглого здания Калалы-гыра 2, где были срублены внутренние стены, а внешние сохранены — в итоге получилась круглая *дахма*, место выставления трупов умерших. Очищенные кости их потом в сосудах или оссуариях помещались в развалинах крепостных стен. В бойницы и щели, как в оссуарии, помещались черепа и отдельные кости.

Одновременно в ближайшем соседстве существовали и курганы, где наряду с подбойным погребением в центре по периметру помещались оссуарии и сосуды с полным набором костей скелета (т.е. очищение его без труповывставления). Различные типы подземных и наземных камер с одновременными погребениями известны в Хорезме, иногда они, как наусы, содержат оссуарии.

Наряду с этим существовало много типов погребальных сооружений, где в том или ином виде практически осуществлялся обряд труповывставления. Например, перекрытые сводами камеры мавзолея Бабиш-мулла 2 на нижней Сырдарье, где явно видно влияние джетыясарских склепов и там же — в чирикрабатской культуре — открытые сырцовые круглые постройки — «крестовинь», в которых с III в. до н.э. на место трупосожжения пришло труповывставление. Оссуарии здесь, как и в джетыясарской культуре, отсутствуют.

Особенности погребальных сооружений и обрядов, таким образом, сохраняются в пределах отдельных историко-культурных областей; какого-то общего канона, связанного с зороастризмом, не выявляется. Скорее всего, в описываемую эпоху погребальные обычаи диктовались нормами социального поведения в рамках традиционной культуры каждой области.

ГЛАВА 2

Восточный Прикаспий (Узбой, Прибалханье, Устюрт)

Памятники скотоводов в Восточном Прикаспии относятся к периоду от VII в. до н.э. до IV в. н.э. Более ранние погребения обнаружены А.М.Мандельштамом у северных склонов Больших Балхан (Патмасай и Гараалемсай) и у северо-западных склонов Копетдага (Парау I-II, Газылгыгум). Они относятся к позднебронзовому веку и

связываются автором раскопок с носителями срубной культуры, продвинувшимися сюда с юго-восточной окраины ареала этой культуры [Мандельштам, 1966; Мандельштам, 1967]. А.М.Мандельштам не исключает возможности, что именно на основе этого населения позднее сложились известные по данным античных авторов массагеты [Мандельштам, 1976, с. 21].

К концу эпохи бронзы относится и единственное пока среди раскопанных погребение на возвышенности Чолинкыр у правого берега Узбоя в могильнике Ялкым 3 [Юсупов, 1982, с. 63], где в круглой в плане каменной ограде из поставленных на ребро плит была под каменной кладкой небольшая яма (0,8×1,4 м при глубине 0,2 м). В яме сохранились разрозненные кости скелета и бронзовый двухлопастный черешковый наконечник стрелы с упором (ср. [Итина, 1977, с. 6–161, рис. 78, 15]). Это погребение как бы предшествует каменным погребальным сооружениям более позднего времени.

В первой половине 60-х годов исследования памятников кочевого населения Закаспия к северу от Узбоя проводил А.М.Мандельштам, который в могильниках Гек-Даг II и Джанак II раскопал каменные наземные сооружения V–III вв. до н.э. [Мандельштам, 1976; Мандельштам, 1981].

В 1969 г. подобные сооружения были обнаружены автором этих строк и Х.Юсуповым на возвышенности Дордуль на берегу Узбоя и на Каплан-гыре, а с 1970 г. разведками и раскопками таких памятников занимался Узбойский археологический отряд Института истории им. Ю.Батырова АН Туркменской ССР (Х.Юсупов). Работами этого отряда на берегах Узбоя и прилегающих участках Заузбойского плато открыто и раскопано без малого 300 погребальных памятников древних скотоводов [Юсупов, 1991, с. 13]. Большая часть исследованных памятников связана с районами древнего русла Узбоя, на воду которого базировалось хозяйство населения [Юсупов, 1986; Юсупов, 1991, там же список публикаций автора]. Остатки развеянных стоянок скотоводов на берегах Узбоя фиксировались ранее [Низовья Амударьи, 1960, с. 316–319], новые были найдены у западного берега Келькора [Вайнберг, Юсупов, 1985].

Как показали раскопки погребальных памятников, культовых комплексов Гарраулдепе и Ичянлыдепе и материалы развеянных стоянок, к середине I тыс. до н.э. на территории Северо-Западной Туркмении уже сложилась своеобразная культура скотоводческого населения. Очевидно, к IV в. до н.э. скотоводами были заселены и активно освоены берега Узбоя, так как именно с этого времени здесь появляются наземные каменные сооружения, характерные для скотоводов Закаспия вплоть до северного Устюрта [Юсупов, 1986; Юсупов, 1991; Мандельштам, 1976; Мандельштам, 1981; Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта, 1978, гл. 3; Вайнберг, Юсупов, 1992].

Как правило, погребальные сооружения (одиночные, парные, группами от 3—4 до нескольких десятков) располагаются на возвышенных каменистых местах, на Узбое — на возвышенностях вблизи русла или на высоком коренном берегу. Территория их распространения в настоящее время может быть очерчена от восточного берега Каспия на западе до западных окраин Хорезма (Присарыкамьшская дельта Амударьи) на востоке и от Узбоя и Больших Балхан на юге до северного чинка Устюрта на севере. В современном виде это округло-овальные каменно-земляные «насыпи» диаметром от 4 до 14—15 м и высотой от 0,2 до 1,5 — 2 м, иногда встречаются развалины и сооружения удлиненно-овальной формы. В предварительных публикациях эти сооружения по их современному внешнему виду часто названы курганами. Раскопки же показали, что «насыпь», как правило, образовалась в результате разрушения древнего наземного сооружения. На древнем горизонте сооружалась прямоугольная, подпрямоугольная, трапециевидная, подквадратная, круглая или овальная, как правило, глухая камера, окруженная стеной толщиной в среднем от 0,5 до 1,5 м. Кладка велась из крупных плит рваного камня без раствора. Горизонтальная кладка сочетается с обкладкой из вертикально поставленных крупных плит, иногда заглубленных краем в грунт. Встречается и конструкция стен из двух каменных обводов с заполнением каркаса мелким камнем и щебенкой. В большинстве случаев плашмя уложенные плиты внутри камеры сложены с напуском внутрь камеры, образуя конструкцию типа ложного свода. Плиты от перекрытия чаще всего находятся в завале камеры. Камеры служили коллективной усыпальницей, захоронения были многократными, покойники помещались внутрь камеры, которая преднамеренно не засыпалась землей. Внутри камер зафиксированы скелеты, лежащие в анатомическом порядке с различной ориентировкой и частично потревоженные, кости скелетов, собранные в кучи или сложенные в сосуды-костехранилища типа оссуариев, как специально сделанные (керамические и алебастровые), так и приспособленные для этой цели бытовые сосуды. Значительная часть костей обычно беспорядочно разбросана по всей камере. Судя по черепам, в большинстве случаев в камерах находились остатки 10—15 погребенных, но нередки камеры с 20—30 погребенными.

В склепах встречен довольно бедный археологический материал, который пока дает основание все раскопанные комплексы разделить только на две хронологические группы — IV—II вв. до н.э. и от I в. до н.э. (последних веков до н.э.) до IV в. н.э. Многократность захоронений и длительное использование практически открытых склепов способствовали смешению разновременного материала.

Первая хронологическая группа довольно четко определяется по предметам вооружения (кинжалы, наконечники стрел) и другим изделиям из металла (пряжки, колчанные крючки) и кости (туалетные ло-

жечки), известным в сарматской (прохоровской) культуре этого времени. Для нее, как правило, не отмечено оссуарных захоронений. Очевидно, этот обряд появляется только в конце раннего этапа; особенно показательны в этом отношении сооружение № 1 на возвышенности Ялкым, где был обнаружен сосуд-оссуарий, вкопанный в материк, что позднее не практикуется (датировка сооружения — IV–II вв. до н.э. — определяется по наконечникам стрел и бронзовой восьмеркообразной пряжке сарматского типа [Юсупов, 1982, с. 62–63, рис. 3]).

Бесспорно ранних сооружений сейчас известно около двух десятков, и примерно столько же может быть определено как переходные ко второй хронологической группе. При отсутствии предметов вооружения часть ранних склепов могла быть отнесена к поздней группе в связи с отсутствием ранних датирующих предметов. Выделяются в ранней группе разнотипные погребальные сооружения:

первый тип — сооружения из плашмя уложенных плит, образующих правильное по очертанию кольцо, кладка имела два обвода — внутренний и внешний, пространство между ними было заполнено мелкими камнями (Дордуль 1, Гокдаг 2а, Чарышлы 25–1, Джанак-Чанак 2);

второй тип — круглые сооружения из плашмя уложенных плит, чередующихся с плитами, поставленными на ребро и частично заглубленными в материк (Дордуль 10, Мелегоч 3);

третий тип представлен сооружениями только из плит, поставленных на ребро (3–4 ряда) и дополнительно закрепленных мелкими камнями или землей (Гараязы 3);

четвертый тип — сооружения подквадратные из плашмя уложенных плит, облицованные плитами, поставленными на ребро. Иногда камера разделена поперечной стенкой-перегородкой;

пятый тип — сооружения подпрямоугольные с выходом у южной стены (Ялкым 6);

шестой тип — сооружения имеют в центре прямоугольную глухую камеру; снаружи выступающие южные углы образуют подобие вытянутых ложных башенок; северная половина сооружения чуть суживается, как бы продолжая сооружение, образуя подпрямоугольную площадку (Акяйла 1, Ханалы 10, Зенгибаба 1).

Исследуя истоки оссуарного обряда захоронения в Средней Азии, Ю.А.Рапопорт [Рапопорт, 1971, с. 23 и сл.] особое внимание обратил на данные письменных источников об обряде выставления у массагетов и других восточноиранских народов (племен). Его вывод о том, что истоки оссуарного обряда находятся не в зороастрийском богословии, «а в каких-то верованиях восточноиранских племен» [Рапопорт, 1971, с. 35], находит яркое подтверждение в погребальном обряде узбойских склепов, где происходит постепенный переход от первоначального обряда выставления в наземном, вероятно семейном, скле-

пе к оссуарному обряду: очищенные кости складываются в сосуды, которые остаются здесь же, в склепе.

Таким образом, одно и то же сооружение выполняет функции дахмы (места выставления трупов) и науса (места помещения оссуариев с очищенными костями).

Вторая хронологическая группа склепов имеет широкие временные рамки из-за малочисленности четко датирующих вещей. Здесь отсутствует вооружение, инвентарь состоит в основном из керамики, украшений (выделяется, очевидно, местная форма бронзовых серег из круглой проволоки с незамкнутыми концами, один из которых утолщается).

Погребальные сооружения второго этапа часто отличаются монументальностью, встречаются крупные могильники (Дордуль, Кемальский и др.). Сооружены они, как правило, из плашмя размещенных крупных и средних каменных плит, положенных с небольшим напуском внутрь камеры в каждом следующем ряду (особенно в верхней части камер), что должно было образовывать перекрытие типа ложного свода. В глухие камеры попадали через отверстие наверху, закрывавшееся крупными плитами. Встречены подпрямоугольные, подквадратные, трапезиевидные или круглые в плане камеры; преобладают глухие, но есть и различные по ориентации входы в склепы. В камерах наряду с почти непотревоженными скелетами встречаются кучи костей с черепом наверху, беспорядочные кучи костей, сосуды-оссуарии, среди которых кроме местных и импортных крупных бытовых сосудов, использовавшихся в качестве оссуария, отмечено значительное количество специально сделанных местных лепных керамических «корытообразных» оссуариев (иногда они имеют крышки и часто алебастровую обмазку). В некоторых костехранилищах содержались кости нескольких погребенных. Как и в левобережном Хорезме, череп в оссуарии, как правило, лежал поверх костей. Большие скопления оссуарных захоронений можно отметить в могильнике Дордуль на среднем Узбое (Дордуль 7 — 16 сосудов-оссуариев; Дордуль 14 — 22).

Среди всех известных в настоящее время на берегах Узоя могильников, бесспорно, выделяется Дордульский, расположенный на правом, высоком берегу русла вблизи края обрыва Заузбойского плато. Погребальные сооружения на некоторых участках концентрируются по 4–5 сооружений, изредка расположены поодиночке, довольно часто представлены в паре. Всего обнаружено и раскопано более 20 каменных склепов и несколько курганов с насыпью. В ряде склепов насчитывалось от 20 до 30 разновременных захоронений, в части из них (13) дополнительно есть погребения оссуарного типа в больших бытовых сосудах или специально изготовленных корытообразных сосудах-оссуариях. Ввиду длительности существования склепов в них представлен инвентарь широкого хронологического диапазона от ру-

бежа V–IV вв. до н.э. до первых веков н.э. Осушительные захоронения относятся, вероятно, к первым векам н.э., а появляются, возможно, во II–I вв. до н.э.

Почти в центре Дордульского могильника, на юго-западной сопке возвышенности, господствующей над руслом Узбоя и находящимися южнее и восточнее песками низменных Каракумов, обнаружены развалины обширного сооружения, сложенного также из необработанных плит песчаника всухую, которое, как показали раскопки, не было связано с погребениями. Комплекс этот получил название Ичянлыдепе [Вайнберг, Юсупов, 1990]. Сооружение размерами около 36×40 м при высоте в центральной части до 3 м содержало ряд своеобразных как по технике строительства, так и по назначению помещений и построек, в развалинах его встречалось много шлаков. Самую высокую часть (16×30 м) занимает мощная и сложная по конструкции выкладка из камней (6×5 м), на которой долгое время горел интенсивный огонь: весь известняк и ракушечник под ним на большую глубину перегорел и превратился в центре в известковый порошок, а по краям — в разного типа шлаки. После разборки верхнего, перегоревшего слоя камней была обнаружена конструкция в виде подпрямоугольной камеры (5×4,5 м), окруженной поставленными на ребро камнями с лазом-проходом в южной стенке у юго-западного угла.

Камера эта со следами необыкновенно интенсивного огня, расположенная на самой высокой части холма, была, бесспорно, центром комплекса; она была обложена камнем и окружена обводом своеобразных коридорообразных «помещений» с южной и западной стороны. Эти «помещения» имели вид оград, контуры которых были выложены крупными, поставленными на ребро плитами камня. Перекрытый они иметь не могли из-за недостаточной высоты (не более 2 м) и слабой прочности стен. В середине одного из «помещений» была обнаружена выложенная из вертикальных камней камера (3×3,4 м), в развалинах которой найден сосуд и кости овцы. К югу за этими «помещениями» находился ряд более мелких камер. С северной стороны к центральному возвышенному массиву примыкает выкладка типа алтаря, а севернее ее расположен еще один округлый отдельно стоящий алтарь-выкладка. Оба алтаря находятся строго к северу и на одной оси с центральной камерой. На алтарях горение было менее интенсивным, чем в ней. Остатки костров, которые возжигались на всех этих объектах, не выбрасывались, а перемещались на периферию комплекса (особенно на восточную сторону), где «захоранивались», обкладывались камнями. Сохранилось очень большое количество подобных остатков. Кроме того, по склону сопки Дордуля, где расположен памятник, и вплоть до русла Узбоя встречаются очень крупные куски ошлакованного камня.

Судя по всему, комплекс был культовым, связанным прежде всего с культом огня, южная и западная часть памятника, где нет следов го-

рения, очевидно, предназначалась для совершения культовых церемоний. В силу того что помещения Ичянльдепе не перекрывались и здесь не образовывалось обычных культурных отложений, находки не представляют каких-либо замкнутых хронологических групп, а относятся ко всему периоду функционирования сооружения либо к наиболее позднему его этапу. Набор бронзовых втульчатых наконечников стрел весьма выразителен, все типы их представлены в хорошо датированных комплексах вооружения сарматского времени [Смирнов, 1961, с. 37 и сл.; Мошкова, 1963, с. 30–31, табл. 14–16], что позволяет датировать их V–II вв. до н.э.

С культовым характером памятника согласуются и находки курьих и их фрагментов и специального сосуда типа амфоровидных ритонов с двумя отверстиями в дне, а также довольно большое количество разной по происхождению импортной посуды (Средняя Азия, Иран, Закавказье и т.д.). Среди находок, происходящих, как правило, из южной и юго-западной части, выделяются копыта и черепа лошадей.

Комплекс Ичянльдепе может быть сопоставлен с персидскими святилищами огня и жертвоприношениями богам, описание которых мы находим у Геродота (I, 131), Страбона (XV, III, 13–16), Аппиана (Митридатовы войны, 66). Вероятно, здесь был негасимый огонь или несколько огней в честь почитаемых божеств.

Наличие копыт и частей черепов лошадей указывает в первую очередь на известный культ солнца у массагетов, с которым были связаны эти жертвенные животные (Геродот I, 216). С жертвоприношениями, вероятно, непосредственно была связана камера в «помещении», где найдены кости барана.

Расположение этого святилища в центре могильника даст основание предполагать, что мелкие очаги горения на северо-западной периферии памятника могли возжигаться в связи с погребальным культом или жертвоприношениями, связанными с последним.

С большой долей вероятности можно предположить, что в комплексе верований, связанных со святилищем, значительное место должен был занимать культ воды и конкретно Окса, на берегу которого оно расположено.

Довольно значительное количество импортных сосудов указывает, как нам представляется, на особое почитание святилища, а также на широкие связи населения этого района не только с соседними земельными районами, но и с более отдаленными областями Ирана и Закавказья.

В центре самого крупного горного массива Северо-Западной Туркмении — гор Большой Балхан, на господствующей над ними сопке обнаружено еще одно святилище древних скотоводов — Гарраулдепе [Вайнберг, Юсупов, 1985; Юсупов, 1986; Юсупов, 1991]. Этот культовый комплекс состоит из развалин каменного здания (20×30 м) и око-

ло десятка округлых каменных оград с отдельно стоящими стенами и идущего с запада от родника ко всему комплексу, расположенному на господствующей возвышенности, длинного «коридора», ограниченно-го двумя каменными валами — стенами. Вблизи каменного здания, к югу от него было место священного огня того же типа, что раскопано в святилище Ичянлыдепе (здесь на большой площади вновь встречены шлаки от перегоревшего камня).

В каменном здании (высота развалин до 2 м) раскопано четыре помещения, проведен ряд стратиграфических траншей; выявлено три строительных периода с существенными перепланировками. Помещения первого, наиболее раннего периода вырублены в каменном материковом грунте на глубину около 70 см; выше стены помещений с иной планировкой сложены из камней на известково-глиняном растворе с глиняной штукатуркой их поверхности. В третьем строительном периоде, наиболее позднем, повторяется планировка предшествующего здания. Штукатурка здесь иногда с примесью самана и сильно закопчена, а местами обгорела. В одном из помещений верхнего горизонта (№ 3) был обнаружен в центре алтарь (1,7×1,8 м), сложенный из каменных плит, глиняная штукатурка которого сильно прокалена. Высота алтаря — 50–65 см. В северо-восточном углу помещения был выгорожен отсек, по мнению Х.Юсупова, для жертвоприношений, в его заполнении был найден сосуд культуры «архаического Дахистана», датируемый VII–VI вв. до н.э. [Юсупов, 1989]. На поверхности алтаря тоже были найдены фрагменты сосудов, обломки бронзовых изделий, бусы из лазурита, стекла и камня.

Остатки нескольких алтарей были обнаружены в том же помещении во втором строительном периоде. В обкладке одного из них были сырцовые кирпичи прямоугольного стандарта 50×25(23)×10 см. В сложных приалтарных конструкциях были обнаружены «захороненные» остатки золы, перекрытые штукатуркой. В этом слое золы находились очень интересные предметы: крестовидная бронзовая ворворка, бронзовое зеркало, фрагмент золотой нашивной пластинки, железная пластинка от доспеха, колокольчик, железный наконечник стрелы, тигель, керамические подставки под светильники и лепной сосудик [Юсупов, 1991, с. 11]. Ко второму строительному периоду относится и уникальная находка — бронзовая статуэтка египетской богини Исиды [Юсупов, 1989].

Верхний слой памятника датируется шестью бронзовыми наконечниками стрел (трехлопастных и трехгранных) III–II вв. до н.э. Здесь же найден лощеный кувшин парфянского типа и фрагменты стеклянного сосуда. Представлена во всех слоях и местная посуда ручной выделки, довольно много кусочков медных листовых обкладок. Материал из культурного слоя позволяет отнести строительство культового комплекса к VII–VI вв. до н.э. (сосуд из «архаического Дахистана» и стан-

дарт сырцового кирпича). После разрушения памятника около II в. до н.э. он не восстанавливался.

Округлые ограды вблизи памятника, возможно, были поминальными. При раскопках одной из них обнаружено много мелких костей домашнего скота и фрагменты керамики.

Вблизи берегов Узбоя было обнаружено несколько древних и средневековых естественных крепостей-убежищ на возвышенностях, где в моменты опасности местные скотоводы укрывались с семьями и скотом. Наиболее древним является одно из убежищ в урочище Афаджиклар на правом берегу Узбоя к западу от возвышенности Чолинкыр [Вайнберг, Юсупов, 1970, с. 427]. Небольшая возвышенность округлых очертаний с обрывистыми краями диаметром около 1 км с одной стороны имела узкий перешеек, выводивший к спуску с возвышенности. Этот перешеек был перегорожен каменной стеной с воротами и предвратным лабиринтом. Убежище располагалось в стратегически важном месте — к северу от русла Узбоя против возможного брода или переправы через реку.

Данных о характере рядовых поселений у нас почти нет. На месте развееанных поселений находятся обгорелые камни от очагов, керамика, наконечники стрел, украшения и т.д. Жилища скорее всего были сделаны из легких материалов (может быть, плетеные или каркасные). Наибольшие по площади поселения с остатками размытого золистого культурного слоя встречены на западном берегу солончака Келькор. Все поселения находились непосредственно у воды. Скопления керамики зафиксированы и у родников к северу от Больших Балхан и на Заузбойском плато. Как правило, по соседству всегда имеются на возвышенности погребальные памятники.

Для памятников этого района характерен своеобразный комплекс местной лепной посуды кострового обжига с серой, серо-желтой или коричневой поверхностью. Техника лепки — ленточная, в тесте — примеси дресвы и иногда раковины. Довольно много круглодонной посуды. Известно большое количество форм [Вайнберг, Юсупов, 1992]. Набор их достаточно случаен в связи с особенностями обряда: для ранней группы это преимущественно столовая посуда; во второй, более поздней, преобладают крупные сосуды, использовавшиеся в качестве оссуариев. Подавляющее большинство сосудов — круглодонные, для крупных характерна шаровидность; венчики, как правило, не выделяются. В ранней группе преобладают полусферические чаши и миски. Кружки в небольшом количестве есть, как правило, в поздней группе. Форма кувшина, как и вообще узкогорлых сосудов, представлена единичными экземплярами. Основная масса керамики не орнаментировалась. Есть небольшое количество сосудов с прочерченным, прорезным или пунсоным орнаментом (чаще в столовой посуде ранней группы). В поздней группе есть довольно крупные сосуды типа

чайников с трубчатым носиком и ручкой. Наиболее часто встречаемая импортная гончарная посуда — парфянская или сходная с ней по облику, реже попадает хорезмийская, как правило в памятниках на верхнем Узбое.

Оригинальную по типу группу местных гончарных изделий образуют корытообразные оссуарии с крышками и без них. Они сделаны из того же теста, что и бытовая керамика, обжиг костровый; есть образцы со следами ремонта. Изредка встречаются оссуарии такой же формы из алебаstra. Керамика с нижнего Узбоя (Келькора) и Прибалханья имеет обычно более темную и бугристую поверхность (за счет минеральных примесей в тесте). Можно отметить и намечающиеся в ряде случаев утолщения у венчиков, шейки сосудов слегка отогнуты наружу.

Оружие представлено довольно ограниченным набором. Наконечники стрел найдены в культовых комплексах и в погребальных сооружениях. Они принадлежат к сарматским типам, что в это время характерно для всей Средней Азии [Медведская, 1972]. Среди железных иногда встречаются уникальные образцы с длинными черешками, эти изделия принято связывать с восточными влияниями [Смирнов, 1961, с. 64; Мошкова, 1963, с. 32]. В поздней группе погребальных сооружений оружие не найдено, так что данных о его развитии у нас вообще нет. В ранних склепах найдено несколько железных кинжалов и коротких мечей с прямым перекрестьем и без навершья. Часть из них была разбита или согнута при помещении в склеп. Эти типы кинжалов и мечей характерны для прохоровских памятников, но вместе с тем встречаются также и в Средней Азии ([Хазанов, 1971], см. также главу 1).

Среди характерных предметов — глиняные курильницы, часть из них по форме совпадает с подобными же предметами в сарматских погребениях и в подбойно-катакомбных памятниках Хорезма [Мошкова, 1963; Лоховиц, Хазанов, 1979].

Алебастровые сосудики удлиненной, часто усеченно-яйцевидной формы с толстыми стенками — предметы местного производства. Как правило, они найдены в склепах поздней группы. Во многих погребальных сооружениях на Узбое и Заузбойском плато встречены белые антропоморфные статуэтки, выполненные с разной степенью стилизации из мела, алебаstra (гипса) и других мягких пород камня. Среди них, возможно, были мужские и женские изображения [Юсупов, 1981, с. 132, рис. 3, 1, 2; Мандельштам, 1981, рис. 4]. Все они типологически похожи на уникальное каменное изваяние из белого известняка, найденное у берега Узбоя, под обрывом возвышенности, на которой расположено святилище Ичянлыдепе. Вторая такая находка известна на Красноводском полуострове.

Предметы туалета из склепов довольно разнообразны, хотя и не очень многочисленны. Серьги из медной (бронзовой) проволоки в

полтора оборота — довольно частая находка, они характерны для сарматских и многих среднеазиатских памятников (в частности, это довольно обычная находка в памятниках Хорезма). Уже отмечалась как будто бы местная, не имеющая аналогий форма серег из несомкнутой проволоки с утолщением в виде раструба на одном конце.

Набор бус отличается довольно большим разнообразием. Наряду с обычными для среднеазиатских памятников стеклянными и каменными бусами встречаются пестрые глазчатые бусы, характерные для сарматских памятников Приуралья. С этим же регионом, очевидно, следует связывать и происхождение костяных туалетных ложечек. Медные кольца со щитком, вставками стекла и из проволоки довольно широко распространены в среднеазиатских памятниках (см., например, [Литвинский, 1973]), поэтому вряд ли могут иметь местное происхождение. Бронзовые зеркала, чаще всего найденные в обломках, принадлежат также к широко распространенным сарматско-среднеазиатским типам, как правило, первых веков н.э.

Весь набор инвентаря дает основание констатировать, что местное ремесленное производство вряд ли было сколько-нибудь широко развито. Бесспорно, на месте производилась лепная керамика кострового обжига, корытообразные и алебастровые оссуарии, алебастровые туалетные сосудики, глиняные курильницы, алебастровые и меловые статуэтки и, возможно, бронзовые проволочные серьги с утолщенным концом. Остальные предметы были получены путем обмена.

Торговые связи были довольно разнообразны. Можно отметить постоянное поступление гончарной керамики из Парфии; предметы вооружения, пряжки, костяные туалетные ложечки и часть украшений поступали из района Южного Приуралья, с которым могли непосредственно соседствовать северные группы населения Восточного Прикаспия (мы имеем в виду совсем не изученный район Северного Устюрта). Довольно прочные связи были и с соседним Хорезмом (керамика, украшения и т.д.). Следует отметить, что многие типы вещей, характерные для сарматов Южного Приуралья и найденные в Северо-Западной Туркмении, отмечены и в Хорезме (как в подбойно-катакомбных памятниках, так и в оседло-земледельческих). Отсутствуют в Хорезме только глазчатые «прохоровские» бусы. Все это вместе взятое, как и анализ вооружения, проведенный выше, не позволяет говорить об особом или преобладающем влиянии прохоровской культуры на скотоводов Северо-Западной Туркмении. Речь может идти о культурных, а скорее всего торговых связях этих районов.

Для установления широких торговых связей большую роль играл узбойский водный путь. На материалах Ичянлыдепе отмечались связи с Закавказьем, в одном из склепов первых веков н.э. на Ханалы (№ 8) встречен стеклянный сосуд типа алабастра, происходящий из Сирии или из Закавказья, где они довольно широко были распространены в это время.

Памятники из наиболее западных районов при общем сходстве керамики с узбойской отличают некоторые черты своеобразия. Но прежде всего это относится к погребениям. На Красноводском полуострове и на западном берегу Келькора обнаружены погребения оссуарного типа в крупных гончарных и лепных сосудах, врытых в землю, а также аналогичные захоронения очищенных костей в небольших ямках. Иногда те и другие типы погребений содержат мелкие лепные сосуды и предметы туалета. Возможно, такие захоронения получили распространение в тех районах, где не было камня для сооружения склепов.

Наряду с традиционными каменными склепами в Восточном Прикаспии обнаружено небольшое количество земляных курганов, при раскопках которых были выявлены подбойные и катакомбные захоронения с южной и северной ориентировкой погребенного (у северных склонов Большого Балхана, у Агиныша, вблизи Дордкульского комплекса на Узбое и у Туэра, на Заузбойском плато). По инвентарю они датируются IV–II вв. до н.э. и первыми веками н.э. В этих погребениях встречается местная лепная керамика и импортная.

На западном берегу солончака Келькор, в могильнике Келькор 2 обнаружено несколько размытых, возможно подкурганых, погребений в меридиональных ямах, расширяющихся к голове погребенного (ориентация север–северо-восток и северо-восток–восток, широтная ориентация отмечена в одном случае). Скелет лежал в вытянутом положении на спине, сопровождающий инвентарь: слева — длинный меч (95–96 см) с прямым перекрестьем без навершья, заходивший на плечо, железный стержень типа шила и некоторое количество железных трехлопастных черешковых наконечников стрел, справа у бедра — железный кинжал с прямым перекрестьем и кольцевым навершьем [Юсупов, 1986, с. 114 и сл., рис. 38].

С 1970 г. отдел археологии Каракалпакского филиала АН УзССР под руководством В.Н.Ягодина начал широкие археолого-топографические работы на плато Устюрт (прежде всего в его восточной и юго-восточной части). Было выявлено много погребальных памятников кочевых племен, особенно «богатым» оказался район городища Айбугир [Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта, 1978, с. 79 и сл.; Ягодин, 1982, с. 39 и сл.; Ягодин, 1990, с. 28 и сл.]. Несмотря на плохую сохранность многих курганов и сооружений, особенно с погребениями на древнем горизонте, В.Н.Ягодин предложил типологию и хронологию исследованных объектов и дал свою интерпретацию этнических процессов на северных границах Хорезма. По его мнению, со временем памятники VII–VI вв. до н.э. в этом районе будут выявлены, так как здесь встречены единичные находки бронзовых наконечников стрел этого времени. Памятники V — начала IV в. до н.э. [Ягодин, 1982, с. 76] представлены курганами с погре-

бениями на древнем горизонте внутри каменного кольца или спирали. Памятники этого типа с каменной насыпью широко распространены по всему Восточному чинку (обрыву) плато Устюрт. Отмечается, что по типу погребального сооружения, обряду погребения и инвентарю эта группа памятников полностью идентична сооружениям, раскопанным А.М.Мандельштамом в Закаспии (могильники Гекдаг и Джанак), датируемым V—III вв. до н.э. [Ягодин, 1982, с. 76]. Если в урочище Айбугир курганы подобного типа исчезают уже в начале IV в. до н.э., то в отдаленных районах Устюрта они сооружаются и позднее. Там же параллельно встречаются погребения в каменных ящиках на горизонте [Ягодин, 1982, с. 77].

В каменных курганах V — начала IV в. до н.э. в урочище Айбугир, возле городища Большая Айбугир-кала встречены, как правило, выпуклые погребения по оссуарному обряду в сосудах или статуарных оссуариях. Статуарные оссуарии, которые вслед за Ю.А.Рапопортом [Рапопорт, 1971, с. 157 и сл.] датируются от II в. до н.э. до II в. н.э., выставлялись незакопанными по краям столовых высоток (могильник Каскаджол, например). Подобная картина, когда оссуарные погребения, в том числе и статуарные, располагаются в поле кургана и не всегда закапываются, наблюдалась и в левобережном Хорезме в могильнике Яссы-гыр [Яблонский, Болелов, 1991, с. 4 и сл.]. Опубликованные В.Н.Ягодиным описания каменных курганов с сооружениями из камня же в насыпи, их планы и разрезы убеждают нас дополнительно, что это были сооружения, идентичные узбойским, но только они хуже сохранились. Там тоже первоначально по характеру насыпи они воспринимались как каменные курганы, и лишь с накоплением материала стало ясно, что это — развалы каменной кладки наземных склепов, в камерах которых совершались многократные погребения по обряду выставления; при этом более ранние скелеты отодвигались в сторону или собирались в кучи вместе с сопровождавшим их инвентарем, что создавало впечатление ограбления.

Доступ в камеры на Узбое предотвращался перекрытием камер крупными каменными плитами, положенными плашмя с напуском в виде конструкции ложного свода. На Устюрте высота сохранившейся в погребениях каменной кладки не дает возможности проследить подобную конструкцию, а присутствие в заполнении камер большого количества камней дает основание предполагать ее наличие во многих случаях. В связи же с оссуарными погребениями в полах курганов или в отдельных мелких каменных кладках (набросках) в зоне крупных курганов или в стороне от них [Ягодин, 1982, с. 43] стоит обратить внимание на то, что не позже II в. до н.э. в каменных склепах на Узбое появляются захоронения оссуарного типа в сосудах, а затем и в специально сделанных местных оссуариях. Оссуарии ставились внутри той же камеры, где предварительно выставлялись погребенные. Вероятно,

на Устюрте представлен иной вариант перехода к оссуарному обряду, но скорее всего эти явления одновременные. Нет данных и о том, были ли в устюртских оссуариях помещены все кости скелета, как это практиковалось в курганах левобережного Хорезма, или только часть их после обряда очищения скелета от мягких тканей при выставлении трупа — обряд, фиксируемый в Хорезме практически лишь в первых веках н.э. Статуарные оссуарии встречены в левобережном Хорезме в могильнике Тарым-кая 2 (около рубежа эр или чуть позже [Яблонский, Коляков, 1992]) и, как уже отмечалось, в могильнике Яссы-гыр, который датируется III–V вв. н.э. [Яблонский, Болелов, 1991]. Вероятно, на юго-восточной окраине Устюрта, вблизи хорезмийской крепости Большая Айбугир-кала переход к оссуарному обряду был произведен более решительно и не позже IV–III вв. до н.э. Поскольку здесь в зоне скопления оссуарных погребений не обнаружено мест для выставления трупов (дахм), то это дает основание предполагать, что, как и в Хорезме, в этот период очищение костей скелета от мягких тканей происходило иным способом.

В IV–III вв. до н.э. в районах, близких к урочищу Айбугир, распространяются курганы с земляными или каменно-земляными насыпями, которые, как считает В.Н. Ягодин, по всем основным признакам обряда совпадают с раннесарматскими. Это погребения в подбое с южной ориентировкой покойника; парные погребения в широкой прямоугольной грунтовой яме и подквадратным или круглым каменным сооружением на древнем горизонте при широтной и меридиональной ориентации ям; погребения в узкой грунтовой яме с каменным кольцом на древнем горизонте, ориентация их различная; погребения в яме с заплечиками. Все эти захоронения представлены весьма ограниченным количеством курганов [Ягодин, 1982, с. 77–78], но автор раскопок довольно решительно определяет их хронологию с явной тенденцией к удревнению (яркий пример — ямы с заплечиками: учитывается только время их появления, а не весь период существования в регионе Приуралья — Приаралья). Тесные контакты с сарматским миром В.Н.Ягодин объясняет не только торговыми связями, но и сложившимся циклом перекочевков скотоводов. Не отрицая такой возможности, хотелось бы обратить внимание на то, что именно в IV–III вв. до н.э. (правда, я считаю, что инвентарь дает основание определять дату не ранее рубежа IV–III вв. до н.э.) подбойные погребения «сарматского» облика появляются в левобережном Хорезме и в Прикарабагазье; в них встречается гончарная керамика Хорезма тех же типов, что и на Устюрте, поэтому есть все основания считать их одновременными (много совпадений и в другом инвентаре). В отмеченных районах раскопаны целые могильники с такими погребениями с южной и северной ориентировкой. Иногда вместе с ними встречаются и катакомбы с южной ориентировкой (дромос на одной оси с камерой), и ямные

меридиональные погребения. Все это позволяет сделать заключение об одновременном продвижении из Приуралья в Восточный Прикаспий и левобережный Хорезм особой группы населения, которая появилась и в сарматском ареале только в это же время (см. ниже часть IV, раздел о юечжи). Это не исключает возможности сезонных перекочевок этой группы населения на Устюрте.

Памятники II в. до н.э. — I в. н.э. не выявлены на Устюрте, как и во многих других районах Средней Азии. Я бы не стала связывать это обстоятельство с какими-либо политическими событиями, так как практически мы не можем назвать какие-либо предметы инвентаря, позволяющие датировать памятники этим временем. Вероятно, разработка хронологии данного периода в среднеазиатской археологии — дело будущего.

В первые века н.э. на Устюрте исчезает былое разнообразие погребальных сооружений. Они представлены только одним типом — это слабозаметные грунтовые насыпи, под которыми на горизонте обнаружены сплошные каменные круглые выкладки или каменные ограды (круглые и квадратные) (см. [Древняя и средневековая культура, 1978, с. 193 и сл.; Ягодин, 1982, с. 79]). Представляется, что эти сооружения продолжают линию развития местных каменных курганов (склепов) более раннего времени, но в них появляются могильные ямы, обложенные камнем, большей частью с меридиональной ориентировкой. Иногда ямы перекрыты каменными плитами. Ориентация погребений — северная. Преобладают они в могильнике Дуана, на севере Устюрта. В урочище Айбугир было раскопано близкое по структуре погребальное сооружение, но совершенное на древнем горизонте в камере из камня (могильник Бернияз, группа III, курган № 3).

Необходимо обратить внимание еще на один тип погребальных памятников на Устюрте — это погребения в могильнике Девкескен 4, где встречены коллективные (многократные) погребения в довольно крупных ямах, часто с дромосами. В.Н.Ягодин датирует их V — рубежом V–IV вв. до н.э. и считает однородной сарматской группой [Ягодин, 1990]. Если это и так, то опять же мы имеем дело с какой-то группой населения, продвинувшейся с «сарматской» территории через Устюрт в Хорезм, так как подобные погребения встречены в могильнике Сакар-чага I в левобережном Хорезме [Яблонский, 1992]. Л.Т.Яблонский дал детальный анализ как самого обряда захоронения, так и типа погребального сооружения, его ареала. На основе всех предметов инвентаря была уточнена дата этих погребений в пределах V–III вв. до н.э. [Яблонский, 1992, с. 25 и сл.]. Возможно, погребения в Девкескенском могильнике отмечают промежуточный пункт в продвижении этой группы кочевников. Погребальные сооружения VII–VIII вв. н.э. связываются с распространением в этот район (северный Устюрт, могильник Дуана) джетыясарской культуры на третьем этапе ее развития [Древняя и средневековая культура, 1978, с. 197].

В юго-восточной части Устюрта и в Девкескенском могильнике выявлены круглые поминальные оградки из поставленных на ребро плит, которые могут быть сопоставлены с овальными оградками у культового центра Гарраулдепе на Большом Балхане.

Таким образом, археологический материал показывает общее культурное единство территории Восточного Прикаспия, проявляющееся прежде всего в общем типе каменных погребальных сооружений. На Устюрте они имеют несколько особенностей и представлены в сочетании с большим количеством других типов погребений, что, вероятно, связано с географическими особенностями района, находящегося на пути сезонных перекочевок. Общее направление этнических и культурных связей с Южным Приуральем и Хорезмом характерно для всей территории; в Южных районах очень существенны связи с территорией Северной Парфии.

~ ГЛАВА 3

Низовья Амударьи

Выше мы уже отмечали, что в низовьях Амударьи выделяются три природно-хозяйственных района, поэтому при характеристике археологических комплексов будет четко прослежено их районирование в пределах дельтового оазиса и его ближайшей периферии.

В эпоху бронзы, со второй половины II тыс. до н.э. эта область была зоной расселения степных племен срубной и андроновской культур.

В рассматриваемую нами эпоху в правобережье Амударьи, в зоне ее Акчадарьинской дельты, расселялись потомки населения эпохи бронзы, для которых характерна была амирабадская культура (IX–VIII вв. до н.э.). Это была земледельческо-скотоводческая культура с оседлыми поселками из групп полуземлянок у древних русел в дельте реки. Еще ранее здесь появились первые ирригационные сооружения — каналы, проложенные вдоль берегов замиравших естественных протоков, от которых вода на поля выводилась мелкими арыками. Известно местное литье меди и бронзы, развито было и ручное гончарство [Итина, 1977]. В VII в. до н.э. потомки амирабадцев продолжали жить на той же территории, но памятники этого периода мало изучены, значительная часть их попала в зону позднейшей распашки и была уничтожена. Раскапывалось поселение Якке-парсан 14 [Итина, 1977] — одно из двенадцати поселений, располагавшихся здесь. Это поселение скотоводов на берегу древнего русла, которое было плотно освоено на этом участке в начале I тыс. до н.э. Вся его площадь была занята близко расположенными друг к другу остатками жилищ. Чет-

кого плана поселка выявить не удалось. Остатки домов сохранились в виде глинистых такырных останцов округлой формы (диаметром 1,5–2 м) и высотой около полуметра, окруженных россыпью керамики, общие контуры которой в плане очерчивали квадрат или прямоугольник. Другой вариант — горелые пятна с керамикой такого же плана, не поднимающиеся над уровнем современной поверхности. Раскопки показали, что и в том и в другом случае это были остатки наземных каркасных построек размером 6×5 и 4×4 м, сооруженных на прибрежном речном песке. По периметру стен была обнаружена система ямок от столбов, очерчивавших контуры жилища. Хозяйственные ямы были обмазаны глиной. Керамика вся лепная, встречались примеси из толченых раковин, черепок большей части посуды коричневого цвета, хорошо заглажен, орнамент почти отсутствует, но сохраняются традиции нескольких форм амирабадской посуды предшествующей эпохи. Кроме керамики здесь встречено очень мало находок, и они фрагментарны. В слое были найдены кости крупного и мелкого рогатого скота и лошади.

В VI–V вв. до н.э. на этой территории распространяются сырцовое строительство и комплексы так называемой архаической, или кюзелигырской, культуры Хорезма [Толстов, 1948; Толстов, 1962], генетическая связь которых со среднеазиатскими бактрийско-маргианско-парфянскими не вызывает сомнения, но у нас нет оснований связывать их с переселением в низовья Амударьи населения с юга; скорее всего, это была культурная интеграция, возможно, связанная уже с эпохой ахеменидского завоевания (ср. [Пьянков, 1983]).

В левобережной части Хорезмского оазиса (Присарыкамышская дельта Амударьи, рис. 10) ситуация отличалась. Здесь в связи с отсутствием обводнения в эпоху бронзы населения не было. В конце VIII в. до н.э. началось обводнение практически всех русловых протоков и постепенное поступление воды из них в Сарыкамышскую впадину. На вновь орошенных землях дельты расселились пришлые племена скотоводов. Первоначально, вероятно, за счет первых больших прорывов воды из Амударьи заполнились озерные впадины на западных окраинах дельты. Вблизи них поселились скотоводы с культурой поздних амирабадцев (переходный вариант к культуре типа Якке-парсан 14 [Юсупов, 1991а]). Но в начале VII в. до н.э. они были вытеснены с этой территории пришлыми скотоводческими племенами, объединяемыми археологическим понятием «куюсайская культура» [Вайнберг, 1979; Вайнберг, 1991] (см. также раздел о формировании этой культуры и хорасмнях в части IV).

Исследования поселения Куюсай 2 и курганных могильников показали разнородность населения и разные генетические истоки образовавшейся на этой территории культуры. Четко выделяются две группы населения. Раскапывавшееся, правда в небольшом объеме, поселение

Куюсай 2 (площадь около 12 га) было неукрепленным и находилось на мысу между двумя речными протоками. Жилища располагались на нем рассредоточенно и были окружены плотной арбовидной железобетонной зоной с навесами, ямами, производственными сооружениями и т.д. Выявлено два типа жилищ: наземные каменные дома (площадь около 80-100 кв. м) со стенами из двух рядов деревянного каркаса с глиняным заполнением между ними и глубокая (но менее 3 м) траншея такой же площади со входом, обращенным к берегу реки.

Судя по материалам с поселения, здесь жили оседлые скотоводы, разводившие преимущественно крупный рогатый скот и лошадей в условиях богатой кормами живой дельты реки. На поселении обнаружено много остатков ремесленных производств: железоделительного (вероятно, обработка железа и изготовление предметов из привозных криц), бронзолитейного, обработки камня, кости, ювелирного. Ирригационных сооружений этого времени не обнаружено.

Разнообразны формы керамики местного производства, в их числе много хозяйственной посуды крупных размеров. Вся посуда делалась без применения гончарного круга, техника лепки — лепечная, характерны шаровидные формы, иногда даже круглодонные или на небольшом поддоне под таким дном. Все сосуды имеют красно-оранжевую поверхность, полученную за счет специального ангобного покрытия и особого режима обжига, иногда есть следы вертикального лощения. Орнаментации на керамике практически нет. Специфические формы венчиков сосудов всех типов, особенности форм мелких сосудов, которые могут быть сопоставимы с материалами из могильников в других скотоводческих культурах Средней Азии, подчеркивают большое своеобразие этого культурного комплекса.

Автор предложил связать происхождение этого керамического материала с культурными комплексами железного века Ирана (ЖИИ I-III). В памятниках куюсайской культуры встречаются и импортная финикийская керамика типа Яз II и «культуры архайческого Дахистана», что указывает на связи с территорией Туркмено-Хорасанских гор, где соседствуют эти комплексы и красно-оранжевая посуда типа ЖИИ III (исторически это восточные пределы Мидии).

Могильники куюсайской культуры демонстрируют довольно значительное разнообразие погребальных обрядов и традиций, которые можно объединить в две группы. Могильники Тумек-Мидийский (VII — середина VI в. до н.э.) и Тарышская (VI-V вв. до н.э.) — около 20 курганов этого времени в каждом — содержат погребения под небольшими земляными насыпями, на многих из которых ставилась маленькая каменная пирамидка. Преобладающим был обряд трупоположения в небольшой и неглубокой яме с широтной ориентацией погребенного. Могилы иногда перекрывались деревом и камышом. У головы (чаще слева) ставились лепные сосуды только местного произ-

аодства. В мужских и женских погребениях найдены сосуды разных типов (бокалы) с кружечки, горшочки). В женских погребениях часты сосуды «орнаментов», плоские кости с пятном красной краски, пряслица. В могильнике Тумек-кичиджикова группа, принадлежащая по мужчине, корушка и ступа из глиняной массы, а женщины — как ассирийки. Преобладающее количество погребений по мужчине (горшочки, раскаты, керамика) здесь же судя по инвентарю, были женскими. Сходство керамики зафиксировано и в начале второго могильника в том же яме.

Вместе с тем подобны погребения, как и погребения с трупосожжениями и в крупных ямах являются основными по количеству в Сакарчага, вблизи поселения Куюсай 2, где, наоборот, погребения в небольших ямах встречены в незначительном количестве [Яблонский, 1996]. Эти могильники отличаются и по ряду других черт погребального обряда. Для них характерно наличие так называемой «скифской триады» (оружие, конская узда, предметы «звериного стиля») и импортной гончарной посуды в погребениях. Куюсайская лепная посуда там тоже представлена иным набором форм, чем в отмеченных выше могильниках. Совсем нет типов «мужской» посуды — бокалов и бомбовидных сосудов.

В этих двух группах могильников явно представлены погребения, связанные с разными по происхождению и традициям группами населения, которые обменивались женами (очевидно, эти популяции были экзогамны). Сакарчагинские могильники, бесспорно, связаны с сакскими низовьям Сырдарьи. Эта группа населения резко отлична и по антропологическому типу от представленной в других могильниках. В ней фиксируется и монголоидная примесь [Яблонский, 1996], характерная для популяций саков Восточного Приаралья [Трофимова, 1967]. Население же второй группы (Тумек-кичиджиковой) по антропологическим данным имеет *«... в основном — типично европеоидную структуру»* [Трофимова, 1979]. В северной зоне Средней Азии и Казахстана подобной популяции нет, это особенно интересно в связи с тем, что в начале железного века происходят активные контакты и их контакты — обычное явление. Возможно, что в результате этого (наряду всего обмена брачными партнерами) и появилась монголоидная примесь далеко на западе Средней Азии, при том что еще в предшествующие эпохи европеонды были расселены даже в Западной Монголии [Мамонова, 1980; Мамонова, 1980а; Новгородова, 1982], с. 322 и сл.). Учитывая керамический комплекс южного происхождения, развитую обработку бирюзы, минерала, наиболее продуктивные копи которого находятся у Нишапура в районе Туркмено-Хорасанских гор, можно сделать вывод о том, что тумек-кичиджиковая группа населения пришла с юга из пределов современного Северного Ирана, куда она продвинулась еще до VII в. до н.э. вместе со степными племенами из Восточной Европы. В связи с выяснением происхождения

куюсайской культуры автор уже обращал внимание на походы саков на Мидию [Вайнберг, 1991]. Схематически это можно представить так: группа нижнесырдарьинских саков в поисках новых пастбищ переселяется в дельту Амударьи, которая как раз к этому времени обводняется и не имеет еще постоянного населения. Одновременно эти же саки в своих походах на юг, к восточным пределам Мидии, сталкиваются с иранским же по происхождению населением, расселившимся ранее в пределах Туркмено-Хорасанских гор у северных границ иранских пустынь. Это были оседлые скотоводы, у которых было развито ремесленное производство. Добровольно или по принуждению они были переселены в низовья Амударьи, где и составили основное ядро вновь образовавшейся этнокультурной группы, так как позднее фиксируются только их культурный комплекс и антропологический тип. Малочисленная, но явно господствовавшая в VII в. до н.э. группа нижнесырдарьинских саков растворилась во вновь созданном симбиозе.

Куюсайский керамический комплекс не исчезает ни в VI, ни даже в IV в. до н.э., как это первоначально предполагалось [Вайнберг, 1979]. Подобные материалы сопровождают гончарную керамику Хорезма в левобережной дельте Амударьи вплоть до ее полного осушения в IV–V вв. н.э. Очевидно, эта этнографическая группа населения сохранялась все это время в пределах единого Хорезма.

С VI в. до н.э. начался новый этап в хозяйственном освоении левобережного Хорезма: стали сооружаться первые ирригационные сооружения, возводится первое укрепленное поселение Кюзели-гыр с развитой системой фортификации. Наряду с каркасным строительством широкое распространение получает и сырцовая архитектура, господствующее место занимает гончарная круговая керамика.

В комплексе материалов с Кюзели-гыра и других синхронных памятников среди лепной посуды преобладает куюсайская. Возможно, это свидетельствует о том, что она и была субстратом, на который наложился в левобережной части Хорезмского оазиса южный по происхождению архаический культурный комплекс. До полной публикации материалов из раскопок Кюзели-гыра нельзя сделать заключения о его хронологии, но не исключено, что возникновение памятника и всего культурного комплекса архаической культуры древнего Хорезма связано с эпохой вхождения его в состав Ахеменидского государства [Вайнберг, 1991] (ср. [Вишневская, Рапопорт, 1997]).

В правобережной части Хорезмского оазиса (рис. 11) ранние архаические (кюзелигырские) памятники представлены разветвленными поселениями у крупных каналов и их ответвлений [Андрианов, 1969]. Все они связаны с ирригацией. Здесь тоже появляются первые одиночные погребения кочевников, датируемые VI–V вв. до н.э., по происхождению связанные, вероятно, с саками низовьев Сырдарьи [Манылов, 1975]. К V в. до н.э. относится выдающийся памятник архаической

культуры Хорезма — усадьба Дингильдже [Воробьева, 1973]. М.Г.Воробьева показала, что эта богатая усадьба располагалась в пределах освоенного в это время земельного оазиса, где от разрушенных усадеб остались материалы как синхронные Дингильдже, так и более раннего времени, относящиеся к архаической культуре Хорезма [Воробьева, 1973, с. 193 и сл.]. Ею была предложена и хронология памятников этой культуры: Кюзели-гыр ранний — до конца VI в. до н.э. (начальная дата не установлена), Кюзели-гыр поздний — рубеж VI и V вв. до н.э. или начало V в. до н.э., Дингильдже — до середины V в. до н.э., время постройки Калалы-гыра 1 — несколько позже, нижний слой Хазараспа — вероятно, около рубежа V—IV вв. до н.э. [Воробьева, 1973, с. 206].

На основании исследования памятников левобережного Хорезма и сопоставления этих материалов с историческими сведениями я пришла к выводу о необходимости омоложения предложенных М.Г.Воробьевой дат, что снимает и возражения исследователей областей юга Средней Азии, связанных с проблемами хронологии архаической культуры Хорезма [Вайнберг, 1991, с. 24 и сл.]. За дату начала сменяющего архаическую культуру «кангюйского» комплекса предложено было принять середину IV в. до н.э. Этим временем и датирован был переходный материал из субструкционных клеток Калалы-гыра 1 [Вайнберг, 1991, с. 24 и сл.]. Как отмечала М.Г.Воробьева [Воробьева, 1973, с. 206–207], комплекс из Хазараспа смыкается с материалами из Кой-крылган-калы [Кой-Крылган-кала, 1967], а сейчас мы можем добавить и Калалы-гыра 2, где получен «чистый» «кангюйский» материал в очень богатом и разнообразном наборе форм (работы автора и С.М.Колякова [Vainberg, 1994]).

В архаических памятниках правобережного Хорезма в отличие от левобережного куюсайская по облику лепная посуда не фиксируется. Нужно отметить, что для всех них в обоих районах характерны крупные лепные котлы с ручками-упорами, жаровни. Другая посуда ручного изготовления и кострового обжига известна только в усадьбе Дингильдже. В Кюзели-гыре наряду с котлами и жаровнями довольно много куюсайской керамики. Это бросается в глаза и потому, что в наборе лепной посуды есть и сосуды с ручками (в Хорезме подобные формы появляются только в последующую эпоху), курильницы на ножке и др. Архаический комплекс керамики [Воробьева, 1959; Толстов, 1962], генетически связанный, как уже отмечалось, с южными районами Средней Азии, отличается несколькими особенностями: отсутствие бокалов с подкосом (усеченно-конической формы), являющихся на юге датирующим признаком, и красный ангоб на некоторых типах гончарной столовой посуды (миски, чаши, вазы на ножке, курильницы типа песочных часов), появляющийся на юге в последующую эпоху. Это обстоятельство вряд ли стоит связывать с хронологией археоло-

гического материала, так как красный ангоб характерен для ранней куюсайской посуды и от нее мог быть унаследован, как и практика каркасных построек, распространенных на Кюзели-гыре и в более поздних памятниках Присарыкамышской дельты. Этот строительный прием, как мы уже отмечали, связан с природной средой, а не какой-то этнокультурной традицией.

Если в правобережном Хорезме до сих пор вполне оправданной является классификация культурных комплексов, предложенная С.П.Толстовым [Толстов, 1948], только названия их требуют замены (кангюйский, кушанский, например), то в левобережной части оазиса требуются существенные уточнения, так как здесь начиная с VI в. до н.э. и до IV в. н.э. встречаются смешанные комплексы гончарной посуды Хорезма и традиционной куюсайской керамики ручной выделки. Опыт классификации смешанных по культуре земледельческо-скотоводческих комплексов Ферганы, предложенный Н.Г.Горбуновой [Gorbunova, 1986], для нас неприемлем, так как там в культуре керамика представлена единым земледельческим набором форм, а погребения — скотоводческие, как правило. В Присарыкамышской дельте именно два набора посуды, которые мы склонны условно называть «городской» (гончарная) и «деревенской» (лепная), находятся в одном комплексе, а погребения наследников куюсайцев совпадают, очевидно, с земледельческими. Учитывая, что сходную картину культурного симбиоза можно проследить, вероятно, и в правобережном Хорезме (см. ниже), мы считаем более правильным оперировать не названиями культур, а хронологическими периодами в пределах области низовьев Амударьи.

Мы уже отмечали выше, что обводнение Сарыкамыша и Узбоя открыло водный путь в Каспийское море. При всех его сложностях в связи с порогами на Узбое и необходимостью обноса судов около них он открывал короткий путь к административным центрам Ахеменидской империи, сатрапией которой в V в. до н.э. еще был Хорезм. Возникло новое направление культурных связей с Закавказьем и Мидией, которое определило очень яркий и своеобразный облик «кангюйской» культуры Хорезма, возникшей накануне обретения этой областью самостоятельности. Многие археологические памятники: монументальные культовые постройки Кой-Крылган-кала и Елхарас [Левина, 1991], культовый центр Калалы-гыр 2, целая серия городов-крепостей (Джанбас-кала, Шахсенем, Хива, Хазарасп и др.) возникли именно в эту эпоху. Керамический комплекс гончарной посуды, продолжающей развитие типов предыдущей эпохи [Воробьева, 1959], но обогащенный многими новыми формами, росписью по светлому ангобу и лощением по красному, резко отличен от всего того, что известно в других земледельческих областях Средней Азии.

Керамические сосуды, подражающие ахеменидским парадным металлическим, флаги с рельефами на мифологические сюжеты, ранние

древнехорезмские надписи на сосудах и остраках, древнейшие образцы сюжетной живописи выделяют культуру Хорезма IV—II вв. до н.э. среди разнообразных памятников Ближнего Востока вообще. Такой яркий комплекс в Пирисарыкамьшской дельте Амударьи включает и куюсайского облика посуду (Калалы-гыр 2, Гяур 3, поселение в урочище Нурум и др.). Если в земледельческих памятниках ее все же немного, то в зоне оседлых скотоводов на поселении Гяур 3 она представлена богатым набором форм, многие из которых, сохраняя технические особенности выделки посуды, формы венчика, начинают подражать формам гончарной посуды (вытянутые хумчи крупных размеров, кувшины и др.).

Вопрос о «деревенской» посуде в правобережном Хорезме тоже весьма актуален. Здесь, как и в более ранние периоды, нет куюсайского типа керамики. Как развивалась керамика местных потомков амирабадцев с VII в. до н.э. и позже, мы не знаем, хотя поиски переходных форм велись. Вместе с тем еще при первой классификации культуры древнего Хорезма С.П.Толстов [Толстов, 1948, с. 32] при характеристике кангюйской культуры (IV в. до н.э. — I в. н.э.) отметил в этом комплексе наряду с гончарной керамикой светлую, тонкостенную керамику, сделанную без круга (сосуды с высоким горлом, большие блюда с прямыми стенками). В подъемном материале на памятниках этого периода встречалось много подобной керамики, поверхность которой от пустынного загара становилась красной. Ее, как правило, сопровождала и более грубая (кухонная?) лепная же посуда с довольно крупными гипсовыми примесями в тесте и с такой же отделкой поверхности. При раскопках Кой-Крылган-калы подобная светлоангобированная керамика была найдена в большом количестве в застройке нижнего кольца во всех горизонтах. Обилие ее в верхних слоях первых веков н.э. вызвало дискуссию о ее датировке. Наличие же ее в нижнем горизонте получило объяснение в смешанности слоя при позднейших перестройках. Тем не менее М.Г.Воробьева при обработке керамики с памятника не только разделила эту группу на два комплекса по технике выделки и тесту, но и отделила более раннюю подгруппу от поздней [Кой-Крылган-кала, 1967, табл. X]. Она связывала ее происхождение предположительно с кочевниками, пришедшими в Хорезм [Кой-Крылган-кала, 1967, с. 310]. Исследование памятников кочевого населения, предпринятое в последующие годы, не подтвердило это предположение. Вместе с тем при раскопках всех памятников «кангюйской» эпохи (принято выделять раннекангюйский комплекс IV—II вв. до н.э. и позднекангюйский — I в. до н.э. — I в. н.э.) была встречена эта лепная светлоангобированная посуда (в столовом и кухонном варианте) вместе с типично «кангюйской» (Кургашин-кала, Малый Кыркыз, Джанбас-кала). Считать слои всех этих памятников смешанными оснований нет. Возникло подозрение, что

перед нами комплекс «деревенской» посуды правобережного Хорезма, который, возможно, существует с начала гончарного производства здесь и развился на основе традиций местного населения в этой части дельтовой области Амударьи. Выяснение генезиса этой керамики — дело будущего, отдельные формы эпохи самой поздней бронзы как будто могут быть признаны искомыми прототипами (стоянка у горы Кокча).

Совершенно неожиданно при обработке огромного комплекса керамики культового центра Калалы-гыр 2 в левобережном Хорезме мы с С.Б.Болеловым получили как будто бы подтверждение высказанной гипотезы. Здесь среди кухонной посуды ручной выделки было обнаружено несколько сосудов кухонной керамики этой светлоангобированной группы. По выделке и формам они отличаются от левобережных форм. Однослойность этого памятника и его четкая дата (середина IV в. до н.э. — конец II в. до н.э.) позволяет сделать заключение, что группа керамики ручной выделки со светлым покрытием бытовала и в IV—II вв. до н.э. и была характерна практически для всех известных комплексов правобережного Хорезма. Таким образом, мы наблюдаем картину, сходную с той, что фиксируется в Присарыкамышской дельте.

Керамика гончарного производства распространяется на территории всего оазиса низовьев Амударьи, развитие ее и особенно стандартизация форм и размеров сосудов, возможно, связаны с деятельностью древнехорезмийского государства. Она широко вывозится в районы кочевого скотоводства (до Каспия на западе, Приуралья на севере и района г. Омска на северо-востоке). Лепная же посуда домашнего производства, «деревенская», четко локализуется в природно-хозяйственных зонах правобережья и левобережья реки и продолжает традиции местных групп населения разного происхождения.

Погребальный обряд послепериодической эпохи для земледельческих районов нам мало известен. В районе Базар-калы в правобережном Хорезме раскопан небольшой разрушенный могильник с грунтовыми погребениями V—III вв. до н.э. [Гудкова, Манылов, 1981]. По материалу он синхронен коллективным погребениям могильника Сакар-чага I в Присарыкамышской дельте. В земледельческой зоне ранее первых веков н.э. твердо датированных погребений в оссуариях нет. Предположение Ю.А.Рапопорта [Рапопорт, 1971] о наличии трупопожжения в Хорезме «античного» периода при новых раскопках не подтвердилось.

Наиболее ранние погребения оссуарного типа, но с полным набором костей скелета, что свидетельствует об ином способе их очистки от мягких тканей, чем труповыставление, встречены у потомков куюсайцев в могильнике Тарым-кая I в Присарыкамышской дельте. Датируются они не позже чем середина IV в. до н.э. [Вайнберг, 1979]

(уточнение датировки см. [Вайнберг, 1991]). Большая часть этих погребений совершена в гончарных хорезмийских сосудах, что дало основание сделать вывод о происхождении этого обряда из земледельческих районов Хорезма. Сейчас я не столь категорична в своих выводах, так как появились данные об оссуарных захоронениях на Узбое и в окрестностях Большой Айбугир-калы на северных границах Хорезма, где после выставления покойников сохранившиеся части очищенных костей помещались в оссуарии или сосуды. Там этот обряд практикуется по крайней мере со II в. до н.э., а у Большой Айбугир-калы, возможно, и с IV–III вв. до н.э.

Можно предположить, что на северных границах Хорезма в окрестностях хорезмийской крепости (очевидно, «административного» центра этого района, где концентрировались зимовки местного кочевого населения) на основе обряда труповываживания в каменных склепах-курганах и происходившего в результате этого очищения костей скелета и развился оссуарный обряд, позднее распространившийся и в другие районы Хорезма. В земледельческие области он, очевидно, проник позже, чем в скотоводческие районы. Если учесть, что население Восточного Прикаспия, оставившего каменные склепы, мы вслед за А.М.Мандельштамом и Х.Юсуповым отождествляем с массагетами письменных источников, то вывод Ю.А.Рапопорта о связи (его источках) оссуарного обряда с культовой практикой массагетов получает подтверждение [Рапопорт, 1971].

Хорезмский оазис, который в послеахеменидскую эпоху совпадал, очевидно, с территорией государства, окружается в это время цепью крепостей, многие из которых располагались в стратегически важных местах на караванных или водных путях, в местах концентрации скотоводов (это Джанбас-кала, Кургашин-кала, Бурлы-кала, Ток-кала, Айбугир-кала, Девкескен, Канга-кала, Шахсенем и др.).

Уже отмечалось, что к IV в. до н.э. потомки куюсайцев, вероятно, были оттеснены новой группой кочевников, появившейся в левобережном Хорезме на рубеже IV–III вв. до н.э., в юго-западные районы, где и известны могильники с оссуарного типа захоронениями [Вайнберг, 1991]. Новая группа кочевников, как это мы видели в предыдущей главе, характеризуется в основном подбойными погребениями с южной и северной ориентировкой, редкими катакомбами с южной ориентировкой (камера и дромос на одной оси) и ямными погребениями. Она продвинулась в Хорезм через Устюрт из Южного Приуралья. Для этой группы скотоводов не было характерно собственное производство керамики — факт уникальный для территории Приуралья. В Присарыкамышскую дельту они проникли с севера от степной зоны через Устюрт.

На всех возвышенностях юго-западной и центральной части Присарыкамышской дельты широко распространены курганные могильники

ки, многие из которых содержат подбойные, катакомбные и ямные погребения в различных комбинациях. Курганы встречаются в виде небольших групп (от двух до десятка курганов) и в очень крупных скоплениях (например, Шахсенем, Яссы-гыр 3). Изредка встречаются небольшие цепочки курганов (Гяур 4). Во многих могильниках отмечены разновременные погребения. Среди них довольно значительную группу составляют курганы с погребениями в подбоях. Часто все подбойные памятники объединяют в одну группу (называя иногда эти комплексы даже подбойно-катакомбными культурами). Вместе с тем среднеазиатские подбойные и катакомбные памятники отдельных областей различаются по ряду существенных признаков (объединяет их прежде всего тип погребальной камеры), а они, в свою очередь, еще больше отличий обнаруживают при сравнении с археологическими материалами из Приуралья (см. [Вайнберг, 1992]).

В настоящее время в Присарыкамышской дельте раскопано около 200 курганов с подбойно-катакомбными погребениями в десятке могильников. У нас нет оснований выделять их в отдельную археологическую культуру. Инвентарь в подавляющем большинстве из них представлен хорезмийскими сосудами, редко встречается оружие общих для Средней Азии форм. В качестве отличительных черт этой группы погребений можно назвать некоторые особенности погребального обряда (заупокойная пища, положение инвентаря и др.) и объединяющий их тип погребальной камеры — это узкая выходная ямадромос, ориентированная, как правило, меридионально, с западной или восточной стороны которой находился небольшой подбой, чаще всего располагавшийся на ступеньку ниже входной ямы. Вход в подбой, как правило, закрывался камнями, деревянной решеткой, сырцовыми кирпичами.

В могильниках Присарыкамышской дельты встречены подбойные захоронения как с южной, так и северной ориентировкой погребенного (в могильниках Тумек-кичиджик и Туз-гыр — южная ориентировка, подбой, как правило, с западной стороны входной ямы) [Лэховиц, Хазанов, 1979; Лоховиц, 1979] (об уточненных датировках см. [Вайнберг, 1991]). Северная ориентировка встречается в ряде могильников одновременно с южной (Тарым-кая 1, группа у тригопункта; Сакарчага 1).

Значительная часть этих погребений может быть бесспорно отнесена к послеехеменидскому периоду (IV—II вв. до н.э.) по комплексу гончарной хорезмийской посуды, которая характерна только для ранней «кангюйской» культуры Хорезма. Здесь встречаются и редкие формы, представленные в однослойных памятниках этого времени, — Калалы-гыр 2 и Гяур-кала 3, — например, тиаровидные кубки, подражающие ахеменидским образцам, конические узкодонные бокалы, некоторые редкие формы мелких горшочков.

Предметы вооружения довольно редки в этой ранней группе подбойных захоронений. Большая часть из них, включающая совместные находки длинных мечей и кинжалов, луков (накладки) или отдельно кинжалов, происходит из двух небольших, полностью исследованных могильников Тумек-кичиджик (раскопки автора в 1972 г. и Л.Т.Яблонского в 1980 г.) и Гяур 4 (раскопки Л.Т.Яблонского). В остальных могильниках встречены только железные кинжалы и накладки на лук (иногда лук *in situ*).

Эти могильники отличаются и по набору керамики. Именно в них представлены образцы гончарной посуды, абсолютно чуждой Хорезму и неизвестной в других областях Средней Азии. Учитывая, что сейчас керамические центры Средней Азии довольно хорошо известны, можно предположить, что она происходит из неизвестных нам по археологическим материалам центров Восточного Туркестана, с которым многие исследователи гипотетически связывают происхождение подбойно-катакомбных погребений, относя их к юечжийской группе племен, вторгшихся в Среднюю Азию и разгромивших во II в. до н.э. Греко-Бактрию [Мандельштам, 1966; Мандельштам, 1978; Вайнберг, 1977, с. 73–77; Центральная Азия в кушанскую эпоху, 1974].

В связи с характеристикой наших памятников отметим, что эта импортная керамика не принадлежит к одному комплексу. Только в могильнике Тумек-кичиджик несколько сосудов из разных погребений явно объединяются в одну группу по тесту, принципу отделки поверхности, пропорциям сосудов и другим деталям. Одиночные сосуды этой же группы можно отметить в погребениях на Сакар-чаге (раскопки 1987 г.) и на Гяур-кале 3.

В могильнике Тумек-кичиджик наряду с импортной встречена и хорезмийская гончарная посуда (в погребениях с оружием ее нет). Можно отметить небольшой кувшиновидный горшочек с горизонтальными ручками на тулове. Это довольно редкая форма раннекангуйского комплекса. Подобные сосуды известны из развалин дома к юго-западу от Ангка-калы [Воробьева, 1959, с. 104, рис. 12, 8], из круглого здания на Гяур-кале 3 и из слоя обживания IV–II вв. до н.э. на Калалы-гыре 1. Насколько можно судить по рисунку, такой же хорезмийский сосуд найден в Башкирии в погребении 2 кургана 2 Бишунгаровской группы, относимого автором к прохоровской культуре [Пшеничнюк, 1983, с. 21, 102, 115–117, табл. X, 5].

Представляется, что подбойно-катакомбные погребения могильников Тумек-кичиджик (всего 14 погребений, из них 10 подбоев, 3 катакомбы, 1 яма; 6 погребений — детские, 5 — женские, 2 — мужские с оружием, 1 — ?) и Гяур 4 (всего 16 погребений, из них 9 подбоев, 3 ямы, 4 кенотафа) относятся к периоду появления этой группы скотоводов в Хорезме, они еще пользуются той посудой, которую принесли с собой. Возможно, начальным этапом освоения но-

вой территории объясняются и малые (семейные) размеры этих могильников и тот факт, что практически все мужчины в них хоронятся с вооружением.

Эта группа скотоводов не имела своего производства керамики, так как она, вероятно, проживала вблизи земледельческих оазисов, откуда получала посуду. Можно отметить только, что в этой самой ранней группе погребений встречаются маленькие лепные круглодонные шаровидные горшочки-курильницы (см., например, [Лоховиц, 1979, табл. VI, 3]). Мы особо обращаем внимание на отсутствие «своей» керамики в подбойно-катакомбных погребениях, так как в дискуссиях о происхождении подбойных погребений на юге Средней Азии отсутствие такой керамики выдвигалось в качестве аргумента против принадлежности этих могильников пришельцам — см., например, выступление Б.А.Литвинского на Международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху [Центральная Азия в кушанскую эпоху, 1974, с. 244]. Позднее это положение было развито Б.А.Литвинским [Литвинский, Седов, 1984, с.174].

Катакомбы с камерой, с юга продолжающей дромос и южной ориентировкой погребенного, впервые в Хорезме были встречены в могильнике первых веков н.э. Тузгыр (раскопано 37 курганов, из них 1 — кенотаф, 2 — ямы IV–II вв. до н.э., 15 — подбой, 19 — катакомбы), где они располагались преимущественно в южной части могильника, а подбой — в восточной [Лоховиц, Хазанов, 1979].

В могильниках ранней группы, как правило, катакомбы отсутствуют, они обнаружены только на Тумек-кичиджике (3 кургана).

В небольшом количестве вместе с подбойными погребениями практически во всех могильниках есть погребения в ямах с тем же инвентарем, что и в подбоях. Об оружии из этих погребений мы писали в главе 1 настоящей части.

К послеахеменидскому периоду в Присарыкамышской дельте относится еще один тип погребальных сооружений V–III или IV–III вв. до н.э. — коллективные разновременные погребения в больших ямах с дромосами и деревянным перекрытием камеры (до 30 захоронений в одной яме). Инвентарь в них очень скудный — керамика лепная и гончарная хорезмийская, украшения [Яблонский, 1992]. Набор хорезмийской гончарной посуды сходен с тем, что был найден в могильнике у городища Базар-кала в правобережном Хорезме [Гудкова, Манылов, 1981], но несколько беднее по количеству форм. Трудно сказать, какой группе населения, скотоводам или земледельцам, принадлежали коллективные захоронения, но бесспорно, что это была оседлая группа населения, прочно привязанная к «фамильным склепам».

Можно повторить основные выводы: в IV–II вв. до н.э. в пределах южной части Присарыкамышской дельты в тесном соседстве и взаимодействии жили земледельцы (Куняузский оазис, район Калалы-

гыра 2 и поселения у Кюзели-гыра, оазисы ремесленников на среднем Даудане. Шахсенем с близкой округой и городища Канга-кала и Акча-гелин), оседлые скотоводы — потомки куюсайцев (на всем пространстве между возвышенностями Канга-гыр, Тарым-кая и Зенги-баба бесспорно) и кочевники-скотоводы (практически по всей южной части дельты). Предполагается, что фиксируемые в Хорезме не позже III в. до н.э. курганы с подбойно-катакомбными погребениями свидетельствуют о появлении здесь первой группы собственно кочевого населения. Возможно, она состояла из ряда родственных племен, если вслед за некоторыми исследователями связывать погребения в подбоях с северной и южной ориентировкой, как и катакомбы описанного типа, с разными племенами.

Рассматривая проблему взаимоотношения кочевников с сельскохозяйственным населением Хорезмского оазиса, отметим, что ряд курганных могильников этого времени в восточной части дельты (могильники Яссы-гыр 1, 3, 4) расположены в 5–6 км от ближайших сельскохозяйственных поселений в полосе пустыни между двумя древними современными им оазисами. Передвижение скота на зимние пастбища в пески Заунгузских Каракумов могло происходить только через сельскохозяйственный оазис вдоль Чермен-яба. Это указывает на весьма добрососедские отношения скотоводов и земледельцев.

Наиболее удаленные от сельскохозяйственных оазисов могильники Тумек-кичиджик и Тузгыр находятся от них всего на расстоянии 15 км (крепости Шахсенем, Тузгыр и Акча-гелин). Нет каких-либо оснований связывать отмеченные курганные могильники с оседлым сельскохозяйственным населением, так как для последнего характерен оссуарный обряд захоронения. Оссуарные могильники известны в этой зоне на развалинах Калалы-гыр 1, Калалы-гыр 2, около Гяур-калы 1 и в ряде других мест. А кроме того, для наиболее ранних подбойно-катакомбных погребений характерна нехорезмийская керамика.

Можно констатировать, что скорее всего у скотоводческого населения, поселившегося в пределах левобережной части Хорезмского оазиса, во-первых, установились прочные экономические отношения с населением соседних сельскохозяйственных оазисов и, во-вторых, что оно было включено в систему хорезмийской государственности. Отсутствие поселений у этой группы скотоводов, вероятное преобладание в стаде мелкого рогатого скота могут указывать на кочевой или полuosедлый образ жизни. Природные ресурсы Присарыкамьшской дельты в период минимального обводнения ее были достаточны для круглогодичного выпаса скота лишь в ее пределах, обводненное Сарыкамьшское озеро препятствовало перекочевкам в западном (а также северо-западном и юго-западном) направлении.

Предположительно весь цикл перекочевок в это время сводится к передвижениям в пределах западной части Присарыкамьшской дель-

ты (восточные районы в основном были освоены земледельческим населением), охватывавшей площадь примерно 80×80 км. Данных о каком-либо развитии земледелия у этих племен мы не имеем. Скорее всего, и надобности в этом не было, так как при наличии очень близкого соседства земледельческих оазисов (15–20 км) и тесных экономических связей разделение хозяйственных функций между скотоводами и земледельцами давало больший эффект.

Именно в это время в оазисах к югу от возвышенности Тузгыр получает широкое распространение гончарное производство. Развалины гончарных печей встречаются во многих сельских поселениях. Учитывая крайнее расположение оазисов, этот факт можно объяснить экономическими взаимоотношениями с кочевым населением — ремесленное производство перемещалось к окраинам оазиса, чтобы приблизиться к потребителю. В конце кушанской эпохи и особенно в кушано-афригидский период аналогичные поселения с большим количеством гончарных печей были распространены в окрестностях Гяур-калы 1 и 2 на Чермен-ябе [Неразик, 1976, с. 17].

Вероятнее всего, следствием тесных и постоянных контактов кочевников и земледельцев в это время являются случаи захоронения очищенных от мягких тканей костей в некоторых курганных погребениях, свидетельствующие об обрядовом и религиозном синкретизме. О малой подвижности скотоводов в Присарыкамышской дельте свидетельствуют, вероятно, и неоднократные захоронения в ряде курганов.

В последующие периоды: «позднекангюйский» (I в. до н.э. — I в. н.э.) и «кушанский» (I–III вв. н.э.) [Вайнберг, 1991, с. 142] ситуация в освоении земель южной части Присарыкамышской дельты мало изменилась. Земледельческие оазисы не сократились, а, наоборот, стали расширяться за счет освоения земледельцами территории, орошенной грандиозным каналом Чермен-яб [Андрианов, 1969, с. 159 и сл.]. Это уникальное сооружение заканчивалось большим сбросом в русло Адсыз у Тарым-кая, где была обнаружена серия скотоводческих поселений.

У подножия возвышенности Тарым-кая, у обводненного через Чермен-яб русла Адсыз выявлено значительное количество памятников первых веков н.э., часть их расположена по соседству с более ранними поселениями.

На участке сильно пересеченной и покрытой растительностью и песками местности протяженностью около пяти километров — от юго-западного мыса Тарым-кая в удалении к югу от русла Адсыз — обнаружены три группы построек первых веков н.э. Вероятно, они относятся к одному поселению, своеобразным центром которого была большая, возможно укрепленная, усадьба, названная нами Адсыз-кала (левобережная). Размеры ее около 70×80 м, внутри различима плотная застройка с узким центральным коридором, идущим от входа. Система перпендикулярных ему коридоров без раскопок недостаточно ясна.

К западной стене памятника подходит небольшой арычок шириной до 50 см, аналогичный ему ороситель, судя по всему, проходил и вдоль западной стены. Стены Адсыз-калы сложены из сырца — вероятно, кирпича и пахсы, лишь в нескольких случаях внутри видны камни, но не исключено, что они относились к опорам колонн, поддерживавших перекрытие.

В остальных же усадьбах этого района мы встретились с необычным для Хорезма приемом строительства: в узловых местах кладки стен располагаются остатки своеобразных каменных столбов, создававших каркас, внутри которого находилась сырцовая кладка (пахса, кирпич или просто комки глины в дополнительном деревянном каркасе — это могут показать только раскопки). Часть строительных конструкций возводилась и традиционным способом из сырца и пахсы.

Большинство усадеб сильно разрушено, но часто по остаткам каменных размывов и кладке стен могут быть восстановлены общие принципы планировки. Как и в нескольких усадьбах IV–II вв. до н.э., сохранившихся в этом районе, выделяется жилое помещение, прямоугольное в плане площадью не менее 40–50 кв.м, к которому иногда пристраиваются дворы и другие, возможно, хозяйственные помещения. Есть случаи, когда постройки группируются по периферии двора, не имеющего четкой формы. Нельзя исключить, что были усадьбы с несколькими жилыми помещениями, но во всех случаях обращает на себя внимание факт их весьма значительной площади. Новым для сельских поселений этого района является наличие в подавляющем большинстве усадеб площадок-загонов для скота с остатками навоза на них, а также находки около некоторых усадеб остатков небольших гончарных печей.

По составу археологических находок поселения первых веков н.э. мало отличаются от других памятников Хорезма этого времени, обращает на себя внимание несколько большая по количеству примесь гипса в тесте сосудов гончарного производства. Лепной керамики, как обычно, в подъемном материале немного, она продолжает традиции аналогичной керамики предшествующего времени, т. е. является куюсайской по типу теста, отделке поверхности. Примитивный характер ирригации указывает на то, что, несмотря на оседлый характер поселений, основным занятием их жителей было скотоводство. Учитывая дельтовый характер местности, с известной долей вероятности можно предположить традиционное развитие коневодства и разведения крупного рогатого скота.

Именно с этим оазисом у Адсыз-калы связаны могильники Тарым-кая 2 и 3 с оссуарного типа погребениями под курганами. Они расположены на возвышенности над поселениями [Яблонский, Коляков, 1992].

Канал Чермен-яб орошал и ряд земледельческих оазисов в средней и верхней части его русла: Шахсенемский, оазис в районе Кызылча-

калы и к северу от крепости в сторону Кюзели-гыра, а также ряд поселений к востоку от Кызылча-калы.

Типы погребальных сооружений мы уже характеризовали в главе 1 части III. К этому можно добавить немного. Значительная часть погребений в курганах этого времени потревожена, что не всегда связано с ограблением, чаще всего первоначальное погребение сдвигалось, а на его место помещалось новое. Иногда кости первоначально погребенного были собраны в кучу; в могильнике Сакар-чага 1 такие кости вместе с инвентарем помещены в крупный сосуд, который остался в подбое около головы второго погребенного. Известны случаи вторичного помещения во входную яму либо в подбой или катакомбу очищенных от мягких тканей костей (могильники Тумек-кичиджик, Яссы-гыр 1 и Тузгыр), иногда даже в оссуарии (Сакар-чага 1). Особенно широко практиковались оссуарные захоронения в курганах наиболее поздней группы — юго-восточной на Шахсенемском гыре [Юсупов, 1978, с. 128 и сл.; Юсупов, 1984, с. 52 и сл.]. Здесь среди разнотипных захоронений преобладают погребения в подбоях с северо-восточной или северо-западной ориентировкой. По инвентарю, в основном керамике, могильник датируется III–V вв. н.э.

Таким образом, можно констатировать, что под влиянием культуры и религии оседлого населения Хорезма группа кочевников, пришедших сюда в III в. до н.э., осваивает, как и некогда куюсайцы, местный погребальный обряд.

Интересную группу коллективных захоронений можно отметить в могильнике Тумек-кичиджик [Лоховиц, 1979]. Это слегка заглубленные в землю подквадратные камеры (около 3,5×3,5 м) с узким дромосом в середине северной стороны. Многократно совершавшиеся погребения не имели определенной ориентировки. В наиболее сохранившемся кургане № 59 обнаружены остатки носилок с погребениями (встречены два погребения «валетом» один на другом на носилках). Часть ранних погребений повреждена, сдвинута и т.д. Инвентарь практически тот же, что в подобойных погребениях первых веков н.э., но нет кинжалов и мечей. Возможно, что у этих камер были какие-то наземные деревянные конструкции. Курганные насыпи над ними почти не различаются. Близкие по конструкции и времени постройки исследовались Л.Т.Яблонским на возвышенности Сакар-чага. Есть среди них и камеры с оссуариями.

На возвышенностях Тузгыр и Мангыр встречаются крупные курганы с каменными кольцами внутри насыпи. Они располагаются как одиночно, так и в составе курганных групп. Один такой курган в Мангырском могильнике, раскопанный Х.Юсуповым, показал, что каменное кольцо было сооружено над богатым катакомбным захоронением. Датируется оно, очевидно, IV в. н.э. (меч без перекрестья) и отличается уникальной для известных курганных памятников Хорезма дета-

лю — рядом с погребением находилась часть конской туши с седлом (детали погребения неясны, так как оно разрушено грабителями; катакомба обычного типа с южной ориентировкой).

К заключительному этапу освоения Присарыкамышской дельты в «античности» (IV–V вв. н.э.) относится небольшой могильник Яссы-гыр 4, расположенный к югу от крепости Калалы-гыр 2 на той же возвышенности. Здесь раскопано два крупных кургана [Яблонский, Болелов, 1991], по периферии которых были помещены в ямки оссуарные захоронения в крупных сосудах с крышками, ящичные и статуарные оссуарии. В центре одного кургана была катакомба с южной ориентировкой погребенного.

Тип сосудов позволяет датировать оссуарные погребения IV–V вв. Земледельческие оазисы этого времени известны менее чем в 10 км как к северу (Турпаккалинский оазис [Неразик, 1976, с. 48]), так и к югу (между Кюзели-гыром и Кызылча-калой). Курганы эти, вероятно, связаны со скотоводческой группой населения, которая обитала в узкой полосе между двумя земледельческими оазисами и восприняла многие элементы их культуры.

К этому времени довольно резко сокращается сток воды в Присарыкамышскую дельту. Сначала прекращается жизнь на наиболее западных поселениях — у Тарым-кая и между Тарым-кая и Тузгыром. Не исключено, что основная часть их погибла к IV в. До V в. доживают земледельческие оазисы у Турпак-калы и в районе Чермен-яба у Кызылча-калы, после этого Присарыкамышская дельта осушается полностью, по руслу северного Даудана течение воды возобновляется только в средние века.

В правобережной части Хорезмского оазиса памятников скотоводческого населения, столь разнообразно представленных в Присарыкамышской дельте, не обнаружено. Развитие бытовой культуры в этом районе прослежено по раскопкам классических памятников древнехорезмийской цивилизации Кой-Крылган-кала и Топрак-кала [Городище Топрак-кала, 1981]. На смену гончарному комплексу «кангюйского» времени приходит «кушанский» (первые века н.э.), отмечаются изменения в формах керамики, их отделке [Воробьева, 1959], но резкой смены культуры не происходит.

Изучены довольно подробно ирригация [Андрианов, 1969] и сельские поселения этого времени [Неразик, 1976], но каких-то данных для выделения дополнительных этнических определителей в этом материале нет. Светлоангобированная керамика ручной выделки встречается на всех поселениях первых веков [Неразик, 1976]. Она оказывает влияние на формирование керамического комплекса последующей эпохи [Кой-Крылган-кала, 1967, с. 126]. Возможно, это происходит в связи с тем, что в IV–V вв., когда исчезают из левобережья попки куюсайцев, комплекс посуды правобережного Хорезма стано-

вится общим для всего оазиса и в керамическом материале получает отражение процесс консолидации населения сильно сократившегося в размерах оазиса в низовьях Амударьи.

В Хорезме с IV–V вв., эпохой «великого переселения народов», связаны многие изменения в культуре, возможно отмечающие появление новых для оазиса этнических групп. Е.Е.Неразик сопоставляла некоторые типы керамики из окраинного могильника Чаштепе [Рапопорт, Трудновская, 1979] с хионитами [Неразик, 1966, с. 122–125], хотя письменные памятники и нумизматика не дают основания размещать территорию их расселения в районах, удаленных от Бактрии (Тохаристана) (см. [Вайнберг, 1972], там же литература). С этим же народом увязывались ранее и погребения в одном из помещений Куны-Уаза [Гинзбург, Трофимова, 1972, с. 173 и сл.]. Представление о хионитах на севере Средней Азии восходит к созвучию имени правителя Судэ-Аланьи-Янцая в китайских источниках с именем народа. Керамика, относимая к хионитам, известна по комплексам юга Средней Азии.

В Северной Акчадарьинской дельте в IV–V вв. появляется Барактамский оазис [Андрианов, 1969] с двухэтажным замком [Неразик, Лапиров-Скобло, 1959], керамика которого, как и общие принципы постройки, находит аналогии на средней Сырдарье (это отмечено еще в дипломной работе Н.С.Юдочкиной-Сычевой, см. также [Левина, 1971, с. 241]).

Керамика каунчинской культуры в единичных экземплярах встречена на городище Топрак-кала [Городище Топрак-кала, 1981] и на поселении у Аяз-калы (по данным Е.Е.Неразик). Каунчинским кружкам с бараньими ручками подражает деревянный сосуд из могильника Шахсенем, там же раскопан и типичный для этой культуры курган с катакомбой с перпендикулярным к ней дромосом [Юсупов, 1984; Юсупов, 1978].

Эти материалы могут быть рассмотрены в связи с общим движением «племен» каунчинской культуры (Ташкентский оазис) под давлением джетыясарцев из низовьев Сырдарьи (с рубежа III–IV вв.) в южные районы Средней Азии. Каунчинская керамика встречена в разных районах Междуречья, но в левобережье Амударьи ее на юге нет (см., например, [Бурханов, 1993]). Вероятно, с этой волной переселений можно связать и появление в монетном чекане Хорезма среднесырдарьинских тамг на сериях медных монет [Вайнберг, 1977] начиная с самого конца III в. н.э. Движение сырдарьинских племен было, вероятно, многоволновым, оно охватило, бесспорно, IV в. н.э.

Период V–VI вв. в археологии Хорезма мало известен, особенно в этническом плане. Мнение о начале тюркизации этого региона в связи с его включением в состав Тюркского каганата основывается только на общих соображениях.

В VII–VIII вв. наступает новый этап в развитии культуры Хорезма, которая получила название «афригидской» [Толстов, 1948; Неразик, 1959; Неразик, 1966]. Не касаясь особенностей расселения и построек (замки, образующие отдельные оазисы в зоне каналов), которые важны для характеристики социальной и хозяйственной деятельности населения, обратим внимание на керамику, в которой исследователи отмечают влияние джетыасарской культуры, тесные контакты с которой предполагаются в это время (см. также [Толстов, 1947]). Влияние это могло идти и через дельтовые районы правобережья Амударьи, где при активном участии выходцев из Джетыасарского урочища создается удельное владение Кердер со своеобразной культурой и даже монетным чеканом [Гудкова, 1964, с. 42 и сл.; Толстов, 1962; Ягодин, 1963; Ягодин, 1963а; Ягодин, 1973; Вайнберг, 1973; Вайнберг, 1977].

Кердерская культура, которую связывают с третьим этапом джетыасарской культуры в низовьях Сырдарьи, была сформирована в низовьях Амударьи выходцами из дельты Сырдарьи. Л.М.Левина на основе анализа керамики пришла к выводу, что кердерская культура представляет собой «механическое соединение двух культурных комплексов: местного хорезмийского (афригидского времени) и комплекса Джетыасар III с примесью небольшого числа определенных элементов, характерных для среднесырдарьинских культур». Это объяснялось этнической пестротой населения данного района [Левина, 1971, с. 76–77]. Вместе с тем характеристика форм и типов керамики кердерского комплекса, приведенная Л.М.Левиной [Левина, 1971, с. 86 и сл., рис. 22, 23] и А.В.Гудковой по итогам раскопок Ток-калы [Гудкова, 1964, с. 57 и сл.], позволяет сделать вывод о значительном своеобразии кердерской культуры (хотя бы по керамике). Можно отметить гораздо больший процент в ней керамики ручной лепки и кострового обжига (см. также [Неразик, Рапопорт, 1959; Ягодин, 1971]), практически полное отсутствие такого характерного джетыасарского признака, как рифление по горлу на кувшинах [Гудкова, 1964, с. 64], которое племена джетыасарской культуры распространили во многие районы. Известные особенности отмечаются и в орнаментации столовой посуды [Гудкова, 1964, с. 72 и сл.]. Особого внимания заслуживает прорезной орнамент, часто заполненный белой пастой, который связывается с районами Приуралья [Гудкова, 1964, с. 72]. Для кердерской культуры, как и джетыасарской, характерна традиция изготовления керамики без применения гончарного круга, обращает на себя внимание общность многих черт керамического комплекса и с «болотными городищами» в дельте Сырдарьи [Толстов, 1947; Левина, 1971, с. 77 и сл.].

Дополняя все сказанное выше, хотелось бы обратить внимание на некоторые существенные особенности керамических комплексов из Кердера в низовьях Амударьи, «болотных городищ» и собственно джетыасарского комплекса третьего периода, который довольно хо-

рошо исследован [Левина, 1971, рис. 15; Левина, 1996]. Для «болотных городищ» (практически известен материал только с городища Кескен-куюк-кала — работы автора настоящей монографии в 1963 г., см. [Левина, 1971, с. 77 и сл.]) Л.М.Левина выделяет три компонента в керамическом комплексе: джетыасарский, ассимилированный джетыасарцами — семиреченский и в гораздо меньшей степени — афригидский, хорезмийский [Левина, 1971, с. 77].

Нам кажется, что достаточно существенные различия можно отметить и в наборе форм керамики и ее орнаментации в каждой из отмеченных групп. В кердерской культуре довольно широко распространены кувшины вытянутых пропорций, украшенные, как правило, прорезным орнаментом из треугольников (в несколько прорезных полос), спускающихся от горизонтального орнаментального пояска [Левина, 1971, с. 88]. Обращает внимание отличие кердерской орнаментации этого типа от джетыасарской при известном сходстве общего рисунка. В кердерской культуре, в отличие от строго геометрического орнамента на джетыасарских сосудах, зигзагообразные полосы, часто покрывающие почти все тулово сосуда (см., например, [Левина, 1971, рис. 23; Толстов, 1962, с. 24, рис. 156]), имеют мягкое очертание и местами вместо углов образуют более плавный переход. Подобный орнамент традиционно был характерен для керамики саргатской культуры в южных районах Западной Сибири ([Могильников, 1973; Степная полоса, 1992], там же литература). Исследования Л.М.Левиной в джетыасарском урочище показали тесные связи этих двух культур на протяжении нескольких столетий, предполагается наличие угорского населения в низовьях Сырдарьи уже в III–IV вв. н.э. [Левина, 1996].

Все это заставляет и нас внимательнее огнестись к оригинальному и традиционному в среде кердерской и саргатской культур орнаменту. Подчеркнем, что для саргатцев тоже была характерна мягкая линия в прорезном орнаменте и отсутствие строгой геометрии, наблюдаемой на традиционной джетыасарской керамике. Представляется, что и сами формы вытянутых кувшинов с покатыми плечиками по пропорциям, довольно сильно расширяющейся горловине, прикреплению верхнего конца ручки к венчику сосуда отличаются от традиционно джетыасарских и не представлены в сколько-нибудь заметном количестве в материалах джетыасарской культуры [Левина, 1971; Левина, 1996]. Возможно, что детальный анализ кердерской посуды, особенно из такого типично кердерского комплекса, как городище Курганча [Ягодин, 1973], поможет выявить и другие отличия, на которые пока не было обращено внимание. Следует отметить и разницу в типе расселения кердерцев и джетыасарцев. В Кердере нет мощных укрепленных поселений, известных в джетыасарском урочище, хотя на поселении Куюк-кала и выделены две цитадели [Неразик, Рапопорт, 1959; Ягодин, 1984а]. Внутренняя планировка Курганчи (с центральной

«улицей» и регулярной застройкой по сторонам от нее) тоже неизвестна в низовьях Сырдарьи. К тому же вблизи Курганчи В.Н.Ягодин обнаружил развееянные кердерские поселения открытого типа (стоянки) [Ягодин, 1973], в низовьях Сырдарьи такого типа памятников нет.

Все это дает основание считать, что вместе с джетыясарским населением, переселившимся к концу VII в. н.э. в низовья Амударьи (в правобережную часть Приаральской дельты), сюда пришла и, вероятно, какая-то иная (по нашему мнению, угорская — см. главу 3, часть IV) этническая группа, до этого довольно долго проживавшая в Джетыясарском урочище и воспринявшая многие элементы культуры джетыясарцев.

Завершая эту тему, заметим, что в комплексе керамики с Кескенкуюк-калы («болотные городища») тоже можно отметить существенные отличия от кердерского и джетыясарского. Изменяются пропорции типичных джетыясарских сосудов (например, кувшинов с уступом на плечике), они становятся более приземистыми. Мне даже представлялось, что этот признак может стать хронологическим, но материалы из Кердера и из Джетыясарского урочища не подтверждают это предположение. Но главное, на сосудах Кескенкуюк-калы широко представлен богатый растительный орнамент, которого нет в культурах джетыясарского круга [Левина, 1971, с. 77 и сл., рис. 20, 21]. Именно он и составляет наиболее характерную черту этого керамического комплекса. Гораздо больше, чем в других районах, здесь и архаического прорезного орнамента, напоминающего керамику эпохи бронзы [Толстов, 1947], но он наносится на традиционную местную лепную посуду кострового обжига, датируемую, как и весь комплекс керамики, VII–IX вв.

Таким образом, с конца VII в. в Приаралье по керамическому комплексу выделяются следующие области: южный Хорезм (афригидская культура с тесными контактами с северо-восточной скотоводческой периферией), северный правобережный Хорезм — область Кердер (кердерская культура), Восточное Приаралье, которое, в свою очередь, делится на два района: джетыясарский комплекс в древней дельте между Кувандарьей и современным руслом Сырдарьи и район «болотных городищ» вблизи современной дельты, в ее левобережье. Все эти области и районы имели тесные культурные и, вероятно, этнические контакты.

ГЛАВА 4

Низовья Сырдарьи

Археологические работы в древней дельте Сырдарьи (рис. 12) проводились с некоторыми перерывами с 1946 г. Хорезмской экспедицией [Толстов, 1948а; Толстов, 1962; Левина, 1971; Андрианов, 1969]. К началу I тыс. до н.э., первоначальному этапу активного освоения

скотоводческим населением района обводненной дельты Сырдарьи, относится уникальный могильник эпохи поздней бронзы Северный Тагискен (X–VIII вв. до н.э.) [Итина, 1992]. С ним связывают происхождение более поздних культурных комплексов в этом районе [Итина, 1992]. Здесь были раскопаны монументальные мавзолеи из сырцового кирпича и каркасно-сырцовые погребальные сооружения. Обряд погребения — трупосожжение, все входы гробниц обращены на восток. В планировках мавзолеев сочетаются круг и квадрат (прямоугольник).

Керамический комплекс содержит несколько четких и разных по происхождению групп керамики. Автор раскопок М.А.Итина местной считает федоровскую (андроновскую) керамику [Итина, 1992, с. 34, 45] (ср. точку зрения Л.Р.Кызласова [Кызласов, 1977, с. 71]). Кроме того, отмечается амирабадская посуда (низовья Амударьи), дандыбай-бегазинская (Центральный Казахстан) и две группы гончарной посуды, среди которой есть типы, близкие по технике изготовления культуре Яз II на юге Средней Азии [Итина, 1992; Массон В., 1984, с. 9–10]. Не останавливаясь подробно на характеристике других компонентов этого комплекса, обратим внимание на то, что уже в конце эпохи бронзы население этого района Средней Азии установило тесные контакты с весьма удаленными областями расселения земледельцев и скотоводов. Присутствие амирабадской и дандыбай-бегазинской керамики во многих мавзолеях как будто бы свидетельствует не просто о культурных и торговых контактах, а скорее о смешанном этническом составе населения низовьев Сырдарьи уже в X–VIII вв. до н.э.

На смену культурному комплексу Северного Тагискена приходят раннесакские памятники VII–V вв. до н.э. Здесь также наблюдается взаимодействие разных культурных традиций. В начале железного века связи с южными цивилизациями не прекратились, но скорее всего они носили характер грабительских набегов на южные районы, что получило отражение и в инвентаре раскапывавшихся здесь могильников (Уйгарак, Тагискен). Опубликованное исследование о могильнике Уйгарак [Вишневская, 1973] позволяет сделать заключение о нескольких культурных комплексах, с которыми генетически связан этот памятник. Здесь встречаются разные типы погребальных обрядов: на древнем горизонте (трупосожжение и трупоположение), в крупных и мелких ямах. Дополнительно погребения отличаются столбовыми конструкциями, вероятно имитировавшими жилища этих племен, ровниками и другими деталями. Погребения в древности были нарушены, часть инвентаря разграблена, но ясно, что для саков низовьев Сырдарьи была характерна «скифская триада». Здесь встречены символизирующие захоронения коней предметы: конской упряжи, сопровождающие погребенного, предметы вооружения (наконечники стрел, кинжалы), многие предметы принадлежат к одним из древнейших в

Азии памятникам «звериного стиля». В ряде погребений встречены каменные алтарики. Керамика очень разнородная: есть сосуды, связанные с восточной (вплоть до Алтая) и западной (низовья Амударьи) традициями других групп кочевников, в погребениях доахеменидской поры встречены импортные южные сосуды. Южным формам подражают и местные сосуды с цилиндрическими носиками и, вероятно, кружки — формы, широко известные в железном веке Ирана, но отсутствующие в среднеазиатских комплексах на севере и на юге. Подобные формы керамики в это время получили распространение и в культуре саков других областей, например в Семиречье и соседних с ним районах.

В могильнике Уйгарак выделены три группы погребений, характеризующиеся своими особенностями, прежде всего преобладающим обрядом погребения и составом инвентаря. Автор раскопок О.А.Вишневская связала это деление с родо-племенной структурой общества и отмечала признаки социального расслоения в нем [Вишневская, 1973, с. 129]. Было высказано и мнение о связи этих групп с тремя социальными объединениями в обществе: жрецы, воины, общинники [Кузьмина, 1975]. Но не менее вероятно, что эти группы отражают три компонента, вошедшие в состав культуры саков низовьев Сырдарьи в VII в. до н.э., когда они заселяют этот район, и еще не успевшие соединиться в единый культурный комплекс (ср. куюсайскую культуру).

Все погребения саков имеют западную ориентировку. Наиболее ранние погребения VII–VI вв. до н.э. в могильнике преобладают в центральной группе, где в основном погребены вооруженные всадники. Жертовники встречены в восточной и центральной группе, при этом в восточной — во всех женских погребениях. Ранние курганы содержат 50% этих предметов. В восточной группе с жертовниками преобладают погребения на древнем горизонте, большую часть их О.А.Вишневская датирует VI в. до н.э. Больших прямоугольных ям, характерных для центральной группы и датирующихся в основном VII–VI вв. до н.э., в восточной группе всего три: два погребения женские, а одно — неопределимо. О.А.Вишневская отмечает, что в центральной группе преобладает не только вооружение, но и предметы «звериного стиля». Погребения мужчин с оружием встречены кроме центральной группы еще в восточной — два и в западной — одно. Сожжения на древнем горизонте характерны для восточной группы.

Все вещи, происхождение которых может быть связано с восточными районами, найдены в курганах ранней группы (VII–VI вв. до н.э.). В этой ранней группе курганов нет могил с канавкой и узких прямоугольных ям. Импортная гончарная керамика встречена только в этой ранней группе погребений.

Западная группа наиболее бедная по инвентарю. Около 50% погребений в ней совершались в узких ямах, в женских погребениях здесь

нет конской сбруи [Вишневская, 1973, с. 67]. Но в западной и центральных группах в женских захоронениях встречены зернотерки и миниатюрные сосуды, в восточной группе их совсем нет. Курганы западной группы датируются VI в. до н.э., кроме одного с погребением на древнем горизонте (№ 66).

Особо следует остановиться на керамике. В восточной группе практически нет гончарного импорта. Здесь связи керамики имеют скорее восточное направление — сосуды с трубчатыми носиками и кувшиновидные кринки (последние известны на Алтае). В захоронении на древнем горизонте кургана № 39 встречен набор посуды, характерный для могильника Сакар-чага в Присарыкамышской дельте Амударьи — куюсайская и гончарная импортная [Яблонский, 1996]. Здесь, так же как и на Сакар-чага, нет свойственного южной группе куюсайцев разделения на «мужскую» и «женскую» посуду в погребении. Вообще керамика из могильника Уйгарак очень разнородная. Бесспорно, выделяются куюсайские по облику сосуды — миски, чаши, кружки, но некоторые из них в отличие от куюсайских имеют светлую облицовку (может быть, недостатки режима обжига?).

Можно предположить, что скорее всего местной является восточная группа, где преимущественно совершались трупосожжения на древнем горизонте. Центральная, наиболее богатая группа скорее всего пришедшая, и, по нашему мнению, это второй компонент в культуре саков уйгаракской группы (погребения в больших прямоугольных ямах). Узкие прямоугольные ямы есть основание связывать с куюсайцами. Для них характерны зернотерки, являющиеся неременной принадлежностью женских захоронений куюсайцев, особенно в южной по происхождению группе. Напомним, что на Уйгараке они фиксируются только в VI в. до н.э., тогда же, когда появляются и могилы с канавками. Представляется, что эти две группы погребений отражают брачные связи местного уйгаракского населения. Если первые мы склонны связывать с куюсайцами, то вторые, вероятно, следует отнести к территориально близкой группе, представленной в могильнике Тагискен здесь же, в древней дельте Сырдарьи. На Тагискене нет узких могил, на древнем горизонте — всего три. Вероятно, направление брачных связей этих групп населения было различным [Итина, Яблонский, 1997].

После опубликования полных сведений о сакском могильнике Тагискен [Итина, Яблонский, 1997] можно будет провести более точную корреляцию материалов из обоих могильников. Хорошо бы сопоставить антропологический материал с типами погребений, но, судя по описаниям О.А.Вишневской, ряд типов погребений (например, узкие ямы) практически не содержал определяемого палеоантропологического материала.

Во всяком случае, довольно большое разнообразие типов погребения свидетельствует о пестроте «племенного» состава местного насе-

ления (см. также [Итина, 1992, с. 46]). Вывод о том, что саки Приаралья «выполняли функцию посредников при передаче элементов культуры средне- или переднеазиатского происхождения племенам казахстанско-сибирского круга» [Итина, 1992, с. 46], представляется оправданным. Это направление связей подтверждают и казахстанский тип узды, некоторые элементы «звериного стиля» и формы оружия. И.В.Пьянков походя делает весьма ответственное и далекое от действительности заключение о том, что «изобразительность» и прежде всего «звериный стиль» не свойственны «искусству древнейшего иранского мира степей» [Пьянков, 1994, с. 196]. Этому явно противоречат археологические материалы могильников Уйгарак и Тагискен (как и ранние материалы из Сакар-чага в низовьях Амударьи), при том, что сам он ссылается для доказательства своего тезиса на археологию. Представляется, что И.В.Пьянковым объединяются различные по своим традициям и культурным истокам кочевые иранские народы — массагеты и саки [Пьянков, 1994, с. 196]. Он высказал мнение о распространении какого-то «этнического суперстрата» из Центральной Азии (предположительно) в начале I тыс. до н.э. на запад, когда одна из волн этого движения — савроматы — в VII в. до н.э. достигла Приазовья и Предкавказья [Пьянков, 1994, с. 196]. Можно заметить, что явные восточные аналогии в материалах Уйгарака не отмечены в одновременных с ними и связанных культурно памятниках южноприуральских или поволжских «савроматов». Несомненно, с восточными районами увязывается монголоидная примесь в краниологических сериях могильников Уйгарак и Тагискен, исследователи подчеркивают, что на женских черепках она проявляется ярче [Гинзбург, Трофимова, 1972, с. 118–119].

В дельтовой области Сырдарьи встречены и развешанные поселения, по культуре тождественные с сакскими могильниками VII–V вв. до н.э. Особенно много их в зоне так называемых «шлаковых курганов» [Левина, 1979], в которых обряд трупосожжения совершался в кольце крупных керамических шлаков.

Существенно, что население низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. сформировалось, по данным антропологии, на базе местного андроновского населения эпохи бронзы [Гинзбург, Трофимова, 1972]. Археологические материалы показывают, что в эпоху раннего железного века происходят значительные передвижения племен. Если в предшествующую эпоху преобладало движение с севера на юг (индоарии и иранцы), то теперь явно господствуют перемещения в пределах степной зоны и прилегающих районов с востока на запад. Но, несмотря на это, существенными для населения Среднеазиатско-Казахстанского региона остаются связи внутри этой крупной историко-культурной области.

На базе культуры ранних саков низовьев Сырдарьи и сильного культурного влияния земледельческих оазисов юга Средней Азии на

рубеже V–IV вв. до н.э. начала складываться чирикратская культура саков этого района, которая существовала в IV–II вв. до н.э. в западной части древней дельты этой реки на широтных и меридиональных протоках русел, сформировавшихся вместо более ранних (Инкардаря). Позднее, в средние века русла зоны чирикратской культуры вошли в систему одного из основных дельтовых водотоков — Жаныдарьи. К северо-востоку от территории распространения чирикратской культуры, между Кувандарьей, Эскидарьяльком (Пра-Кувандарьей) и современным руслом Сырдарьи ниже г. Кызылорда находятся памятники джетыясарской культуры; некоторые из них имеют синхронные чирикратской культуре слои.

Материалы по изучению памятников чирикратской культуры опубликованы ([Вайнберг, Левина, 1992], более подробно [Вайнберг, Левина, 1993]), поэтому мы позволили себе вкратце изложить основные выводы этого исследования. В районе расселения чирикратцев на протоках древней дельты выявлены две природно-хозяйственные зоны: северная, с песками и нерегулярными паводками, занятая скотоводами под пастбища, и южная, где на зарегулированных протоках со старицами, часто превращенными в изолированные водоемы, располагались оазисы неукрепленных поселений с примитивной ирригацией [Андрианов, 1969]. Характер ирригационных сооружений, и прежде всего соединение каналов одновременно с несколькими старицами-водоемами для более стабильного обеспечения водой, свидетельствует, несомненно, об усыхании русел этой зоны. В ее пределах расположены и укрепленные поселения, связанные с отдельными оазисами. Выделяется по своим размерам огромное городище Чирик-рабат, по имени которого и названа культура. Оно, очевидно, на ранней стадии культуры было убежищем и резиденцией племенных вождей. На территории городища, окруженного оборонительной стеной с коридором и выступавшими овальными башнями с бойницами, находились кроме жилых построек мавзолее и большие курганы.

Особое место среди памятников чирикратской культуры занимает и комплекс Бабиш-мулла. Он состоит из сложного по плану городища: подквадратной в плане крепости, внутри которой находился Большой дом таких же очертаний и двух пристроек с юга и востока. Стены основной части городища имели маленькие стреловидные бойницы, соединенные по три веером для обслуживания одним стрелком, но не имевшие, как в обычных бойницах, уклона дна наружу. Эта примитивная фортификация сочеталась с мощным привратным сооружением, получившим название «донжон». В этой двухэтажной постройке, где нижний этаж занимали перекрытые сводом помещения, проходы из которых вели в центральный коридор с воротами на саму крепость, был перекидной мостик от пандуса к помещениям второго этажа. Из помещения, примыкавшего к донжону с юга и имевшего во внешней

стене бойницы коленного боя, проход вел в южную пристройку, занятую, очевидно, рядовой застройкой. Она была ограждена стеной с овальными башнями с обычными стреловидными бойницами. На Большом доме внутри крепости в нижнем слое вскрыта раскопками (М.Г.Воробьева) часть здания, повторяющего по плану отдельные ахеменидские парадные административные постройки, что позволило рассматривать памятник в целом как сатрапскую резиденцию в подчиненной Ахеменидам самой северной в державе области «саков, которые за Согдом» ([Вайнберг, Левина, 1993], см. также главу 4, часть IV). Кроме этих выдающихся памятников на территории чирикрабатской культуры в более мелких оазисах открыты небольшие укрепленные поселения — Баланды 1, Чагырлы и др.

Культурное влияние южных земледельческих областей, придавшее особый облик местной культуре оседлых и полуоседлых скотоводов, проявилось не только в создании пусть и примитивных, но очень продуктивных ирригационных сооружений, но и в приемах строительной техники, особенностях архитектуры крепостей и мавзолеев, формах гончарной керамики. Сильная варваризация, заметная во всех этих областях материальной культуры, не дает основания сделать вывод о переселении в область дельты Сырдарьи сколько-нибудь значительной группы населения, скорее всего, это были ремесленники. В период ахеменидского господства в Средней Азии подобная практика по отношению к окраинным областям державы не была исключением (ср. арханчскую культуру Хорезма).

Как показал детальный анализ керамического комплекса чирикрабатской культуры, проведенный Л.М.Левиной, все виды и типы гончарной посуды находят прямые аналогии в керамике Парфии и Согда V–III вв. до н.э. Но на базе этих заимствованных форм в низовьях Сырдарьи складывается своеобразный комплекс, включающий ряд уникальных типов и вариантов сосудов. Наряду с гончарной упогреблялась и местная лепная керамика «сарматоидного» облика, восходящая к сакским комплексам VII–V вв. до н.э. в этом же районе [Левина, 1979].

Преимственность чирикрабатской культуры IV–II вв. до н.э. по отношению к более ранним сакским памятникам прослеживается и в погребальном обряде. С.П.Толстов [Толстов, 1962, с. 201–203, рис. 117] отметил генетическую связь наземных круглых мавзолеев чирикрабатцев с первоначально свойственным им обрядом трупосожжения с мавзолеями Северного Тагискена, а грунтовых квадратных камер с дромосом из сакского могильника Южного Тагискена — с камерой чирикрабатского кургана. Традиционные погребальные обряды с трупосожжением доживают на этой территории до III в. до н.э., затем происходит переход к труповыставлению. Но параллельно существуют здесь и курганные, а возможно, и грунтовые захоронения,

что свидетельствует о некоторой пестроте населения этого региона. Исследование мавзолеев чирикрабатской культуры (Л.М.Левина) позволило выделить более ранние типы, наметить динамику развития их планировки. Выделены мавзолеи знати и рядовые «крестовины» (по внутренней крестообразной планировке стен). Отмечается связь погребальных сооружений чирикрабатской культуры (Кызыл-тепе), мавзолея № 2 на Тагискене и других со «шлаковыми» курганами и рядом ранних мавзолеев Северного Тагискена (мавзолей № 6, планировка, обряд кремации).

Переход к труповыставлению, который фиксируется даже в одном и том же сооружении (Чирик 2, мавзолей), дает основание предположить, что смена традиционного погребального обряда не вызвана появлением новой этнической группы населения, а скорее всего произошла под влиянием изменений в религиозных представлениях.

В связи с этим, как представляется автору, следует напомнить историческую ситуацию в Средней Азии в это время [Вайнберг, Ставицкий, 1994] — юг региона подвергается завоеваниям Александра Македонского. В описаниях этого похода фигурируют рассказы о пораженных греков обычаях местного населения в Гиркании, Бактрии, где покойников выставляли на съедение птицам, собакам. Дахи, с которыми мы отождествляем население чирикрабатской культуры (см. главу 4 части IV), сначала выступают как противники Александра, но затем уже в качестве союзников участвуют в его походе в Индию (Арриан V, 12, 2). Следствием этого является греческий импорт в чирикрабатской культуре [Вайнберг, Левина, 1993]. Позднее, вероятно, по приглашению Селевкидов дахи (даи) переселяются постепенно к северным границам Парфии, где обеспечивают защиту эллинистических владений от других кочевников Средней Азии. Для Селевкидов это была обычная практика защиты своих границ силами кочевников (ср. галлов в Малой Азии), а дахам это давало возможность как-то разрешить ситуацию с осушением русел, на которых они расселились. Тесный контакт с греками и южными областями Средней Азии именно в конце IV — III в. до н.э. (учтем, что к 227 г. до н.э. парны-даи уже захватили власть в Парфии) совпадает по времени с появлением обряда выставления в дельте Сырдарьи. Это совпадение вряд ли можно считать случайным, поэтому есть все основания признать, что труповыставление у чирикрабатцев появилось в связи с заимствованием обрядов и верований населения Бактрии и, вероятно, Парфии. Сам комплекс верований этих иранских групп населения севера и юга отличался не столь существенно, чтобы это могло стать препятствием для их взаимодействия. Таким образом, как нам представляется, на севере Среднеазиатско-Казахстанского региона в III в. до н.э. окончательно исчезает наследие индоиранского населения — обряд трупосожжения.

Среди некоторых археологических материалов чирикратской культуры, связанных с верованиями, отметим захоронение собаки в центральной яме очень своеобразного могильника Бабиш-мулла 6. Череп собаки, раскрашенный красными пятнами, был найден под северной стеной южной пристройки на Бабиш-мулле 1. Культ собаки, как известно, связывается с обрядом труповыващения, поэтому эти факты хорошо вписываются в систему местных верований.

При раскопках хозяйственно-жилого комплекса помещений на той же южной пристройке Бабиш-муллы 1 было обнаружено скопление грубых лепных женских статуэток и неопределенных предметов. Статуэтки все без головы, отдельно были найдены шарики, иногда с углублениями (глаза?), которые могли рассматриваться в качестве головы подобной фигурки, у которой от туловища в стороны отходили отростки — руки и ноги, а сверху находился стерженек — шея. У некоторых фигурок ноги были изогнуты. Отдельные фрагменты подобных изделий неизвестного назначения были обнаружены здесь же. Тесто фигурок — с большим количеством минеральных примесей, поверхность изделий часто бугристая, обжиг костровый, плохой, изделия легко крошатся. К северу от Бабиш-муллы было найдено небольшое поселение (т. 254), где обнаружен развал печи, в которой обжигались подобные женские статуэтки несколько меньших размеров.

Мы уже отмечали выше, что расположение крепостей в отдельных оазисах чирикратской культуры может быть объяснено структурой местного объединения племен. А наличие около крепостей мавзолеев — погребений, вероятно, вождей — обеспечивало и культовое единство такого сообщества.

Из культурных связей кроме южных областей Средней Азии следует отметить особо тесные связи с Южным Приуральем, что, возможно, свидетельствует о том, что уже к IV в. до н.э. стали обычными традиционные перекочевки с зимовок в дельте Сырдарьи на летовки к рекам Илеку и Уралу.

По уровню социального развития объединение племен чирикратской культуры представляло собой скорее всего раннеклассовое общество, где, очевидно, были начатки государственности, чему должно было способствовать включение этой области в качестве сатрапии в Ахеменидскую державу.

Необходимо еще раз подчеркнуть комплексный характер хозяйства местных племен. Если в традициях культуры и инвентаря четко видны скотоводческие черты, то наличие монументальных построек со сложной архитектурой и особенно открытых неукрепленных поселений в оазисах — свидетельства оседлого образа жизни и развития в каком-то объеме земледелия, которое ограничивалось ресурсами воды и примитивностью ирригационных сооружений. Северная часть территории, на которой встречены лишь редкие погребальные сооруже-

ния и развешанные стоянки в песках, осваивались той частью населения, которая занималась лишь скотоводством, вероятно с дальними перекочевками, так как местные пастбища по природному комплексу годились только для зимнего выпаса скота.

Ко II в. до н.э. происходит полное осушение русел на территории чирикрабатской культуры, население вынуждено было покинуть этот район.

Протоки же, орошавшие Джетыясарский оазис, вероятно, за счет иных истоков обводнения, продолжали функционировать, и здесь развивалась джетыясарская культура [Левина, 1996]. Мы уже отмечали природные особенности района распространения этой культуры, где изобиловали дельтовые протоки, озера, старицы. Гидрографический режим дельты был очень изменчивым, что, несомненно, отразилось на хозяйственной деятельности населения и топографии археологических памятников.

Отсылая читателя к монографии Л.М.Левиной [Левина, 1996], кратко напомним основные характерные особенности джетыясарской культуры, которые существенны для темы нашего исследования.

В настоящее время в Восточном Приаралье известно около полусотни городищ джетыясарской культуры, все они многослойные и хорошо укреплены. Расположены они, как правило, на берегах древних русел и окружены курганными могильниками. Памятники этой культуры охватывают период от начала железного века до конца VIII — начала IX в. н.э. [Левина, 1992; Левина, 1996]. Все они разделены Л.М.Левиной на три этапа. Наиболее продолжительным является I этап — от начала культуры до IV в. н.э. Поскольку раскопки курганных могильников, производившиеся в последнее десятилетие, затронули, как правило, только поздние погребальные сооружения (они были строго связаны со строительной трассой), а многометровые наслоения городищ скрывают их ранние слои, то деление этапа Джетыясар I на три хронологических периода, предложенное Л.М.Левиной [Левина, 1992, с. 62], по ее мнению, достаточно условное. Первый период (Ia) датируется от середины до конца I тыс. до н.э., второй (Iб) — последними веками до н.э. — первыми веками н.э., третий (Iв) — II–IV вв. [Левина, 1992, с. 62].

Истоки джетыясарской культуры Л.М.Левина относит к концу эпохи бронзы и связывает с комплексом Северного Тагискена (точка зрения автора по этой проблеме будет изложена ниже).

Два последующих этапа культуры: II — датируется IV–VI вв. и III — относится к VII — концу VIII — началу IX в.; они, по мнению Л.М.Левиной, отличаются как от первого этапа, так и друг от друга «по материальной культуре, планировке городищ и их фортификации» [Левина, 1992]. Позднее к этому добавились и материалы по погребальному инвентарю погребений [Левина, 1996].

Подъемный материал и небольшие раскопки дают основание считать, что более $\frac{2}{3}$ известных памятников возникли на первом этапе джетыясарской культуры. Городища группируются по пять–шесть небольших, связанных с одним водотоком, одно из них выделяется своими размерами.

Расстояние между памятниками в пределах группы достигает 2–8 км. Все городища ранней группы представляют собой округлой или овальной формы оплывший бугор (*тобе*) с двухъярусной структурой. Высота их 8–20 м, а площадь от 0,5 до 10 га. Ядро городища (верхняя площадка) — это многослойный дом-массив, заключенный в сложную фортификационную систему.

Это сооружение со всех сторон или частично окружает нижняя площадка, тоже защищенная крепостной стеной. Нижняя площадка, возможно, не имела монументальных построек, а была занята каркасными строениями и загонами для скота. В периоды Ib и Iv и на этой территории появляется застройка из жилых секций [Левина, 1992]. На двух памятниках была обнаружена еще и третья структурная часть с укреплениями, застройка которой не была произведена изначально.

Все постройки возводились из пахсы (битая глина) и крупных прямоугольных сырцовых кирпичей (50×30×9 и 60×30×9 см). Широко практиковались сводчатые перекрытия из трапециевидных кружных кирпичей. В арках-проходах применялся лекальный кирпич для выкладки углов. Намечены изменения строительных приемов в пределах периода Джетыясар I и позже. Появляются и прямоугольные кирпичи стандарта 40×25, 40×30 см и близких им. В конструкциях дверных проемов кроме дерева использовались кости животных. В период Iv появляется в небольшом количестве и кирпич стандарта 40×40 см, обычный для других районов Средней Азии в это время. На некоторых городищах прослежена система усложнения конструкций внешних стен: появление дополнительных обводов, пристройка башен, застройка более ранних из них. Башни и стрелковые галереи имели прямоугольные бойницы и соединялись с жилыми помещениями, иногда стрелковый коридор делился на отсеки, связанные с отдельной группой помещений.

На Джетыясаре 2 прослежена ранняя застройка из рядов узких сводчатых помещений, иногда в два этажа. На городище Джетыясар 12 несколько позже жилые «коридоры», располагавшиеся параллельно и перпендикулярно стрелковым галереям, сочетались с большими квадратными в плане помещениями и дворами, возведенными на сырцовой платформе. Своды перекрывали жилые помещения.

К периоду Ib относится появление характерной для последующих этапов развития культуры секционной планировки [Левина, 1992, с. 64]. Вся внутренняя площадь памятника застраивалась однотипными секциями, состоящими из двух-трех помещений с разными функ-

циями. Основное жилое помещение имело низкие и широкие суфы (лежанки) вдоль двух, реже трех стен и центральный открытый очаг с глиняными бортиками, овальный или прямоугольный в плане, углубленный в пол. Специальные глиняные валики отделяли от входа очаг и торцовые стенки суф, создавая особую конструкцию «лоткового входа». Перед очагом были специальные очажные подставки. Иногда на суфах сооружался пристенный очаг-камин. В основных жилых помещениях встречаются подставки для зернотерок в виде специальных глиняных конструкций и сырцовые (необожженные) сосуды-зернохранилища. Встречены и несколько отличные по расположению прохода, размерам суф и форме очага основные жилые помещения в секциях. Дополняли основное жилое помещение одно-два подсобных, хозяйственных. Возможно, что они использовались и как жилые. В них были, как правило, несколько пристенных очагов, хозяйственные ямы, закрома. Иногда в них имелись и суфы с очагами на них. При общем однообразии всех секций, свидетельствующем, вероятно, об относительном имущественном равенстве жителей оазиса, на памятнике выделяется одна секция, не разделенная на отсеки, которая служила общественным или культовым целям. Вокруг очага в центре такого большого помещения располагалась суфа, иногда круглая в плане (Джетыасар 12).

Вокруг джетыасарских городищ нет открытых поселений, вся жизнь была сосредоточена в укреплениях. Но каждое из них было окружено огромными курганными могильниками, в которых обнаружено два вида захоронений — в грунтовых могилах и склепах. Погребальные сооружения под насыпью окружали ровики с перемычкой на юге. Могильные ямы ориентированы меридионально, в восточной стенке их чаще всего были небольшие ниши, где помещалась часть сосудов, сопровождавших погребенного, и кости животных (баран или крупный рогатый скот). Тело погребенного заворачивали в камышовую циновку, клали на подстилку из коры или плетенку из камыша в вытянутом положении на спине, головой на север. Погребальный инвентарь — несколько сосудов, при этом в обязательный набор входили «кухонный» горшок, кувшин, кружка или чаша. Часть сосудов ставилась в ногах погребенного. В погребениях воинов обычно встречались нож, кинжал, иногда лук и стрелы. В женских погребениях — зеркала, бусы, браслеты.

Вторая группа погребальных сооружений — склепы (подземные и наземные), сооруженные из прямоугольного сырцового кирпича и перекрытые обычными или ложными сводами [Левина, 1993, с. 33 и сл.]. Конструкция склепов, динамика развития этих сооружений детально описаны Л.М.Левиной [Левина, 1996]. Важно подчеркнуть, что внутреннее прямоугольное помещение склепа имело вдоль двух или трех стен суфы, вход был с юга. На полу часто разводился огонь, ино-

гда сооружался очаг. Склепы использовались для многократных захоронений. Погребенных, завернутых в войлочные кошмы или камышовые циновки, клали на суфы на спину. Погребальный инвентарь размещался рядом или на полу — это керамика, оружие, орудия труда. У женщин — набор тот же, что в погребениях в ямах. Инвентарь в склепах был, очевидно, богаче, чем в ямах, но все они ограблены в древности. В некоторых из них уцелели остатки богато украшенной металлическими бляшками, нашивками из позолоченной кожи одежды, а также украшения из золота, серебра и бронзы. По итогам раскопок джетыясарских погребальных памятников реконструированы некоторые виды головных уборов, одежды и т.д. [Левина, 1996].

Наиболее ранними являются погребения в ямах с нишками (период Джетыясар Ia) [Левина, 1992, с. 66; Левина, 1994, с. 84]. Начало строительства склепов первоначально относилось к более позднему времени (период Ib). Позднее Л.М.Левина пришла к выводу о том, что склепы существовали на протяжении всего периода существования джетыясарской культуры [Левина, 1993]. На основании единичных находок наконечников стрел ею выделено несколько разрушенных сооружений этого типа, которые связываются по происхождению даже с ранними мавзолеями Северного Тагискена [Левина, 1993, с. 94–95].

Джетыясарская керамика, систематизированная Л.М.Левиной [Левина, 1971; Левина, 1996], делится на две группы: сосуды напольного обжига, грубой лепки, домашней выработки и сосуды горнового обжига, чаще всего выполненные без применения гончарного круга, но при помощи вращающейся подставки, явно ремесленного производства. Своеобразна и орнаментация сосудов первой группы: насечки по бережку, налепные шишечки на тулове или плечиках, полулунные валики. Подобные сосуды встречаются широко [Левина, 1971; Левина, 1992, с. 67], но отмечается, что по форме, пропорциям, технологии изготовления ближе всего к ним материалы из тасмолинской культуры Центрального Казахстана [Левина, 1992, с. 67]. В самой ранней группе (период Ia) лепная керамика домашней выделки составляет абсолютное большинство в комплексе посуды; в более позднее время соотношение их меняется в пользу ремесленной керамики.

В конце I и начале II периода, т.е. в IV в. н.э., появляются керамические сосуды, повторяющие форму металлических гуннских котлов [Левина, 1992, с. 67]. В это же время (III–IV вв.) целые группы городищ прекращают свое существование [Левина, 1993, с. 34].

Ремесленная посуда очень разнообразна по формам (горшки, горшковидные хумчи, кувшины, фляги, кружки и т.д.). Снаружи они покрыты красно-коричневым ангобом и лощением. Для них характерно близкое к шаровидному тулово, прямое горло, иногда ручки. Среди кувшинов и кружек есть сосуды с темно-серым или черным ангобом и лощением. Часто встречается в этих сосудах уступ или валики при

переходе от шаровидного или яйцевидного тулова к прямому высокому горлу и один-два слива по краю. Тулово кувшинов иногда украшено шишечками или валиками. Особо отличает джетыясарские кувшины горизонтальное рифление по горлу. Есть одноручные и двуручные кувшины. Фрагменты подобных сосудов найдены на памятниках чиркратской культуры (второй этап, вторая половина IV—II в. до н.э.).

Кувшины со светлой поверхностью и несколько иными пропорциями тулова (более широкое дно) распространяются начиная с периода Джетыясар Ib и иногда встречаются в материалах позднего этапа чиркратской культуры (III—II вв. до н.э.). В периоды Ib и Iv, т.е. после II в. до н.э., в материалах джетыясарских памятников встречается керамика оттарско-каратауской и каунчинской культур, распространенных в среднесырдарьинском регионе [Левина, 1971, с. 72]. С этими культурными комплексами объединяет джетыясарскую культуру и тип расселения в укрепленных городищах, окруженных курганными могильниками.

Мы остановились на тех особенностях керамического комплекса джетыясарской культуры, которые, на наш взгляд, могут быть использованы для изложения точки зрения автора на некоторые вопросы, связанные с происхождением этой культуры и историей ее населения.

Не рискую утруждать читателей остальными подробностями форм и деталей керамики, их изменений во времени, которые обстоятельно изучены Л.М.Левиной [Левина, 1971; Левина, 1992; Левина, 1996].

Среди оружия выделяются костяные наконечники стрел, не характерные для среднеазиатских комплексов, но обычные в близких районах Западной Сибири, культурные связи с которой отмечаются и в распространении в джетыясарском комплексе II периода орнаментации из штрихованных и незаштрихованных треугольников, зонного орнамента, пунсонного и резного зигзагообразного узора и т.д.

С периодов Ib и Iv появляются и кувшины и кружки с ручками с зооморфными навершьями, которые сопоставляются с характерными у угров изображениями медведей [Левина, Чижова, 1995, с. 185 и сл.].

Очень богат набор украшений, бус, металлических деталей от мужских наборных поясов (представлены реконструируемые экземпляры), зеркал и других предметов, демонстрирующих разнообразие культурных связей этой области, расположенной на перекрестке торговых и миграционных путей и вовлеченной в разнообразные контакты в период «великого переселения народов» [Левина, 1996].

Среди особых культовых предметов следует отметить бронзовые и глиняные фаллические фигурки [Левина, 1968], подвески-амулеты и изображения в виде птиц и животных [Левина, 1992, с. 71], глиняные и алебастровые идольчики. Особую категорию составляют курильницы, большая часть которых происходит из склепов, где они сопровождали, возможно, каждого погребенного [Левина, 1996; Болелов, 1993].

В хозяйстве джетыясарцев сочеталось скотоводство (преобладал крупный рогатый скот, есть даже в Джетыясаре 12 свиная, животное, характерное для оседлых поселений) и примитивное земледелие.

Земледелие, как мы уже отмечали выше, могло здесь быть лиманно-каирного типа, ирригация появляется, по уточненным данным, в IV в. н.э., когда начинает перестраиваться гидрографическая сеть оазиса и, очевидно, уменьшается его обводненность. Много свидетельств о занятиях рыболовством и охотой.

Л.М.Левина считает, что характер расселения, планировка городищ, жилые секции свидетельствуют о сохранении родо-племенной организации общества, о прочности патриархально-общинных отношений. Все это, по ее мнению, отразилось на архаическом облике джетыясарской культуры, обеспечило необычайную ее устойчивость и консерватизм на протяжении тысячелетия [Левина, 1992].

Исследования могильников (раскопано немногим менее тысячи погребений) и тщательная обработка материалов из них позволили не только существенно дополнить характеристику культуры, но и, что существенно для нашей темы, выявить несколько этнических групп, переселившихся в Джетыясарский оазис в разное время [Левина, 1994, с. 82; Левина, 1996].

Уже отмечалось выше, что наиболее ранними Л.М.Левина считает погребения в ямах с боковыми нишками (и в некоторых простых ямах). Вместе с погребениями в склепах они являются самыми характерными погребальными памятниками местного населения. Курганы с захоронениями этих типов размещались в могильниках рядами цепочек, часто параллельными.

В III–IV вв. н.э. погребения в ямах с нишками, как правило, исчезают. Лишь одиночные курганы с подобными захоронениями встречаются в начале V в. [Левина, 1994, с. 84].

Погребения в склепах совершаются до конца существования культуры. С V в. параллельно с ними появляются погребения в подбоях тоже с северной ориентировкой погребенного. Они существуют на этой территории до конца джетыясарской культуры. Курганы с подобными погребениями располагались группами вокруг одного более крупного кургана, иногда они перекрывали курганы с более ранними погребениями в ямах с боковыми нишками и склепы [Левина, 1994, с. 84].

Л.М.Левина считает, что «период смены типов погребений (при неизменности погребального обряда) совпал с определенными изменениями экологической ситуации региона» [Левина, 1994, с. 84], но основную причину появления новых типов погребений она связывает с притоком иноэтничного населения. По материалам могильников и поселений намечается несколько одновременных волн иноэтничного населения, появившегося в Джетыясарском оазисе. Каждая из них связывается с определенным обрядом захоронения или культурным

комплексом. Существенно, что все «чужие» погребения не имели в инвентаре (во всяком случае, вначале) местной посуды домашнего изготовления («кухонной»), которая выступает, таким образом, в качестве этнического индикатора.

В последние века до н.э. — первые века н.э. фиксируются довольно тесные связи с ранними культурами лесостепной полосы вблизи рек Ишима, Тобола и Иртыша (гороховская и саргатская археологические культуры [Левина, 1996]). Вслед за этим или одновременно возникают тесные контакты с районами горного Тянь-Шаня и ранними хуннами Забайкалья [Левина, 1994, с. 84; Левина, 1996].

В I–IV вв. культурные связи с верховьями рек Таласа, Арыси и соседними районами средней Сырдарьи становятся более ощутимыми. Л.М. Левина считает, что какая-то часть пришедшего из этих районов населения, ассимилируясь с джетыясарцами, не прерывала контактов с местами прежнего обитания [Левина, 1994, с. 84–85].

С новой волной хуннов в IV в. н.э. связываются погребения в ямах с уступами на длинных стенках, деревянными перекрытиями и с захоронениями голов крупного рогатого скота [Левина, 1994, с. 85]. Позднее фиксируются и ранние тюрки. Пришлые группы населения чаще всего хоронили своих покойников в отдельных могильниках. Влияние их культуры проявлялось лишь в отдельных элементах, не менявших облик самой джетыясарской культуры. Лишь в V–VI вв. фиксируются весьма заметные изменения в местной культуре — появляются новые укрепления, часто без внутренней застройки, с развитой системой фортификации, которые привнесены в джетыясарский регион извне [Левина, 1996].

В связи с характеристикой кердерской культуры в низовьях Амударьи мы уже рассматривали вопрос о расселении джетыясарцев из урочища на третьем этапе культуры в VII в. н.э. Подчеркнем еще раз, что, несмотря на значительную долю участия джетыясарской культуры в формировании кердерского комплекса и культуры «болотных городищ» (к северу от Джетыясарского урочища), там сформировались самостоятельные культуры, в которых джетыясарский материал был только одним из составляющих элементов (к аналогичным выводам по отношению к кердерской культуре в свое время пришла Е.Е. Неразик [Неразик, 1966]).

Археологические материалы с «болотных городищ» почти исключительно подъемные. Наиболее исследован один памятник — Кескен-куюк-кала, где верхний культурный слой, очень богатый находками, фиксировался на поверхности в пределах разрушавшихся помещений (работы автора и Н.Н. Вактурской в 1963 г.). Характеристику этого комплекса мы дали в разделе о кердерской культуре (см. также [Левина, 1971]). Здесь же добавим, что материалы с Кескен-куюк-калы позволяют ограничить время существования «болотных горо-

дищ» VII–IX вв. (ср. [Толстов, 1947]), позднее существовал лишь Янгикент (Джанкент) и отдельные поселения с типичной хорезмийской гончарной посудой домонгольского времени (одно такое поселение было обнаружено нами к западу от Кескен-куюк-калы).

От джетыасарских памятников позднего этапа отличается и общий облик Кескен-куюк-калы. Это городище со сплошной застройкой в пределах «цитадели» и примыкающей к ней обширной пристройкой. Оригинальным является и большое количество плоских костей животных, включавшихся в обмазки полов ряда помещений и «улиц».

В материалах с этого памятника есть вещи, связанные с культурами (курильницы на ажурных подставках, фрагменты монументальных глиняных сооружений с головами баранов, комплект рогов с просверленными у их основания отверстиями и бронзовыми бляшками на всей их поверхности и т.д.), а также яркие по облику бытовые предметы (фигурные железные накладки от дверей, копоушки с фигурными навершиями и др.). Очень богат и разнообразен набор бус и других украшений и деталей поясов (см. [Левина, 1971, рис. 19]). Изучение этого комплекса в полном объеме не проводилось. Внимание автора привлекли ромбические лазуритовые подвески, которые в средневековых кочевнических древностях получили этническую атрибуцию. В специальном маленьком разделе о байандурах в главе 4 IV части настоящей работы мы рассматриваем эти материалы.

Завершая краткий общий обзор джетыасарской культуры, сделанный по работам Л.М.Левиной, автору хотелось бы обратить внимание на ряд существенных моментов.

До сих пор остается практически открытым вопрос о происхождении джетыасарской культуры, истоки которой Л.М.Левина связывает с эпохой бронзы и непосредственно с комплексом Северного Тагискана. Указывается на аналогии в приемах строительства (практически это только строительный материал) и формах и отделке керамики.

Но эти доводы вряд ли можно считать убедительными, так как кирпич прямоугольных пропорций и крупных размеров был в эпоху бронзы распространен на юге Средней Азии, откуда он и попал, очевидно, в низовья Сырдарьи. Позднее, в IV–II вв. до н.э., он известен и в соседней чирикрабатской культуре здесь же, в дельте Сырдарьи [Вайнберг, Левина, 1993, с. 33 и сл.]. Если исходить из исторической обстановки, нет оснований относить строительство крепостей в дельте Сырдарьи к периоду до включения этого района в состав Ахеменидской державы. Если на примере чирикрабатской культуры это прослеживается более отчетливо (в основном за счет гораздо более короткого периода существования чирикрабатских памятников), то в джетыасарской культуре материал этого периода, скрытый более поздними наслоениями, выявляется по крупницам. Есть все основания сравнить материалы по строительным конструкциям и даже плани-

ровкам периода Джетыасар Iа и чирикратские. По материалам городища Томпак-асар (Джетыасар 12) выяснено, что первоначальные размеры его были примерно 25×50 м и защищались стоявшей на материке крепостной стеной. В чирикратской культуре мы можем отметить следующие габариты сооружений, тоже окруженных крепостной стеной: цитадель городища Чирик-рабат — 120×100 м, Чирик 2 — 100×120 м, Баланды 1 — примерно 60×35 м, Бабиш-мулла 1 — 60×80 м с входным комплексом, Большой дом (там же) — 35×40 м, Чагырлы — 60×57 м, Сенгир-кала — 29×30 м. Планировка нижних джетыасарских комплексов не связана с секциями, там присутствуют узкие коридорообразные сводчатые помещения, тоже вполне сопоставимые с застройкой «донжона» Бабиш-муллы 1. В этой же постройке отмечены и остатки второго этажа. Большие дворы могут быть в застройке любого из чирикратских памятников. Одновременное существование джетыасарской и чирикратской культур по находкам керамики в слоях последней относится к периоду от IV—III вв. до н.э. и до конца чирикратского комплекса (II в. до н.э.), т.е. до периода бесспорного появления секционной планировки во внутренней застройке джетыасарских городищ. Представляется, что это делает приведенные сопоставления еще более убедительными. Вряд ли Джетыасарский оазис не был включен в ахеменидскую сатрапию, когда она создавалась в низовьях Сырдарьи. Скорее всего, именно с этим периодом и связано распространение в этой области сырцового строительства и укрепленных поселений (напрямую от Ахеменидов через посредство южных областей Средней Азии или от чирикратцев к джетыасарцам, что вряд ли существенно).

Более ранняя датировка джетыасарского сырцового строительства не находит исторического объяснения и не имеет аналогов в Средней Азии. Даже в более развитом *земледельческом* Хорезмском оазисе строительство крепостей начинается в VI в. до н.э., для этой эпохи известен только один памятник — городище Кюзели-гыр. В керамическом комплексе Северного Тагискена, как мы уже отмечали выше, М.А.Итина выделила несколько групп с четким указанием на их происхождение. Местной ею признана андроновская (Федоровская) керамика. Тот же комплекс, с которым Л.М.Левина сопоставляет джетыасарский материал, относится к дандыбаево-бегазинской культуре Центрального Казахстана, а это не исключает связь с этим районом напрямую, а не через Тагискен. Следует обратить внимание на то, что для погребений раннего типа (впрочем, как и для всех остальных) в джетыасарской культуре характерна северная ориентировка погребенного. На фоне широко распространенной в раннем железном веке широтной ориентировки и конкретно — западной этот факт дает основание определить районы распространения подобной ориентировки.

Не претендуя на полноту сопоставлений, укажем, что она характерна для саргатской культуры на юге Западной Сибири и тасмолинской культуры Центрального Казахстана. В последней, как уже подчеркивалось, Л.М.Левина находит наиболее близкие аналогии джетыясарской «кухонной» посуде домашнего изготовления, которая выступает своего рода этническим индикатором при исследовании могильников.

Таким образом, есть все основания связывать формирование джетыясарского комплекса с районом, близким к югу Западной Сибири и Центральному Казахстану. Это необязательно должны быть низовья Сырдарьи, куда джетыясарцы могли прийти не позднее IV—III вв. до н.э., когда режим обводнения Восточного Приаралья сделал этот район пригодным для постоянной жизни населения. Следует учесть, что в районе между Западной Сибирью и Центральным Казахстаном есть малоизученная область гор Улутау и долины р. Сарысу, впадавшей либо в Сырдарью, либо в озеро у ее низовьев, где А.Х.Маргулан обнаружил довольно крупные *тене* с керамикой, по описанию, возможно, джетыясарского типа [Археологическая карта Казахстана, 1964]. Исследование этого района с 50-х годов стало невозможно из-за того, что он вошел в зону космодрома Байконур, поэтому, к сожалению, можно высказать только предположения, что с этой областью, ближайшей к Восточному Приаралью, могли быть связаны начальные этапы формирования джетыясарского комплекса.

Когда в низовьях Сырдарьи уже появилось и получило развитие сырцовое строительство, особый режим объединения Джетыясарского урочища (обилие влаги) приводил к постоянному разрушению оснований сырцовых построек (это наблюдал каждый археолог в пределах современных земледельческих оазисов). Местное население укрепляло их, возводя новые обводы стен и башен, в результате и получалась столь своеобразная массивная постройка, поражающая своей монументальностью.

Погребальный обряд и сооружения джетыясарской культуры не могут быть связаны с Северным Тагискеном. Здесь нет обряда трупосожжения или его следов. Если это не генетический признак, то хронологический, так как с III в. до н.э. в низовьях Сырдарьи, судя по материалам чирикрабатской культуры, этот обряд исчезает. Кирпичные склепы, скорее всего, появляются со II в. до н.э., по внутреннему оформлению погребальных камер они связаны с секционной планировкой, которая, в свою очередь, может быть объяснена инокультурным влиянием.

Единичные находки нескольких экземпляров бронзовых наконечников стрел, по которым Л.М.Левина определяет раннюю дату размытых склепов, вряд ли без комплекса дают основание для убедительной датировки. В склепе у Малого дома на Алтын-асаре такой наконечник стрелы вместе с железным ножичком был завернут в тряпочку, следовательно, он вряд ли входил в вооружение погребенного. В Средней Азии известны случаи употребления бронзовых наконечников стрел,

находимых на разрушенных памятниках, в качестве оберегов от грома (туркмены Мангышлака); вероятно, аналогичные поверья объясняют и находку нескольких таких наконечников в помещении средневековой усадьбы около Кават-калы (раскопки помещения производились автором). Все это заставляет нас быть осторожными.

Во всяком случае, нет никаких оснований сопоставлять кирпичные склепы с мавзолеями Тагискена. Повторим еще, что в склепах нет свойственного тагискенским мавзолеям обряда кремации. Входы всех мавзолеев Тагискена обращены на восток, а у склепов — на юг; резко отличается и внутренняя конструкция камер, которая сопоставима с секционной планировкой, появившейся в джетыясарской культуре значительно позже предлагаемой теперь ранней даты склепов. Можно обратить внимание на сходство склепов с камерами внутри мавзолея Бабиш-мулла 2 в чирикрабатской культуре [Вайнберг, Левина, 1993], но это может быть объяснено их синхронностью и влиянием джетыясарской культуры на оформление погребальных сооружений, связанных с новым для чирикрабатцев обрядом труповыставления. Мы довольно подробно остановились на вопросе о происхождении джетыясарской культуры, так как это нам представляется весьма существенным в связи с этнической ситуацией всего региона Восточного и Северо-Восточного Приаралья в I тыс. до н.э. В дополнение к отмеченному выше обратимся к палеоантропологическим материалам (см. [Кияткина, 1993; Кияткина, 1993а; Кияткина, 1995]).

Прежде всего антропологи отмечают значительную пестроту населения, принимавшего участие в формировании джетыясарской культуры, и разные истоки ее отдельных компонентов. Различаются материалы из ям с нишками и склепов, что, возможно, дополнительно свидетельствует об их различном происхождении.

Против связи с Северным Тагискеном свидетельствуют и палеоантропологические материалы. Если достаточно убедительна точка зрения С.П.Толстова [Толстов, 1962], поддерживаемая Л.М.Левиной и автором [Вайнберг, Левина, 1993], о единой линии развития от Северного Тагискена к ранним сакам и чирикрабатцам, то джетыясарцы не могут происходить от того же «корня», так как в палеоантропологических материалах отсутствует тип, присущий сакам низовьев Сырдарьи [Кияткина, 1993а, с. 246], сформировавшийся на местной андроновской основе с монголоидной примесью. В период чирикрабатской культуры, по данным Т.А.Трофимовой [Гинзбург, Трофимова, 1972, с. 113 и сл.], происходит ослабление монголоидной примеси. Серии чирикрабатской культуры тоже смешанные, есть и южный восточно-средиземноморский компонент.

В джетыясарских материалах Т.П.Кияткина выделяет три европеоидных типа с монголоидной примесью. В склепах преобладает тип среднеазиатского междуречья (в небольшом объеме он есть и у чирик-

крабатцев). В ямах с нишками, которые являются наиболее ранними местными типами погребальных сооружений, отмечены восточносредиземноморский и переднеазиатские типы с небольшой монголоидной примесью. Палеоантропология подбойных захоронений еще не получила оценки специалистов.

В могильниках у Томпак-асара и Карака серии смешанные, но по характеристике сближаются с той группой, что представлена в ямах с нишками у Алтын-асара.

Таким образом, по данным Т.П.Кияткиной население из склепов генетически не связано ни с населением степей, ни с населением юга Средней Азии. Весьма сложный и дискуссионный вопрос о происхождении антропологического типа среднеазиатского междуречья не дает оснований для определенного вывода о происхождении населения, хоронившего своих покойников в склепах. Л.М.Левина увязывает появление секционной планировки с приходом в оазис юечжи [Левина, 1996], правда, этот вывод не аргументирован и не согласуется с предлагаемой ранней датой склепов. В специальном разделе части IV автор обращается к проблеме юечжи и их появлению в западных районах Приаралья. Здесь же отметим, что традиционно с этой пришлой в Средней Азии группой населения всеми исследователями связываются новые типы погребальных сооружений. Если же основываться на географических факторах передвижения населения во II в. до н.э. в Джетысарский оазис, то не меньше оснований считать, что сюда продвинулась какая-то часть «саков» из западных районов Семиречья, вытесненных частично оттуда пришлыми усунями и юечжами, это может найти подтверждение и в китайских письменных источниках.

По поводу этнической принадлежности погребений в подбоях с северной ориентировкой, вероятно, можно высказать только ряд предположений. В самой Средней Азии погребений в подбоях к V в. н.э. уже нет, так что явно эта группа появилась извне. Близкие погребения в подбоях с большим количеством деревянной утвари в погребениях, как и в джетысарских, характерны были до V в. н.э. для района Турфана, где они ориентировочно относятся к местному тохарскому населению [Восточный Туркестан, 1995, с. 289–290].

Одновременное исчезновение этих близких погребальных сооружений в том районе и появление их в Джетысарском оазисе, может быть, не случайно. К V в. на востоке Семиречья, соседствующего с Турфаном, письменные источники отмечают конец существования «позднехуннского» объединения Юебань; возможно, следствием этнических перемещений в этом регионе и был приход группы населения из Турфана — Семиречья в низовья Сырдарьи. Но нельзя исключать и иной вариант — «отката» какой-то группы гунно-савирского населения из Восточной Европы на восток. В Восточной Европе этот процесс детально прослежен [Арамонов, 1962], но возможность его

17
продолжения до Средней Азии не рассматривалась. Вместе с тем с праболгарами в Европе связываются именно погребения в подбоях с северной ориентировкой и деформированными черепами (см. [Плетнева, 1977; Флеров, 1988]). Деформация свойственна подавляющему числу черепов из джетыясарских могильников. Если была такая волна движения с северо-запада, достигшая Джетыясарского урочища, то она может быть сопоставлена с фиксируемыми по материальной культуре тесными контактами с Северным Кавказом [Левина, 1996]. Кроме приведенных Л.М.Левиной многочисленных сопоставлений, фиксирующих культурные связи этих двух регионов, следует отметить и некоторые влияния, прослеживаемые в керамическом материале, которые обычно сопутствуют передвижениям населения, а не торговым или культурным контактам. Характерный прием оформления джетыясарской посуды рифлением по горловине кувшинов был широко принят в отарско-каратауской и каунчинской культурах с рубежа III–IV вв., когда джетыясарское население частично стало продвигаться вверх по реке [Левина, 1971; Левина, 1981]. Подобное оформление горловин кувшинов в III–IV вв., в «гунно-савирский» период, появляется в Терско-Сулакском междуречье на Северном Кавказе [Гмыря, 1980, с. 130], где этот прием не имел местных истоков. В это время в отмеченном районе отмечается смена населения. Оформление горловин кувшинов рифлением — валиками — сопоставляется со среднеазиатскими материалами. Оно отмечается еще и в VII — первой половине VIII в. на Северном Кавказе [Афанасьев, 1980, с. 60].

Вероятно, с началом этой же эпохи и связано появление в джетыясарском керамическом комплексе типично салтово-маяцкого двуручного сосуда с полосчатым лощением, резко отличного от всей остальной керамики [Левина, 1992, табл. 21, 35]. Выбрать какой-либо из предложенных вариантов происхождения подбойных захоронений в джетыясарском комплексе нет пока оснований.

Рассматривая этнические перемещения, фиксируемые по археологическим материалам в этом районе, особо обратим внимание на то, что наиболее ранний местный тип погребения в яме с нишкой исчезает из низовьев Сырдарьи к началу V в., что, вероятно, свидетельствует о переселении этой группы населения и соответствует изменениям в оформлении кувшинов на Северном Кавказе, которые можно объяснить приходом сюда джетыясарцев.

Историческая этногеография северной части Средней Азии в свете данных письменных источников

ГЛАВА I

Общие географические представления в письменных источниках

Древнеперсидские источники

Древнеперсидские надписи содержат минимум географической информации. В Бехистунской надписи содержатся древнейшие письменные сведения о некоторых географических пунктах Средней Азии и Приаралья (северной части Средней Азии, в частности).

В ней перечислены различные области Средней Азии, вошедшие в состав Ахеменидской державы, среди них и Хорезм. Но географическая локализация их не приводится. В V столбце Бехистунской надписи (Beh., V, 20–30) при описании похода Дария на скифов-тиграхауд [Дандамаев, 1963, с. 269] упоминается без названия «водный рубеж», через который перешел Дарий, прежде чем разбил «скифов» и пленил часть их вместе с вождем Скунхой.

Вероятно, Ахемениды были знакомы с Каспийским морем, Оксом и Яксартом, так как их владения простирались до этих естественных рубежей, но их названия не приводятся в древнеперсидских памятниках. Поэтому вряд ли можно согласиться с таким заключением: «Древние персы достоверно знали о Каспийском и Аральском морях, а также о двух величайших реках Туранской низменности — Амударье и Сырдарье» [Азатьян и др., 1969, с. 83]. Что же касается географического смысла надписей ахеменидских царей при указании подвластных территорий, то они всегда приводятся без привязок к каким-либо объектам в регионе (см., например: «Хорезм и хорасмни на юге»).

Предложенная Я.Харматтой [Harmatta, 1979, с. 27] реконструкция текста V столбца Бехистунской надписи о походе Дария на саков-тиграхауда («кострошачных») дает основание видеть в тексте сведения о реке Арахша (Араксе), которую Дарий пересек вблизи моря. Это очень важное сообщение может относиться к Узбою.

Авестийская география и этногеография

Авеста, священное писание зороастризма, — памятник неоднородный, это собрание сведений и преданий разных веков и даже, очевидно, разных территорий иранского мира (историю изучения Авесты и литературу см. [ОИЯ, 1979, с. 135–136]).

Исследователи выделяют в Авесте ряд текстов, персонажей и словосочетаний, относящихся (или, точнее, восходящих) еще к индоиранской общности. Следующий этап связан с возникновением зороастризма, новой религии, появившейся не позднее VII — первой половины VI в. до н.э. Отрицая сначала все старые арийские культы, зороастризм постепенно перешел на путь компромисса с укоренившимися в иранской среде народными верованиями. Считается, что в течение многих веков складывался канон зороастрийского «священного писания», который сохранялся только в устной традиции (заучивался жрецами), при этом преобладала тенденция сохранения текста в изначальном виде.

По господствующему в науке мнению, древнейшие части Авесты связаны со Средней Азией; зороастризм появился в Восточном Иране (традиция относит это к Бактрии), позднее его центром стала Мидия. Поэтому специалисты считают, что «вопрос о локализации и датировке Авесты в целом вряд ли может ставиться» (С.Н.Соколов [ОИЯ, 1979, с. 131]).

Место и время кодификации Авесты тоже до сих пор не определены окончательно. Есть гипотеза Ф.Альтхайма о ранней записи ее текста учениками Заратуштры в VIII в. до н.э. арамейским ахеменидским письмом и о том, что Александр Македонский пытался записать ее по-гречески. С начала XX в. исследователи авестийского алфавита и языка выдвигали ряд теорий об их происхождении и этапах развития [ОИЯ, 1979, с. 130–132]. Существует гипотеза об «аршакидском» тексте Авесты. Бесспорной считается кодификация Авесты, произведенная при Сасанидах (IV или середина VI в.).

Авеста сохранилась не в полном объеме, что также затрудняет ее изучение [ОИЯ, 1979, с. 133–134]. Многократно привлекавшиеся историками данные Авесты часто не могут служить основанием для достоверных выводов (см. аналогичный вывод И.М.Дьяконова в связи со списком стран в «Видевдате» [Дьяконов, 1971, с. 152, примеч. 60]).

за исключением; может быть, реконструкции социальной структуры общества эпохи сложения Авесты (см., например, [История таджикского народа, 1963]).

Мы попытаемся, в меру своих возможностей, рассмотреть географические и частично этногеографические данные Авесты, так как, по господствующему в науке мнению, они связаны с исследуемой нами территорией — Среднеазиатско-Казахстанским регионом. Автор испытывает большие сложности в связи с рассмотрением проблем, которые он может воспринимать только «из вторых рук» и не всегда способен четко отделить вероятные гипотезы в лингвистических аспектах от действительных фактов (см. по этому поводу [Лелеков, 1982, с. 148]).

В научной литературе неоднократно анализировались в том или ином аспекте два списка стран, сохранившихся в Авесте — в «Видевдате» (1-й фрагмент) и «Михр-яште» (Яшт X, 13–14). «Видевдат» — это свод ритуальных установлений, скомпилированных в довольно позднее время, но включивший в себя и древние части. В фрагменте I «Видевдата» перечисляются «правоверные» зороастрийские страны (области): Арианам-Вайджа, Гава Сугда, Моуру, Бахди(ш), Нисайа между Моуру и Бахди, Харойва, Вайкарта, Урва Вехркана, Харахвати, Хайтумант, Рага, Чахра, Варена, Хапта-Хинду, Рангха. Этот список стран многократно анализировался (см. [Christensen, 1943; Gershevitch, 1964, с. 35 и сл.; Дьяконов М., 1961, с. 361 и сл.; Дьяконов И., 1956, с. 48, 54]). Часть из них довольно определенно локализуется.

Предполагается, что этот текст составлен во II в. до н.э., после победы парфянского царя Митридата I над Греко-Бактрийским царством [Дьяконов И., 1956, с. 48, примеч. 3, с. 54], и перечисляет области, входившие в состав тогдашней Парфии [Benveniste, 1934, с. 265 и сл.]. И.М.Дьяконов справедливо отметил, что многие из перечисленных областей никогда не принадлежали Парфии [Дьяконов И., 1971, с. 137]. А.Кристиensen считает, что в поздний период в этот текст были интерполированы названия ряда стран, которые не отмечены в «Михр-яште», в том числе Бактрия [Christensen, 1943]. И.Гершевич относил «Видевдат» к ахеменидскому либо послеахеменидскому времени [Gershevitch, 1964, с. 14]. По мнению И.М.Дьяконова, «Михр-яшт» содержит «перечень стран, где к моменту составления текста Видевдата был распространен зороастризм» [Дьяконов И., 1971, с. 137]. Подобное заключение тоже вряд ли может быть принято без оговорок, так как нет никаких данных о распространении зороастризма в «мифической» области Арианам-Вайджа. Этому противоречат материалы из Хорезма, который ряд исследователей, по нашему мнению без веских оснований, отождествляет с этой областью. В послеахеменидский период (IV–II вв. до н.э.), как показывает исследование археологических памятников и мифологических сюжетов на керамиче-

ских рельефах (см. [Рапопорт, 1977; Вайнберг, 1992a; Vainberg, 1994]), в Хорезме были распространены верования, отличные от канонического зороастризма (см. главы 1 и 3 части III). На основании имеющихся материалов по истории и культуре Согда нельзя и эту область относить к «правоверным» зороастрийским.

Перечисление стран начинается с Арианам-Вайджа и Согда, областей, явно расположенных севернее остальных. Арианам-Вайджа — «Арийский простор» — в этом контексте часто отождествляется с Хорезмом, хотя это не самая северная и холодная область в Среднеазиатско-Казахстанском регионе. Гораздо больше соответствуют описанию Авесты климатические условия Восточного и Северо-Восточного Приаралья.

Интересно отметить здесь и традиционные пути торговцев, посольств и т.п. Даже в XIX в. все пути русских миссий и торговцев от Южного Приаралья (Оренбург, Троицк, Орск) в Бухару (северо-западная часть древнего Согда) проходили не через Хиву, даже в периоды мирных отношений с последней, а через низовья Сырдарьи по караванной дороге через Кызылкумы; поэтому не исключено, что название «Арианам-Вайджа» может быть отнесено, например, к дельтовой области Сырдарьи с не меньшим основанием, чем к Хорезму, тем более что археологические исследования в этом районе [Толстов, 1962] выявили непрерывное развитие культурных комплексов с конца эпохи бронзы и большое количество интересных монументальных памятников.

Л.А.Лелеков отмечал, что «идея „Арийского Простора“, легендарной прародины „арья“ абсолютно неведома древнеиндийской традиции» [Лелеков, 1982, с. 155]. Он считает, что название области Арианам-Вайджа могло появиться в индоиранском мифе лишь на поздних стадиях его «ортодоксальной обработки». Э.Херцфельд считал что это понятие было поздним измышлением вращидского времени [Herzfeld, 1947, с. 699].

В Яштах (см. [Авеста, 1993] — перевод И.Стеблин-Каменского) «Арийский простор» присутствует, наряду с ним здесь появляется Вахви-Датия («Добрая, благая Датия») — река, на которой или вблизи которой расположена область Арианам-Вайджа (Яшт V, 17). У реки Вахви-Датия молятся как бог Ахура-Мазда (Яшт V, 17), так и реальные персонажи: сам пророк Заратуштра (Яшт V, 104; Яшт XVII, 450) и его покровитель Кави Виштаспа (Яшт XVII, 49).

Река «Датия благая» и другая мифическая или реальная река — «воды Ардви» — упомянуты рядом в «Гимне Ахура-Мазде» (Яшт I, 21). Смещение реальных и мифических объектов довольно часто встречается в текстах Авесты, связанных с географической номенклатурой. Представляется, что при переселении (расселении) иранских племен на территории Среднеазиатско-Казахстанского региона они

перенесли на многие реальные географические объекты, особенно игравшие большую роль в их жизни, мифологические понятия и названия, которые сложились у них еще либо в период индоиранской общности, либо на ранних этапах собственного этногенеза. Позднее, в эпоху распространения зороастризма, так произошло на западе Ирана — в Мидии. Именно этим можно объяснить двойственность ряда «географических понятий» в Авесте.

Арианам-Вайджа, с одной стороны, это мифическая прародина древних ариев. А с другой — в представлениях эпохи Ахеменидов и тем более позже это было, очевидно, достаточно широкое, но определенное понятие, относившееся к северным районам Среднеазиатско-Казахстанского региона, области степей, полупустынь и пустынь, где, особенно на севере, свирепствуют зимой холода, а климат — резко континентальный. Возможно, что пределы Арианам-Вайджа в таком понимании доходили до границ Согда (даже в средневековых источниках пустыня между Бухарой и средней Сырдарьей называется Бухарская или Самаркандская степь, а у Арриана это скифская пустыня — IV, 5, 4). Это согласуется и с данными «Малой Авесты» о родине Заратустры — в Арианам-Вайджа за рекой Датия на реке Дареджа [Herzfeld, 1947, т. 1-3; Nyberg, 1938], особенно если учесть, что его учение приняла и какая-то часть туров (Тур, сын Фрияны), живших на острове в стремнине реки Ранхи (Яшт V, 81), которую есть все основания отождествлять с Сырдарьей (см. ниже). Реальная река Датия, обычно отождествляемая с Амударьей, в какой-то части своего течения являлась южной границей области Арианам-Вайджа в узком смысле этого понятия. Если исходить из экологии, это соответствует пространству между Маргианой и Согдом, на западных границах последнего, где пустынные районы простираются до северных границ древней Бактрии.

Расположенные южнее области, упомянутые в фрагменте I «Видевдата», выходят далеко за рамки рассматриваемой нами территории. Любое их отождествление не может быть использовано при изучении Турана и прилегающих к нему территорий, поэтому мы не рассматриваем здесь данные о них.

Сведения о второй великой реке Средней Азии — Сырдарье можно выделить, как нам представляется, из обрамляющих их мифологических представлений о «водах Ардвиги», «Ардвиги полноводной» и т.д. Мы уже отмечали, что воды Ардвиги упоминаются вместе с рекой Датией, это отражает скорее всего реальное, а не мифическое представление иранцев, так как мифическая Ардвиги величиной равна «всем водам, взятым вместе, текущим по земле» (Яшт V, 3), явно не оставляет места в изначальном мифе для еще одной большой реки Вахви-Датии.

К области мифа можно отнести и сведения о том, что «одна протока Ардвиги течет на семь каршваров» (Яшт V, 3), т.е. на весь иранский

мир. Реальной реки, отвечающей этим требованиям, конечно, нет, хотя представление о Сырдарье как о «Длинной» сохранилось в ее наименовании у ал-Хваризми [Калинина, 1988]. Но вместе с тем ряд других характеристик из очень красочного «гимна Ардвисуре», возможно, отражает реальные географические представления: «Ардви полноводная» течет «от высоты Хукарья до моря Ворукаша». Здесь мы сталкиваемся еще с двумя мифическими понятиями: «гора Хукарья» (в мифе означает высочайшую вершину гор Хара, Харати) и «море Ворукаша» («Широко изрезанное», «Имеющее широкие... заливы» — Словарь И.М.Стеблин-Каменского к переводам [Авеста, 1993, с. 200]), которое в иранской мифологии соответствует мировому Океану. Море Ворукаша принято отождествлять с Аральским или Каспийским морем. Но стоит обратить внимание и на такие данные Авесты:

1. Из моря Ворукаша вытекают воды (Яшт VII, 47), что не соответствует географическим реалиям, если иметь в виду Аральское или Каспийское море либо мифический мировой Океан. Но подобная характеристика может относиться к древнему озеру вблизи Арала в месте слияния рек Сырдарья, Сарысу и Чу, гипотезу о котором мы изложили в разделе о палеогеографии (часть I).

2. Ардвн впадает в море Ворукаша «тысячью протоков и тысячью озер» (Яшт V, 3). Это несомненно мифический образ, но он может быть сопоставим с реальной ситуацией вблизи отмеченного озера, куда кроме рек Сырдарья, Сырысу, Чу впадали многочисленные мелкие речки, ручьи и весенние потоки по саям с гор Улутай и северных отрогов Каратау. К северу от этого водоема на небольшом расстоянии за песками Каракум (Приаральских) в современное озеро Шалкар-Тенгиз впадают реки Иргиз и Тургай и ряд мелких речек с гор Улутай. Этот район к северо-востоку от современной дельты Сырдарьи изобилует и небольшими озерами и родниками.

3. С морем Ворукаша связаны многие мифические персонажи — Гопатшах, рыба Кара, осел Хара, дерево Сэна, Хом и Тиштрия, который «восходит из моря Ворукаша» (Яшт VIII, 32), он же обходит все заливы моря и является хранителем «семени вод» (Яшт VII, 46).

На этом водоеме есть довольно реальный объект — гора Усхинда, стоящая посреди моря (Яшт VII, 32). Она может найти соответствия при предлагаемой нами локализации моря Ворукаша на месте Дарьялык-такыра между Сырдарьей и «слепыми» в настоящее время дельтами рек Сарысу и Чу. Так, несколько юго-восточнее современной дельты реки Чу, состоящей из системы озер, выделяется по размерам озеро Соумас(?)—куль, у восточного края его есть возвышенность Иккай. Еще более реален другой объект — гора Сусык-кара, находящаяся у параллели 44°45', к северо-западу от северной оконечности Каратау и к юго-юго-западу от современной «дельты» реки Сарысу. Юж-

нее этой горы, у северных склонов Каратау (ср. горы у озера Ворукаша) есть родники.

4. Вблизи моря Ворукаша жили, очевидно реальные, враги Кави Виштаспы, предводителем которых являлся Арэджатаспа, брат его Вандарманиш обращался к Ардвисуре «у моря Ворукаша» с молитвой даровать ему победу над Заривари и «воинами арийскими» (Яшт V, 116–117). У Арэджатаспы был еще один брат — Хумаяка (Яшт V, 113). Это скорее всего является еще одним свидетельством реальности существования этих персонажей и «моря Ворукаша».

5. Ардви, текущая с гор Хукарья до моря Ворукаша, довольно определенно в реальной географии соответствует Сырларье, берущей начало с высочайших гор региона и впадавшей, очевидно, во время составления «Гимна Ардвисуре» в большое озеро на месте современного Дарьялык-такыра.

6. О реальности существовавшего представления о море Ворукаша к северу от Индии за горами может свидетельствовать и текст поэмы III–IV вв. н.э. на парфянском языке «Драхт асурик» («Ассирийское дерево», 44), где есть, хотя и частично поврежденный, текст: «...с горы на гору идут к большой стране земли, от берегов Инда к озеру Варкаш, к людям различных племен...» [Брагинский, 1956, с. 225].

Вместе с тем к явно мифическим относится текст «Бундахишна» (гл. 13) о том, что «озеро Ворукаша к югу от Альборза занимает треть земли», как и то, что это море является средоточием вод [Брагинский, 1956, с. 102, примеч. 5]. Альборз — горный кряж, окружающий землю по представлениям иранцев («Бундахишн», гл. 5, 3–4, см. [Брагинский, 1956, с. 102]).

В отличие от понятия «воды Ардви», более определенны данные о реке Ранхе в Авесте; возможно, что эти сведения внесены в текст позднее, чем первые. Ранха характеризуется как глубокая и широкая река (Яшт V, 63). Знакомство с реальным объектом обнаруживаем в «Гимне Ардвисуре» (Яшт V, 81), где отмечается остров «в стремнине реки широкой Ранхи», на которой тур Йойшта, сын Фрияны, приносил жертву богине. Упоминается и какая-то рыба, живущая «в водах Ранхи» (Яшт XIV, 29), что тоже не могло быть абстрактным или мифологическим представлением.

Добавим к этому, что в тексте «Гимна Ардвисуре» (Яшт V, 73) упоминаются «туранцы-дану», что, несомненно, отражает представление о туранцах, живущих у реки (дану — авестийская река, см. [ОИЯ, 1979, с. 285]), что согласуется с приведенными выше сведениями 81-й строфы (о туранцах — восточноиранских кочевых племенах см. [Marquart, 1901, с. 155–157; Иностранцев, 1911, с. 303–304 со ссылкой на Григорьева; Nyberg, 1938, с. 250 и сл.; Абаев, 1956]).

И.Стеблин-Каменский отмечает, что «Ранха (Рангха, Раха) родственна древнеиндийскому „раса“ — „сок, влага, жидкость“, русскому

слову „роса“» [Авеста, 1993, с. 202]. В тексте «Гимна Ардвисуре» (Яшт V, 120) говорится:

И четырех ей создал
Ахура жеребцов,
Те кони — Дождь, и Ветер,
И Облако, и Град.
Они ей постоянно
Льют влагу, о Спитама,
Поят ее росой (курсив наш. — Б.В.)
Числом неисчислимым
Ей сыплют снег и град.

Авестийская Ранха сопоставляется и часто отождествляется со скифским названием Волги — Ра (см. [Членова, 1989, с. 225 и сл.], где приведена литература вопроса). Вместе с тем это скорее всего однозначные названия рек.

В Южном Приуралье в средние века бытовал еще один сходный гидроним. С.Г.Агаджанов обратил внимание, что в тексте «Худуд ал-алам» описывается река под названием Рас, отождествляемая В.Минорским с притоком р. Урал — Илеком (см. [Агаджанов, 1969, с. 79], там же ссылки на литературу).

Вряд ли могут быть признаны убедительными и соображения о соотношении только Волги с реальными бобрами и «бобровой» тематикой в «Гимне Ардвисуре» (см. детальный анализ ее в работе Н.Л.Членовой), как и сходных представлений в верованиях финно-угорских народов, приведенные там же [Членова, 1989]. Бобры еще в недавнее время, как это показал С.Г.Агаджанов, анализируя средневековые тексты об огузах, обитали в долине р. Иргиз и, возможно, в Мугоджарах [Агаджанов, 1969, с. 55 и сл.].

Интересно, что, по данным Идриси, высоко ценились и меха обитавших здесь же золотистых лисиц, одежды из которых могли носить только «цари той страны», а вывоз их в другие страны был запрещен [Агаджанов, 1969, с. 55]. Можно вспомнить упоминаемого в «Гимне Хварно» в Авесте (Яшт XIX, 28) «отважного Урупи, что носит лисий мех», который правил во всех семи каршварах и «одолел в сраженьях всех дэвов и людей». По комментарию И.Стеблин-Каменского, это имя (полностью Тахма-Урупи-азинавант, в «Шах-наме» — Тахмурас) означает дословно «отважный, в лисий мех одетый» [Авеста, 1993, с. 203]. Если же учесть значительную обводненность дельтовой области в Восточном Приуралье и обширные тугаи здесь (они существовали даже в современной дельте Сырдарьи, где до 40-х годов XX в. водились тигры — см. [Казахстан, 1970, с. 69]), то есть все основания допустить, что бобровые колонии в древности доходили до Восточного Приуралья и дельты реки Ранхи — Сырдарьи. А соседство с финно-

угорскими народами в этом регионе было не меньшим, чем в Поволжье. Стоит указать, что реликтовые черты культа бобра, которые отражены в Авесте и на которые особо обращают внимание исследователи, отмечены в верованиях прежде всего зауральских финно-угорских народов — хантов и манси [Членова, 1989, с. 235], соседствовавших с племенами Восточного Приаралья (их прежде всего связывала хозяйственная зона летних пастбищ кочевников в междуречье Тобола и Ишима — см. главу 4 части III). Отмеченное исследователями соединение в пермском «зверином стиле» черт медведя и бобра [Членова, 1989, с. 236], может быть, и послужило на базе сходных верований причиной распространения культовых фигур медведя в джетысарской керамике I тыс. н.э., отмечаемое Л.М.Левиной в связи с появлением в Восточном Приаралье угорских племен [Левина, Чижова, 1995; Левина, 1996]. До этого зооморфные изображения в этой культуре отсутствовали.

Среди возражений Н.Л.Членовой сторонникам отождествления авестийской Ранхи с Сырдарьей—Яксартом [Nyberg, 1938, с. 251 и сл.] присутствует и довод о том, что на Сырдарье не бывает сильных морозов [Членова, 1989, с. 228]. Это далеко не так. Любая климатическая карта покажет, что в Нижнем Поволжье и Восточном Приаралье температурный режим сходен, а число дней в году с температурой ниже -10° просто совпадает на территории от района г. Кзыл-Орды до Среднего Поволжья и далее на северо-запад вплоть до района Москвы и Санкт-Петербурга, а Северное Приаралье относится к еще более суровой климатической зоне, где число морозных дней ниже -10°C достигает 120 дней в году, что сопоставимо лишь с территорией вблизи Оренбурга, Самары и далее на север, вплоть до Архангельска. Одинакова и продолжительность снежного покрова в днях: от 60 до 100 в Восточном Приаралье и Нижнем Поволжье.

Все изложенное выше дает основание считать, что вывод Х.Нюберга о том, что культ Ардвисуры связан с Ранхой—Сырдарьей и развивался вне «общины Митры» у кочевых иранских племен (туранцев), обитавших в этом районе, вполне справедлив.

Еще один «географический» сюжет в Авесте представляет интерес для нашего исследования, он связан с «Канхой», страной на востоке иранского мира, по географическому кругозору Авесты. В «Гимне Хварно» при перечислении гор упомянуты «и горы те, что в Канхе» (Яшт XIX, 4). Это согласуется с текстом «Ардвисур-Яшта», где дважды упоминается «проход Хшатросука» в «Канхе пресвятой» (Яшт V, 54 и 57). Из текста следует, что здесь обитали туранцы. В сочетании с упоминавшимися выше данными о туранцах-дану, живших у реки Ранхи, это дает основание для заключения, что территория расселения туранцев (туров) Авесты простиралась от Сырдарьи на восток, где горные массивы расположены в правобережье этой реки. Учитывая

иранскую эпическую традицию, отраженную в «Шах-наме», горы Канхи могут быть отождествлены прежде всего с горной цепью Каратау (о географии «Шах-наме» см. [Птицын, 1947]), протянувшейся на северо-запад от Тянь-Шаня к востоку от среднего течения Сырдарьи и отделяющей ее долину от рек Таласа и Чу. К югу от Каратау протекает в широтном направлении приток Сырдарьи река Арысь. Вершины гор Каратау поднимаются до высоты более 2000 м.

Не совсем ясен эпитет Канхи «пресвятая», так как к «праведным» зороастрийским областям Канха и земля туранцев в целом не относились. Может быть, здесь сохранился какой-то отголосок представлений о Канхе как религиозном центре туранцев, связанном именно с культом Ардвисуры (о Кангюе и его связи с Канхой см. ниже).

В «Гимне Митре» (Яшт X), относящемся, по мнению ряда исследователей, в основном ко времени до проповеди Заратуштры [Брагинский, 1956, с. 193 и сл.; Дьяконов И., 1971, с. 136], наряду с общим понятием «арийских стран» — Арьюшайана — есть еще и перечень стран (хотя, возможно, он и не охватывает их всех) (Яшт X, 14):

...Широкие потоки
Стремят свое течение
И к Ишкате Парутской,
И к Мерву (Моуру), что в Харайве.
И к Гае в Согдиане (Согде),
Или текут в Хорезм.

Подробный анализ этого текста был проведен И.Гершевичем [Gershevitch, 1959].

В последнее время стала популярна точка зрения о том, что авестийская традиция по преимуществу является дрангианской [Дьяконов И., 1971, с. 136 и сл.] и что в этом списке описываются страны в том порядке, как они виделись из Дрангианы. Вместе с тем ряд исследователей считают, что Согд и Хорезм, который единственно и представляет для нас особый интерес в этом перечне в связи с рассматриваемой территорией, интерполированы в этот текст позднее [Christensen, 1943, с. 66 и сл.]. В связи с историей Хорезма и хорасмиев, как она теперь вырисовывается в свете археологических материалов, мы уже отмечали ([Вайнберг, 1992] и соответствующий раздел ниже), что Хорезм как имя области в низовьях Амударьи вряд ли мог появиться ранее эпохи Ахеменидов и что, возможно, еще и в эту эпоху район южных склонов Туркмено-Хорасанских гор рассматривался в связи с Хорезмом как территория расселения хорасмиев.

Сопоставляя списки стран «Видевдата» и «Михр-яшта» И.М.Дьяконов уже высказал, как и многие другие исследователи, возражения по поводу отождествления Арианам-Вайджа и Хорезма [Дьяконов И., 1971, с. 137]. К этому можно только еще раз добавить, что наиболее

суровые климатические условия в Среднеазиатско-Казахстанском регионе существуют в Восточном и Северном Приаралье и они сопоставимы, как мы уже отметили выше, с климатом более северных (северо-западных) районов Восточной Европы. Поэтому только на основании данных Авесты об Арианам-Вайджа как о стране с необыкновенно длинной и суровой зимой нельзя ее отождествлять с Хорезмом. Вместе с тем вряд ли можно согласиться и с мнением И.М.Дьяконова о том, что «в наиболее широком смысле термин „Арьянам Вайджа“ соответствует „Ариане“ греческих авторов времени эллинизма» [Дьяконов И., 1971, с. 137]. При таком подходе полностью игнорируются северные области Средней Азии, заселенные скотоводческими племенами, с территорией которых, как мы видели выше, связана так или иначе и часть авестийских текстов.

При всей туманности авестийских географических реалий можно все же сделать ряд достаточно определенных выводов: понятие «Арианам-Вайджа» не встречается в «Гимне Митре», здесь есть Арьйошайана (arjošayana) — «страна ариев». Представление об Арианам-Вайджа в «Видевдате» не простирается далее границ Согда. Другие тексты «Яштов» не дают оснований распространять территорию Арианам-Вайджа за (южнее) реку Датигу. При отождествлении последней с Амударьей можно сделать заключение о том, что эта река и была границей области Арианам-Вайджа в Арьйошайаной («страной ариев») («Гимна Митре» и, вероятно, «общин Ардвисуры и Митры»). В таком случае явно напрашивается сопоставление с иранской эпической традицией, представленной в «Шах-наме», где Амударья выступает практически изначально с момента раздела территории иранцев между сыновьями Феридуна как граница Турана (владения Тура) и Ирана (владения Иреджа и его наследников) (см. [Фирдоуси, Шах-наме, 1, с. 316, особенно строфы 9950–9960]). При таком сопоставлении объяснимы и все тексты с упоминанием Арианам-Вайджа в Авесте. Согд, как и в «Шах-наме», остается в стороне от Турана, хотя иногда и подчиняется ему. Хорезм же, как и в эпосе, находится на периферии этой территории, нет практически никаких оснований включать его в территорию Турана ни по данным Авесты, ни по традиционным эпическим сказаниям и легендам. Если следовать легендарным сведениям, приведенным ал-Беруни, то Хорезм изначально входил во владения иранских «царей», от эпохи Сиявуша и Кай-Хусрава (Кейхосрова).

Перечень стран «Гимна Митре» очень напоминает представления средневековья, так как он охватывает те области, которые объединились понятием «Хорасан» [Бартольд, 1971, с. 37 и сл., 260 и сл.]. Хорезм, находящийся и в Хорасане и в Мавераннахре, чаще всего относился к Хорасану.

Таким образом, Арианам-Вайджа в конкретном представлении авторов священных текстов предамьяненской поры и позднее должна

была ассоциироваться с территорией скотоводческих племен северо-востока Средней Азии. Туры не занимали всей этой территории (см. ниже), но в какое-то время явно господствовали среди племен этого региона, поэтому понятия Арианам-Вайджа и Туран могли совпадать территориально, но не обязательно по содержанию.

Можно предположить, что в какой-то период на этой территории могли «господствовать» и иные племена кочевников. В ахеменидскую эпоху какое-то объединение племен здесь с центром в древней дельте Сырдарьи возглавляли дахи («саки, которые за Согдом» — см. [Вайнберг, Левина, 1993]), выделенные в особую сатрапию Ахеменидской державы. Позднее, после ухода дахов на юг, на территории северо-востока Среднеазиатско-Казахстанского региона становится известным «владение Кангюй», которое, очевидно, было своего рода наследником древней Канхи туранцев. Какие-то легендарные представления о туранской «династии» Афрасиаба сохранялись в районе средней Сырдарьи, несмотря на «смены» этносов, вплоть до средневековья, что нашло отражение в эпоху Сельджукидов и Караханидов, когда династии этих правителей искусственно возводились к Афрасиабу [Вайнберг, 1973; Вайнберг, 1977]. Вероятно, наиболее древним (или крупным) на территории Арианам-Вайджа было объединение кочевников во главе с турами, что и получило отражение в эпосе и исторической традиции и привело к замене понятия «Арианам-Вайджа» названием «Туран» (см. [Бартольд, 1971, с. 231]).

В науке господствует точка зрения о тождестве туров и саков античной традиции [Абаев, 1956; Литвинский, 1972, с. 156 и сл.]. Вряд ли можно с ней согласиться. «Сака» древнеперсидских надписей и саки античных авторов — понятия гораздо более широкие, чем «тура», так как включают и многие другие племена раннего железного века, например, уже упоминавшихся дахов, к которым древнеперсидские надписи прилагают понятие «сака» (см. соответствующий раздел о дахах в гл. 4 части IV). Кроме того, в «Фарвардин-яште» Авесты туры и дахи упоминаются рядом (Яшт XIII, 143). Скорее всего, собственно саки, соседи Бактрии, по имени которых сначала персы, а затем и греки стали называть кочевников Средней Азии, остались вне поля зрения Авесты, они обитали, вероятно, к востоку от Бактрии в районе верховьев Амударьи и далее на северо-восток до Алая [Литвинский, 1972]. Не знает Авеста и массагетов Восточного Прикаспия, так как они тоже, очевидно, были вне пределов «общины Анахиты». Верования массагетов, как они описаны античными авторами, позволяют довольно уверенно относить их к «общине Митры», а в тексте «Гимна Митре» кочевники явно отсутствуют.

Кочевые племена Среднеазиатско-Казахстанского региона упомянуты в «Фарвардин-яште» (Яшт XIII, 143 и 144), посвященном поминанию душ, умерших праведников. Считается, что этот Яшт близок к

Гатам не только по духу, но и по хронологии [Дьяконов И., 1956, с. 46, примеч. 2], последняя определяется в пределах доахеменидского или начала ахеменидского периода [Брагинский, 1956, с. 193].

В отмеченных строфах есть перечень стран (?) или народов, включающий «арья» (aīryana-), tura-, daha-, saīgīta- и saīna.

Исследованию термина «арья» в связи с этим текстом, посвящена специально работа Л.А. Лелекова [Лелеков, 1982, с. 148 и сл.]. Мы не будем касаться практически существа рассматриваемой там проблемы — о социальном, а не этническом содержании этого понятия. К сожалению, ни сам автор, ни его предшественники, обращавшиеся к этому тексту, не объяснили, почему вместе перечисляются столь разные «объекты» или понятия: «арья», что обозначает, по их мнению, все оседлые народы (области) иранского мира, и в отличие от них отдельные кочевые племена. Представляется, что подобное противоречие либо должно быть объяснено, либо под «арья» автор авестийского текста имел здесь в виду не ариев вообще или Иран [Лелеков, 1982, с. 150], а тоже одно из кочевых племен, известных позднее по Птолемию (VI, 14) в низовьях Сырдарьи под именем ариаков (Ariakai — агуа-ка «арийцы», см. [ОИЯ, 1979, с. 11]). Если принять этот довод, то текст из «Фарвардин-яшта» получается очень логичным и достаточно ясным; он содержит просто перечень областей или племен на северо-востоке Среднеазиатско-Казахстанского региона, в которых надлежит почитать «фразавии» (души умерших) праведников. Названные народы расселились по соседству:

1. Арии (ариаки) в дельте Сырдарьи, согласно Птолемию, были известны еще в начале I тыс. н.э. Скорее всего, это область джетыясарской культуры, очень архаичной по своему облику, она устойчиво существовала на территории древней дельты между руслами Кувандарьи и современным руслом Сырдарьи (см. выше часть I и III, главы о Сырдарье) во второй половине I тыс. до н.э. — I тыс. н.э., а может быть, и ранее.

2. Дахи тоже жили в древней дельте Сырдарьи к западу от ариаков [Вайнберг, Левина, 1993]. Связанные с ними археологические памятники дают основание определять и время расселения дахов на этой территории в пределах VII — начала II в. до н.э. Переселение части их на юг к границам Парфии началось в III в. до н.э. в связи с усыханием русел, на которых они жили, и завершилось ко II в. до н.э., после прекращения обводнения этой части дельтовых протоков. К области оседлых поселений ариаков и дахов примыкала обширная территория их сезонных кочевий, располагавшаяся традиционно, как и в последующие эпохи у кочевников дельтовой области Сырдарьи, в Восточном и Северном Приаралье (см. часть II).

3. Туры — о территории их расселения по данным Авесты мы писали уже ранее. Это среднее течение Сырдарьи и район гор к востоку от

нее (ср. [Herzfeld, 1947, с. 907 и сл.]). Исходя из материалов более позднего времени, можно сделать заключение о том, что здесь была территория оседлых и полубоседлых поселений туран, а их сезонные кочевья могли простирались вплоть до Центрального Казахстана. Археологические памятники на всей этой территории известны, к сожалению, большей частью по разведкам, раскапывались в основном довольно поздние памятники [Археологическая карта Казахстана, 1964]. Ранние памятники, характерные для кочевников Центрального Казахстана, — так называемые курганы с «усами» (грядками), во время маршрута 1966 г. были обнаружены нами и у западных склонов гор Каратау к северу от города Туркестана. Есть на Каратау и группы огромных курганов, резко выделяющиеся среди рядовых памятников.

4. Сайрима — Sairima- (sarima-) — Й.Маркварт и практически все исследователи вслед за ним без дополнительной аргументации отождествляют этот народ с сарматами [Marquart, 1901, с. 155]. Но это отождествление не бесспорно, так как в одном регионе по соседству с названными выше племенами, в Семиречье и на Тянь-Шане до начала II в. до н.э., судя по китайским известиям, жило племя сэ (сай) [Бичурин, II, 190–191, III, указатель], которое современные исследователи называют «саками». Вполне допустимо в sairima- видеть sairi(a)ma-, что сопоставимо с древнеперсидским *arua — a-ran — «обладающий мирными арийцами», или *arua-ra-man — «приносящий арийцам мир (покой)», последнее — имя одного из предков Дария I [ОИЯ, 1979, с. 11]. Племенное название «савроматы», позднее «сарматы», В.И.Абаев возводит к suava «черный», объясняя его как «чернорукие» или «смуглорукие» [ОИЯ, 1979, с. 304–305], но на тех же основаниях можно видеть в sairima- племя sai-ri(a)ma, тем более что иранские языки допускают чередование sai/sya [ОИЯ, 1979, с. 152]. А в sairima можно видеть племенное имя с объяснением, близким к «мирные сай». Может быть, с этой формой племенного названия связаны и два сохранившихся много позднее топонима — *город Сайрам* в Отрарском оазисе на средней Сырдарье и *озеро Сайрам у истоков* реки Или на восточной окраине Семиречья. Оба топонима происходят с территории, где жили сай (сэ).

Если принять изложенные выше доводы, то следует признать, что в «Фарвардин-яште» вместо живших в отдалении от Восточного Приаралья и средней Сырдарьи (место расселения ариаков, дахов и туров) сарматов скорее всего упомянуты жившие по соседству с перечисленными народами сай-сайрима (сайрама). Как уже говорилось, во II в. до н.э. последние были в основном вытеснены с этой территории юечжами и усунями.

Исторические и археологические данные позволяют высказать ряд соображений по поводу возможной хронологии разбираемого фрагмента «Фарвардин-яшта». Судя по археологическим материалам, но-

вые этнические группы стали складываться здесь на рубеже поздней бронзы и раннего железного века (в конце VIII — начале VII в. до н.э.), поэтому логично предположить, что названия племен этого региона не могли появиться ранее этого времени. В ахеменидское время (во всяком случае, в V–IV вв. до н.э.) в Восточном Приаралье существовала ахеменидская сатрапия дахов («саки, которые за Согдом»). Вряд ли все перечисленные выше племена входили в нее. Более или менее определенно это можно предположить в отношении ариаков, проживавших, как и дахи, в древней дельте Сырдарьи.

После падения Ахеменидской империи дахи активно сотрудничают с греками и участвуют в их походах вплоть до Индии, а затем в связи с усыханием дельтовых протоков на их территории постепенно переселяются к северным границам Парфии, куда, возможно, их поселили Селевкиды для защиты территории своего государства от воинственных массагетов Восточного Прикаспия (см. ниже раздел о дахах). Во II в. до н.э. поселения дахов в дельте Сырдарьи были уже полностью заброшены. Уходят на юг из Семиречья в это время и саи, что определяет верхнюю хронологическую границу рассматриваемого текста из «Фарвардин-яшта». Реально подобный перечень племен мог относиться к доахеменидскому времени (VII–VI вв. до н.э.) или к короткому промежутку от разгрома Ахеменидов до конца III — начала II в. до н.э. Последний период нам представляется даже предпочтительнее, так как в объединении в одном перечне племен Восточного Приаралья, средней Сырдарьи и Семиречья можно видеть создававшееся в это время или уже созданное на этой территории «владение Кангюй», о котором мы узнаем как о могущественном объединении народов из китайских источников II в. до н.э. Вместе с тем стоит вспомнить, что в Авесте есть данные о предводителе туров Франграсьяне (Афрасиаб «Шах-наме»), который упорно борется за *фарн* (хварно) «царей арийских стран» (Яшт V и XIX). Согласно эпосу, он даже на некоторое время захватывает «арийские страны».

Афрасиаб по «Шах-наме» — внук легендарного Тура, эпонима племени туров, имя которых в эпической традиции перекрывало имя всех остальных кочевых племен. Может быть, к раннему железному веку, эпохе «легендарной истории» (см. [Вайнберг, Ставиский, 1994, гл. II]), относится образование на северо-востоке Среднеазиатско-Казахстанского региона первого объединения кочевых племен во главе с турами и в «Фарвардин-яште» содержится перечень племен, вошедших в это объединение? Нас интересует сейчас этническая история, поэтому все возможные социальные вопросы мы оставляем в стороне. Несомненно, ахеменидское завоевание дельтового района Сырдарьи разрушило сложившееся ранее объединение племен, но вместе с тем в составе Ахеменидского государства население дельтовой области освоило ирригацию, сырцовую архитектуру, изготовление гончарной посуды и

многое другое, что создало базу для создания позднее Кангюйского государства с центрами в Восточном Приаралье, у северных предгорий Каратау и на средней Сырдарье (см. ниже раздел о Кангюе). Именно при такой ситуации в существовавшем практически до раннего средневековья (в конце III в. н.э. по китайским хроникам еще было посольство из Кангюя) государстве и могла сохраниться традиция возведения правящей «династии» к легендарному Афрасиабу, которая доживает до XI–XII вв. в районе средней Сырдарьи [Вайнберг, 1973].

Есть в «Яштах» еще один этноним — «хьяона» (hyauna-?). В «Гимне Аши» упоминается хьяонский злодей Арэджатаспа (Яшт XVII, 50), а в «Гимне Ардвисуре» и его два брата (Яшт V, 113 и 116), все они — поклонники дэвов и враги Кави Виштаспы (Яшт V, 117).

Довольно близкое знакомство автора текстов с несколькими представителями одного народа и его вражда с Кави Виштаспой дают основание предположить, что они жили на соседних или близких территориях. Э.Херцфельд считал хьяона среднеазиатскими хионитами [Herzfeld, 1947, с. 907], но исследователи не исключают, что имя хионитов — хьона заменило в сасанидское время какое-то другое [Дьяконов И., 1971, с. 144].

Заманчиво было бы предположить, что первоначально здесь могли быть названы собственно «саки» — восточные соседи Бактрии, которые в ахеменидское время играли активную роль в жизни империи. Подобное допущение нам представляется возможным и в связи с тем, что эти «саки», в ахеменидскую эпоху называвшиеся в царских надписях «саки хаумаварга» — «чтящие хаому», совсем не упомянуты в Авесте. А может статься, что «хьяона» — это какая-то часть «саков», живших ближе всего к Бактрии.

Античная география о Средней Азии

Сведения о Средней Азии появляются в античной литературе [Античная география, 1953; Дитмар, 1973; Дитмар, 1980; Ельницкий, 1961] начиная с Гекатея Милетского, современника ахеменидского царя Дария I. Исследователи считают, что часть сведений Гекатея восходит к Скилаку [Куклина, 1985, с. 86, 103]. Предполагается, что знакомство греков с обширными пределами Персидского (Ахеменидского) царства было предпосылкой для составления карты мира Анаксимандром (около 550 г. до н.э.). В не дошедшем до нас «Описании земли» Гекатея Милетского много места было уделено этнографическим сведениям. Геродот был последователем Гекатея и критически использовал некоторые его данные. Он много путешествовал (его биографию см. [Доватур и др., 1982, с. 5 и сл.]), и его труд содержит обширные сведения географического, этнографического и историче-

ского характера о разных областях Ахеменидской империи, куда входили многие области Среднеазиатско-Казахстанского региона. Сведения эти неоднократно изучались и интерпретировались (литературу см. в примечаниях к тексту [Доватур и др., 1982]).

В эпоху Геродота и несколько позже в античной географии появляются элементы природной зональности. Сосуществуют представления о Земле как о диске и шаре. С именами Парменида и Эвдокса Книдского связано научное доказательство шарообразности Земли, последний произвел и некоторые измерения земного шара. В связи с идеями о шарообразности Земли обсуждалась проблема мирового Океана.

В эпоху Аристотеля вопросы физической географии включаются в «метрологию», определяются некоторые меридианы, рассчитывается высота гор.

Большой новый объем географических знаний связан с эпохой завоеваний Александра Македонского. Для Средней Азии это особенно существенно, так как расширило представление о горных системах на юге региона, о реках и их истоках и устьях, но вместе с тем эта эпоха породила ряд заблуждений, которые стали традиционными в античной научной литературе и позднее (прежде всего отождествление Яксарта—Сырдарьи с Танаисом и представления о впадении его в Каспийское море).

Начало собственно научной географии положил Эратосфен (III в. до н.э.), обобщивший накопленные знания. Он считал, что разработка карт — главная задача географии. Литературная география с большой долей этнографии получила развитие в трудах Полибия, Посидония и Страбона. Позже к этому направлению принадлежали Тацит, Аммиан Марцеллин, Прокопий Кесарийский. Труды Эратосфена по определению географических координат на основе астрономических измерений продолжил Гиппарх (II в. до н.э.). Большую роль сыграла карта Агриппы (I в. до н.э.), располагавшего данными Эратосфена. Плиний Старший (I в. до н.э.) использовал сведения из римских итинерариев не только для территории Европы, но и в связи со Средней Азией (несомненно, водный путь по Оксу от Индии в Каспийское море). В его труде «Естественная история» есть оригинальные новые сведения, например, о районах Восточного Прикаспия.

Научному направлению географии были привержены Марин Тирский и Клавдий Птолемей, труды которого были высшим этапом в развитии античной географии (рис. 13), — позднее она пришла в упадок. А наследие Птолемея было сохранено в Византии и стало основой в развитии арабской географии, где его влияние ощущается очень явственно.

Если греки четко знали, что горный пояс пересекает Азию от Кавказа до Индии в широтном направлении (см. [Дитмар, 1980, рис. 2, карта по Демокриту]), то представления о Каспийском море менялись.

Л.А.Ельницкий [Ельницкий, 1961, с. 206] высказал предположение, что они развивались от Гекатея, Геродота и Аристотеля, считавших на основании умозрительных заключений, что это замкнутый бассейн, к мнению, распространившемуся в эпоху эллинизма и основанному на неправильных выводах Патрокла о том, что Каспий — залив «Северного Океана». Начиная с Птолемея (География, V, 97) ученые вновь вернулись к представлению об этом море как о замкнутом водоеме (рис. 13, см. также [Дитмар 1989, с. 37]).

Аральское море, находившееся в стороне от торговых путей и трасс военных походов, осталось неизвестным античным авторам. Дж. Томсон [Томсон, 1953, с. 191] считает, что до византийского посла Земарха ни один западный путешественник не описал этого водоема. Высказывалось мнение, что впервые об Арале писал Ибн Русте (начало X в.) [Берг, 1908, с. 580] или что сведения Аммиана Марцеллина (IV в. н.э.) об Оксийском озере, куда впадают Араксарт (Яксарт?) и Димас, относятся, возможно, к Аральскому морю (История, XX, 6, 59).

Если есть основания считать, что Гекатей и историки похода Александра находились в зависимости от древних ионийских карт, составленных по информации о восточных походах Дария [Heidel, 1937], то уже у Эратосфена и Страбона могли быть по сравнению с ними новые данные, так как в связи с обводнением Узбоя открылся водный путь из Бактрии в Каспий и появились первые сведения о берегах Окса.

Внимание греков привлекали, конечно, и две крупнейшие реки Средней Азии — Амударья и Сырдарья. Амударья у Геродота названа Араксом, при этом он смешал данные об этой реке и Араксе кавказском. К тому же есть упоминание и об Араксе (Волге) в связи с историей скифов. И.В.Пьянков детально анализировал все эти сведения ([Пьянков, 1975]; см. также [Доватур и др., 1982, с. 183–185]). В дополнение можно отметить, что даже Узбой в древности впадал в Каспийское море в отдельные периоды двумя рукавами (Аджаиб и Актам), между которыми находился большой остров, действительно напоминавший, согласно Геродоту, Лесбос размерами и очертаниями (Геродот I, 202). Это современный полуостров Дарджа. Вблизи дельты Узбоя водятся тюлени, здесь даже есть остров Тюлений. Еще в XIX в. они водились и в Аральском море [Эверсман, 1850, ч. II, с. 71], поэтому тюлени не могут быть аргументом в споре о локализации Араксов Геродота. Нам представляются довольно убедительными доводы И.В.Пьянкова в связи с определением маршрута похода Кира II о том, что Аракс массагетов — это Узбой, обводнявшийся периодически уже в VI в. до н.э., а стабильно с V в. до н.э., когда в конце этого века на его берегах появляется постоянное население. Поселения на берегах Келькора в дельте Узбоя, как мы отмечали, датируются тоже с V в. до н.э. Предложенная Я.Харматтой реконструкция текста пятого

столбца Бехистунской надписи [Harmatta, 1979, с. 27], в которой появляется название реки, через которую вблизи моря перешел Дарий, — Арахша, т.е. Аракс, делает сопоставление Аракса массагетов с Узбоем не вызывающим сомнений.

Аристотель (Метеог., I, 13, 15–16) сообщал, что с горы Парнас текут крупнейшие реки Азии — Бактр, Хоасп, Араке, Танаис, впадающий в Меотийское озеро, и Инд. Это представление не очень точно совпадает с реальной географией. Аристотель считал, что от Аракса (вероятно, Окса) отделяется в виде рукава Танаис, текущий в Меотийское озеро. Перекликаются с этим сведения Ктесия (конец V — IV в. до н.э.) о том, что Аракс течет с Парнаса. Один из рукавов Аракса впадает в Каспийское море, а другой обходит Каспий с севера и превращается в Танаис, текущий в Меотиду [Томсен, 1953, с. 131] (о географических воззрениях Ктесия см. [Пьянков, 1975, с. 19 и сл.]). Истоки географических воззрений Аристотеля анализируются И.В.Пьянковым [Пьянков, 1994, с. 20]; Пьянков, 1997].

О Меотийском озере (болотах) постоянно встречаются представления, перенесенные из Европы [Куклина, 1985, с. 133 и сл.], но вряд ли их можно относить к Аральскому морю (см. выше). Только сообщение Страбона о происхождении даев из района Меотиды (см. раздел о давах ниже) может быть связано с Аралом.

Сырдарья была известна в античной литературе под названиями Яксарт, Танаис и Силис [Hertmann, 1914; Кляшторный, 1953; Кляшторный, 1964, с. 74–76, там же литература]. По мнению И.В.Пьянкова, отождествление Сырдарьи — Яксарта с Доном — Танаисом относится к географическим воззрениям эпохи, предшествующей походу Александра Македонского, и восходит к Аристотелю и, возможно, еще к Ктесию [Пьянков, 1975; Пьянков, 1994; Пьянков, 1997]. Аристотель считал Танаис рукавом Аракса (Амударьи).

В более поздней географической литературе это представление не получило отражения. Его вытесняет устойчивое мнение о впадении Яксарта, как и Окса (Амударьи), в Каспийское море (или Скифский залив его). Традиция эта, согласно свидетельствам Арриана, Страбона и Плиния, восходит к данным Аристобула, Патрокла и Эратосфена (Арриан III, 30, 7; Страбон XI, 11, 5 и XI, 6, 1; Плиний VI, 36).

В разделе о палеогеографии мы показали на новых материалах, что сведения античных источников о впадении Окса в Каспий отражают реальную картину, когда часть вод реки по Узбою впадала в это море. В античной литературе вплоть до Аммиана Марцелина сохраняется представление о впадении Амударьи в Каспий.

Заслуживает ли доверия и на чем основано представление античной географии о впадении Яксарта в Каспийское (Гирканское) море? Ответ на этот вопрос, как нам представляется, может дать анализ сведений Патрокла и Эратосфена, приведенных у Страбона и Плиния.

Страбон сообщает: «Согласно Эратосфену, известный грекам путь вокруг этого (Каспийского. — Б.В.) моря вдоль берегов албанцев и кадусиев составляет 5400 стадий; а вдоль берегов анариаков, мардов и гирканов вплоть до устья реки Окса — 4800 стадий, а оттуда до Иаксарта — 2400. Впрочем, сообщения об этой части Азии и о столь отдаленных странах не следует понимать слишком точно, особенно когда речь идет о расстояниях» (Страбон XI, 6, 1). Несмотря на последнее замечание Страбона, постараемся проверить эти сведения.

У Плиния (VI, 36) приводятся со ссылкой тоже на Эратосфена несколько отличные данные: «...с юго-востока по берегу Кадусии и Албании 5300 стадиев; оттуда через земли ариаков, амардов и гирканов до устья реки Зона — 4900 стадиев, отсюда до устья Яксарта — 2400». Разница в расстоянии «по берегу Кадусии и Албании» в 100 стадий (меньше у Плиния) компенсируется увеличением на те же 100 стадий (4900 вместо 4800 у Страбона) до устья реки, именуемой у Плиния Зона вместо Окса. Принципиальных различий сведения Страбона и Плиния не содержат и дают довольно ясное представление о сведениях первоисточника — текста Эратосфена (в дальнейшем мы исходим из данных Страбона).

Попытаемся определить, откуда начинал отсчет расстояний Эратосфен. Об Албании в «Географии» Страбона приведены подробные сведения в книге XI. Северная граница ее определяется по Кавказским горам (Страбон XI, 4, 1); вместе с тем отмечается, что к области албанцев принадлежит и область Каспиана (Страбон XI, 4, 5). Страбон приводит, кроме того, расстояния между рядом пунктов Юго-Западного, Южного и Юго-Восточного Прикаспия, подчеркнутые им у того же Эратосфена. Среди них для нас в данном случае представляет интерес расстояние «от горы Каспия до реки Кира около 1800 стадий» (Страбон XI, 8, 9). Как известно, река Кира — это Кура, в горе Каспия можно видеть тот начальный пункт — северную границу Албании, в которую входила Каспиана, откуда вел отсчеты по побережью моря Эратосфен. Если исходить в расчетах из олимпийского стадия (около 192 м), то гора Каспия расположена в 345–350 км к северу от устья Куры и совпадает по местоположению с Дербентскими воротами. Получив начальную точку отсчета, рассмотрим остальные расстояния.

Согласно Эратосфену, 5400 стадий — около 1040–1050 км — отделяют северную границу Албании от земель анариаков, за которыми следуют марды и гирканы. На таком расстоянии от Дербентских ворот, если следовать по берегу моря, окажется современный Горган — древняя Гиркания. Несомненно, здесь у Эратосфена вкралась ошибка, тем более что между горой Каспия (Дербентом) и рекой Кира (Курой) расстояние на этом же пути указано им точно. Если считать от устья Окса в обратную сторону, то вдоль берегов гирканов, мардов и анариаков будет 4800 стадий, или 920–930 км, что соответствует расстоя-

нию от Красноводского залива, куда впадает Актан — северное устье Узбоя, до юго-западной части побережья Каспия в районе Ардебилля. Отсюда до устья Куры менее 150 км — расстояние, соответствующее приблизительно 600 стадиям, а никак не 3600, которые получаются, если взять разницу между расстояниями от северной границы Албании до земель анариаков и оттуда же до устья Куры. Таким образом, ошибка Эратосфена как будто подтверждается.

Теперь обратимся к последнему отрезку побережья — между устьями Окса и Яксарта. У Страбона и Плиния указано расстояние в 2400 стадий, соответственно — 460–470 км. Вместе с тем тот же Страбон пишет ниже: «Иаксарт, однако, с начала и до конца отличен от Окса и впадает в то же море; устья этих рек, по словам Патрокла, все же отстоят друг от друга приблизительно на 80 парсангов; персидский парсанг одни определяют в 60, а другие в 30 или 40 стадий» (Страбон XI, 11, 5). Возможно, что в тексте Патрокла заключена полевика с Аристотелем, считавшим, что Яксарт впадает в Окс. Если следовать Патроклу, то расстояние в 2400 стадий может получиться только при маловероятном минимальном размере парсанга, максимальный же размер удвоит эту цифру. Во всяком случае, полного совпадения с данными Эратосфена для этого участка побережья мы как будто бы не имеем. Вместе с тем трудно предположить, что при весьма тщательном и детальном описании побережья Каспийского моря у Эратосфена устье Яксарта было им вымышлено.

Поскольку Сырдарья никогда не впадала в Каспий — а все измерения Эратосфена идут только по берегу моря, — постольку исключаются любые измерения от устья Узбоя к Сырдарье, и можно высказать лишь два предположения. Первое — расстояния между устьями Окса и Яксарта относятся к побережью Аральского моря и лишь смещены на Каспий (точка зрения С.П.Толстова). Это подтверждается как будто бы расстояниями между современными дельтами рек. Но у нас нет никаких сведений о существовании протоков современных дельт в античности. Работы Хорезмской экспедиции в низовьях Сырдарьи определенно указывают, что в древности современного русла этой реки в нижнем течении еще не было.

Второе — античные географы совмещали неизвестное им устье Яксарта — Сырдарья, вероятно, с какой-то рекой, впадающей в Каспий, или заливом последнего. В разделе о восточном побережье Каспия мы рассмотрели последний вариант, теперь же обратимся к другому.

На расстоянии 460–470 км к северу от устья Узбоя на восточном побережье Каспия нет ни одной, даже маленькой речки. Ближайшей рекой является Эмба. Если считать по прямой, то от Красноводского залива до устья Эмбы — 700 км, если же идти по берегу моря, огибая Кара-Богаз-гол с востока и следуя вдоль побережья Мангышлака и полуострова Бузачи, то получится немногим более 1000 км. Если

вспомнить, что при описании юго-западного побережья Каспия Эратосфен ошибся на 3000 стадий, то нет ничего удивительного, что до устья следующей за Оксом (Узбоем) реки, которую он, как мы допускаем, принимал за Яксарт, он также указал ошибочное расстояние, на сей раз ошибка совпала (но в обратную сторону) — приблизительно на 3000 стадий меньше. В связи с этим можно предположить, что в тексте Эратосфена произошла перестановка двух расстояний вдоль Каспийского побережья.

Если исходить из реальной, четко локализуемой географии юго-западного побережья моря, путь вдоль берегов албанцев и кадусиев должен был равняться 2400 стадиям, указанным для расстояния между устьями Окса и Яксарта, а расстояние между устьями среднеазиатских рек должно было измениться, составив 5400 стадий, отмеченных для первого участка пути. При такой перестановке цифр все расстояния будут отвечать реальной географии побережья от Дербента до устья Узбоя, а устье Яксарта Эратосфена совпадает с Эмбой. Данные Патрокла как будто бы этому не противоречат, так как при исчислении парсаंगा в 60 стадий расстояние между Оксом и Яксартом по Патроклу должно составлять 4800 стадий. Разница с данными Эратосфена получается немногим более 100 км. Для столь отдаленных земель это вполне объяснимое расхождение (отметим еще, что в тексте расстояние указано «приблизительно»).

Совмещение Эмбы с Яксартом в свете всех представлений античной географии о восточных, северо-восточных и северных районах Средней Азии, населенных кочевыми племенами, вполне объяснимо. Для Страбона Яксарт — «самая северная из всех этих (Ох, Окс. — Б.В.) рек» (Страбон XI, 7, 4), она отделяет саков от согдийцев (Страбон XI, 8, 8). Плиний отмечает, что за Яксартом (Силисом, Танаисом) живут скифские народы, которым персы дали название саков по ближайшему народу (Плиний VI, 49, 50). Именно в связи с приведенными им сведениями о кочевниках Средней Азии Плиний замечает: «...в отношении других областей (кроме перечисленных им. — Б.В.) между писателями большое несогласие, думаю, по той причине, что племена, их населяющие, неисчислимы и ведут кочевую жизнь» (Плиний VI, 50). Описывая Каспийское море, Арриан отмечает: «...пройдя через землю скифов, впадает в это море Яксарт» (Арриан VII, 16, 3).

Район Эмбы традиционно был местом расселения (судя по данным этнографии, чаще всего — местом летовок) кочевых среднеазиатских племен. К югу помещались, согласно тому же Страбону, массагеты (Страбон XI, 8, 6, 8).

На протяжении около 150 км от устья русло Эмбы идет в широтном направлении, что, вероятно, не противоречило представлению греков о течении Яксарта в низовьях.

В связи с предполагаемым нами отождествлением низовьев Яксарта с Эмбой интересны географические координаты каспийских устьев Окса и Яксарта у Птолемея. На птолемеевской карте Азии устья Амударьи (Окса) и Сырдарьи (Яксарта) по широте соответствуют устьям Узбоя и Эмбы (рис. 13). Соотношение между ними соблюдено.

Совмещение низовьев Яксарта—Танаиса с Эмбой значительно приближало его к Европе и несомненно способствовало распространению в античной литературе ложного представления о тождестве Яксарта—Танаиса и Дона—Танаиса, отделявшего, по мнению древних, Европу от Азии.

Воссозданная палеогеографическая картина обводнения дельтовых областей Амударьи и Сырдарьи, получившая надежную датировку по археологическим материалам, позволяет признать, что, как правило, письменные источники античной поры довольно точно отражают реальную географию Окса—Амударьи, что же касается Яксарта—Танаиса—Сырдарьи, то искаженная картина о дельтовой области этой реки связана не только с переносом на Яксарт представлений о европейском Танаисе, а может быть объяснена тем, что как в ахеменидскую эпоху, так и позже этот район с очень изменчивым и сложным режимом обводнения не был доступен практически для путешествий «иностранцев». Более или менее реальные сведения о нем могли поступать начиная с эпохи Александра, когда в его войске появились дахи из дельтовой области этой реки. Но дахи не были тогда еще детально знакомы с Каспийским морем и Узбоем, и их информация о впадении Окса и Яксарта в одно и то же море (Арал) и параллельности течения этих рек могла породить заблуждения о впадении Яксарта, как и Окса, в Каспий. Следует подчеркнуть, что часть вод Амударьи в античности изливалась в Аральское море по руслу Северной Акчадарьинской (до III—II вв. до н.э.) и Приаральской дельт (с V в. до н.э. бесспорно). Этот район был соседним с территорией дахов в дельте Сырдарьи, и, конечно, обводнение его для них было аксиомой.

Сведения о реке Ох и ее соотношении с Оксом в античных источниках довольно противоречивы. Это осознал и Страбон, отметивший, что через Гирканию протекают реки Ох и Окс «до впадения в море. Из этих рек Ох течет также через Нессю, но по словам некоторых, Ох впадает в Окс» (Страбон VII, 3; XI, 11, 5); он же отмечает, что Ох и Окс текут с индийских гор (Страбон XI, 7, 4). Отождествление реки Ох с Араксом, предложенное А.Херманом [Hermann, 1914, с. 34], исходит из сообщения в источниках о двух устьях рек. Совмещение же Оха и Окса [в его нижнем течении (Узбой)] опирается на описание масляных источников у Оха (Страбон XI, 11, 5), которые сопоставляются, как правило, с челекенскими нефтяными и масляными выходами вблизи Красноводского залива [Берг, 1956, с. 69] (этот вывод повторяется и многими другими исследователями). Согласно же Арриа-

ну (IV, 15, 7), когда Александр стоял лагерем возле Окса, то, неподалеку от его палатки забили источники воды и масляный. Эти сведения территориально не связаны с восточным побережьем Каспия. Эти же сведения повторяет и Квинт Курций Руф (VII, 10, 15). По описанию маршрута похода у него за стоянкой на этом месте следуют переправы через реки Ох и Окс.

Исходя из маршрута похода Александра, можно привести некоторые сведения о природных данных района возможных «масляных» источников.

Согласно современной экономической карте Афганистана [Справочная карта Афганистана, 1978], на его территории есть только одно месторождение нефти в районе Сари-Пуль к востоку от г. Шиберган. Горючие газы добывают на северо-восток от района Шибергана. Это долина реки Дарьяйи-Сафед (Белая река), примерно в 100 км от современного русла Амударьи. Современная дорога от Сари-Пуля к Амударье (Оксу) идет через Шиберган, Акчу к переправе у Каука (к западу от Кугитанга). Следовательно, стоянка Александра с бьющими источниками может быть довольно точно локализована.

Согласно Плинию (XXXI, 7(74–75)), в Бактрии два озера осаждают соль, одно обращено к скифам, другое — к ариям. Кроме того, есть указание, что реки Ох и Окс несут с горы куски соли. Согласно той же экономической карте Афганистана, добыча поваренной соли ведется только на севере страны: в районе Андхой у реки Ширин-тагао, где находится соленое озеро [Бартольд, 1971, с. 58], в районе Талукана (в сторону Кундуза) и в округе Саманган, к северо-западу от г. Айбака и к юго-востоку от Балха. Все эти данные как будто бы опять «привязывают» реку Ох письменных источников к районам Северного Афганистана в его северо-западной части.

В связи с данными Страбона о том, что Ох и Окс протекают через Гирканию, что неверно из-за упоминания в этом контексте Окса, следует обратить внимание на то, что у того же Страбона в другом месте (Страбон XI, 8, 1) за перечислением народов с запада на восток после парфян, маргианцев и ариев говорится, что «далее простирается пустыня, отделенная от Гиркании рекой Сарнием (*если идти на восток к реке Оху*) (курсив наш. — Б.В.)». После этого отмечается гора, которая простирается до этого места. Явно здесь не мог подразумеваться Атрек. В этом сообщении под Охом могла скрываться лишь река бассейна Амударьи в ее левобережье. Совмещение приведенных выше и здесь данных заставляет предположить, что реально Ох в античных источниках должен был соответствовать, вероятно, одной из двух рек, протекавших через Андхой или Шиберган, но скорее всего не Балхабу, расположенному еще восточнее (ср. точку зрения Дж.Р.Гардинера-Гардена и И.В.Пьянкова — см. [Пьянков, 1994, с. 204]). Исследования Советско-Афганской экспедиции в районе Шибергана-Акчи показали,

что древние дельты этих рек уходят далеко в пустыню, изобилующую археологическими памятниками разных эпох. Только изучение палеогеографии этого района поможет окончательно решить вопрос о впадении их в Амударью в античности, возможно, это происходило в период паводков. Скорее всего, это предположение можно отнести к Дарьйи-Сафед, так как Ширин-тагао должна была изливаться в русло Келифского Узбоя. Река Дарьйи-Сафед берет начало в горах Банди-Туркестан системы Паропамиза. Два ее истока — реки Сари-Пуль и Кацан сливаются близ г. Сари-Пуль и почти сразу же разделяются на два рукава, между которыми в современной дельтовой области расположен г. Шиберган. От него дорога расходится в разные стороны — на северо-запад к Андхою и потом на юг к Меймене-Баламургабу и Герату и на северо-восток к Акче и переправе через Амударью.

Карта Птолемея подтверждает приведенную нами локализацию Оха (см.: Птолемей VI, 9, 10 и сл., VI, 11, 2 — координаты рек и населенных пунктов).

Появление названия Ох в других районах юга Средней Азии может быть, как показал И.М.Стеблин-Каменский [Стеблин-Каменский, 1978, с. 72–74], объяснено тем, что Ох = vahvi означает «добрая, благодарная» — название, приложимое к довольно многим рекам региона. В этой связи, может быть, не случайно название Ох или Ог сохранилось в топонимике в районе древней дельты Узбоя–Окса на северном берегу Краснодарского залива ([Берг, 1956, с. 69 и сл.], там приведена и подборка описаний этих мест моряками — с. 76, 84, 90, 94, 111).

Весьма вероятно, что название реки Дарьйи-Сафед (Белая река) отражает античное название Ох. На основании отождествления названий Ох (иранское) и Окс (греческое) можно воспринимать сведения Плиния (VI, 48) о том, что Бактрию с севера ограничивает Ох.

Не только в древности, но и в средние века о притоках больших рек довольно часто пишется как о впадающих в море (о притоках Сырдарьи — Чирчике, Шаше — как впадающих в море см. [Агаджанов, 1969, с. 65–66]), так же могли появиться сведения об Охе и Оксе, впадающих в море.

*Общие географические сведения
о северных областях Средней Азии
в китайских хрониках*

Китайцы познакомились с южными областями Средней Азии во II в. до н.э. через первого «посла» Китайской империи «на запад» (время императора У-ди, 140–86 гг. до н.э.) Чжан Цяня. Со II — начала I в. до н.э. китайские исторические хроники сообщают сведения о среднеазиатских владениях и народах. В них переплетаются офици-

альные донесения, рассказы участников походов китайских войск в Фергану, сведения, полученные от торговцев и «посольств» соседних или удаленных от Китая владений. В более поздние хроники включаются сведения из более ранних. Например, в «Истории Поздней [династии] Хань» («Хоу Хань шу»), написанной в первой половине V в. н.э. Фань Хуа (Фань Е), использованы в основном источники II в. н.э. Учитывая, что на севере и западе Китай граничил с «владениями» кочевых племен, которые периодически распадались, а население их уходило в другие районы, подобная «модернизация» исторических данных часто порождает путаницу. Совмещались сведения о совершенно разных областях по каким-то частным признакам (ср. Кангюй и Кан, см. [Вайнберг, 1972]). Географических ориентиров в китайских хрониках, относящихся к исследуемому нами региону, очень немного. Представление о них дают «Карты Западного края (Центральной и Средней Азии) при последовательных династиях от Хань до Тан» (Из сочинения Циньдин-Хуаньюй-сиюй-гучжи, цзюань 3), подобранные А.Н.Бернштамом (см. [Бичурин III, с. 315 и сл.]).

На карте, относящейся к эпохе династии Ранняя Хань (Цянь Хань) (III в. до н.э. — I в. н.э.) на востоке (вернее, юго-востоке) Среднеазиатско-Казахстанского региона есть четкие гидрографические ориентиры. Для нас представляет интерес река Чу, вытекающая из оз. Иссык-куль, что близко к реальной ситуации, и впадающая в озеро, на северном берегу которого отмечены пять малых «ванов» Кангюя, а земли Кангюя показаны еще и севернее (даже северо-восточнее). Интересно, что карта не знает не только Аральского моря, но и реки Сырдарья.

При династии Поздняя Хань (Хоу Хань) (с I—II вв. н.э.) объем географических сведений еще сокращается. На карте нет уже ни Чу, ни вообще среднеазиатских районов, отмечена только восточная граница Кангюя к востоку от озера Балхаш.

В период Саньго (Троецарствия; V в.) сохраняются представления о Кангюе, его граница на востоке обозначена в районе между озерами Балхаш и Алаколь. На западе Кангюя отмечено озеро с впадающей (?) в него с юго-запада рекой, а севернее за горами помещено «отдельное государство „Северного Уи“». На восточной границе Кангюя вместо хуннов уже отмечены сяньби. Позднее и эти сведения постепенно исчезают.

Мы привели этот краткий обзор, чтобы показать, насколько осторожно нужно относиться к сведениям китайских хроник при реконструкции событий на территории Средней Азии и Казахстана. При этом следует обратить внимание на то, что многие названия владений в китайских хрониках не несут этнической информации.

Арабская география развивалась по двум направлениям — утилитарному и теоретическому. Сочинения первого содержали сведения о землях Арабского халифата и соседних территориях. Они служили практическим потребностям административного, налогового, торгового и других ведомств государства. Возникшая в конце VIII — начале IX в. арабская теоретическая география была связана с математикой и астрономией. Она базировалась на достижениях древнегреческой, иранской и индийской науки [Крачковский, 1958]. Особенно сильным было влияние Птолемея, переработки которого есть в ряде трудов географов халифата. Это относится, в частности, и к Мухаммаду ибн Мусе ал-Хваризми и его последователям. Сочинение ал-Хваризми (работал в 30-х годах IX в.) — это непосредственная переработка «географического руководства» Клавдия Птолемея на основе современных ал-Хваризми данных. Изменены координаты, часть названий, структура труда Птолемея (рис. 14).

Ал-Хваризми принадлежит самое раннее из сохранившихся арабское географическое сочинение «Книга картины земли», которое было создано между 836 и 847 гг. [Калинина, 1988, с. 12]. Таблицы в нем, вероятно, служили руководством к картам [Калинина, 1988, с. 13]. Автор X в. Сухраб переписал труд ал-Хваризми, добавив к нему свои сведения. Существует большая литература, в которой исследовалось географическое сочинение ал-Хваризми [Калинина, 1988] и было доказано, что для территорий Средней Азии и Закавказья автор привел значительное количество данных, отсутствующих у Птолемея. Довольно подробно описывает автор торговый путь из Багдада через Рей в Тараз — «город купцов». Издатель русского перевода текста Т.М.Калинина высказывает недоумение по поводу одного из новых пунктов у ал-Хваризми — «городе хазар» в районе к востоку от средней Сырдарьи и считает, что эти сведения не отражают реальность, а скорее всего появились в связи с теоретическими соображениями [Калинина, 1988, с. 17–18].

Мы провели исследование этого текста в разделе о хазарах, сопоставили его с более поздними независимыми источниками, что дало основание признать сведения ал-Хваризми и его последователей реальными. Они представляют огромный интерес в силу своей уникальности и большой значимости для изучения не только истории хазар, но в сочетании с другими материалами и для реконструкции ранних этапов тюркизации восточных районов Среднеазиатско-Казахстанского региона.

Т.М.Калинина по данным ал-Хваризми составила карту, где сведения по географии Средней Азии довольно значительно отличаются от

птолемеевских, хотя еще далеки от действительной картины (рис. 14). Прежде всего это относится к рекам и морям. Обе основные реки Средней Азии, Амударья (река Балха) и Сырдарья (река Длинная), впадают в озеро Балха, которое, вероятно, соответствует Аральскому морю, но расположено оно много южнее. «Отделившееся» от Каспийского моря (моря Хорезма), оно еще расположено на ничтожном удалении от Каспия (и к юго-востоку от него). Устья рек очень сближены на восточном участке берега моря (зависимость от Птолемея?), само течение рек далеко от реального. Горы на карте следуют птолемеевским, но «река Балха» берет истоки в «Согдийских горах». Несмотря на сильные искажения реальности, карта ал-Хваризми была значительным шагом вперед по сравнению с Птолемеем.

Ал-Беруни [Беруни, 1973, с. 465 и сл.], очевидно, в значительной мере следовал данным ал-Хваризми, но его реконструируемая по координатам карта (см. рис. 15) еще больше приближается к реальной картине, хотя устье Сырдарьи на ней находится на северо-запад от Ургенча, между ним и Мангышлаком, а Аральское море практически расположено в Междуречье, так как Сырдарья огибает его с севера. Перешеек между морями тоже еще весьма невелик. К сожалению, эти сведения ранних арабских (среднеазиатских по происхождению) географов до XVIII в. оставались неизвестны европейской науке, где бытовало традиционное представление, восходящее к Птолемею, о впадении Окса и Яксарта в Каспий.

ГЛАВА 2

Восточный Прикаспий

Среди народов, связываемых с этой территорией в источниках, прежде всего выделяются массагеты (см. [Доватур и др., 1982, с. 181 и сл., где приведена основная литература; Пьянков, 1964; Пьянков, 1975]). Их необычайная известность скорее всего объяснялась тем, что во время войны с ними погиб ахеменидский царь Кир. Кроме того, Геродот сообщил (Геродот IV, 11, 1; ср. Страбон XI, 8, 6–7), что массагеты и исседоны некогда вытеснили скифов за Аракс, после чего они появились в поле зрения греков и переднеазиатских народов. Мы не будем касаться подробной характеристики образа жизни, обычаев массагетов, для нас важно выяснить территорию их расселения.

По данным Геродота (I, 201, 204), Страбона (XI, 8, 6–7) и ряда других древних авторов, массагеты жили к востоку от Каспийского (Гирканского) моря за древним Оксом (Араксом), впадавшим одним из своих рукавов в это море [Пьянков, 1964; Пьянков, 1975]. Отсутст-

вие в прошлом археологических данных об обводнении Узбоя вызывало у ряда исследователей (например, С.П.Толстов, В.В.Струве) недоверие к данным письменных источников и заставляло их локализовать массагетов в более восточных районах, к востоку от современного русла Амударьи (сводку мнений исследователей о локализации саков и массагетов см. [Литвинский, 1972, с. 158 и сл.]). Полученные в 70–80-х годах многочисленные археологические материалы с Узбоя (как памятники скотоводов, так и материалы с парфянской крепости Игды-кала, датируемой от II–I вв. до н.э. до IV в. н.э.) позволяют отнести с полным доверием к сведениям письменных источников об обводнении Узбоя в античности, а соответственно и к данным о расселении массагетов на Заузбойском плато.

В период похода Кира на массагетов (VI в. до н.э.) владения последних находились только за рекой (Геродот I, 204–216), что согласуется с археологическими материалами, которые показывают, что заселение берегов Узбоя начинается не ранее конца V в. до н.э. Возможно, что в VI–V вв. до н.э. регулярный сток по руслу только формировался, так как начало стока Амударьи в Присарыкамьшскую дельту и соответственно заполнение Сарыкамьшской впадины датируется VII в. до н.э.

Есть все основания связывать поход Дария на саков-тиграхауда («острошалочных») с массагетами. Предложенная Я.Хармагтой реконструкция текста пятого столбца Бехистунской надписи [Harmatta, 1979], где повествуется об этом походе, содержит название реки Арахша — Аракса Геродота, которую есть все основания отождествлять с Узбоем (см. выше), впадавшим в Каспийское море. В описании маршрута похода Дария отмечается прибытие к морю и переправа через реку Арахша. Исходя из конкретной географической картины, с которой автор настоящей работы неоднократно мог ознакомиться на месте, эти два момента похода не могли быть соединены в одном пункте. Дельта Узбоя у моря занимала большое обводненное пространство, включавшее проток Аджайб, впадавший в Туркменский залив (южнее Красноводского), большое озеро-лиман (современный солончак Келькор, или Баба-ходжа), а временами — при уровне моря ниже –22–23 м — и русло протока Актам, впадавшего в Красноводский (Балханский) залив. Актам и Аджайб вытекали из озера на месте Келькора, куда вливались воды Узбоя, пройдя по коридору между горами Большой и Малый Балхан. Переправа через реку могла происходить только к востоку от гор, так как к западу от них было обширное водное пространство или топи.

Восточнее гор находился довольно порожистый участок древней реки, на правом берегу ее в этом месте расположен массив песков Чильмамедкум. Вряд ли войско Дария могло выбрать этот малопривлекательный для переправы и движения участок реки. Переправляться че-

рез Узбой удобнее всего было на пространстве к востоку от песков в районе Кемальской ложбины, по которой беспрепятственно можно продвигаться к северу.

Если анализировать не только маршрут Дария, но и Кира (см. [Пьянков, 1964]), то следует отметить, что наиболее удобным было движение вдоль моря или от западных отрогов Туркмено-Хорасанских гор (Кюрендага), куда можно подойти по равнине к северу от Гиркании (от моря или по дорогам вдали от него). Оттуда через район современного г. Казанджика проходит самая короткая и «несложная» дорога к Узбою, выводящая к упомянутой выше Кемальской ложбине к западу от возвышенности Текеджик (+485 м). Восточнее для переправы пригодна значительная часть побережья древней реки. От нее своеобразные долины между идущими почти параллельно с юго-востока на северо-запад возвышенностями выводят к району современных колодцев и поселка Чагыл — одного из центров местных скотоводов. Именно на этом участке до возвышенности Чолинкыр на правом берегу Узбоя и были обнаружены крепости-убежища местных скотоводов, сооруженные в древности и средневековье.

Начиная с IV в. до н.э. до IV в. н.э. наблюдается стабильное размещение памятников вблизи реки и вместе с тем постепенное развитие в этот период культуры, к которой все они принадлежат. Аналогичные памятники открыты и на Устюрте. Поэтому представляется неверным предположение о том, что дахи (даи) вытеснили массагетов с их территории между Каспием и Амударьей [Пьянков, 1975, с. 68]. По данным Страбона (XI, 8, 2), даи обитают вблизи Каспийского моря отдельно от массагетов. Археологические материалы из низовьев Сырдарьи, которые с известными основаниями могут быть связаны с дахами (см. часть III, главу 4), не обнаруживают никакого сходства с узбойскими материалами. Скорее всего, памятники даев в Туркменистане еще ждут своего открытия; они могут находиться у северной границы подгорной полосы Копетдага от Каспийского моря вплоть до Амударьи, так как, по данным Помпония Мелы (III, 42), Окс, первоначально текущий с востока на запад, «впервые» поворачивает на север «вблизи дагов».

Подобную локализацию массагетов еще до археологических работ предлагал А.Херманн [Herrmann, 1914, с. 8; Herrmann, 1930, с. 2125]. В комментариях к тексту Геродота [Доватур и др., 1982, с. 182–183] тщательно собрана вся литература, связанная с сопоставлениями археологических памятников и локализацией массагетов. Поскольку все эти заключения сделаны до открытия и изучения памятников Восточного Прикаспия (см. часть III, глава 2), то вывод комментаторов о том, что на начало 80-х годов точная локализация массагетов по археологическим материалам не может быть предложена в окончательном виде [Доватур и др., 1982, с. 185], можно считать оправданным.

В археологической литературе даже появился термин «сако-массагетские племена», хотя Геродот, бесспорно, отличал саков от массагетов. Сейчас, после открытия большого количества новых однотипных археологических памятников на территории от Узбоя до северного Устюрта, можно уже довольно определенно, по археологическим материалам, говорить о территории массагетов, отвечающей данным письменных источников.

Описание массагетов у Страбона (XI, 8, 6), по исследованию И.В.Пьянкова [Пьянков, 1975], не зависит от данных Гекатея и почти целиком следует Геродоту, частично искажая его рассказ. Новые детали у Страбона, возможно, восходят к Эвдоксу Родосскому и относятся к эллинистической эпохе. Не исключено, что сведения Геродота о массагетах Страбон получил через Гелланика (ср. [Gardiner-Garden, 1987, с. 4 и сл.], а также точку зрения А.Хермана, Ю.Юнге, С.П.Толстова и др. о том, что данные Страбона восходят к Гекатею, — литература в указанной работе И.В.Пьянкова).

По мере знакомства древних авторов с народами Средней Азии в их сочинениях начинают появляться имена отдельных массагетских племен.

Так, *дербики* (дербии, дирбеи) у Ктесия фигурируют в качестве противников Кира вместо массагетов [Пьянков, 1964; Пьянков, 1975, с. 89–91]. Теперь И.В.Пьянков не склонен видеть в дирбеях вариант названия дербиков [Пьянков, 1994, с. 200]. М.А.Дандамаев [Дандамаев, 1963, с. 116] считает, что это расхождение объясняется тем, что дербики были частью большого и могущественного массагетского союза племен. Это подтверждается данными Квинта Курция Руфа при описании подготовки войска Дария к сражениям с Александром Македонским. По его данным (Квинт Курций Руф III, 2, 7), дербики снарядили в лагерь Дария у Вавилона 40 тысяч пехотинцев и 2 тысячи всадников. Даже если учесть, что сведения эти преувеличены, можно отметить, что после персов и мидийцев это было наиболее крупное воинское соединение в ахеменидской армии. В другом месте 2 тысячи всадников, бесспорно тех же дербиков, Квинт Курций называет массагетами (Квинт Курций Руф IV, XII, 6).

У Страбона данные о дербиках не смешиваются с описанием массагетов и их обычаев (например, XI, 8, 8; XI, 11, 8), что характерно и для многих других античных авторов. У Плиния (NH VI, 48) по сравнению с другими авторами, помещающими дербиков у восточного берега Каспия, есть существенное уточнение по поводу их местообитания: «...дребики (по мнению В.В.Латышева — то же, что дербики (дербаки) Страбона (XI, 8, 8), Курция (III, 2) и Мелы (III, 39) — ВДИ. 1949, № 2, с. 305, примеч.), местность которых *пересекает* (выделено мною. — Б.В.) река Окс, вытекающая из озера Оакса (Оахо)». Если с последним озером отождествлять огромное Сарыкамышское озеро, то

территория расселения дербиков совпадает с основными памятниками на Узбое по верхнему и среднему его течению. И.В.Пьянков на одной из конференций при обсуждении нашего с Х.Юсуповым доклада отметил, что точнее будет перевод текста Плиния: «река протекает через озеро Оакса». Это полностью соответствует гидрографической ситуации: русла Амударьи впадают в Сарыкамыш и из него вытекает Узбой.

У устья каспийского рукава Окса Помпоний Мела отмечает песиков (Помпоний Мела III, 42) и дербиков вместе. У Плиния (NH VI, 50) в перечне скифских народов в Средней Азии встречаются пестики, которых В.Н.Латышев [Латышев, 1949, с. 248–285] считал возможным отождествлять с апасиаками Страбона (XI, 8, 8) и пасикаями Птолемея (География, VI, 12, 4). Птолемей помещает пасикаев вдоль Оксийских гор, расположенных между устьями Окса и Яксарта, вблизи их впадения в Каспийское море. Если предположить, что за устьем Яксарта древние авторы и их информаторы принимали современный Комсомольский залив (либо Мертвый Култук) к северу от полуострова Бузачи или реку Эмбу, то под Оксийскими горами Птолемея нужно видеть систему гор и возвышенностей от Большого Балхана на юге до Мангышлака на севере. При плавании по Оксу от верховьев до Каспия на всем протяжении его от Бактрии (от современного г. Керки, например) и ниже у берега реки нет ни одной горной системы, кроме Большого Балхана (высота 1880 м), которому предшествуют (при плавании по течению) возвышенности Чолинкыр и Текеджик высотой до 400 с лишним метров на правом берегу (Султануиздаг в правобережном Хорезме имеет ту же высоту). Поэтому нам представляется правомерным отождествление прежде всего Большого Балхана и Прибалханья с Оксийскими горами Птолемея. Тогда группа западных памятников массагетов, еще недостаточно выявленная археологически, может быть отнесена к апасиакам. Это согласуется с данными Полибия (X, 48, 1) о том, что апасиаки живут между Оксом и Танаисом и что, переправляясь через Окс, они ходили походами на Гирканию.

У Страбона (XI, 8, 8) апасиаки упомянуты без точной локализации. Он отмечал, что «Арсак, спасаясь бегством от Селевка Каллиника, удалился в страну апасиаков». Это объясняется близостью северных пределов Парфии и нижнего Узбоя–Балхан, где расселились апасиаки.

Эвдокс (III в. до н.э.), согласно тексту Страбона (XI, 7, 5), сообщал о водопадах на побережье Гирканского моря. У него говорится о низвергающихся с обрывов реках.

Полибий (X, 48) излагает подробности о походах кочевников-апасиаков в Гирканию и как они проходили туда «сухим путем» на лошадях. Он приводит два рассказа об этом, один из которых считает невероятным, хотя и не невозможным; в последнем сообщается, что поток вод реки низвергается с силой со скал, а «апасиаки проходят со свои-

ми конями в Гирканию по этому месту, у самой скалы, под низвергающимися потоками воды». Интересно, что именно этот кажущийся фантастическим рассказ полностью может быть объяснен природными условиями Узбоя. Изобилующая порогами большая часть его русла к востоку от Балхан отвечала приведенному описанию. Но ряд порогов нужно исключить из этого числа. Куртышский водопад низвергался в глубокий водоворот; Верхнеигдинский водопад вопреки точке зрения И.Пьянкова не мог таким образом использоваться, так как в отличие от остальных порогов камни в нем были смещены не в горизонтальной плоскости, а торчат и сейчас вертикально. Очень хорошо сохранился Нижнеигдинский водопад (около 7 м), где верхние плиты и сейчас нависают карнизом, под которым спокойно можно пройти. Аналогичными водопадами изобиловал Аджаибско-Бургунский участок русла, расположенный поблизости от Балхан, места расселения апасиаков.

Если признать убедительной предложенную локализацию этих двух массагетских племен, то, вероятно, Ичанлыдепе можно рассматривать как племенное святилище дербиков, а Гарраулдепе — апасиаков.

Геродот (I, 201) отметил, что массагеты обитают по ту сторону реки Аракс, напротив исседонов (IV, 26, 2). Использовать эти сведения довольно сложно, так как локализация исседонов весьма неопределенна (см. [Доватур и др., 1982, с. 253 и сл.]), скорее данные о расселении массагетов могут помочь в разъяснении вопроса об исседонах.

В связи с этим представляется достаточно правдоподобной локализация последних в Южном Приуралье, в зоне распространения памятников приуральских савроматов (см., например, [Мачинский, 1971]). Локализация исседонов в Центральном или Восточном Казахстане по археологическим материалам исходит из предположения о расселении массагетов между Амударьей и Сырдарьей или в низовьях Сырдарьи, а это, в свою очередь, вытекало из представления о неизменности впадения Амударьи в Арал в античное время. Поэтому данные о палеогеографии района и прежде всего о течении воды по Узбою до IV в. н.э., и археологические памятники Восточного Прикаспия, открытые и исследованные в последние десятилетия, должны заставить пересмотреть эти заключения. Вряд ли можно признать убедительным и сопоставление имени племен — исседоны и усунь — и следующие из этого выводы.

Несмотря на большие пробелы в наших современных знаниях о культуре массагетских племен, можно уже отметить большое своеобразие ее по сравнению с культурой других кочевых племен евразийских степей вообще и саков Средней Азии и Казахстана в частности. Оригинальный погребальный обряд, отсутствие памятников «звериного стиля» (по крайней мере среди имеющихся материалов), конской упряжи, костей скота, как правило, при совершении погребального

обряда — вот основные признаки, характерные для культуры древних скотоводов Северо-Западного Туркменистана, которые выделяют ее среди сакских и сарматских комплексов соседних регионов. Насколько можно судить по публикациям, каменные склепы на Устюрте представляют собой локальный вариант той же культуры, только в них, очевидно, раньше происходит переход от обряда выставления трупов, помещенных в склеп, к оссуарному обряду. Сейчас уже можно с уверенностью говорить, что оссуарный обряд в Приаралье сформировался у массагетов, живших на северо-западных рубежах Хорезма в IV в. до н.э., и оттуда распространился в Хорезм и на Узбой. В Хорезме он первоначально не сопровождался предварительным выставлением трупов.

Мы уже отмечали, что в районе Узбоя и на Заузбойском плато, вне всяких сомнений, прослежена единая линия развития культуры по археологическим материалам вплоть до IV в. н.э. ([Вайнберг, Юсупов, 1992], см. также выше), поэтому нет оснований считать, будто дахи вытеснили массагетов на территории к северу от Парфии. Подгорная полоса Туркменистана от гор и до южных окраин Каракумов имеет достаточный комплекс природных угодий для полного круглогодичного занятия скотоводством [Оразов, 1975; Бабаджанов, 1975]. Вероятно, на этой территории, а не у Окса размещались дахско-парнские племена, о которых сообщал Страбон. Если бы они жили у Окса-Узбоя, то это было бы отмечено древними авторами, информация которых была связана с водным путем. Учитывая эту особенность местной экологии, легко понять как постоянное участие парнов и дахов в политической жизни Парфянского государства, так и сведения о том, что предводитель парфян в 251 г. до н.э. бежал к апаснакам, ближайшей группе скотоводов, живших к северу от парнов и дахов.

Каких-либо сведений о распространении памятников массагетского круга к югу от Каракумов не имеется. Массагеты, несомненно, делали набеги на территорию парфян или соседних с ними областей (ср. сведения о столкновении с их отрядами греков в районе, близком к Бактрии (Арриан IV, 16, 4 и 17, 1), как это случалось и в новое время в истории туркменских племен Восточного Прикаспия. Но пустыня, как это отмечается в других регионах Азии, была довольно надежной границей между территориями расселения кочевых племен. Каракумы столь обширны, что использование весьма продуктивных пастбищ в песках могло производиться кочевниками как с территории к северу, так и к югу от песков. Центральная часть, удаленная от обводненного Узбоя или подгорной полосы, наиболее северные колодцы которой и сейчас традиционно располагаются у южного края песков, не была обеспечена водопоями и не была пригодна для постоянного расселения сколько-нибудь значительных групп населения. Здесь мог осуществляться зимний выпас скота как северными, так и южными племенами.

По данным Аполлодора, переданным у Помпея Трога-Юстина (XLI, 4, 3—5; 1) и Страбона (XI, 9, 2), Арсак во главе дахов, живших по реке Ох, захватил Парфию. Вряд ли это сообщение дает основание связывать дахов с Узбоем.

Выше, в связи с локализацией реки Ох, мы уже отметили, что наиболее информированные авторы различают Окс и Ох, хотя по смыслу это название могло прилагаться и к Амударье (Оксу). Дополнительно обратим внимание на некоторые сообщения. Историки похода Александра Македонского различали две реки, Ох и Окс (см., например: Квинт Курций Руф VII, X, 15).

У Тацита (XI, 10) отмечается, что «Вардан после ряда удачных сражений покорил народы, обитавшие между названной рекой (река Эринд или Харинд, впадает в Астрабадский залив Каспийского моря, ныне Каринд — см. указатель к соч. Тацита, т. II. — Б.В.) и рекой Синдом, которая отделяет дагов от ариев». Даже при известных сложностях в отождествлении реки Синда с какой-то из современных рек следует обратить внимание на то, что согласно источнику дахи жили по соседству с ариями. Возможно, эта территория совпадает с местом их расселения в эпоху захвата власти в Парфии (по реке Ох, протекавшей тоже рядом с Арианой). Все это свидетельствует, что и письменные источники не дают основания для вывода о вытеснении дахами массагетов в каком-либо районе Восточного Прикаспия.

И.В.Пьянков в течение многих лет настойчиво связывает сообщение Аполлодора о переселении дахов из области «над Меотидой» (Аральским морем в данном случае) с предполагаемым им распространением прохоровской культуры на юге Средней Азии (см. об этом [Пьянков, 1994, с. 205]). Первоначально он ссылаясь на устное сообщение А.А.Марущенко, а затем и на авторитет К.Ф.Смирнова (см. [Смирнов, 1979]). Нисколько не подвергая сомнению авторитет этих археологов, должна заметить, что их заключения сделаны в период начальной стадии изучения памятников Восточного Прикаспия, когда внимание обращалось на сходство материалов из них с любыми соседними культурными комплексами, прежде всего для определения хронологии. Поэтому и было отмечено сходство типов оружия из склепов на Дордуле, раскопанных в 70-х годах, с прохоровскими, что не может быть признаком культурной принадлежности народа, так как типы оружия имеют более широкие ареалы, чем этнос (см.: часть III, глава I). Скорее всего, отмеченный факт, как и импортные бусы из района прохоровской культуры, отражает направление культурных связей.

Подбойные и катакомбные погребения, обнаруженные уже тогда на юге Туркменистана, в Северном Прибалханье и у Узбоя в районе Дордуля, не относятся к памятникам местной культуры прежде всего по типу погребального сооружения и обряду погребения, к тому же

они были датированы тогда более поздним временем, чем эпоха переселения дахов на юг. Район распространения прохоровской культуры в Южном Приуралье не является областью «над Меотидой», культура эта связана со степной и лесостепной (?) полосой и отделена от Меотиды–Арала довольно широкой полосой полупустыни и пустыни. Сейчас, обращаясь к этому вопросу, можно привлечь и новые данные, которые свидетельствуют, что в материалах из склепов каких-либо специфически прохоровских элементов культуры нет, прежде всего нет ни одного черепка типично прохоровской керамики, довольно легко отличающейся по тальковой примеси в тесте, хотя импортной керамики немало в памятниках этой зоны (есть даже сосуд, явно вывезенный из Ферганы). Раскопанные новые земляные курганы с подобными захоронениями, во-первых, входят в широкий круг подобных памятников, известных сейчас в большом числе в Присарыкамышской дельте Амударьи и единичных случаях на Восточном Устюрте, а во-вторых, они появляются во всяком случае не позже рубежа IV–III вв. до н.э.

..На обзоре этого типа памятников мы останавливались выше (ч. III). Их этническая атрибуция рассматривается в следующей главе о низовьях Амударьи, откуда происходит наиболее значительный по объему материал. Здесь же отметим, что подобные и катакомбные погребения, как показывают археологические материалы, известные на сегодняшний день, появляются в западной части Средней Азии за пару веков до разгрома Греко-Бактрийского царства, а вторая волна тех же кочевников, связываемая с последним событием (II в. до н.э.), уже не затронула районы Прикаспия и Приаралья. Памятники этого круга, связанные со второй волной движения группы кочевников из Восточного Туркестана, локализуются на юго-востоке и юге Средней Азии (скорее всего, до Амударьи).

Таким образом, есть все основания считать, что тип подобных погребений с южной ориентировкой, появляющийся в культуре ранних сарматов в IV в. до н.э., попал туда с той же группой кочевников, которая продвинулась не позже рубежа IV–III вв. до н.э. через Устюрт в Хорезм и на Заузбойское плато. Как показали материалы из Хорезма, у этой группы скотоводов не было своего керамического производства, использовалась, как правило, гончарная посуда соседних земледельцев (в Хорезм они принесли импортную гончарную керамику) или даже скотоводов (на Заузбойском плато). Этим и объясняется то обстоятельство, что по обряду погребения и типу погребального сооружения неспециалисты относят все подобные памятники к прохоровской культуре, где они стали известны ранее среднеазиатских и сочетаются с другими традиционными типами погребений, местной керамикой и другими предметами материальной культуры.

Следует обратить внимание, что И.В.Пьянков [Пьянков, 1994, с. 203], как и многие другие исследователи (археологи прежде всего), отожде-

ствляют «носителей прохоровской культуры» с аорсами, что явно противоречит попыткам связать эту же культуру и с другой этнической группой — дахами. В главе о низовьях Сырдарьи (см. ниже) мы специально останавливаемся на локализации дахов в этом районе (до их переселения на юг).

Предлагаемые отождествления апасиаков с дахами [Gardiner-Garden 1987a, IV, с. 20] или попытки размещения их в Хорезме [Пьянков, 1983, с. 50–51] не согласуются ни с данными письменных источников, ни с археологическими материалами, которые хорошо увязываются между собой.

В связи со всем изложенным выше хотелось бы заметить, что, как правило, мы, археологи, доверяем источниковедческим исследованиям специалистов филологов и историков и опираемся на них в исторической интерпретации археологического материала. Хотелось бы подобного отношения и с их стороны к нашим изысканиям, так как опыт показывает (и это ярко демонстрируют приведенные выше примеры), что только детальное знание всего комплекса археологических материалов как на данной конкретной территории, так и в более широком ареале и хронологическом диапазоне может оградить исследователя от ложных, а не просто спорных сопоставлений и исторических интерпретаций; отдельные ссылки на некоторые публикации (например, на Х.Юсупова — у И.В.Пьянкова) не могут служить достаточным основанием для сопоставления археологических данных с источниками.

Следует обратить внимание и на то, что при комментировании источников археологи, как правило, находятся в более выгодном положении, чем историки и филологи, так как они обычно хорошо знакомы с той территорией, где изучались древние памятники, а это позволяет им избегать по крайней мере явно неприемлемых заключений.

Мы уже отмечали выше, что при определении места перехода Узбоя под водопадом нельзя иметь в виду водопад у Игды-калы, но еще более существенно, что совершенно фантастическим выглядит заключение И.В.Пьянкова о том, что урочище Игды располагалось в низовьях Узбоя, так как уровень Каспийского моря был значительно более высоким, чем современный [Пьянков, 1994, с. 199].

В части I в специальном разделе о восточном побережье Каспия автор этих строк попытался детально проанализировать все конкретные данные об уровне моря в древности, что освобождает нас от подробного изложения здесь материалов по этой проблеме. Но добавим к сказанному, что, как показывают все карты с приведенными горизонталями высот (см., например: Карта СССР, маш. 1:2 500 000. М., 1965), район урочища Игды и марфянской крепости в нем находится на уровне горизонтали, близкой к +50 м (следует учитывать резкое падение высот именно от верхнеигдинского водопада до Балхан), а уровень Каспийского моря в древности находился на отметках –22... –24 м.

Таким образом, предполагается подъем уровня моря на 70 с лишним метров, что, несомненно, можно признать фантастикой. При таком или даже несколько меньшем подъеме воды в море (неясны и источники такого «наводнения») затопленными оказались бы Северокаспийская низменность, все пониженные места на западном побережье Каспия.

Не вступая в детальное обсуждение этой явно невероятной ситуации, отметим, что, предполагая большое повышение уровня моря, можно было бы проверить это допущение сравнением с реальной топографией археологических памятников как в Средней Азии, так и на Кавказе и в Северном Прикаспии. Тогда станет ясно, что памятники разного времени расположены на гораздо более низких отметках, чего не могло быть при существенном повышении уровня Каспия.

Ссылки на работы С.Н.Муравьева (см. [Пьянков, 1994, с. 119; примеч. 30]) не могут служить подтверждением вывода И.В.Пьянкова, так как и этот исследователь допускает ту же ошибку — не учитывает при своих реконструкциях реальную топографию памятников хотя бы в зоне р. Куры. Ссылаясь на монографию Х.Юсупова [Юсупов, 1986], И.В.Пьянков тем не менее оставляет без внимания очень важные археологические материалы с западного берега Келькора в устье Узбоя, которые исключают предположение об устье Узбоя в урочище Игды. К тому же совсем не принимаются во внимание данные палеогеографии (см. [Низовья Амударьи, 1960, глава об Узбое]) и топография археологических памятников районов, расположенных ниже Игды по течению реки (особенно поселения и памятники в урочище Дордуль); вопреки мнению И.В.Пьянкова это урочище, расположенное в среднем течении Узбоя, находилось еще очень далеко от его устья.

В связи с предложенной локализацией массагетов, дербиков и апасиаков (рис. 16–18), базирующейся на сопоставлении данных письменных источников и археологических материалов, полученных в последние десятилетия, должно быть отвергнуто мнение В.Тарна и С.П.Толстова о «вхождении» хорасмиев (или хорезмийцев) в «комплекс массагетских племен» (или «состав массагетских народов», см. [Толстов, 1948, с. 18, 198, 244]). Материалы из левобережного Хорезма не подтверждают этого. Характерные каменные склепы массагетских племен четко фиксируются только у границ Хорезмского оазиса (на западе — на возвышенностях Тарым-кая и Зенги-баба, на северо-западе — у Айбугира и, возможно, на Устюрте).

Не имея сведений в письменных источниках, мы не можем определить племенной состав массагетской конфедерации. Археологические материалы дают основания предположить, что кроме апасиаков и дербиков в нее входили еще и племена, расселявшиеся на Устюрте к северу и северо-западу от Хорезма; численность их в силу природных условий была невелика. Эти районы могли использоваться преимуще-

ственно под сезонные пастбища. Возможно, что какие-то племена массагетов расселились и на Мангышлаке, но археологических подтверждений этому пока нет. Вполне возможным представляется и периодическое включение в массагетское объединение и групп скотоводов, пришедших на территорию Восточного Прикаспия с севера от степного пояса (это прежде всего население с погребениями в подбоях и катакомбах и с коллективными захоронениями в больших ямах с дромосами). Отметим, что одновременно одни и те же племенные группы проникали через Устюрт в левобережный Хорезм и Восточный Прикаспий.

В IV в. н.э. прекращается течение воды по Узбою, население покидает его берега. Дальнейшая судьба массагетов неясна. Какая-то часть их в Прибалханье и на Восточном Устюрте могла остаться на месте, но археологические памятники этого времени еще не выявлены. Несомненно, что какое-то участие они приняли и в «великом переселении народов» по степному поясу. Может быть, с этим связаны и сведения Аммиана Марцеллина (IV в. н.э.) о «массагетах, которых мы теперь называем аланами» (Аммиан Марцеллин XXIII, 5, 16), но этому как будто бы противоречат данные Диодора Сицилийского (LXIX, 15, 1). Возможно, часть массагетов ушла на юг, в Иран, где имеются близкие типы каменных склепов с неясной хронологией (см. обзор материалов [Литвинский, 1972а, с. 199 и сл.]). Уже обращалось внимание на сообщение Стефана Византийского о том, что г. Арахосия находится неподалеку от массагетов [Массон, Ромодин, 1964, с. 36].

ГЛАВА 3

Низовья Амударьи

Хорезмский оазис в низовьях Амударьи — самый северный форпост древнеземледельческой цивилизации — был всегда притягательным центром для многих групп скотоводов не только пустынной зоны, но и зоны степей, что было характерно для истории этой области вплоть до позднего средневековья и даже нового времени. Поэтому этнический состав его населения не был однородным. Мы уже бегло анализировали пути сложения современной этногеографии в низовьях Амударьи. Для древности мы не располагаем письменными источниками о каких-либо этнических группах здесь. В кратких перечнях народов фигурирует только собирательное имя жителей оазиса — хорезмийцы или топоним Хорезм, к которому восходит название жителей. Но эти данные существенно дополняют археологические материалы, интерпретированные с учетом исторических реалий во всем

Среднеазиатско-Казахстанском регионе и даже иногда за его пределами.

Ниже мы предлагаем ряд экскурсов, которые помогут нам разобраться в сложной картине расселения племен разного происхождения в пределах древнего оазиса в низовьях Амударьи.

*Формирование новой этнической группы
в раннем железном веке
в Присарыкамышской дельте Амударьи*

Для истории Средней Азии раннего железного века весьма существенным фактом является завершение к этому времени (или несколько ранее) крупных передвижений индоиранских и иранских племен в пределах Евразийского континента. Значительное количество археологических фактов, рассмотренных ретроспективно и в связи с данными лингвистики, позволило большому числу исследователей принять точку зрения о том, что племена евразийских степей эпохи бронзы, оставившие срубную и андроновскую культуры, были протоиндоиранскими и с продвижениями их на юг следует связывать арианизацию Средней Азии [Этнические проблемы, 1981]. Процесс этот был явно растянут во времени, древние иранцы были последней волной движения народов и часто расселялись вслед за индоиранскими племенами.

Само сложение ираноязычных племен на территории Средней Азии было длительным и сложным. В нем принимали участие как древнее местное неиндоевропейское население (субстраты), так и арианизированная уже в ходе проникновения сюда индоиранцев часть этого населения. В результате происходила сложная культурная интеграция. Иранские племена растворялись в местном населении и воспринимали его материальную культуру, но, в свою очередь, они постепенно передавали новому этносу свой язык (через этап двуязычия) и определенные черты идеологии.

Очень важной чертой этого периода является расширение освоенной человеком территории в регионе. Это произошло прежде всего потому, что к началу раннего железного века, по данным археологических исследований из разных областей Средней Азии, здесь завершилось сложение кочевого скотоводства, что позволило освоить степные и горные пастбища, а также зону полупустынь и пустынь. Вырабатываются традиционные пути перекочевок на сезонные пастбища, в зависимости от экологических условий складываются различные типы кочевого, полукочевого и оседлого скотоводческого хозяйства. Специализация его у отдельных групп населения приводит и к активизации торговли между скотоводами и земледельцами, развитию

ремесел, ориентированных на новый рынок. Торговые пути теперь чаще всего проходят по путям перекочевков. Особенно это относится к северным районам Средней Азии, где скотоводство в силу экологических условий становится господствующей формой хозяйства. Здесь не было в эпоху бронзы протогородской культуры, во второй половине II тыс. до н.э. это была зона расселения степных племен срубной, андроновской, а также тазабагыябской культур. Даже в последующие за ранним железным веком столетия только Хорезмский оазис в низовьях Амударьи становится самым северным очагом земледельческой цивилизации в Средней Азии, и он, согласно письменным источникам, соседствовал с племенами кочевников (Страбон, Квинт Курций Руф).

В рассматриваемую нами эпоху в правобережье Амударьи, в зоне ее Акчадарьинской дельты расселялись потомки племен эпохи бронзы, на завершающем этапе которой здесь была распространена амирабадская земледельческо-скотоводческая культура (IX–VIII вв. до н.э.) с оседлыми поселениями из полужемлянок у древних русел в дельте реки. Еще ранее в дельте появились первые ирригационные сооружения — каналы, проложенные вдоль берегов замиравших естественных потоков [Итина, 1977].

В VII в. до н.э. потомки амирабадцев продолжали жить на этой территории. В VI–V вв. до н.э. на той же территории распространяются комплексы так называемой архаической, или кюзелигырской, культуры Хорезма, генетическая связь которой со среднеазиатскими бактрийско-маргианско-парфянскими комплексами не вызывает сомнения [Толстов, 1962, с. 96 и сл.; Вайнберг, 1991, с. 94–95]. Вместе с тем у нас нет оснований объяснять ее появление переселением в низовья Амударьи населения с юга, скорее всего это была культурная интеграция, возможно, происходившая в эпоху ахеменидского завоевания (ср. [Пьянков, 1983]).

В левобережной части Хорезмского оазиса (Присарыкамышская дельта Амударьи) ситуация была отличной. Здесь в связи с отсутствием воды в эпоху бронзы населения не было. В самом конце VIII — VII в. до н.э. началось обводнение практически всех русловых протоков и как следствие — сток из них воды в Сарыкамышскую впадину. На вновь орошенных землях дельты расселились пришлые племена скотоводов [Вайнберг, 1991а, с. 126 и сл.].

Выше (ч. III) мы подробно охарактеризовали ситуацию этого времени и разные генетические истоки сложившейся здесь куюсайской культуры оседлых скотоводов. Были приведены археологические свидетельства переселения в это время значительной группы населения (собственно хорасмиев) из района Туркмено-Хорасанских гор, куда она продвинулась еще до VII в. до н.э. вместе со степными племенами из Восточной Европы. Происхождение куюсайской культуры уже связывалось с походами саков на Мидию [Вайнберг, 1991, с. 9 и сл.].

Схематически это можно представить так: группа нижнесырдарьинских саков в поисках новых пастбищ переселяется в левобережную дельту Амударьи, которая как раз к этому времени обводняется и не имеет еще постоянного населения.

Одновременно эти же саки в своих походах на юг, к восточным пределам Мидии (от низовьев Амударьи это около 600 км), сталкиваются с иранским же по происхождению населением, расселившимся ранее в пределах Туркмено-Хорасанских гор у северных границ иранских пустынь. Это были скотоводы, но оседлые, у них существовало развитое ремесленное производство. Добровольно или по принуждению они переселились в низовья Амударьи, где и составили основное ядро вновь образовавшейся этнокультурной группы, так как позднее фиксируется только их культурный комплекс.

Малочисленная, но явно господствовавшая в VII в. до н.э. группа нижнесырдарьинских саков растворилась во вновь созданном симбиозе. Археологические материалы, на наш взгляд, очень удачно иллюстрируют сложные процессы культурной и этнической интеграции, которые аналогичным образом происходили в раннем железном веке и в других областях Средней Азии, особенно в зонах, занятых скотоводами. Куюсайский керамический комплекс не исчезает ни в VI, ни даже в IV в. до н.э., как это первоначально предполагалось. Подобные материалы сопровождают гончарную керамику Хорезма в левобережной дельте Амударьи вплоть до ее полного осушения в IV–V вв. н.э. Очевидно, эта этнографическая группа населения сохранялась в это время и в пределах единого Хорезма.

Начальные этапы истории народов Турана не освещены письменными источниками, так как в их поле зрения Средняя Азия попадает лишь в последующую эпоху. Вместе с тем известно, что древние этносы осознавали свою общность через мифологию общего происхождения от единых предков, что могло передаваться из поколения в поколение только при языковом единстве. Вновь включаемые в этносы группы должны были усвоить нормативы этой этнической группы, чтобы стать ее частью. Вероятно, в силу этого от периода раннего железного века, поры формирования иранских этносов Средней Азии, и сохранились мифологические предания, донесенные до нас древними и средневековыми авторами и возводившие начальные этапы истории отдельных областей к мифическим персонажам общей древнеиранской истории — Сиявушу, его сыну Кейхосрову и их врагу — царю туранцев Афрасиабу. С их именами связывались основания городов, заселение областей и основание династий в Бухаре, Самарканде, Хорезме, правобережье Сырдарьи. Согласно хронологии Беруни, события эти относятся к VIII–VII вв. до н.э. [Беруни, I, с. 109 и сл.]. Интересно, что к тому же времени легенды возводят и правление в Фарсе основателя династии Ахеменидов в Иране.

У Ктесия (Диодор, Библиотека, 121, 34, 1–4) передана легенда о сакской царице Зарине, в которой ряд исследователей видят отражение борьбы Мидии с саками за господство над Парфией. Именно эти данные были сопоставлены с археологическими материалами куюсайской культуры в низовьях Амударьи и другими южными по происхождению материалами из сакских могильников Приаралья. Все вместе они дают основание считать, что сакские походы в Иран, во всяком случае в восточные пределы Мидии в доахеменидское время, являлись реальностью.

Возможно, что походы саков на территорию Мидии совпадают по времени с периодом пребывания скифов в Передней Азии (приблизительно от 70-х годов VII в. до н.э. до 90-х годов VI в. до н.э., ср. [Пьянков, 1994, с. 198]). Так же как скифы в Закавказье столкнулись с родственными племенами, так и саки Приаралья в Северо-Восточном Иране должны были встретить тоже иранские по происхождению группы населения [Дьяконов И., 1956, с. 288 и сл.; Есяян, Погребова, 1985, с. 17; Погребова, 1977, с. 173; Дандамаев, Луконин, 1980, с. 71 и сл.; Вайнберг, 1979]. Одна из них вместе с частью саков, судя по данным материальной культуры, ушла в Приаралье на вновь обводнившиеся земли в Присарыкамышской дельте Амударьи, где этот симбиоз и дал начало скотоводческой куюсайской культуре.

Приход в дельту Амударьи группы населения из района Туркмено-Хорасанских гор может дать объяснение легенде, переданной Беруни, о приходе хорезмийцев в оазис с юга и их родстве с древними персами (у Макдиси тоже приведена легенда о заселении Хорезма с юга). Легенда относит эти события ко времени Сиявуша и Кейхосрова, т.е. к эпохе раннего железного века [Беруни, I, с. 47].

О подобных событиях есть и другие сведения, относящиеся к данной эпохе. Так, Диодор Сицилийский пишет о переселении савроматов из Мидии к Танаису (II, 43, 6). Захват и переселение ремесленников имели особое значение для кочевников во все времена. В варианте с куюсайской культурой, очевидно, в первую очередь переселялись ремесленники, как это видно из материалов поселения Куясай 2.

В надписи Ашшурбанипала из храма Иштар в Ниневии вождь киммерийцев Тугдамме называется «царем саков» или «царем страны сака». В связи с этим Э.А.Грантовский допускал, что у племен, пришедших в VIII–VII вв. до н.э. в Переднюю Азию из Юго-Восточной Европы, уже существовал этноним «сака» [Грантовский, 1975, с. 84]. Как отражение общего этнонима (самоназвания) у киммерийцев и саков Средней Азии рассматривает это сообщение Д.С.Раевский [Раевский, 1977, с. 143].

Но можно предположить, что этноним «сака» в Передней Азии отражает проникновение сюда групп среднеазиатских кочевников наряду с киммерийцами. Следует обратить внимание на точку зрения И.М.Дьяконова о том, что термин «киммерийцы» не является этнони-

мом, а означает «подвижной конный отряд» ираноязычного населения евразийских степей [Дьяконов И., 1981, с. 90–100]. Подтверждает эту точку зрения и то, что в аккадской версии Бехистунской надписи в древнем Иране киммерийцами названы саки древнеперсидской и эламской версий этой надписи (ср. [Дьяконов И., 1956, с. 59 и сл.]). О связях населения Алтая с Передней Азией в доахеменидское время на основании анализа памятников искусства в свое время писал С.И.Руденко [Руденко, 1952, с. 58–59; Руденко, 1968]. Если допустить, что отдельные группы саков Средней Азии в своих походах на юг иногда достигали района озера Урмия, вблизи которого позднее известна область Сакастан, то, может быть, это даст объяснение и общим чертам в развитии искусства «звериного стиля» на западе и востоке степного пояса, так как многие исследователи именно с этим районом связывают начальные этапы его формирования [Луконин, 1977; Дандамаев, Луконин, 1980, с. 73 и сл.; Погребова, Раевский, 1992, гл. 2]. Возможно, что контакты присырдарьинских районов с Передней Азией получили отражение в легенде о царе туранцев Афрасиабе, где местом его гибели называется озеро Чайчаста (в ряде версий — озеро Урмия), хотя есть точка зрения, что эта версия связана с более поздней локализацией авестийских сюжетов в Мидии [Дьяконов И., 1956, с. 320]. Страбон (XI, 8, 4) приводит легенду о празднике «сакеи», который, по его данным, увязывается с приходом саков в Сакастан в Армении. Все эти данные из ранних источников дают известные основания предположить, что саки не только осуществляли походы в восточные пределы Мидии, но могли проникать на ее территорию вплоть до центральных и западных областей.

Для изучения этногенеза иранских народов Средней Азии широко привлекаются данные языкознания. Хорезмийский язык, просуществовавший в этой историко-культурной области до XIV в., в этой связи представляет большой интерес. По поводу его происхождения у специалистов часто возникают разногласия; как нам представляется, они могут быть в основном сняты, если учесть те исторические выводы, которые позволяет сделать анализ археологического материала. На современном уровне исследований языковеды считают, что отмечающаяся обычно близость хорезмийского языка и согдийского «во всем основном, по-видимому, подтверждается, однако, с другой стороны, выделяются признаки, отличающие хорезмийский от согдийского и сближающие его с осетинским» [ОИЯ, 1979, с. 119]. Вместе с тем по ряду особенностей хорезмийский язык сближается с парфянским и вообще языками северо-западной подгруппы западноиранских языков («мидийской») [ОИЯ, 1979, с. 108, 118–119 и др.]. Особо следует отметить, что в таком важном признаке, отличающем все языки северо-восточной подгруппы восточноиранских языков, как показатель множественности -та, широко представленный в названиях племен иранских

кочевников [ОИЯ, 1979, с. 119, 339], хорезмийский язык выделяется переходом $t > s$. К тому же ряд исследователей считают, что в состав топонима «Хорезм» входит корень *gz, который в восточноиранском в сочетании с суф. *-maп дал бы *sm [ОИЯ, 1979, с. 235].

Археологические же материалы, как и приведенная Геродотом (III, 117) легенда о том, что в доахеменидское время хорасмийцы владели землями по соседству с гирканцами, парфянами, сарангами (дрангианцами) и фаманеями, позволяющие достаточно уверенно локализовать этот район в южных пределах Туркмено-Хорасанских гор, к востоку от мидийской области Хвар (Хоарена) — будущего Хорасана [Дьяконов И., 1956, с. 91], дают и основания объяснить отмеченные выше особенности хорезмийского языка. Он сформировался на базе как минимум двух основных древнеиранских диалектов — «сакского», близкого осетинскому языку, и собственно хорезмийского, привнесенного в низовья Амударьи с юга, где в зоне контакта с западноиранскими языками сложились многие его особенности.

Топоним «Хорезм» известен только с эпохи Ахеменидской империи, когда, вероятно, впервые так была названа область амударьинской дельты, куда переселилась часть народа (племени), хорошо известного завоевателям по южным районам. Есть некоторые основания предполагать, что иногда ахеменидские цари называли и прежний район расселения хорасмийцев Хорезмом (строительная надпись о дворцах в Сузах, где говорится о доставке бирюзы из Хорезма, — см. перевод В.И.Абаева [Абаев, 1980, с. 38–39]).

И.В.Пьянков отмечал, что среди разных форм написания имени «хорасмийцев» часть заимствована у Ктесия. Он считал, что $\chi\omicron\rho\alpha\rho\mu\epsilon\upsilon\omicron\nu\omicron$ следует понимать как $\chi\upsilon\alpha\gamma\alpha\mu\alpha\pi\iota$ — «люди Хвара» («в противоположность $\chi\omega\rho\alpha\sigma\tau\iota\eta$ — $\chi\upsilon\alpha\gamma\alpha-z\mu\iota$ — „земля Хвара“»), названия страны [Пьянков, 1961, с. 100]. Этот вывод согласуется с изложенными выше соображениями.

Можно согласиться с теми учеными, которые отмечают необоснованность привлечения данных о Хорезме и хорезмийцах для решения проблемы о путях расселения иранцев, но для истории собственно Хорезма вопрос о приходе с юга группы населения очень важен. Привлечение при его рассмотрении археологического материала подтверждает достоверность сохранившихся до средневековья легенд.

В связи с сообщением Геродота о долине реки Акес (III, 117), окруженной горами и принадлежавшей некогда хорасмийцам, возникла обширная литература (обзор ее см. [Доватур и др., 1982, с. 199 и сл.]).

Многие исследователи на основании сведений, заключенных в этом тексте, и указанного в нем перечня народов поддерживали гипотезу о существовании «Большого Хорезма», доахеменидского государственного образования (обзор проблемы и литературу см. [Лившиц, 1963, с. 151 и сл.]) во главе с хорезмийцами или при их участии. Список

этот иногда «исправляют», включая в него отсутствующих там ариев, (см. [Дьяконов И., 1956]), что дает основание для отождествления Акеса с Тедженом.

Представляется, что в свете новых археологических материалов, изложенных выше, эта проблема должна быть снята, так как она не историческая, а чисто литературная и возникла в связи с представлением о том, что хорасмии — хорезмийцы всегда жили в низовьях Амударьи. К тому же идея о «Большом Хорезме» возникла и начала развиваться еще до начала археологических работ в Хорезмском оазисе. Из данных Геродота может следовать только то, что хорасмии жили в районе Туркмено-Хорасанских гор и, что менее вероятно, возглавляли какое-то объединение племен на востоке Мидии; на территорию Средней Азии и особенно в оазис низовьев Амударьи это объединение не могло распространяться.

В связи с локализацией реки Акес мы уже обращали внимание [Вайнберг, 1979] на несоответствие описываемых Геродотом географических реалий долины этой реки и Теджена. Там же мы указали на традиционность описанной у Геродота системы обводнения в районе Туркмено-Хорасанских гор. Можно добавить к этому, что плотины для сохранения воды сооружались и в районе Копетдага, на северном склоне Туркмено-Хорасанских гор [Басилов, 1973, с. 178–179].

Топоним «Хорезм» появляется впервые в перечне подчиненных Ахеменидам стран без указания на его локализацию. Мы уже отмечали, что он мог возникнуть из-за имени известного Ахеменидам на юге народа, переселившегося в низовья Амударьи. Это типичное иноназвание. Сатрапская резиденция на Калалы-гыре I подтверждает, что эта область называлась Хорезмом уже в ахеменидское время и именно она входила в XVI сатрапию. Сакская сатрапия существовала в низовьях Сырдарьи, и ее резиденция строилась на Бабиш-мулле I.

В истории формирования населения оазиса в низовьях Амударьи можно отметить ряд периодов (см. также рис. 16–19):

1. «Дохорезмийский», реконструируемый только по археологическим материалам (до VII в. до н.э.): предполагаемый «неолитический субстрат» первой половины II тыс. до н.э. (он практически не выявлен археологическими исследованиями). Со второй половины II тыс. до н.э. — иранская по происхождению тазабагыбская культура и ее наследница амирабадская (в IX–VIII вв. до н.э.). Группа иранского населения, находившаяся в оазисе с XIII до VIII в. до н.э., проживала обособленно в *правобережной*, обводненной его части.

2. С VII в. до н.э., после переселения в *левобережную*, вновь обводненную часть оазиса хорасмиев с юга и какой-то группы саков (дахов, по нашему мнению — см. следующую главу) из дельты Сырдарьи; в низовьях Амударьи создаются две этнические территории, фиксирующиеся археологическим материалом.

3. Период вхождения этой территории в состав Ахеменидской державы (со второй половины VI в. до н.э.) связан с появлением топонима «Хорезм», который закрепляется за этим оазисом до позднего средневековья. В виде названия области на юге оазиса он сохранился и до наших дней.

С ахеменидским периодом, бесспорно, связан большой скачок в культурном развитии Хорезма. Создается государственная система, аппарат управления, появляется единая ремесленная керамика на всей территории, что, вероятно, способствовало некоторой нивелировке культурных особенностей двух отмеченных этнических территорий. Это был, вероятно, период двуязычия, но, учитывая слабое различие древнеиранских языков, это не могло препятствовать взаимопониманию двух разных по происхождению этнических групп иранского населения. В итоге должен был победить, очевидно, язык господствующей, передовой в культурном отношении группы населения (скорее всего, земледельцев), т.е. правобережной. Возможно, что диалектное или даже языковое отличие в Присарыкамьшской дельте сохранялось и позже, — пока мы прослеживаем следы «куюсайского комплекса», — т.е. до IV в. н.э., когда в связи с осушением левобережной части оазиса резко меняется экологическая ситуация. Наличие земледельческих оазисов, городов и поселений, располагавшихся в зоне расселения потомков куюсайцев с IV в. до н.э., тоже должно было способствовать культурной и этнической интеграции двух разных групп населения.

Юечжи

В конце IV в. до н.э. или на рубеже IV—III вв. до н.э. в левобережном Хорезме, как мы отмечали в археологическом обзоре, появляется новая группа скотоводов. Вероятно, это были первые собственно *кочевники* в древнем Хорезме. Для них были характерны преимущественно подбойные и катакомбные погребения (см. главу 3 части III). Обычно в южных областях Средней Азии (от Ферганы до Южного Туркменистана) подобные памятники связывают с кочевыми племенами, разгромившими Греко-Бактрийское царство и появившимися к северу от Амударьи только во II в. до н.э., скорее всего в последней его трети (общие обзоры см. [Зеймаль, 1968; Ставиский, 1963; Мандельштам, 1966]).

Среди погребений подобного типа в Северном Согде исследователи отмечали комплексы явно более раннего времени [Хазанов, 1971], но каких-либо исторических выводов из этого не делали.

В 70-х годах, после того как в могильнике Тарым-кая 1 (группа у тригопункта) мы столкнулись с подбойными погребениями с северной ориентировкой, датирующимися бесспорно ранними сосудами (Хорезм, послеахеменидский период), стало ясно, что и подбойно-катакомбные погребения Тумек-кичиджикского могильника требуют уточнения датировки (см. часть III).

Более поздние раскопки Л.Т.Яблонского в могильнике Тарым-кая 1 показали, что подбойные погребения с южной и северной ориентировкой в Хорезме существуют одновременно, они датируются IV–III вв. до н.э. Этот факт мы отмечаем особо, так как в «сарматской» археологии четко отмечается хронологическая разница в погребениях с южной и северной ориентировкой, при том что материалы этих двух групп погребений часто связываются со Средней Азией в плане этнических миграций. Из-за отсутствия каких-либо письменных источников, отмечающих появление новых групп кочевников в Хорезме или где-либо в Средней Азии в IV–III вв. до н.э., мы вынуждены рассматривать этот археологический материал в ретроспективе. Если появление подбойно-катакомбных погребений в Средней Азии в последних веках до н.э. объясняется вторжением «Больших юечжи» (Да-юечжи) китайских источников, то можно предположить, что и более ранние погребения этого неизвестного до того в Средней Азии типа тоже оставлены племенами «юечжийского» объединения.

..О ранней истории юечжи до их разгрома сюнну во II в. до н.э. у северо-западных границ Китая мы практически не имеем прямых сведений. Известно, что еще в конце III в. до н.э. сюнну, жившие к северу от излучины Хуанхэ, подчинялись им [Восточный Туркестан, 1988]. Территория расселения юечжи в «Ши цзи» определена между Циляншанем и Дуньхуаном. Бесспорно, что это — достаточно позднее свидетельство, так как город Дуньхуан возник после завоевания Северо-Западного края китайцами (не ранее конца II в. до н.э.). Следует учитывать, что юечжи в это время уже были вытеснены с этой территории сюнну, которых, в свою очередь, потеснили китайцы.

Источник явно сохранил представление о первоначальной «родине» юечжи. О ее локализации в науке нет единого мнения (см. обзор проблемы у М.В.Крюкова [Восточный Туркестан, 1988]), так как предлагается разная локализация гор Циляншань: это либо Наньшань, либо восточные отроги Тянь-Шаня — таким образом, территория юечжи располагалась либо к востоку от Дуньхуана, либо к северо-западу от него. При этом природные условия вообще в расчет не принимаются.

Вместе с тем следует учесть, что к северу и северо-западу от Дуньхуана находится одна из самых безжизненных пустынь Центральной Азии — Бэйшань, где природные условия не дают возможности выпастать сколько-нибудь значительное количество скота [Петров, 1966]. На отсутствие в этом районе кочевников обратил внимание Г.Е.Грум-Гржимайло во время своего путешествия через Бэйшань [Грум-Гржимайло, 1899, с. 2 и сл.]. Говоря о возможности расселения юечжи в этом районе в древности, он специально отметил, что район Бэйшаня мог служить только зимними пастбищами при наличии богатых летних угодий в районе Наньшаня, а после завоевания китайцами

земель у северных предгорий последнего и строительства в этом районе продолжения Великой Китайской стены кочевники, лишившись пастбищ, вообще покинули район Бэйшаня.

Не учитывается и то, что около конца III в. до н.э., согласно данным Сыма Цяня, юечжи подчинялись племена сюнну, территория которых находилась к северу от Ордоса. Вряд ли подобное подчинение было возможно (у кочевников особенно), если «земли» этих племен не были смежны.

А главное — все противоречия в локализации гор Циляншань могут быть элементарно сняты, так как М.П.Петров, изучавший лично этот район пустынь Центральной Азии, отмечает, что и в наше время северный «передовой хребет Наньшаня» носит название Циляншань (хр. Рихтгофена) [Петров, 1967, с. 8]. П.К.Козлов, неоднократно посещавший район Наньшаня, тоже отмечает, что он «несет по местностям различные названия» [Козлов, 1948, с. 146]. В связи с этим становится ясным расселение оставшихся после ухода Больших юечжи Малых юечжи к югу от этой территории, вдоль Наньшаня по соседству с цянями [Восточный Туркестан, 1988]; они практически остались на своей территории, но были оттеснены сюнну в горы.

Мы не имеем возможности дать здесь достаточно подробное описание территории юечжи, которая получила в научной литературе название коридора Хеси, или Ганьсуйского (см. [Петров, 1967])¹. В суровых условиях Центральной Азии это один из наиболее привлекательных по природным условиям районов не только для кочевников, но и для земледельцев. Это межгорная депрессия с цепью впадин у северных отрогов Наньшаня и Алтынтага. С севера эта территория также отгорожена от пустынь Алашань и Бэйшань цепью невысоких гор и возвышенностей, прорезанных несколькими реками, стекающими с Наньшаня. Среди них выделяются и весьма крупные — Хэйхе-Эдзингол, Шуйхе, Сумхе. Длина коридора Хеси (или Хеси джаолян — по-китайски «коридор западных рек», см. [Петров, 1967, с. 8]) около 1000 км, а ширина — от 20 до 100 км [Петров, 1967, с. 7 и сл.]. Разнообразие природных условий этого района объясняется характером рельефа, геологическим строением и особенностями поверхностных отложений. В настоящее время здесь встречаются не только богатые земледельческие оазисы с ирригацией в долинах рек, но и участки галечных пустынь, горная степь, местами сейчас распаханная под богарные посевы пшеницы и ячменя, на склонах гор — леса. На низкой равнине, особенно вблизи рек и в междуречьях, часты выходы грунтовых вод в виде небольших временных озер, по берегам которых находятся болота и солончаковые луга.

¹ Все китайские географические названия для района Наньшаня даются в написании, принятом в монографии М.П.Петрова.

Особенностью этого района являются и мощные лёссовые и галечно-лессовые отложения, перекрывающие коренные породы, в которых еще в недавнем прошлом делались подземные жилища [Козлов, 1948, с. 142 и сл.], а в районе Дуньхуана с глубокой древности сооружались пещерные храмы [Петров, 1967, с. 12 и сл.]. Мы особо обращаем внимание на эту традицию, так как возможно, что и характерные для юечжийских племен формы погребальных сооружений в виде подбоев и катакомб сформировались на этой территории, где сами природные условия способствовали их сложению. В связи с этим хотелось бы отметить, что подбойно-катакомбные погребальные сооружения в разное время, как правило, складываются в условиях подгорных равнин — например, в Сумбарской долине на юго-западе Туркменистана и на Северном Кавказе. Единого центра их создания не было, но распространяться потом в связи с миграцией племен они могли широко.

Климат рассматриваемого района специалисты считают переходным от степного (Внутренняя Монголия) к пустынному (Кашгария), климатическая граница проводится по долине реки Бэйдахэ к востоку от г. Цзюцюаня. Восточные районы коридора Хеси более влажные и прохладные (сухостепной и степной климат), на западе — пустыня, к северу от гор климат становится пустынный. Влияние восточнокитайского муссона проявляется только в летние месяцы (июль—август).

На реках половодье наступает летом (от 50 до 70 % годового стока), когда тают в горах ледники и идут летние дожди [Петров, 1967, с. 25]. Довольно много здесь родников, временных речек, озер. Растительность очень разнообразна. Наряду с типично пустынными группировками есть растительность луговых солончаков и болот, сухие горные и альпийские луга [Петров, 1967, с. 33 и сл.]. Богаче растительный покров в восточных, более увлажненных районах, где на низкогорьях представлена разнообразная горная степная растительность. На склонах Наньшаня, на востоке выделяется лесо-луговой пояс (до долины Бэйдахэ), западнее — кустарниковые степи и альпийские луга. По днищам ущелий летом (в июле) отмечается почти сплошной травяной покров (ковыли, широколиственные злаки и др.). На востоке района, вблизи Увэя, степь распространена в предгорьях Наньшаня повсеместно. Полупустыни находятся у самого края пустыни Алашань.

Из приведенной общей характеристики природных условий района Циляншаня (Северного Наньшаня) видно, сколь привлекателен он был в древности для скотоводов, так как здесь существовали богатые и разнообразные (особенно в летнее время) пастбища. Выделяется в этом плане восточная часть коридора Хеси — юго-восточные отроги Наньшаня [Козлов, 1948, гл. 9 и 10] и район оазиса Увэй, расположенный ближе всего к р. Хуанхэ, в верховьях р. Шуйхе. Эта река, как и Эдзингол, несет свои воды на север в глубь пустыни Алашань, которая, как и Бэйшань, должна была входить в хозяйственную террито-

рию юечжи в качестве зимних пастбищ, когда на юге, у гор, выпадал снег (характеристику природных условий Алашани и Бэйшаня см. [Петров, 1966]).

На северо-западе коридор Хеси переходит в пустыню. Течение реки Сулэхэ после впадения в нее с юга притока Данхэ, на котором находится Дуньхуан, практически прекращается. Очевидно, эта река не доносила свои воды до Лобнора и в эпоху расселения здесь народа юечжи. На противоположном конце — на юго-востоке коридор Хеси выходит к левобережью Хуанхэ в районе Ланьчжоу (Гаолян). Здесь громадный, практически нигде не прерывающийся горный массив Наньшаня переходит в холмистое луговое плато, названное Н.М.Пржевальским Чагрынской степью [Козлов, 1948, с. 144 и сл.], где имеются хорошие пастбища, но довольно скудны источники воды. Название этому степному району дано по реке Чагрин-голу, или Пинь-фан-хэ, левому притоку реки Датунхэ (Терунг), впадающей в Хуанхэ почти напротив Ланьчжоу.

Коридор Хеси с глубокой древности известен как место, где сходились торговые пути в Китай с севера и запада [Восточный Туркестан, 1988, карта на с. 354–355]. Наиболее древним (I тыс. до н.э.) считается «нефритовый» путь, связывавший район добычи этого камня в области Яркенда и Хотана с Северным Китаем. Есть гипотеза о том, что юечжи (юйши) были посредниками в торговле нефритом. Эгами Намио считает, что фонетически имя «юйши» соответствует юечжи, оно встречается в источниках доханьского времени (трактат «Гуань-цзы», датируемый IV–III вв. до н.э.). Он считает возможным толковать имя «юечжи» как «народ нефрита» ([Восточный Туркестан, 1988, с. 256, 353], там же ссылки на литературу). Позднее здесь проходил Великий шелковый путь, но тогда уже юечжи покинули этот район.

Используя данные экологии для уточнения района расселения юечжи до II в. до н.э., обратим внимание на ряд косвенных свидетельств. По данным письменных источников, известно, что в V–III вв. до н.э., в эпоху Воюющих царств, земли сюнну находились к северу от Ордоса за излучиной Хуанхэ, оттуда они совершали нападения на Китай, и здесь же около 300 г. до н.э. была сооружена крепостная стена для защиты от этих набегов (см. [История древнего Востока, 1979, карты, лист 14]). Таким образом, территория расселения юечжей на северо-востоке граничила с землями сюнну, что приводило, очевидно, и к постоянным столкновениям между этими объединениями кочевых племен.

Предлагаемая выше локализация территории юечжи не нова. Н.Я.Бичурин в «Топографическом указателе» к истории древних среднеазиатских народов писал, что значение названия Хэси (Хеси) по-китайски «от Желтой реки (Хуанхэ. — Б.В.) на запад. Так в древности названа была страна, простирающаяся по северной границе Китая от Ордоса на запад и ныне заключающая в себе области Лян-

чжеу-фу, Гань-чжеу-фу и округ Ань-си-чжеу в губ. Гань-су» [Бичурин, III, с. 62–63] и далее: «Чжан-йе-гюнь, Чжан-йе есть название области, открытой в 111 году до Р.Х. на землях, которые в период Брани Царств и при дин. Цинь (V–III вв. до н.э. — *Б.В.*) находились под Домом Юечжи... в 564 году сия область названа округом Гань-чжеу, а потом областью Гань-чжеу-фу» [Бичурин, III, с. 70]. Н.Я. Бичурин особо отмечал, что хунны после потери Циляншаня в песнях пели, что «отняли у нас Цилян-шань, отняли средства к размножению скота» [Бичурин, III, с. 67].

Некоторые сведения можно извлечь и из истории более поздних объединений кочевников, возникавших на той территории. Уже в эпоху Хань, когда земли коридора Хеси были завоеваны Китаем, эта территория постоянно привлекала внимание соседей-кочевников: с северо-востока сюда стремились сюнну, а с юго-запада — цяны. Через Восточный Наньшань шли не только торговые караваны в Китай, но и проходила конница кочевников в центральные области страны.

Много позднее, в IX в. эта территория стала ареной борьбы нескольких государств — Танской империи, Тибета и Уйгурского каганата. В состав последнего входила территория в низовьях реки Эдзингол. После гибели каганата некоторое время, до 875 г. здесь господствовали кыргызы. К началу X в. уйгуры добились победы над своими противниками в Принаньшанье и создали свое княжество с центром в Ганьчжоу (у выхода реки Эдзингол в пустыню Алашань). На западе территория Уйгурского Ганьчжоуского княжества не достигала района Дуньхуана, на востоке оно доходило до Ланьчжоу, где, как и в районе Кукунора, существовали тибетские княжества.

Таким образом, в X в. уйгуры практически занимали большую часть древней территории юечжи к северу от Наньшаня. Как и в древности, к северу и северо-востоку от уйгуров на соседней территории расселились кочевые племена. Наиболее многочисленными среди них были тангуты, которые постоянно совершали набеги на земли уйгуров, а после создания Тангутского государства (982 г.) они заявили претензии на земли Ганьчжоуского княжества уйгуров. Целая серия войн, в том числе и с киданями, соседями тангутов, завершилась падением уйгурского княжества в 1028 г. [Восточный Туркестан, 1988, с. 323 и сл.].

Ситуация X–XI вв. очень напоминает историю борьбы юечжи и сюнну. Совпадают в основном и территории расселения уйгуров вблизи Эдзингола и Наньшаня (ср. юечжи) и тангутов к северу от Ордоса (ср. сюнну), что, без сомнения, диктовалось комплексом пастбищных угодий, необходимых для ведения кочевого скотоводства в данных конкретных географических условиях.

Уточнив таким образом территорию расселения юечжи в древности, попытаемся по косвенным данным выяснить, что могло заставить

часть кочевников этого объединения мигрировать далеко на северо-запад в конце IV в. до н.э. Эту дату подтверждают и материалы из Южного Приуралья, где, возможно, судя по типу некоторых погребальных сооружений, юечжи приняли участие в формировании прохоровской культуры в IV в. до н.э. [Мошкова, 1963; Мошкова, 1974].

В V—III вв. до н.э. (эпоха Воюющих царств) малые царства на севере Китая постепенно поглощаются сильнейшими. Периферийные царства начинают играть большую роль в истории Китая. Среди них выделяется на западе царство Цинь, которому удалось завоевать другие царства и создать первую империю на территории Китая. До IV в. до н.э. царство Цинь почти не принимало участия в войнах между царствами, так как было занято борьбой с горцами и кочевниками [Степугина, 1989, с. 498; История древнего Востока, 1979, с. 394 и сл.]. Западные границы царства Цинь в III в. до н.э., а может быть и ранее, дошли до правого берега реки Хуанхэ в ее излучине (на западном участке ее и до района Ланьчжоу (Гаолян), где они подошли вплотную к территории юечжи. Около 300 г. до н.э. датируется участок крепостной стены к югу от Ордоса, оканчивавшийся у Ланьчжоу. Здесь эти укрепления могли противостоять скорее всего нападениям юечжи, а не сюнну, против которых в то же время была сооружена стена к северу от Ордоса и северу от излучины Хуанхэ (см. карту в [История древнего Востока, 1979]).

В эту эпоху происходят существенные изменения во внутренней жизни китайских царств. Изменяется отношение к земле, которая признается единственным источником богатства, она облагается натуральным налогом. В IV в. до н.э. были проведены реформы землепользования: узаконены залог и скупка земли, отменены ограничения размеров земельных владений. На льготных условиях разрешено было обрабатывать пустоши [Степугина, 1989, с. 494 и сл.].

Все это могло привести к наступлению царства Цинь на земли юечжи в Припанишанье, так как они были пригодны для ведения земледельческого хозяйства. Уже во II в. до н.э., когда юечжи были вытеснены сюнну из этого района, на отвоеванных у последних землях в коридоре Хеси создаются земледельческие оазисы. Среди них своими размерами выделяется самый восточный, Увэйский, в долине реки Шуйхе, его обносят специально возведенными стенами, позднее включенными в общую систему укреплений Великой Китайской стены.

В IV в. до н.э., в эпоху Цинь, была реорганизована и перевооружена армия, во многом был использован опыт кочевников — вместо колесниц была создана кавалерия, введено железное оружие. Реформа армии могла потребоваться не только (или не столько) в целях борьбы с соседними царствами, но и для войн с кочевниками, оказавшимися уже у самых границ царства Цинь.

Что послужило непосредственной причиной ухода части юечжи с их территории, мы вряд ли когда-либо сможем установить. Нет данных и о каких-либо резких изменениях в экологии региона. Особенно-стью археологических памятников (погребений), связываемых на территории Средней Азии с юечжи, как мы уже отмечали, является отсутствие в них свойственной собственно этой группе племен керамики.

В наиболее ранних погребениях присутствует гончарная керамика явно из разных керамических комплексов, неизвестных на территории собственно Средней Азии. Это можно объяснить только тем, что, соседствуя с Китаем и оазисами Восточного Туркестана, где уже были свои керамические центры, и имея активные торговые связи с ними (вспомним «нефритовый» путь), кочевники-юечжи не имели своего традиционного гончарного производства, а получали гончарную посуду от соседей. Поселившись на новых землях в Средней Азии, они поступали аналогичным образом — использовали керамику тех областей, где они расселялись. Керамика, встречающаяся в ранних могильниках юечжи в левобережном Хорезме, помогает восстановить путь их продвижения на запад (северо-запад) в IV в. до н.э. Подобная посуда (в фрагментированном виде) найдена в памятниках вдоль Иртыша и в саргатской культуре [Матвеева, 1994; Могильников, 1973]. Интересно отметить, что в районе Омска встречены и керамические сосуды хорезмийского производства из комплексов IV–II в. до н.э. [Матющенко, 1988], что подтверждает связь племен степного и лесостепного пояса с Хорезмом в это время.

В прохоровской культуре с традицией юечжи могут быть соотнесены подбойные и, возможно, катакомбные погребения и некоторые типы оружия (железные стрелы с длинными черешками); остальные элементы этой культуры связаны непосредственно с Приуральем [Мошкова, 1974]. В Приуралье юечжи вошли в состав вновь образовавшегося союза кочевых племен, которых исследователи считают аорсами [Мошкова, 1974].

В Хорезм же они проникают через Устюрт, где тоже обнаружены подбойные погребения IV–II вв. до н.э. Этим же путем юечжи проникли и на Заузбойское плато, где известны их могильники IV–II вв. до н.э. и отдельные погребения более позднего времени. В низовьях Сырдарьи подбойно-катакомбные погребения I тыс. до н.э. пока неизвестны, но ранние курганные могильники там почти не раскапывались. Вместе с тем не исключено, что достаточно сильное объединение кочевников во главе с дахами, которое существовало здесь в IV в. до н.э., не допустило юечжи на свою территорию. Упомянутые нами выше подбойно-катакомбные погребения на территории Согда (см. работы О.В.Обельченко) частично могут быть датированы ранее II в. до н.э., до того как на этой территории появляется новая волна

этих же кочевников после разгрома, учиненного им хуннами (сюнну) и усунями. В своем движении на запад они уже шли от Джунгарии и Тарбагатай по тому же пути, по которому расселялись через Тянь-Шань и Фергану киргизы (см.: часть II, глава 3).

Те же юечжи, которые появились в Согде в IV–III вв. до н.э., могли продвинуться сюда через Хорезм, как это сделали в позднее время узбекские племена Шейбани-хана (см. там же). Представляется, что именно эти юечжи ранней волны и находились в конце III в. до н.э. на северных границах Греко-Бактрийского царства, о чем сообщал Эвтидем селевкидскому царю Антиоху (см. [Толстов, 1948, с. 231 и сл.]).

Если исходить из предположения, допускаемого рядом исследователей (например, [Мандельштам, 1978]), о том, что каждый тип погребального сооружения кочевников, появившихся в Средней Азии в связи с разгромом Греко-Бактрии, соответствовал одному из племен, называемых в античных письменных источниках (обзор литературы по кушанской проблеме, о юечжи и т.д. см. [Зеймаль, 1968]), то можно сделать вывод о том, что в Хорезме с IV–III вв. до н.э. находились какие-то группы из трех племен этого «круга». Автор не склонен абсолютизировать археологический материал, но вынужден сохранить общее наименование — «юечжи» — этой группы кочевников, пришедших с востока по степному поясу до Южного Приуралья и затем на Устюрт, в Хорезм и в Восточный Прикаспий, не вкладывая в него конкретного этнического содержания, так как для этого нет оснований в сообщениях источников. В связи с тем, что юечжи относят то к иранским племенам, то к тохарам-индоевропейцам, В.И.Абаев заметил, что «на всем доступном обозрению отрезке судьбы тохаров тесно переплетаются с судьбами сакских племен... настолько, что до сих пор не выяснено, к какому именно народу относилось первоначально название „тохары“ — к иранским сакским племенам или к носителям той особой индоевропейской речи, которую мы теперь называем „тохарской“» [Абаев, 1965, с. 138]. Добавим к этому, что тохарские индоевропейские племена могли еще в Восточном Туркестане войти в состав «юечжийского», (иранского) объединения племен и были еще там ассимилированы, но сохранили свое этническое имя (или имена). Поэтому, даже установив имена племен этой эпохи, мы не сможем сделать вывод об их этническом происхождении.

Ниже мы приводим краткий очерк о возможной локализации территории сакараваков — одного из юечжийских племен, известных по эпохе разгрома Греко-Бактрии, так как это племя отмечено Птолемеем близ восточного побережья Каспия, между устьями Окса и Яксарта.

Данных для их локализации явно недостаточно. У Страбона (XI, 8, 2) «сакаравлы» упомянуты среди племен, сокрушивших Греко-Бактрию и пришедших из-за Яксарта. Помпей Трог (оглавление к 41-й книге) отмечает, что сарауки и асианы заняли Бактрию и Согд. Маркварт считал, что сарауки захватили Бактрию, а асианы — Согд [Marquart, 1901, с. 201] (ср. [Мандельштам, 1978, с. 136]). Помпей Трог отмечает гибель сарауков (Трог. Prol. 42). А.Херманн считал, что это произошло в 20 г. до н.э. и связано с войной с тохарами [Herrmann, 1920]. У Птолемея (VI, 14, 14) в местности, ограниченной с востока Оксийскими горами, на участке вблизи устья Яксарта и части побережья между двумя реками, живут ариаки, ниже — намасты, дальше — «сагарауки». Если рассматривать отмеченное расселение племен вдоль Яксарта в связи с торговым путем, к которому скорее всего относятся сведения источника Птолемея, то сакараваки должны размещаться где-то на средней Сырдарье, между ариакими и намастами с одной стороны и тохарами — с другой. Если же ориентироваться на Оксийские горы (Большой Балхан и Заузбойское плато) и побережье Каспийского моря, сакараваки могут быть локализованы между Балханами и Мангышлаком, что близко к предложенной Б.А.Литвинским их локализации на Устюрте или между Аралом и Каспием [Литвинский, 1972, с. 171, примеч. 39].

Оросий (I, 2, 43), автор IV в., сообщающий явно более ранние сведения, как считают все исследователи [Литвинский, 1972, с. 171], упоминает сакарауков в связи с местностью у реки «Ганг» (вероятно, Канг). Здесь же упомянуты дахи и парфиены. Возможно, что эта местность входила в границы Дрангианы, где до сих пор много топонимов с «Канг» (г. Фарах-Канг, горы Канг и т.д.). Точка зрения В.Тарна — С.П.Толстова [Толстов, 1948, с. 243 и сл.] о тождестве сакараваков и Кангюя не может быть принята, так как сакараваки уходят на юг в Бактрию и даже как будто бы гибнут в конце I в. до н.э., тогда как Кангюй в это время и позже еще долго является самым мощным «владением» скотоводов на севере Среднеазиатско-Казахстанского региона. Можно, конечно, предположить, что сакараваки, проживавшие у Яксарта, входили во «владение» Кангюй и ушли с его территории на юг. Однако археологических подтверждений этой гипотезы мы не знаем.

О локализации сакараваков вблизи побережья Каспия, возможно, свидетельствуют компактные группы курганов (могильники) в подбоях с преобладанием южной ориентировки у северных склонов Большого Балхана и у поселка Туэр, которые датируются не позже III–II вв. до н.э. Тогда большая часть подбойных погребений Устюрта и левобережного Хорезма должна быть связана тоже с сакараваками. А.М.Мандельштам предпринимал попытку связывать отдельные типы

погребальных сооружений эпохи разгрома Греко-Бактрии с известными в письменных источниках племенами. С сакараваками он предположительно сопоставил погребения в катакомбах [Мандельштам, 1978]. Погребения в подбоях с южной ориентировкой в его отождествлениях отсутствуют. Кроме того, тогда еще не были известны материалы о подобных памятниках из Хорезма, с Устюрта и Туэра. Требуется дополнительные археологические материалы из разных районов Средней Азии, чтобы как-то приблизиться к разрешению проблемы о локализации сакараваков.

Пришедшие в левобережный оазис кочевники с подбойно-катакомбными захоронениями, расселяясь по соседству с куюсайцами — скотоводами или земледельцами, сохраняли свои погребальные сооружения и обряд погребения, хотя использовали хорезмийскую гончарную или куюсайскую лепную керамику и другие изделия местных ремесленников. Периодически встречаются, правда, сдвинутые или сложенные специально в кучу, кости скелетов и в их погребениях и даже захоронения уже очищенных костей в сосудах-оссуариях. Так эта группа населения заимствовала местный погребальный обряд, соединяя его со своим традиционным погребальным сооружением. Представляется, что об устойчивости традиций в погребальной обрядности можно судить и по могильнику Тузгыр (первые века н.э.), где четко выделяются две отдельно расположенные группы погребальных сооружений — в подбоях с южной ориентировкой и в катакомбах с дромосом, расположенным на одной оси с катакомбой, и тоже южной ориентировкой погребенных [Лоховиц, Хазанов, 1979, план могильника]. Археологический материал, таким образом, не дает оснований считать, что юечжи ассимилировались в среде хорезмийцев (это наименование можно прилагать к двум более ранним группам местного населения, которые совместно проживали в оазисе низовьев Амударьи до появления здесь племен юечжей). За долгое время пребывания в левобережном Хорезме (с рубежа IV—III вв. до н.э. до V в. н.э.) они тоже «получили право» называться хорезмийцами, хотя и сохранили свою самобытность.

С этой юечжийской группой населения мы можем связывать и происхождение правящей династии Хорезма, чеканившей монету с конца I тыс. до н.э. [Вайнберг, 1977, с. 73 и сл.]. В монографии по нумизматике Хорезма я детально проанализировала все доступные в то время источники (нумизматика, тамги, письменные свидетельства), поэтому здесь я не буду повторять аргументацию, а изложу лишь основные выводы исследования. Династия Хорезма, чеканившая монету, происходила из кочевого племени, принимавшего участие в разгромах Греко-Бактрийского царства. Сопоставление тамг на монетах позволило предположительно выделить особую юечжийскую группу (условное ее название «юечжи дома Чжаову»), которая осталась в Средней Азии после ухода основной массы кочевников за Амударью и с которой,

вероятно, связаны и некоторые местные династии более позднего времени (Согд, Бухара, Хорезм и др.). Сопоставление тамг на монетах с широким кругом подобных знаков, известных на территории от Западной Монголии до Причерноморья [Вайнберг, Новгородова, 1976], позволило сделать вывод о том, что тамги распространялись с востока с племенами, которые в широком смысле слова можно назвать «сарматскими» (ср. идею о восточных сарматах у А.М.Мандельштама [Мандельштам, 1978]). При работе над книгой о нумизматике я еще не располагала материалами о ранних юечжийских погребениях в Хорезме, на Устюрте и Прибалханье. Выше уже отмечалось, что все подобные погребения чаще всего, если не было выразительного состава инвентаря, относились к первым векам н.э. или датировались по историческим свидетельствам от II в. до н.э. Сейчас нам известно, что юечжийская группа племен появилась на северо-западе Средней Азии не позже рубежа IV–III вв. до н.э., вторая же волна движения, связанная с эпохой разгрома Греко-Бактрии, здесь не фиксируется. Поэтому трудно сказать, когда пришли к власти в Хорезме выходцы из нее. Возможно, что это произошло вскоре после их прихода в оазис низовьев Амударьи, а позднее, во II–I вв. до н.э., в подражание своим «сородичам», захватившим власть в Согде и Бактрии, они стали чеканить монеты. Подобный вывод может найти подтверждение в развитии сети небольших земледельческих оазисов на западной периферии Хорезма, где специально для нужд кочевников развивалось расширенное производство земледельческой (в том числе виноградарство и виноделие) и ремесленной продукции (прежде всего гончарства). Объясняем мы это особым статусом кочевников в государстве как гаранта защиты Хорезма [Вайнберг, 1991] (см. также главу 3 части III). Но, может быть, к этому добавлялось и такое обстоятельство, как захват власти в государстве выходцами из этих племен. Косвенным подтверждением этому является и ранний тип местных тетрадрахм (тип АII), в котором демонстрируется переход к местным древневосточным традициям в изображении царя на лицевой стороне монет, чего нет ни в одной синхронной серии монет на юге Средней Азии. Это произошло скорее всего потому, что за тот довольно длительный (почти двести лет) период пребывания в Хорезмском оазисе юечжи не только познакомились с местными традициями, но, вероятно, и усвоили многие нормы, связанные с управлением страной, особенно если они находились у власти в государстве. Подобная реконструкция событий, возможно, объясняет и тот факт, что эта группа населения, судя по археологическим материалам, не ассимилируется, а сохраняет свои традиции, принесенные в Хорезм извне.

Если и произошел приход к власти юечжи в Хорезме ранее II в. до н.э., то это вряд ли изменило этническую картину в государстве. Основа хозяйства пришельцев (скотоводство) сохранилась.

До IV в. н.э., когда в оазисе низовьев Амударьи разразился экологический и социальный кризис, расселение этнических групп и их существование были стабильными. В Хорезме могли находиться и другие, более мелкие этнические группы, пришедшие извне. Так, есть основания выделять население, оставившее коллективные погребения в больших ямах с дромосом. Уже отмечалось, что в V—IV вв. до н.э. они появляются у северо-западных границ Хорезма (район Девкескена) и почти одновременно в левобережной части оазиса (могильник Сакар-Чага 1). Если более поздние коллективные погребения в почти наземных камерах связаны с ними (что может установить только анализ антропологического материала), то тогда эта группа населения находилась в оазисе до IV в. н.э. включительно.

После IV в. н.э., когда началось осушение Присарыкамышской дельты, наступил новый период в этнической жизни Хорезмского оазиса. Сократилась территория, пригодная для земледельческой деятельности. В связи с запустением левобережных оазисов плотность населения в правобережном Хорезме и вблизи русла Амударьи должна была увеличиться. А это, в свою очередь, усилило процессы смешения и ассимиляции разных групп населения. Поскольку исчезает изолированная территория расселения потомков куюсайцев, как и юечжийской группы, — а вряд ли все они имели возможность выселиться из оазиса низовьев Амударьи, — процесс ассимиляции должен был захватить и их. Вероятно, именно с этой эпохи понятие «хорезмиец» и становится единым «этническим» определением для жителей страны. Может быть, именно в силу того, что правобережная часть оазиса оказалась основной в этот период, в керамическом комплексе доминируют традиции местной «деревенской» светлоангобирванной посуды, они оказывают заметное влияние и на гончарную «городскую» керамику.

Эпоха «великого переселения народов» не миновала и Среднюю Азию, что особенно наглядно демонстрируют материалы из присырдарьинских районов. Хотя Хорезм оставался несколько в стороне от движения основной массы кочевников, проходившего по степному поясу и вверх по Сырдарье, ряд археологических материалов, которые имеются в настоящее время, явно свидетельствуют о том, что и в низовья Амударьи докатились отголоски «переселений», захвативших другие области. В археологической части (часть III, главы 3 и 4) мы обратили внимание на барактамский комплекс и каунчинский «след» в керамике этого периода, связанный с районами средней Сырдарьи.

При исследовании монет древнего Хорезма я выделяла серию монет правителей, условно названных «туранскими», — Вазамара и его преемников (с конца III по V в.), связь которых с восточными при-

сырдарьинскими районами определялась по короне в виде лежащего верблюда и по своеобразным тамгам, находящим аналогии в материалах каунчинской культуры [Вайнберг, 1977, особенно с. 97]. Там же я отмечала, что хронологически период «туранских» правителей в Хорезме совпадает с некоторыми новыми явлениями в культуре, которые увязывают с приходом сюда хионитов [Толстов, 1962, с. 232; Неразик, 1966, с. 124; Неразик, 1968, с. 198 и сл.], хотя все параллели уводят в присырдарьинские районы [Вайнберг, 1977, с. 97]. О хионитах речь пойдет ниже. Здесь же укажем, что новые археологические материалы только подтвердили отмеченное нами направление связей.

К вопросу о тохарах

Стало уже общим местом в литературе связывать продвижение в южные районы Средней Азии каунчинских керамических и других материалов с вытеснением джетыясарцами части населения со средней Сырдарьи. Как показала Л.М.Левина [Левина, 1981; Левина, 1996], сами джетыясарцы в IV–V вв. испытали сильное давление как с севера (со стороны южных районов Западной Сибири), так и с востока и юго-востока (гунны и другие народы). В результате этого из Джетыясарского оазиса ушла большая и, вероятно, наиболее древняя по происхождению группа населения, для которой были характерны погребения в ямах с нишками. Представляется, что в непосредственной связи со всеми этими перемещениями и можно рассматривать материалы из низовьев Амударьи.

Не имея возможности в силу огромного объема археологического материала из разных районов Средней Азии детально анализировать всю проблему переселения народов здесь с рубежа III–IV по V–VI вв., я предлагаю читателю основные контуры гипотезы, которая возникла в связи с первичным исследованием этого материала. Только обратим внимание на то, что некоторые хронологические «разночтения», связанные с материалами этого периода в истории Средней Азии, чаще всего происходят от признания разных систем кушанской хронологии (см. [Зеймаль, 1968]).

Распространение джетыясарских элементов культуры прослежено по Сырдарье до Западной Ферганы, а дальше своеобразную эстафету движения «приняли» каунчинцы [Левина, 1971; Левина, 1981]. Обратимся к общим соображениям по этнической атрибуции этой культуры.

Каунчинская культура традиционно связывается с Ташкентским оазисом, но вместе с могильниками Таласской долины она, бесспорно, образует один археологический ареал, для которого характерны погребения в катакомбах с узким перпендикулярным к ним дромосом (подобные катакомбы только изредка встречаются в других районах, кроме Западной Ферганы, и, как правило, не образуют там компактных групп), общие типы погребального инвентаря и, главное, керамика ремесленной выделки (но без гончарного круга).

Несмотря на неоднократно предпринимавшиеся попытки удревнения каунчинских материалов, начальная дата их ранее последних веков до н.э. не получила подтверждения. В районах, прилегающих к Сырдарье, пришлое каунчинское население испытало сильное влияние согдийской культуры (это стало особенно ясно после раскопок на Канке), что и «отделило» собственно каунчинскую культуру от таласско-кенкольского комплекса. Катакомбы с длинным узким дромосом находят параллели в Восточном Туркестане (Турфанский оазис), где они связываются с тохарами [Восточный Туркестан. 1995, с. 284 и сл.], что дает основание для вывода об этносе и каунчинско-кенкольской группы племен. Вероятно, восточные, как и западные, районы вблизи Тяньшаня занимала одна и та же группа населения. В IV в., после полученного от джетыясарцев толчка, начинается движение каунчинцев. По материальной культуре оно фиксируется в Бухарском и Каршинском оазисе, в Согде (Г.В.Шишкина предполагает даже возможность переселения сюда части каунчинцев — см. [Шишкина, 1985]). В Сурхандарьинской долине в IV–V вв. ряд поселений приходит в упадок, что, возможно, тоже связано с передвижением каунчинцев. Хорезмийские материалы могут быть рассмотрены именно в контексте этой эпохи. Как уже отмечалось (часть III, глава 3), влияние каунчинцев фиксируется вплоть до средней Амударьи.

Таким образом, на основании археологических материалов можно говорить о крупном передвижении «племен» в IV–V вв. в Средней Азии, которое не зафиксировано письменными источниками. Для этого времени мы располагаем только весьма туманными сведениями китайских хроник. Поскольку каунчинцы не ушли совсем с Сырдарьи, то для китайцев передвижения их в других районах Средней Азии могли остаться незамеченными или по крайней мере несущественными.

Согласно античным письменным источникам, во II в. до н.э. тохары принимали участие в наступлении на Греко-Бактрию, в ходе которого они были подчинены асанами (Помпей Трог), их дальнейшая судьба на юге Бактрии осталась неясной. Появившееся в IV в. название южной Бактрии — Тохаристан позволило историкам предположить, что там от эпохи II–I вв. до н.э. сохранилось значительное количество тохаров, но никаких доказательств не приводилось.

Вместе с тем у Птолемея на средней Сырдарье, вблизи слияния ее истоков (ниже по течению) отмечен народ «тохары». Можно предположить, что в разгроме Греко-Бактрии принимала участие только часть тохар, а значительная их группа осталась недалеко от традиционных мест расселения — в Притяньшанье, вблизи Яксарта и у границ Согда, а возможно, частично и на его территории (Согд не входил в состав Греко-Бактрии).

В IV в. н.э. под давлением племен «эпохи великого переселения народов», «выплеснувшихся» по Сырдарье в Среднюю Азию, тохары-

каунчинцы частично сдвинулись со своей территории и, пройдя Согд, ушли традиционными путями в Бактрию, с чем и было связано переименование в IV в. этой области на короткий период в Тохаристан. До наших дней это название дожило в имени одной из северо-восточных областей Афганистана, где расселены народы с преимущественно скотоводческими традициями хозяйственной деятельности.

Влияние экологических условий и как следствие традиционность путей передвижения скотоводов прослеживаются и на материалах каунчинского археологического комплекса. Они четко фиксируются на узбекской территории, где кочевники-завоеватели в первую очередь осваивали земли, пригодные для ведения скотоводческого хозяйства. Долина верховьев Зеравшана и районы к югу от Гиссарского хребта не затронуты этим движением. Археологических материалов с территории Афганистана, подтверждающих нашу гипотезу, я не знаю, но, может быть, они и не настолько выразительны. Скорее всего, это формат кирпича, очажные подставки и в меньшей степени керамика, если судить по материалам из районов Западного Согда.

Совпадение хронологии передвижения предполагаемых тохаров-каунчинцев от Сырдарьи на территорию Согда (бесспорно) и далее в Бактрию (гипотетически) и появление названия Тохаристан в источниках, как представляется автору, свидетельствует в пользу изложенной гипотезы.

Если наше предположение верно, то в IV–V вв. в Хорезме появляется какая-то группа тохаров и родственного им населения со средней Сырдарьи (Барактам в Северной Акчадарьинской дельте).

На северо-западе, у границ Хорезма, на Устюрте к этой эпохе относится уникальный могильник Чаш-тепе (или хотя бы часть его сооружений — см. [Рапорт, Трудновская, 1979]). Археологические исследования на нем носили разведочный характер, вскрыты скромные сооружения IV–V вв. В могильнике встречаются грандиозные и уникальные для района Приаралья курганы (в 1970 г. я видела, как в грабительской воронке одного из таких курганов спокойно разместилась грузовая машина и несколько десятиместных палаток строителей газопровода). На аэрофотоснимках обнаружено сооружение в виде большой свастики с закругленными концами. Вряд ли сейчас можно даже предположительно высказать суждение об этом уникальном комплексе, его хронологии и тем более этнической атрибуции.

* * *

О хионитах и эфталитах, связываемых иногда с территорией Хорезма [Неразик, 1968; Вайнберг, 1971; Вайнберг, 1977, с. 91 и сл.], я бы сейчас высказалась с большей осторожностью. Материалы, относимые к хионитам, включали прежде всего деформированные черепа с Куня-Уаза и Канга-калы, которые стали в последние десятилетия обыденной наход-

кой (как в дельте Амударьи, так и в дельте Сырдарьи) не только IV–V вв., но и более раннего времени. С борьбой с хионитами С.П.Толстов [Низовья Амударьи, 1960] связывал и сооружение крепости Игды-кала на Узбое. Как показали последующие исследования на этом памятнике, он возник еще во II–I вв. до н.э. и в IV в. завершил свое существование, к истории хионитов эта крепость не имеет отношения. Исследования письменных памятников и нумизматики прочно связали историю народа, известного под именем хионитов, только с южными районами Средней Азии (см. [Маршак, 1971; Вайнберг, 1972 — там же литература по нумизматике]). Мы уже отмечали, что мнение о хионитах на севере региона возникло благодаря созвучию названия народа хионитов и имени Хуни, одного из представителей «гунно-угорского»(?) объединения племен степного пояса «эпохи великого переселения народов».

В связи с анализом монет конца VII — начала VIII в. автор предполагал, что вместе с эфталитским по происхождению правителем из Чаганиана в Хорезме должна была появиться какая-то группа этого населения из северного Тохаристана. Новыми материалами по этой проблеме мы не располагаем. Но, учитывая, что собственно эфталиты выступали на исторической арене несколько раньше указанного времени, к концу VII в. в Тохаристане их имя могли носить уже только потомки, смешавшиеся скорее всего с местным населением, так что это были, вероятно, «эфталиты» по имени, а не этнической принадлежности. Что же касается последней, то я полностью могу присоединиться к мнению, что этническая принадлежность эфталитов и хионитов не установлена [Гафуров, 1972, с. 203–210; ОИЯ, 1981, с. 316, 322–323].

В конце VII в. в правобережной части низовьев Амударьи, на территории вновь обводненных протоков появляется новая группа населения, оставившая кердерскую культуру.

С VIII в. в письменных источниках появляются сведения об области Кердер (Кардар, Курдур — в зависимости от огласовок) и одноименном канале [Бартольд, 1963, с. 201, 206]. Наиболее ранние сведения отмечены у Табари и связаны с эпохой арабского завоевания Хорезма (Табари, II, 1525; о политической истории этого периода см. [Вайнберг, 1977, с. 98 и сл.]). Как следствие образования этого «владения» Аральское море иногда называется Кердерским озером [МИТТ, т. I, с. 146, 178, 179, 181, 187, 189, 206, 217, 431].

Область Кердер была локализована в правобережной части Приаральской дельты [Толстов, 1948б; Ягодин, 1963а]. Основанием для этого послужили письменные источники домонгольского времени, и прежде всего дорожники. Для этнической атрибуции населения этой области есть две группы материалов — археологические (их мы охарактеризовали выше, см. главу 3 части III) и скудные письменные свидетельства. Ибн Фадлан [Ковалевский, 1956, с. 123] и Якут [МИТТ, т. II, с. 43], побывавшие в Хорезме, отмечали особенности языка жи-

телей Кердера (ал-Кардалия у Ибн Фадлана). Ввиду важности для нашего исследования этого вопроса приведем перевод текста Якута полностью: «Кардар — местность в области Хорезма или на его границе с областью тюрков. Язык (населения) ее не хорезмский и не тюркский. У них в области множество селений; у них стада и животные; но это презренные люди. Так рассказал мне о них Ибн Кассам ал-Хабали...» [МИТТ, т. II, с. 43].

Поскольку в орнаментике сосудов керамического комплекса кердерской культуры, как мы отмечали выше, прослеживаются прежде всего явно угорские аналогии (для саргатской культуры юга Западной Сибири на всем протяжении ее существования была характерна именно такая орнаментация — см. [Могильников, 1973, с. 244]), мы предположили, что неизвестный язык жителей Кердера мог быть угорским. Саргатцы к V в., в период «великого переселения народов», были увлечены гуннами на запад. Часть их ранее и, вероятно, также в это время попала в Восточное Приаралье [Левина, 1996], где частично смешалась с джетыасарцами (по происхождению иранцами, как мы предполагаем, — см. ниже). В конце VII в., в период создания Второго тюркского каганата (690 г.) или несколько позже — в самом начале VIII в., когда в 711–712 гг. тюрки вторглись в Семиречье и, разгромив тюргешей, в 712–713 гг. предприняли походы в южные районы Средней Азии, эта еще не ассимилированная ни иранцами-джетыасарцами, ни тюрками группа угров продвинулась в правобережье нижней Амударьи, где и создала на вновь освоенных землях удельное владение под эгидой Хорезма.

Основываясь на этом предположении, мы обратили внимание на этнонимы и топонимы в гунно-угорской среде Нижнего Поволжья и прилегающих районов, где расселялись в V–VIII вв.: многие народы, в составе которых были савиры — потомки угров из Западной Сибири [Артамонов, 1962]. Прежде всего это племя «зебендер» (согласно Феофилакту Симокатте, оно было из народа уар и хунни — см. [Артамонов, 1962, с. 140]), хазарский город Семендер на Северном Кавказе, Кедарская земля в Восточной Европе XII в. [Артамонов, 1962, с. 446] и Кедар в правобережье средней Сырдарьи в домонгольское время. С.Г.Агаджанов отмечал, что в тексте Идриси река Урал называется Дандераб [Агаджанов, 1969, с. 62], а к востоку от реки Урал был город Дандера [Агаджанов, 1969, с. 61]. В русских документах XVIII в., по сведениям, приведенным С.Г.Агаджановым [Агаджанов, 1969, с. 62], на реке Урал еще существовало урочище Дандера. Добавим к этому название крупного озера в этом районе, сохранившееся и поныне, — Индер. М.И.Артамонов отмечал, что арабы называли болгар венедерами или нендерами, и считал, со ссылкой на заключения П.К.Коковцова, что изначальной формой была W-n-gur [Артамонов, 1962, с. 172]. В круг очерченных топонимов и этнонимов

бесспорно можно включить и Кердер. Все они имеют одинаковую и неизменную вторую часть, которая, как нам представляется, может происходить из угорских языков; присутствие угров в районе реки Урал вероятно, угорский компонент отмечается всеми исследователями в составе тюркских народов Северного Кавказа и Нижнего Поволжья в раннем средневековье (ср. [Артамонов, 1962, с. 141, примеч. 40]).

Есть еще одна довольно широко известная этническая группа, которую можно с полным основанием связывать с областью Кердер. Это арсии — знаменитая мусульманская гвардия хазарских царей в X в. Арабские писатели приводят ряд вариантов написания их имени: ларсии, арсии (ал-арсии). Масуди отмечал, что эти мусульмане-арсии переселились в Хазарию из местности, соседней с Хорезмом [Артамонов, 1962, с. 316-317, 406-407]. М.И. Артамонов приводит разнообразные сведения из литературы, в которой обсуждался вопрос о происхождении этой этнической группы (от аорсов, аснев-алан, аснев эпохи разгрома Греко-Бактрии, от Аршакидов, от ар-си = юечжи и т.д. — см. [Артамонов, 1962, с. 407]).

Указание на Хорезм или область около Хорезма в ситуации X в. заставляет нас вспомнить о Кердере, который мусульманские авторы так и характеризуют. В области Хорезм среди городов упоминается Кардар (ал-Истахри — [МИТТ, I, с. 178]), город и канал Кардар в Хайтале (на правом берегу) в Хорезме (ал-Макдиси — [МИТТ, I, с. 187-189]). В качестве области рядом с Хорезмом упоминают Кардар Ибн Хордадбех [МИТТ, I, с. 146] и Якут [МИТТ, I, с. 431]. Напомним, что еще в VIII в. Табари отмечал отдельное от Хорезма владение в Кардаре со своим царем. Это получило подтверждение в монетном чекане этой области [Вайнберг, 1973; Вайнберг, 1977]. Анализируя тамгу (Т12 по нашей типологии), я отметила аналогии ей в Саркеле [Щербак, 1959, с. 363 и др., табл. VI], среди клейм скота в Венгрии (!) [Tárkány Szűcs, 1965, табл. XXXIII, VIII] и у ногайцев рода канглы [Баскаков, 1940, с. 182 и табл.], но среди них особо выделила связь с присырдарьинскими районами через канглы. Сейчас я понимаю, что в свете предлагаемой гипотезы об угорской этнической атрибуции кердерцев аналогии в Саркеле и особенно в Венгрии приобретают особый смысл, косвенно подтверждая эту гипотезу (иранское имя или титул царь Кердера Хусрав мог получить в Хорезме от местного сюзерена — хорезмшаха).

Возвращаясь к арсиям, обратим внимание, что не все они ушли из Кердера-Хорезма в Хазарию. Анализируя этнический состав кипчаков в XI — начале XIII в. по арабским источникам, Б.Кумекhov отмечает в их составе племя ал-'рс, которое он связывает с аорсами-асами, считая иранским, родственным аланам [Кумекhov, 1990, с. 122]. По его мнению, это племя было тюркизировано в районе Хорезма в XI-

XII вв., когда там пребывали кипчаки. Не имея оснований оспаривать вывод Б.Кумекова, рискну предположить, что нет оснований возводить арсиев в составе кипчаков к иранцам-аланам, это были потомки угров-кердерцев. Область Кердер известна в домонгольское время, соответствующие слои есть на Ток-кале (город Дарсан) и Хайван-кале (город Кердер), есть на Ток-кале и погребения по мусульманскому обряду, что существенно при локализации арсиев. Возможно, что отголоски их имени можно видеть в названии самого города Дарсан, отмечаемого дорожниками в Кердере. Возможно, что в этом топониме, в первой части можно видеть усеченную форму иранского *dax* (селение), племенное название *арс* — в середине и традиционное окончание *-ан*. По типу это название дано жителями Хорезма ближайшему к их территории городу соседней области по этнониму его жителей.

В тюркской среде имя арсиев стало развиваться по законам тюркского языка, где *арс* > *ас* (см. [Севортян, 1966, с. 115]), откуда появляются и формы имени предводителя отряда гвардии хазарского царя — хорезмийца *Ас-Тархана* или *Рас-Тархана* [Артамонов, 1962], известного по событиям 764 г. в Закавказье.

Подводя итоги, подчеркнем, что население Кердера вплоть до монгольского времени сохраняло свою самобытность и вынуждено было покинуть эту область в связи с изменением режима обводнения дельты.

ГЛАВА 4

Районы нижней и средней Сырдарьи

Этническая история и этногеография этой области по сравнению с низовьями Амударьи не столь ясны, так как при огромных ее размерах она археологически изучена недостаточно и очень неравномерно, имеются и хронологические лакуны. Поэтому я предпочитаю изложить имеющиеся данные в виде отдельных очерков.

Дахи

Для отождествления носителей чирикратской культуры с одним из известных по письменным источникам племен или народов существенное значение имеет не только географическое положение памятников этой культуры, но и ряд выводов, которые можно сделать на основании их изучения.

Во-первых, генетическая связь чирикратского комплекса с культурой саков низовьев Сырдарьи (могильники Уйгарк, южный Таги-

скен, шлаковые курганы и поселения), что предполагает по крайней мере значительное этническое единство населения с VII в. до н.э. до II в. до н.э. на этой территории.

Во-вторых, включение носителей чирикратбатской культуры в административно-хозяйственную систему Ахеменидской империи, что нашло свое отражение в постройке сатрапской резиденции (Бабиш-мула I) и распространении на этой территории достижений строительного дела и гончарного ремесла из более южных районов державы. Разгром Ахеменидов Александром Македонским имел существенные последствия и для этого региона, хотя прямо не затрагивал его. Осталась недостроенной сатрапская резиденция, очевидно, прекратился приток ремесленников из южных районов, оборвались многие культурные связи, что повлекло явное огрубление и изменение традиции в строительстве и гончарстве.

В-третьих, полное исчезновение памятников чирикратбатской культуры в низовьях Сырдарьи ко II в. до н.э. (процесс этот мог происходить и ранее, но на материале изучаемого региона мы не имеем критериев для выделения в пределах III–II вв. до н.э. более дробных хронологических периодов). Этот процесс связан с изменением гидрографической сети сырдарьинской дельты. Вероятность такого объяснения подтверждается отсутствием здесь памятников более позднего времени (до средневековья).

Учитывая все это, можно с достаточным основанием предположить, что комплекс чирикратбатской культуры низовьев Сырдарьи принадлежал даям (дахам). Они появляются на исторической арене не позже середины I тыс. до н.э. (ср. [Junge, 1939, с. 71; Струве, 1968, с. 61, примеч. 76]). Имя этого иранского кочевого племени в форме Daai встречается у Геродота (I, 125), его отождествляют с daha Авесты (Яшт XIII, 143; см. также [Nyberg, 1938, с. 249]). В качестве подданных Ахеменидской империи daha упоминаются в «Антидедовской» надписи Ксеркса (XPh. 26 [Herzfeld, 1938; Струве, 1968, с. 119]) наряду с саками-хаумаварга и саками-тиграхауда. Последние две группы кочевых племен Средней Азии локализируются большинством исследователей на юго-востоке Средней Азии по соседству с Бактрией и Согдом (это саки-хаумаварга, или амюргийские) и к востоку от Каспийского моря — саки-тиграхауда, отождествляемые с массагетами (см. [Литвинский, 1972, с. 158–178]). В.В.Струве считал daha «саками, которые за морем» накширустемской надписи Дария I (DNa, 28–29 [Струве, 1968, с. 111]) и «саками за Согдом» из надписей на документах об основании дворцов Дария I в Персеполе и Экбатанах ([Herzfeld, 1938, с. 19], переводы [Струве, 1968, с. 58; Абаев, 1980, с. 36]). В.В.Струве также связывал их со «страной саков, достигающей предела земли» или «саками болот и долин» из надписи на Суэцком перешейке [Струве, 1968, с. 113–114; Эдаков, 1976, с. 91–97] и считал их саками-массагетами.

В настоящее время в науке господствует мнение об отождествлении «саков, которые за морем» с европейскими скифами [Литвинский, 1972, с. 158]. Массагеты же по общему признанию жили к востоку от Каспийского моря. Открытие и исследование многочисленных памятников на Узбое и в Закаспии [Юсупов, 1986] делают эту локализацию весьма обоснованной и соответствующей данным Геродота, Страбона и других древних авторов о массагетах за рекой Оксом (Араксом) к востоку от Каспийского (Гирканского) моря. С.П.Толстов [Толстов, 1961; Толстов, 1962, с. 136] связывал территорию чирикратбатской культуры на Жаныдарье с апазиаками. Согласно данным письменных источников, апазиаки расселялись в низовьях каспийского рукава Амударьи (вблизи Гиркании). Новые археологические материалы, свидетельствующие об обводнении Узбоя (рукава Амударьи, впадавшего в Каспийское море), позволяют подтвердить эти сведения и связать с апазиаками западную группу памятников узбойской культуры [Юсупов, 1991].

Б.А.Литвинский предложил локализовать владения «саков, которые за Согдом», на правобережье средней Сырдарьи [Литвинский, 1960, с. 169]. Подобное заключение, на наш взгляд, противоречит устойчиво сохраняемым античной традицией сведениям о том, что Яксарт был границей державы Ахеменидов (Страбон XI, II, 4; Солин XIX, 6). Страна «саков, которые за Согдом», определяет крайние северные или северо-восточные пределы Ахеменидской державы, так как она противопоставляется южному пределу — Кушу [Herzfeld, 1926, с. 2107; Kent, 1943, с. 305].

Интересные сведения о кочевых племенах сохранили сподвижники Александра Македонского, они приводятся в описаниях его похода у Арриана и Квинта Курция Руфа. Согласно Арриану, на север от Согдианы простирается «равнина около скифской пустыни» (Арриан IV, 5, 3–4), что дает основание считать Кызылкумы «скифской пустыней». Если учесть приведенные выше данные о недостроенной, очевидно, сатрапской резиденции в низовьях Сырдарьи, к северу от этой пустыни, то можно помещать там и владения «саков, которые за Согдом».

Для правителей земледельческого Согда ближайшими беспокойными соседями, как и много позднее для Тимура и его преемников, были, например, кочевники на северных окраинах их владений. Именно за обладание землями в низовьях Сырдарьи во имя безопасности своих владений на юге Средней Азии вели борьбу на протяжении всего XV в. тимуридские правители [Иванов П.П., 1958, с. 22]. Ситуация с расселением народов, бесспорно, была сходной в разные эпохи, так как она диктовалась экологией региона. К северу от земледельческого Согда располагалась «скифская» пустыня и далее в низовьях Сырдарьи — область «саков, которые за Согдом». Самаркандской степью называет автор XVI в. Рузбихан район против Отрара на про-

тивоположном берегу Сейхуна (Сырдарьи) [Рузбихан, 1976, гл. XXI, 70а].

У Квинта Курция есть дополнительные сведения: скифы — союзники Спитамена, действующие в районе Мараканды и на севере Согда, названы дагами (Квинт Курций Руф VII, VII, 32), которые, в свою очередь, являются соседями Хорезма наряду с массагетами (Квинт Курций Руф VIII, I, 8). Территория массагетов локализуется к западу от Хорезма, поэтому, учитывая приведенные выше данные, есть все основания поместить даев (дагов) к востоку от Хорезма, в низовьях Сырдарьи, что подтверждает, как нам представляется, точку зрения В.В.Струве об их тождестве с «саками, которые за Согдом» [Струве, 1968, с. 58, 113, 114]. Эта локализация согласуется и со сведениями Страбона (XI, 9, 2) о том, что даи первоначально (до их переселения к границам Парфии) жили «выше Меотиды» (об отождествлении в данном случае Меотиды с Аральским морем см. [Gutschmid, 1888, с. 31; Бартольд, 1965, с. 30]).

По Арриану, даи жили «за Танаисом» или «по Танаису», что опять же отвечает их локализации на Пра-Жаныдарье, бывшей в V–II вв. до н.э. самым юго-западным дельтовым руслом Сырдарьи. (О локализации даев в этом же районе Приаралья в целом см. [Литвинский, 1972, с. 173], там же сводка литературы.) Переселение даев в Прикаспий и на северные границы Парфии происходит в первой половине III в. до н.э. [Herrmann, 1914, с. 48; Пьянков, 1964, с. 124–125]. Археологические материалы чирикратской культуры этому не противоречат, так как в III в. до н.э., после второго этапа чирикратской культуры, памятники ее почти полностью исчезают в древней дельте Сырдарьи, а к началу II в. до н.э. чирикратская культура заканчивает свое существование. Племена, населявшие этот район, покидали свои земли в связи с изменением гидрографического режима дельты. Со II в. до н.э. основной сток в Аральское море происходит по системе более восточных и северных Пра-Кувандарьинских русел, где находилась территория племен джетыасарской культуры. Можно допустить, что переселение даев к границам Парфии произошло и с согласия, а может быть даже по приглашению, Селевкидов. Даи были союзниками Александра (Арриан V, 12, 2) и принимали участие в его индийском походе (Квинт Курций Руф VIII, XIV, V); вероятно, по традиции они сохранили союзнические отношения с Селевкидами и были поселены на северной границе Селевкидской державы для защиты от набегов других кочевых племен. К тому же это сдерживало самих даев и защищало владения Селевкидов от вторжения тех же даев (ср. [Толстов, 1948а, с. 231]).

Признание носителей чирикратской культуры дахами влечет за собой распространение этой этнической атрибуции и на ранних саков низовьев Сырдарьи, с которыми чирикратская культура связана

генетически. Судя по памятникам ранних саков, как мы это отмечали в археологическом разделе (часть III, глава 4), сложение их культуры происходило скорее всего уже на территории низовьев Сырдарьи, куда разные по происхождению группы их проникли в раннем железном веке. Дахи, согласно Страбону, на юге были объединением нескольких племен, вероятно, это была конфедерация (союз племен). «Следы» этих племен видны и в низовьях Сырдарьи, в отдельных оазисах с укреплениями в каждом из них, о чем уже говорилось выше.

Дахи, как мы отмечали в разделе об авестийской географии и этногеографии, упоминаются в Авесте (Яшт XIII, 143–144) в перечне областей, которые я считаю возможным связывать с кочевниками на северо-востоке Среднеазиатско-Казахстанского региона. Для какой-либо географической привязки этих областей данных там нет.

В III–II вв. до н.э. эта группа племен окончательно покидает Приаралье, и дальнейшая судьба ее связана уже с южными районами Средней Азии и территорией Афганистана.

Ариаки Птолемея

Ariakai (*area-ka «арийцы») названы в тексте Птолемея (VI, 14) и локализованы в левобережье низовьев Сырдарьи. Данные этого автора дают основание считать, что во всяком случае до I–II вв. н.э. этот народ (племя, «союз племен»?) занимал эту территорию. Сведения источника восходят к описанию торгового пути вдоль реки, поэтому есть все основания ему доверять — археологические материалы подтверждают наличие этого торгового пути [Левина, 1996], и относить территорию ариаков к реальному нижнему течению Сырдарьи, а не к ее предполагавшемуся устью у Каспийского моря (см. по этому поводу раздел об античной географии). В Восточном Приаралье в зоне дельтовых протоков в период со II в. до н.э. и до конца VIII в. н.э. существовала только одна археологическая культура — джетыясарская, поэтому есть все основания считать ариаками именно ее население. Если справедливо наше предположение о том, что в перечне областей Авесты в «Фарвардин-яште» (Яшт XIII, 143–144) под *арья*, как и другими названиями, надо видеть тоже область кочевников-скотоводов, то ариаки Птолемея соответствуют ариям (арья) этого Яшта. Мы уже разбирали выше возможную хронологию этого текста исходя из исторической ситуации и списка перечисляемых народов и пришли к выводу, что во всяком случае он древнее II в. до н.э. Это, как и ранние даты джетыясарских памятников, известных ныне в дельтовой области Сырдарьи, позволяет считать, что арии–ариаки расселились здесь по крайней мере с середины I тыс. до н.э., а возможно, и ранее.

Вместе с тем низовья Сырдарьи традиционно связываются с Кангюем (см. [Левина, 1996; Вайнберг, 1973]). Ниже мы предлагаем раздел по кангюйской проблеме, где покажем, как эти локализации согласовываются.

В то время, когда Птолемей отмечал ариaków в низовьях Яксарта, на территории в междуречье рек Урал и Волга, на его карте фигурируют аланы. По проблеме происхождения, локализации, культуре и истории этого народа («племени») существует огромная литература; многие исследователи пытаются доказать, что они пришли в Европу из Средней Азии или еще более восточных областей (см., например, [Шилов, 1983; Скрипкин, 1990; Яценко, 1994; Берлизов, Каминский, 1994, и др.]). Аланы расселялись, согласно данным письменных источников, вне Приаралья. Попытки локализовать их, учитывая сообщения китайских хроник о Кангюе и Янцае, в Северном Приаралье не отвечают смыслу описания природной среды, в которой они обитали. Именно поэтому еще С.П.Толстов отверг такую локализацию [Толстов, 1948, с. 21].

Описание географических реалий на территории Янцая соответствует больше всего междуречью Волги и Урала к югу от гор Общего Сырта, где, собственно, и отмечены аланы у Птолемея.

Археологи, к сожалению, не обращают внимания на некоторые существенные для аланской проблемы языковые данные. В.И.Абаев в словаре скифских слов отмечает: «*Ālan, allān* 'название скифского племени', из агуана 'арийский', 'ариец'» [ОИЯ, 1979, с. 277]. Не ставится под сомнение и вывод о том, что *alan* происходит от др.-ир. **āguāna-* с характерным для скифского или каких-то диалектов скифского переходом *g > l* [ОИЯ, 1979, с. 11]. Таким образом, развитие языков двух территориально близких групп населения — ариaków и аланов шло разными путями. О том, что отмеченная особенность скифо-аланского языка была свойственна какому-либо из известных древних языков Средней Азии, фактов нет. По данным В.И.Абаева, переход *g > l* не характерен и для языков Восточного Туркестана [Абаев, 1965], а это исключает приход алан как из Средней Азии, так и из Восточного Туркестана. Скорее всего, ариаки и аланы расселились из одного центра формирования древнеиранской группы племен, но аланы в силу соседства или взаимодействия со скифами восприняли от последних отличающий их язык переход *g > l*, который, по данным В.И.Абаева, появляется позже V в. до н.э. (см. [ОИЯ, 1979, с. 334]). Либо надо предположить, что «аланы» — это иноназвание, закрепленное за пришлым народом потомками скифов, к которым сами аланы не имеют прямого отношения, что как будто бы противоречит данным языковедения.

Важность кангюйской проблемы, одной из узловых в истории Средней Азии, вряд ли может быть подвергнута сомнению.

Большинство предпринятых в последние десятилетия исследований, так или иначе связанных с этой проблемой, как правило, затрагивает лишь отдельные стороны ее, и авторы их переносят акцент на разбор существующих точек зрения о кангюйской проблеме, а не обращаются к всестороннему анализу сведений источников (см., например, [Гумилев, 1960, с. 162 и сл.; Кляшторный, 1964, с. 161 и сл.; Литвинский, 1968]). Такой путь ведет к возникновению ряда заблуждений или недостаточно обоснованных выводов. Имеющиеся в литературе различные по полноте обзоры точек зрения о локализации Кангюя [Грум-Гржимайло, 1926, с. 7–9; Фуге, 1951, с. 125–127; Кляшторный, 1964, с. 161–179; Литвинский, 1968, с. 14 и сл.] дают возможность обратиться непосредственно к анализу исходных данных. Критический анализ их и предлагаемая интерпретация, как представляется, и смогут послужить той базой, которая даст возможность подходить к оценке различных выдвинутых в науке точек зрения о локализации Кангюя.

Сведения о Кангюе (*кит.* Канцзюй) заключены в китайских хрониках. Первые из них, зафиксированные в «Ши цзи» Сыма Цяня, получены в результате путешествия Чжан Цяня к Большим Юечжи [Бичурин, II, с. 147–168; Кюнер, 1961, с. 103; Hirth, 1917, с. 89–152; Groot, 1926].

Прежде чем обратиться к более поздним сообщениям, подытожим сведения, бесспорно относящиеся ко II в. до н.э.:

1. Кангюй — «кочевое владение» и «в обыкновениях сходствует», с одной стороны, с «юечжисцами», а с другой — с Яньцаем.

2. Чжань Цянь был препровожден в Кангюй «по почте» из Давани (ср. [Гумилев, 1960а, с. 162]). Это указывает на его осведомленность и на существование регулярного, вероятно торгового, сообщения между Даванью и Кангюем.

3. Локализация Кангюя, если отвлечься от анализа неясных цифровых данных, может быть определена исходя из того, что расстояния между «владениями» определялись источником между «столицами» — ставками правителей следующим образом: центр Кангюя располагался в 2000 ли от Давани на северо-запад; на юго-востоке (юге) Кангюй непосредственно граничил с Даванью; на юге же (в районе к западу от Давани) он граничил с Большими Юечжи, от которых зависел «по малосилию своему».

К северо-западу от центра Кангюя находился Яньцай (расстояние до него то же, что от Давани до центра Кангюя), «кочевое владение», местоположение которого определяется тем, что: а) оно «лежит» у

северного моря, не имеющего высоких берегов, и б) к югу от него расположено владение Аньси. Если учесть, что, согласно Чжан Цяню, от Юйтяня (Хотан), лежащей к востоку от Давани, реки текут на запад и впадают в западное море, которое он четко отличает от северного и другого западного (Средиземного), близ которого лежит Тяочжи, то следует сделать вывод, что Аральское море, куда впадают Сырдарья и Амударья, могло быть ему известно. Аньси бесспорно всеми отождествляется с Парфией. Географическая характеристика северного моря у берегов Яньцая соответствует северному побережью Каспия от полуострова Бузачи на востоке до дельты Терека на западе (о сопоставлении Яньцай — аорсы сводку литературы см. [Ягодин, 1971, с. 25]). Кангюй локализуется к юго-востоку от него и, согласно данным Чжан Цяня, должен был занимать земли от северного (Северо-Восточного) Прикаспия (Яньцай) до Давани. Примерно в середине этого расстояния, приходящегося на Северо-Восточное Приаралье (Приаральские Каракумы и низовья Сырдарьи), должен помещаться центр Кангюя. Сообщение о том, что Большие Юечжи, находящиеся к западу от Давани и к востоку от Аньси (на север от реки Гуй-шуй), располагаются южнее Кангюя, соответствует такой локализации. Рассмотрим еще одно сообщение «Ши цзи», касающееся географии Кангюя, о том, что на востоке он «признает» власть хуннов (но нет сведений о смежности границ). Чжан Цянь, бывший в плену у хуннов, так определял их местоположение в то время: «Давань лежит от хуннов на запад» [Бичурин, II, с. 149]. «Западная сторона хуннов простирается от Соляного озера (отождествляется с Лобнором) на востоке до Великой стены в Лун-си» [Бичурин, II, с. 150]. Владение же Усунь — на северо-восток от Давани на расстоянии почти в 2000 ли — прежде было под зависимостью хуннов, но когда оно усилилось, то «отказались от поездок в Орду хуннов» [Бичурин, II, с. 150]. Чжан Цянь отмечал: «...в пребывание мое у хуннов слышал я, что усуньский владетель титуруется Гуньмо; отец сего Гуньмо имел небольшое владение на западных хуннских пределах... По смерти Шаньюя, Гуньмо с своим народом отделился и отказался от поездок в Орду хуннов» [Бичурин, II, с. 155]. Шаньюй умер в 127 г. до н.э., когда Чжан Цянь был задержан у хуннов на обратном пути из Дахя (Да Ся) в Китай [Бичурин, II, с. 148]. Все приведенные в «Ши цзи» данные не дают оснований говорить о непосредственном соседстве Кангюя с хуннами (ср. [Гумилев, 1960а, с. 178]). На западе власть хуннов до 127 г. до н.э. во всяком случае простиралась на «владение Усунь», которое, как можно заключить по данным Чжан Цяня, находилось к востоку от центральной и южной части Кангюя (Кангюй в 2000 ли на северо-запад, а Усунь в 2000 ли на северо-восток от Давани). Вероятно, именно из «владения Усунь» на запад, на Кангюй, и распространяли во II в. до н.э. свою власть хунны.

Если исходить из данных Чжан Цяня, предположение о локализации Кангюя в Согде должно быть отвергнуто как не отвечающее не только всему комплексу сведений, но даже нескольким из них, отдельно взятым. К вопросу о возникновении подобной локализации, основанной на данных поздних хроник, мы вернемся ниже. Точка зрения Г.Е.Грумм-Гржимайло, поддержанная Л.Н.Гумилевым, о локализации Кангюя в степях Центрального Казахстана на север от Балхаша, учитывая практически лишь одну, весьма существенную притом характеристику Кангюя и Яньцая — кочевой характер хозяйства и культуры (в связи с этим локализация их в степных районах), не отвечает всей совокупности географических данных (направление от Давани, положение по отношению к Большим Юечжи, Усунь). Мнение Л.Н.Гумилева о том, что подобная локализация Кангюя — единственная — объясняет их соседство с хуннами [Гумилев, 1965], основано не неточном истолковании сведений китайских источников, так как ни в «Ши цзи», ни в более поздних хрониках нет указания на то, что Кангюй граничил с хуннами. А его попытка перенести Аньси в низовья Сырдарьи, основанная на весьма спорном отождествлении даев Страбона с носителями памятников джетыясарской культуры низовьев Сырдарьи [Гумилев, 1965, с. 162], вряд ли может выдержать критику (см. раздел о дахах выше).

С.П.Толстов, отождествлявший Хорезм, а позднее Хорезм и низовья Сырдарьи с Кангюем [Толстов, 1948, с. 20 и сл.; Толстов, 1961, с. 143–144], признавал, что согласно географическим координатам центр Кангюя может быть локализован либо в низовьях Сырдарьи, либо в Хорезме. Локализация Кангюя в собственно Хорезме не согласуется с взаимоположением Кангюя и Больших Юечжи, а самое главное — характер хозяйства и культуры древних хорезмийцев, довольно хорошо известный в настоящее время по работам Хорезмской экспедиции, не мог дать основания для определения Кангюя как «кочевого владения» (подробно различные аспекты теории С.П.Толстова разобраны С.Г.Кляшторным [Кляшторный, 1964, с. 163 и сл.]).

Пожалуй, наибольшее распространение получила гипотеза о локализации основной территории Кангюя в районе между Таласом и низовьями Чу — на востоке, Ташкентским оазисом — на юге, низовьями Сырдарьи — на севере [Кляшторный, 1964, с. 171; Бартольд, 1963, с. 175–176; Markwart, 1938, с. 188; McGovern, 1939, с. 134–135; Tarn, 1951, с. 291; Бернштам, 1952, с. 211; Литвинский, 1968, с. 14–71]. Сторонники этой локализации полнее и точнее всего учитывают прямые свидетельства источников. Неясность в локализации северозападных границ Кангюя, проистекающая как будто бы из данных источников, а также доверие к поздней китайской исторической традиции, отождествившей Кан и Кангюй, породили ряд противоречий и в этой гипотезе.

Как мы видим, даже наиболее ранние сведения китайцев, полученные ими в 30–20-х годах II в. до н.э. в связи с посольством Чжан Цяня, дают весьма определенные основания для локализации Кангюя. Более поздние хроники содержат некоторые дополнительные сведения, иногда довольно сильно запутывающие картину.

«Цянь Хань шу» («История старшего дома Хань») содержит сведения не позднее I в. н.э., но несомненно, что многие из них, в том числе и относящиеся к Кангюю, восходят еще ко II в. до н.э., к Чжан Цяню. Последний период его деятельности (умер в 103 или 104 г. до н.э.) связан с пребыванием во владении Усунь [Бичурин, II, с. 156–157]. Именно отсюда, вероятно, за несколько лет до своей смерти «Чжан Цянь отправил своих помощников с посланниками в Давань, Кангюй, Большой Юечжы, Дахя, Аньси, Шеньду, Юйтянь, Ганьми и другие окрестные владения» [Бичурин, II, с. 157].

По прошествии года (после отъезда Чжан Цяня из Усуни) возвратились посланники, которых он отправил в Дахя и другие владения, и привезли с собою посольства из тех владений. «Таким образом, Китай открыл сообщение с государствами, лежавшими от него на северо-запад» [Бичурин, II, с. 157]. Кроме того, в «Ши цзи» сообщается, что «китайское правительство после побед над хуннами в 121 году начало строить укрепленную линию от Лингюй на запад. Вначале, т.е. в 121 году открыли область Цзю-цюань, чтобы иметь сообщение с северо-западными государствами: почему снова отправлены были посольства в Аньси, Яньцай, Лигань, Тяочжи и Шеньду» [Бичурин, II, с. 158]. Посольства в Кангюй и Яньцай (также, несомненно, следовавшие через Кангюй) должны были дать китайцам дополнительные сведения об этих владениях, полученные на месте. Попутно отметим, что известная позднее китайским торговцам Северная дорога, ведущая в Давань, Кангюй и Яньцай [Бичурин, II, с. 170], как мы видим, существовала уже во II в. до н.э. и, вероятно, не была связана с торговой деятельностью китайцев. В связи с этим стоит вспомнить и те «почтовые станции», по которым из Давани в Кангюй был препровожден Чжан Цянь.

Постараемся систематизировать данные «Цянь Хань шу». Описание Кангюя здесь довольно пространно [Бичурин, II, с. 184–187]:

1. «Кангюйский владетель пребывание имеет в стране Лююени в городе Битянь, за 12 300 ли от Чанань. Он не зависит от наместника. От Лююени семь дней пути до летнего владетелева местопребывания. Окружность земель его содержит 9104 ли. Народонаселение состоит из 120 000 семейств, 600 000 душ, строевого войска 120 000 человек. На востоке до местопребывания наместника 5550 ли» (с. 184). От Давани на север, до кангюйского города Битяни 1510 ли (с. 186).

2. «Кангюй имеет под собою пять малых владетелей, которые суть:

1) Сусиеский владетель, имеющий пребывание в городе Сусей, от местопребывания наместника в 5576, от Ян-Гуань в 8025 ли;

2) Фумуский владетель, имеющий пребывание в городе Фуму, от местопребывания наместника в 5767, от Ян-Гуань в 8025 ли;

3) Юниский владетель, имеющий пребывание в городе Юни, от местопребывания наместника в 5266, от Ян-Гуань в 7525 ли;

4) Гиский владетель, имеющий пребывание в городе Ги, от местопребывания наместника в 6296, от Ян-Гуань в 8555 ли;

5) Юегяньский владетель, имеющий пребывание в городе Юегяни, от местопребывания наместника в 6906, от Ян-Гуань в 8355 ли. Все упомянутые пять владетелей зависят от Кангюя» (с. 186).

3. «Обыкновения одинаковы с Большим Юечжы» (с. 184) и с Яньцай (с. 186). Хроника полностью повторяет «Ши цзи».

4. «Кангюй на востоке подчинен хуннам» (с. 184). В междоусобной борьбе хуннов в I в. до н.э. Кангюй поддержал Чжичжи-шаньюя, «укрепившегося» здесь (с. 184–185; см. [Гумилев, 1960]).

5. Взаимоотношения Кангюя с Китаем рисуются довольно сложными. С одной стороны, отмечается, что Кангюй отправлял «сына своего в заложники и с дарами к китайскому Двору; со всем тем, по причине великой отдаленности, поступал весьма надменно» (с. 185). Вывод китайских историков: «Судя по сим поступкам, не трудно отгадать, для чего он (Кангюй) отправляет сыновей в службу при китайском Дворе. Это есть хитрый предлог, под которым он желает производить торговлю» (с. 185).

6. Кангюй лежит к западу и северо-западу, а где-то даже и к северу от владения Усунь; расстояние до кангюйской границы 5000 ли явно искажено (с. 190).

В результате сложных перипетий борьбы усуней с хуннами, внутренних междоусобиц, в которые активно вмешивались китайские наместники, около I г. до н.э. группа усунцев в 80 000 человек ушла на север в Кангюй (с. 190).

7. Впервые появляется ставшее потом традиционным в различных хрониках сообщение, что «Аньси на севере граничит с Кангюем» (с. 182, 225, 265). Это сообщение, как нам представляется, уточняет в сравнении с «Ши цзи» северо-западные границы Кангюя. Кочевые племена, населявшие Закаспий, либо были неизвестны китайцам, либо считались включенными в сферу влияния Аньси–Парфии. Как можно судить по новым археологическим материалам, полученным в последние годы, северная граница Парфии во II–I вв. до н.э. могла проходить по Узбою, где сохранились развалины парфянской крепости [Юсупов, 1986; Вайнберг, Юсупов, 1984]. И так как в «Ши цзи» имеется свидетельство о том, что Аньси на севере граничит с Яньцаем, а последний на юго-востоке с Кангюем, то можно сделать два вывода: либо к северу от Аньси проходила граница между Яньцаем и Кангюем (следовательно, оба эти владения лежат к северу от Аньси), либо Кангюй потеснил Яньцай и продвинул свои границы до Прикаспия в пе-

риод между II в. до н.э. и концом I в. н.э. В любом случае наряду с другими дополнительными сведениями о Кангюе («Цянь Хань шу») содержит ясное указание на северо-западные границы Кангюя в полосе степей, очевидно, к северу от Устюрта.

В связи с различной локализацией Кангюя в литературе (см. [Зелинский, 1964; Ставиский, 1963, с. 353, карта]) утвердилось мнение о том, что северный торговый путь из Китая шел через Давань—Фергану и далее по южным районам Средней Азии на запад. Вместе с тем мы уже отмечали выше, что в «Ши цзи» есть довольно четкие свидетельства того, что китайцы уже застали функционирующий торговый путь из Ферганы на север и северо-запад через Кангюй в Яньцай. В «Цянь Хань шу» есть еще более четкие указания на этот торговый путь: «Северная дорога, по переходе через Луковые горы на запад, ведет в Давань, Кангюй, Яньцай и Яньци» [Бичурин, II, с. 170]. «Китай имел под собою только южную дорогу, а северную еще не всю овладел» (с. 171).

Таким образом, по данным китайских хроник, ко II в. до н.э. сложился и функционировал, как и позднее, в первой половине I тыс. н.э., торговый путь, связывающий Фергану (и бассейн Тарима) через Кангюй и Яньцай с Поволжьем и Приуральем. От Ферганы—Давани, очевидно, путь шел вдоль Сырдарьи к центру Кангюя, а оттуда через Северное Приаралье в Прикаспий. Возможно, только с созданием Тюркского каганата этот путь окончательно потерял свое значение, уступив место семиреченскому торговому пути. Мы обращаем особое внимание на торговый путь через Кангюй, так как овладение торговыми путями — это была основная задача китайской дипломатии в Западном крае. В описаниях Западного края в китайских хрониках встречаются, как правило, лишь те государства и «владения», которые лежали вдоль (или вблизи) торговых путей и представляли интерес в связи с ними.

Поэтому нам представляется, что среди других соседей Кангюя особое место занимает в описаниях китайских хроник Яньцай. Эти владения, долгое время независимые друг от друга, объединял общий торговый путь.

Теперь обратимся к основному содержанию текста «Цянь Хань шу» о Кангюе. Здесь прежде всего привлекает внимание тот факт, что Кангюй описывается не только как «кочевое владение», но отмечаются и зимняя и летняя ставки владетеля, между которыми указано весьма значительное расстояние в семь дней пути. Если сравнить описания одиннадцати кочевых владений, приведенных в «Цянь Хань шу», то только один Кангюй имеет две ставки — летнюю и зимнюю, что, очевидно, указывает на отличные от других владений природные условия, требовавшие более далеких перекочевков. Расстояние в семь дней пути может пониматься различно. Это может быть путь каравана,

проходившего, как известно по средневековым дорожникам, от 30 до 50 км в день, либо расстояние, которое преодолевали всадники в ускоренном темпе. Они двигались, как это зафиксировано тоже средневековыми источниками, примерно в пять раз быстрее каравана. Ибн Хордадбех, например, сообщает, что от Кубала «до Верхнего Барсхана на границе с Китаем 15 дней пути для караванов по пастбищам, а для почты тюрков три дня пути» [Волин, 1960, с. 74]. Аналогичное свидетельство имеется и в «Истории Мас'уда» Бейхаки — за 10 дней всадник преодолевает расстояние около 1500 км от Нишапура до Ургенча и обратно [Бейхаки, 1962, с. 332].

Таким образом, максимально между зимней и летней ставками владельца Кангюя могло быть около 1000 км ($7 \times 150 \text{ км} = 1050 \text{ км}$), минимально — от 210 до 350 км (из расчета пути каравана). Природные условия районов, прилегающих к горам, в Средней Азии и Казахстане дают возможность скотоводам совершать сезонные перекочевки на относительно ограниченных по протяженности пространствах, поэтому само расстояние между зимней и летней ставкой Кангюя, определяемое даже приближенно в пределах от 200 до 1000 км, указывает на его расположение в степных и полупустынных районах, где специфическое сочетание природных условий требовало далеких сезонных перекочевок населения [Федорович, 1973, с. 207 и сл., рис. 2].

Наиболее сложным является вопрос о локализации малых владений Кангюя. Сами по себе названия их, если отбросить запутывающие суть дела поздние отождествления в «Тан шу», не могут помочь в этом. Мы предпринимали попытку использовать цифровые данные, хотя они и не представляются сколько-нибудь надежными.

Но, не вдаваясь в конкретную локализацию малых владений Кангюя, можно отметить, что они, согласно даже самым приблизительным подсчетам, должны были располагаться в традиционных районах зимовок в Приаралье [Федорович, 1973, рис. 2] и, вероятно, представляли собой зимние ставки вождей племенных группировок, входивших в кангюйское объединение.

Местоположение кангюйского города Битянь в источнике определено по отношению к Давани, а не Цитеру [Бичурин, II, с. 186]. Вместе с тем положение столицы Давани — Гуйшани в 4310 ли к западу от Цитера явно вызывает удивление, так как от Цитера до Кашгара расстояние определено в 2210 ли (с. 189). От Кашгара же до Гуйшани получается расстояние в 2100 ли, или в 840 км, что явно преувеличено, если даже помещать столицу Давани в западной или северо-западной части Ферганы. Представляется, что и расстояние от Давани до Цитера 4310 ли указано ошибочно. Но в любом случае Битянь, согласно приведенному расстоянию, должен был располагаться либо в дельте Сырдарьи, но не севернее русла Жаныдарьи, истоков Кувандарьи, либо в низовьях рек Сарысу и Чу у границы Бетпакадалы. Скорее

всего, это северная оконечность гор Каратау, если учитывать направление на север от Давани. Летняя резиденция кангюйского владения в таком случае помещалась либо в Приаральских Каракумах — горах Улутау, либо к западу от Мугоджар.

Не будучи специалистом, я не могу судить обоснованны ли сопоставления Е. Пуллиблэнк кангюйских топонимов с названиями Яксарт и Бинкат [Pulleyblank, 1962, с. 94–220], но ни собственно текст китайских источников, ни сочетание природных и климатических условий, ни традиционные пути перекочевков, прослеживаемые по историческим и этнографическим данным, — ничто не дает оснований располагать летнюю резиденцию Кангюя южнее зимней и локализовать любую из них в Ташкентском оазисе (ср. [Литвинский, 1968, с. 19 и сл.]).

«Хоу Хань шу» охватывает события от 25 до 265 г., в нее включены сведения, восходящие к деятельности в Западном крае Бань Чао (последняя четверть I в. н.э.). Составитель «Хоу Хань шу» отмечает, что им использованы данные «Цянь Хань шу» (составитель Бань Гу — брат Бань Чао) и сведения Бань Юна (до 125 г. н.э.). Но «поздняя редакция „Хоу Хань шу“ (V в.) привела к тому, что главный автор, по существу, редактор — Фань Хуа недооценил многих сведений и составил „Хоу Хань шу“, исходя из современных ему событий и состояния народов в Средней Азии» [Бернштам, 1950, с. 11]. Данные о Кангюе в этой хронике, относящиеся ко времени Бань Чао, привлекали внимание в основном в связи с кушанской проблемой [Васильев, 1955; Zurcher, 1968; Зеймаль, 1968, с. 33 и сл.].

Согласно «Хоу Хань шу» (77, 4б–5а), Кангюй активно участвует в событиях, связанных с подчинением Китаем Западного края. В 78 г. его войска входят в армию Бань Чао в качестве союзников. В письме к китайскому императору (80 г.) Бань Чао даже указывает, что среди прочих владений Юечжи, Усунь и Кангюй «вновь пожелали возвратиться к нам» (77, 5а–6а). Неоднократно высказывалось предположение, что, пытаясь заинтересовать императора завоеванием Западного края, Бань Чао явно преувеличивает влияние Китая в нем и его данные не отражают реальной расстановки политических сил [Васильев, 1955, с. 115; Зеймаль, 1968, с. 83]. Во всяком случае уже в 84 г. кангюйские войска приходят на помощь противнику Бань Чао — вану Сулэ (Кашгара) Чжуну, что поставило Бань Чао в весьма затруднительное положение. Только давление вана Юечжи, оказанное на Кангюй по просьбе Бань Чао, заставило отступить кангюйские войска. В этой связи в хронике отмечается, что Бань Чао обратился с просьбой к вану Юечжи, так как недавно «Юечжи породнились посредством брака с Кангюем» [Zürcher, 1968, с. 351]. Эти данные служат основанием для вывода о подчинении Кангюя Кушанским государством, могущество которого возрастало [Васильев, 1955] (см. также [Толстов, 1948, с. 25]).

Автор уже неоднократно высказывал предположение, что поздние китайские хроники названием «юечжи», очевидно, обозначали различные по своему происхождению и истории группы племен, принимавших участие в разгроме Греко-Бактрийского царства, и что юечжи «дома Чжаову» («Танской истории»), от которых происходят среднеазиатские правители, не одного происхождения с Большим Юечжи — кушанами [Вайнберг, 1972, с. 14–154; Вайнберг, 1973; Вайнберг, Новгородова, 1976]. Поэтому возникает вопрос: с каким юечжийским домом породнился Кангюй? Некоторое разъяснение как будто бы дают монеты. Если для подтверждения связи Кангюя с кушанами мы не имеем никаких фактов, а сомнение, высказанное многими исследователями о подчинении Согда и Ферганы Кушанскому государству [Зеймаль, 1968, с. 145; Тревер, 1967, с. 142; Массон М., 1968, с. 14 и сл.], вообще делает подобную связь малообъяснимой, то «брачный союз» Кангюя и юечжийского «дома Чжаову» — правителей Согда, заключенный в I в. н.э. и, очевидно, традиционно поддерживавшийся позднее, получает подтверждение в символике согдийских монет VII–VIII вв. [Вайнберг, 1973]. На монетах самаркандского чекана кроме традиционной местной тамги «дома Чжаову» помещается трехконечный знак, происхождение которого из Кангюя подтверждается изображениями на керамике памятников Ташкентского оазиса и сочетанием его с другими «кангюйскими» символами (с тамгой в виде свастики и с короной в виде двугорбого лежащего верблюда) на монетах Хорезма конца III в. н.э. Смешение представлений о Больших Юечжи — кушанах и юечжи «дома Чжаову» в «Хоу Хань шу» может быть объяснено поздней редакцией этой хроники (V в.), когда данные Бань Чао были не совсем ясны и воспринимались согласно представлениям современников составителя хроники — Фань Хуа. Подобное заключение подтверждается и анализом сведений «Бэй ши» («История северных династий»).

В «Хоу Хань шу», кроме того, сообщается: «Владение Яньцай преименовалось в Аланья; состоит в зависимости от Кангюя. Климат умеренный; много сосны, раkitника и ковыля. Обыкновения и одеяние народа сходны с кангюйскими» [Бичурин, II, с. 229]. Н.Я. Бичурин в переводе пропущена фраза: «народ живет внутри глиняных стен» [Shiratori, 1956, с. 226].

Сведения о растительности как будто бы подтверждают локализацию Яньцай в Северном Прикаспии. В настоящее время полоса дерновинно-злаково-попынных степей в Казахстане прилегает к 50-й параллели; начинается она у изгиба реки Урал (район г. Уральска) на западе и доходит с перерывами до района рек Нуры и Иртыша в районе Семипалатинска. Зона ковыльно-типчачковых степей лежит севернее ее (отклонения есть лишь в Восточном Казахстане). Сосновые леса находятся еще севернее, в Южном Приуралье. Однако зона лесов

еще в недалеком прошлом доходила до среднего течения Эмбы и Урала [Казахстан, 1970; Рычков, 1887]. Берега рек Урала, Ори, Темира, Илека местами покрыты густыми зарослями ветлы, ивы, вербы [Казахстан, 1970]. Отступление лесов к Южному Уралу произошло в конце XIX — начале XX в. в связи с активным освоением человеком земель в бассейне р. Урала и его притоков [Казахстан, 1970; Физическая география СССР, 1960]. Вероятно, по этой же причине переместилась к северу и зона сухих дерновинно-злаковых степей, границы которых могли совпадать с территорией распространения каштановых почв, характерных для сухих степей [Физико-географический атлас мира, 1964]. Южная граница каштановых почв проходит у 48-й параллели, от низовьев р. Урал через верховья Эмбы и далее на восток. Особо следует отметить, что ни Северное, ни Северо-Западное Приуралье не могло, судя по природным условиям, в историческое время входить в зону распространения ковыльных степей и сосновых лесов.

В «Хоу Хань шу» впервые появляется указание на зависимость Яньцай от Кангюя, но к какому времени следует отнести возникновение этой зависимости в пределах от I до середины V в. н.э. — определить невозможно. Наличие городов или глинобитных поселений в Яньцае вряд ли может вызвать удивление, так как китайцы постоянно подчеркивают сходство в «обыкновениях» Яньцай и Кангюя, а археологические материалы разного времени, полученные как в низовьях Сырдарьи, где китайские источники локализуют, вероятно, центр Кангюя, так и из более южных районов, входивших в сферу его подчинения, показывают, что населению Кангюя были знакомы не только «глинобитные» стены, но и весьма сложная и оригинальная по своим традициям сырцовая архитектура (см., например, [Толстов, 1962, с. 136–204; Максимова и др., 1968, с. 13–35 и др.]).

«Владение Янь лежит от Яньцай на север; состоит в зависимости от Кангюя, которому подать платит кожами зверьков мышиной породы» [Бичурин, II, с. 229]. В литературе неоднократно высказывалось мнение о локализации Янь в Приуралье, что не может вызвать возражений. Представляется, что вряд ли подчинение владения Янь было вызвано непосредственно экспансией Кангюя в Приуралье (см. [Толстов, 1948, с. 25]), скорее всего зависимость владения Янь от Яньцай предшествовала подчинению последнего Кангюем.

Среди подчиненных Кангюю владений в «Хоу Хань шу» отмечается еще и владение Суи. «Отсюда выходят славные лошади, крупный и мелкий рогатый скот, виноград и разные плоды. Почва земли очень хорошая; почему делаемое здесь виноградное вино в славе» [Бичурин, II, с. 229]. Для локализации этого владения нет никаких данных, отнесение его к Согду основано на не очень убедительных созвучиях [Бичурин, III, с. 195; Pulleyblank, 1962, с. 219–220]. Во всяком случае

впервые источники отмечают подчинение Кангюю области, где земледелие составляет одну из ведущих отраслей хозяйства.

С III–IV вв. события, развернувшиеся в самом Китае, политика царствовавших династий привели к ослаблению и даже временному прекращению связей с Западным краем [Бичурин, II, с. 240–244]. Составитель «Бэй ши» (VII в.) отмечает: «Со времен Юань-вэй (386 г.) никто не составлял записок; записывали одни названия приезжающих к Северному Двору, а описывать народные обычаи не могли» (с. 243). Кроме того, поздние хроники «Вэй шу», «Суй шу», «Тан шу» основывались на информации, полученной посольствами середины V в. и буддийскими паломниками V–VIII вв., а они были знакомы только с южной территорией Средней Азии. Сведения о владении Судэ-Яньцай в хронике «Бэй ши» (с. 260) восходят, несомненно, к информации, полученной от посольства этого владения, прибывшего в первой половине V в. в Китай (с. 241).

Для правильного понимания сведений «Бэй ши» и других поздних хроник следует учесть замечание составителя «Бэй ши»: «Мы предлагаем общий обзор владений в современном порядке, чтобы пополнить повествование прошедших историй о Западном крае. Что касается до расстояния дорог, до местных произведений, есть разность от сведений, сообщенных в прошедших историях. Здесь описывается только современное, чтобы пополнить опущенное прежде» (с. 244).

Эта довольно длинная предыстория изложена нами для того, чтобы объяснить самое большое искажение китайских источников, относящееся к территории Средней Азии, — отождествление владения Кан (Согд) с Кангюем. Впервые оно появляется именно в «Бэй ши». Если отвлечься от происхождения «владельческого Дома Кан», то в источнике содержится конкретное описание «сильного государства» Кан. Характеристика природных условий и хозяйства не оставляет сомнения в том, что это — государство с оседлым, земледельческим населением. Указание на посольство из Кана в начале VII в. подчеркивает достоверность этих сведений. В первой части описания Кана явно смешаны разные сведения. Попробуем разобраться в них (с. 271):

1. «Владельческий Дом Кан есть отрасль кангюйского Дома».
2. «Со времени династии Хань преемство престола не пресекалось».
3. «Собственно владелец прозывается Вань; происходит из Дома — Юэчжи, который первоначально обитал по северную сторону хребта Циляншань в городе Чжаову; но после поражения от хуннов перешел через Луковые горы на запад и основал царство. Он разделился на множество родов и утвердился в древнем царстве Кан. Сии роды в память своего первоначального происхождения все удержали прозвание Чжаову. Проименование владельца из рода в род есть Фуби».
4. Дом Кан характеризуется как кочевое владение: «безвременно переходя с места на место, он не имеет привязанности к оседлой жизни».

На путаницу и противоречие указывают бесспорно: наличие двух титулов владетеля — Вань и Фуби, а также характеристика «Дома Кан» как «кочевое владения», явно противоречащая основному тексту источника. Представляется, что в первой части описания Кана в «Бэй ши» включены данные (или фрагменты) из более ранних хроник и документов. Сведения о непрерывности династии владения Кан от эпохи Хань и ее происхождение одновременно от «дома Юечжи Чжаову» (мы не вдаемся в анализ существа этого названия) и «кангюйского Дома» могут быть поняты и объяснены, если вспомнить упоминания в «Хоу Хань шу» о «брачных связях» Юечжи и Кангюя, относящиеся к I в. н.э.: именно к этому событию и восходит двойственная генеалогия «владельческого Дома Кан». «Бэй ши» в описании происхождения этого «дома» без всяких оговорок переносит на него сведения, известные о передвижении Больших Юечжи из района Циляншаня.

Но в отличие от традиционных описаний передвижения Больших Юечжи вначале в район к северу от реки Гуй-шуй (с. 151), а затем в Дахя (с. 183–184, 227–228) в «Бэй ши» отмечается, что при переходе через Луковые горы на запад («Юечжи Чжаову» «обосновали царство», разделившееся на «множество владетельных родов», утвердившихся в «древнем царстве Кан». Поскольку источники не содержат никаких указаний, позволяющих отождествить Кан с Дахя, где, согласно единодушному свидетельству китайских хроник, утвердились и создали свое царство Большие Юечжи, то следует признать, что составитель «Бэй ши» располагал каким-то неизвестным нам источником, в котором содержалась информация о царстве «дома Юечжи Чжаову» на территории «древнего царства Кан», бесспорно локализуемого в Согде. Этот же источник, очевидно, указывал и на преемственность династии «Юечжи Чжаову» в Кане с эпохи Хань, а возможно, и на родство ее с кангюйскими владетелями (последние сведения могли быть почерпнуты и из «Хоу Хань шу»). Во всяком случае представляется несомненным, что в «Бэй ши» содержится указание на существование с «эпохи Хань» и до VII в. н.э. в Согде государства, управлявшегося династией, происходящей из кочевых племен, связанных родством (династийным браком) с Кангюем и обозначаемых китайскими хрониками как «дом Юечжи Чжаову» либо просто «юечжи» в отличие от Больших Юечжи — кушан.

Анализ тамг на монетах Хорезма, Бухары и Самарканда как будто бы подтверждает общность их происхождения, восходящего ко II в. до н.э. и связанного с кочевыми племенами, принимавшими участие в разгроме Греко-Бактрии, но отличными от кушан [Вайнберг 1972, с. 145 и сл.; Вайнберг, 1977]. Вместе с тем те же тамги весьма убедительно указывают на сарматское (в широком понимании этого термина) происхождение династий Хорезма, Бухары и Самарканда [Вайнберг, Новгородова, 1976, с. 69 и сл.].

Представление о том, что «владельческий Дом Кан есть отрасль кангюйского дома» [Бичурин, II, с. 271], служит основой для отождествления подчиненных Кану владений с пятью малыми владениями Кангюя. При описании Ми, Шы, Цао, Хэ в «Бэй ши» отмечается, что это «древняя кангюйская земля» (с. 274–275). Унагэ в «Бэй ши» фигурирует как «древняя аньсийская земля», автор «Суй шу» исправляет это на «кангюйскую землю», чтобы количество «древних владений» Кангюя было пять (с. 275, 287). Вместе с тем хроника, исходя из современных ей фактов, во всех этих владениях отмечает правителей из Чжаову, что показывает их реальную связь с Каном, а не с Кангюем. Одновременно при описании владения Ши (Чач), действительно входившего в пределы Кангюя, нет подобного указания (с. 272–273), что объясняется, во-первых, искусственностью предложенных локализаций и, во-вторых, более детальными сведениями об этом владении, наиболее близком в Средней Азии, кроме Ферганы, к Западному краю (ср. [McGovern, 1939, с. 400]).

В «Суй шу» полностью повторены сведения о Кане, приведенные в «Бэй ши», аналогичным образом повторено и ошибочное отождествление Ань и Аньси [Бичурин, II, с. 280–282]. Владение Унагэ называется древней «кангюйской землей» (с. 287), в то время как в «Бэй ши» оно фигурировало как древняя «аньсийская земля» (с. 275). Весьма интересные сведения содержатся в «Бэй ши» о владении Судэ, отождествленном автором хроники с Яньцай.

Выше уже отмечалось, что сведения «Бэй ши» об этом владении заслуживают доверия, так как восходят к информации посольства V в. Текст хроники объясняет цель посольства — выкуп пленных торговцев, захваченных в Ляньчжоу (с. 260–261). В литературе высказывалось мнение об отождествлении Судэ с Согдом [Enoki, 1956; Shiratori, 1928]. Текст источника не дает к тому оснований. Локализация Судэ по отношению к Кангюю могла восходить к сведениям более ранних хроник о Яньцае. Никаких указаний на Согд, где в это время известно государство Кан, нет. Послы владетеля Судэ, прибывшие в Китай в V в., перечислены вместе с посольствами Кучи, Кашгара, Усуней, Юебань, Шаньцзани, Харашара и Чеши, т.е. владений, либо лежащих на северном пути из Китая в Западный край, либо близко расположенных к нему. Это в какой-то мере подтверждает северо-западную локализацию Судэ на северном торговом пути из Восточного Туркестана в Поволжье.

Из «Хоу Хань шу» известно, что в 89 или 90 г. китайский полководец Доу Сянь разбил северных хуннов [Бичурин, II, с. 217, 237], в «Бэй ши» же, в связи с описанием Юебань, отмечается, что северный шаньюй «разбитых хуннов» со своим аймаком перешел через хребет Гинь-вэй-шань и «ушел на запад в Кангюй» (с. 258–259).

Таким образом, если не считать довольно небольшого войска Чжичжи-шаньюя, приведенного им в конце I в. до н.э. в Кангюй, пер-

вое отмечаемое китайскими хрониками массовое переселение хуннов в Кангюй относится к самому концу I в. н.э.

И последнее свидетельство «Бэй ши», относящееся скорее к политической истории, а не к локализации Кангюя. Хроника сообщает, что «от йедаского владетеля в Западном крае зависят Кангюй, Хотан, Шалэ, Аньси и до тридцати других мелких владений» (с. 269). На основании этого свидетельства обычно говорят о зависимости Кангюя от эфталитов (см., например, [Неразик, 1963, с. 407]). Вместе с тем, учитывая все совмещения древних и более поздних владений, отмеченных в «Бэй ши», под Кангюем здесь следует видеть Кан — Самаркандский Согд, а под Аньси — Ань-Бухару. Подобная замена показывает, что в подчинении у эфталитов находились не отдаленные на неопределенное расстояние государства, а близкие и пограничные с Тохаристаном области — Хотан, Шалэ, Самаркандский Согд и Бухара. Кроме того, трудно предположить зависимость Кангюя от эфталитов, если между ними лежал бы независимый Согд и нигде более владения Кангюя и эфталитов не смыкались. Зависимость Согда (и Самаркандского и Бухарского) от эфталитов засвидетельствована как историческими источниками, так и нумизматическими материалами [Мандельштам, 1958, с. 352 и сл.; Вайнберг 1972, с. 142–144]. При описании владения Кан составителем «Тан шу», вне всякого сомнения, за основу приняты тексты «Бэй ши» и «Суй шу» [Бичурин, II, с. 310 и сл. и с. 271–272 и 280–281]. Здесь лишь «детализированы» умозрительные сопоставления некоторых из девяти владительных колен Чжаову (количество их указывается впервые и, возможно, основано на числе реально существовавших к VII в. владений с правителями из «династии Чжаову») с пятью малыми владениями Кангюя. Выше мы отмечали, что локализация Кангюя на средней Сырдарье ближе всего к данным источников. Анализ сведений китайских источников, приведенный выше, показывает, что нет никаких бесспорных указаний на локализацию основных районов Кангюя на средней Сырдарье. Источники свидетельствуют лишь о том, что присырдарьинские районы вплоть до северных пределов Ферганы в период со II в. до н.э. и в первые века н.э. входили в территорию этого государственного образования. Вместе с тем эти районы, согласно тем же источникам, были зависимы и от юечжи, под которыми, как мы это пытались показать, очевидно, следует подразумевать «Юечжи Чжаову», т.е. правителей Согда.

Точка зрения о том, что Кангюй — это «государство саков Чача» [Markwart, 1938, с. 188], или цепь заключений: сакарауки=Кангюй [Gutschmid, 1888, с. 71–72], а сакарауки — «саки, которые за Согдом», локализуемые в районе Ташкентского оазиса — Ферганы [Литвинский, 1960, с. 91–92], не согласуется с данными китайских хроник и, кроме того, предполагает ряд весьма спорных допущений.

Современные данные по истории культуры Ташкентского оазиса не дают оснований связывать Кангюй с каунчинской культурой [Литвинский, 1968, с. 23 и др.], так как наиболее ранние памятники этой культуры не могут быть старше II—I вв. до н.э., а рядом исследователей относятся и к рубежу эр [Максимова и др., 1968, с. 71; Левина, 1971, с. 178; Буряков, Дадабаев, 1973, с. 48–50; Абдуллаев, 1975]. Происхождение каунчинской культуры по имеющимся археологическим материалам не может быть определено. В Ташкентском оазисе ей непосредственно предшествуют памятники и слои бургулукской культуры [Буряков, Дадабаев, 1973, с. 41–43], резко отличной по всему облику материальной культуры и связываемой по происхождению с чувстской культурой Ферганы [Аскарлов, 1976; Буряков, Дадабаев, 1973, с. 47]. Во всяком случае, в Ташкентском оазисе, как и севернее, в Отрарском оазисе, археологически засвидетельствовано появление в период, непосредственно предшествующий рубежу эр, новых культурных комплексов, не имеющих местных корней [Левина, 1971, с. 178–179, 223 и сл.].

Сведения китайских хроник о Кангюе предполагают преемственность политическую и культурную от II в. до н.э. и позже. Никаких данных о «продвижении» Кангюя на новые земли ко II в. до н.э. в них не содержится. А сопоставления Кангюя с Кангхой Авесты и Кангом «Шах-наме» Фирдоуси [Кляшторный, 1964, с. 166 и сл.; Массон М., 1953, с. 106 и сл.] скорее всего указывают на древние местные корни его культуры.

Локализация Кангхи Авесты и Канга «Шах-наме» не может иметь решающего значения, что справедливо отметил С.Г.Кляшторный, но поскольку им привлекались эти данные, мы вынуждены остановиться на них.

Практически на этой же территории локализуется страна авестийских туров с центром в Кангхе [Bartholomae, 1961, с. 75, 547; Абаев, 1956, с. 41–45] и Туран «Шах-наме» со столицей в Канге. Фирдоуси в «Шах-наме» помещает центр Турана к востоку и северу от средней Сырдарьи. Крайние пределы его определяются от саклаба и Рума до Чина (т.е. от Восточной Европы до Восточного Туркестана). Коренные земли Кангюя — это средняя Сырдарья (Исфиджаб) и более северные районы, где находится Канг — столица Турана (Фирдоуси, Шахнаме II, 274–275, 292, 294). Нужно отметить, что у Фирдоуси и других средневековых авторов Туран — уже страна тюрок, которые заменили древних иранцев-туров.

Туран в широком значении этого топонима охватывал, таким образом, и земли древнего Кангюя. Может быть, историческое понятие «Туран» было несколько более широким по своему значению, чем Кангюй, но не исключено, что это «расширение» понятия произошло уже в средние века [Тизенгаузен, 1884, с. 243]. Вместе с тем есть все

основания считать, что Туран и Кангюй в своих максимальных границах совпадали и занимали территорию от Северного Прикаспия до Ферганы. Тот факт, что оба эти названия относятся к одной территории, подтверждается косвенно и тем, что столицей Турана в Авесте является Кангха, а в «Шах-наме» — Канг, названия, сопоставляемые исследователями с Кангюем китайских хроник.

Кангха Авесты — столица Турана, Канг «Шах-наме» — центр того же Турана, расположенный к северу от Исфиджаба. С.Г.Кляшторный отождествляет Канг, а в связи с этим и Кангюй с Отраром [Кляшторный, 1964, с. 167]. Не говоря уже о том, что это не согласуется с данными китайских источников, подобная локализация не отвечает и географическим данным «Шах-наме» (они приведены достаточно полно у С.Г.Кляшторного, поэтому мы не будем повторять их), так как Отрар расположен к западу, а не к северу от Исфиджаба [Бартольд, 1963, с. 233; Бартольд, 1965, с. 222]. Все это не позволяет считать, что Канг «Шах-наме», расположенный определенно севернее Исфиджаба, не может быть локализован в Отрарском оазисе. Фирдоуси помещает Канг, как нам представляется, почти точно в том же районе, что и китайские источники. «К северу от Исфиджаба», согласно представлениям средневековой географии об округе Исфиджаба, — это в районе Каратау, к северу от города Саурана и в низовьях реки Чу. Приводимое у Ибн Хордадбеха название Сырдарьи «река кангар», не может помочь в локализации Кангюя или кангар на каком-либо отрезке Сырдарьи, так как нет никаких оснований относить это название к какому-то определенному участку реки (о кангарах см. ниже).

В концепции С.Г.Кляшторного немалое место отводится вопросу о локализации кенгересов в надписи в честь Кюль-тегина [Кляшторный, 1964, с. 161]. Сам текст надписи не содержит прямых указаний на это. Из текста известно лишь, что во время похода тюрок в Согд (до Железных ворот) в их тылу тюргеши напали на кенгересов. С.Г.Кляшторный считает, что кенгересы должны быть локализованы в Отрарском оазисе, так как только союз с ними мог обеспечить Могилян и Кюль-тегину надежный тыл и обеспечение фуражом и продовольствием.

В подобном рассуждении есть ряд весьма уязвимых мест. Война тюргешей с кенгересами, союзниками Могиляна, могла происходить в любом районе, соседнем с территорией тюргешей, а не непременно на средней Сырдарье. С таким же успехом можно предположить, что кенгересы-кангары занимали районы низовьев Чу и предгорья Северного Каратау и даже низовья Сырдарьи. Данные китайского источника VIII в., позволяющие, по мнению Ю.А.Зуева, считать, что кангары помещались где-то поблизости от Семиречья, не противоречат и такой их локализации [Зуев, 1960, с. 127].

Мы не ставим перед собой задачу излагать и анализировать всю историю Кангюя, вместе с тем в связи с проведенным выше анализом

источников и предлагаемой локализацией Кангюя особо отметим, что часто встречающееся в исторических исследованиях и обобщающих работах мнение о том, что Кангюй распространял свою власть на Согд в I в. до н.э. или около рубежа эр (см., например, [Tarn, 1951, с. 307; Marquart, 1901, с. 205; McGovern, 1939, с. 134; Ставиский, 1963, с. 348; Литвинский, 1968, с. 16, и др.]), основано на смешении китайскими хрониками представления о Кане (Согде) и Кангюе.

Предполагаемая нами локализация основных земель Кангюя от района Южного Приуралья, реки Урал и Северо-Восточного Прикаспия на западе и северо-западе до северных границ пустыни Кызыл-Кум (к югу от древней дельты Сырдарьи) и низовьев рек Сарысу и Чу и северной части гор Каратау на юге и юго-востоке основана прежде всего на данных китайских источников. Эта территория, как мы это показали в части II, являлась устойчивой историко-этнографической областью с традиционным комплексом сезонных пастбищ.

Это не исключает того, что периодически Кангюй подчинял себе и районы Центрального и Восточного Казахстана (до Тарбагатая) и тогда граничил с продвинувшимися сюда хунну. О подчинении Яньцзя уже говорилось выше.

Несколько десятилетий назад я склонялась к этническому истолкованию термина (понятия) «Кангюй» (см. [Вайнберг, 1973; Вайнберг, 1977]), но дальнейшее осмысление и изучение разнообразных материалов в настоящее время заставляет меня определенно принять точку зрения о том, что «имя» «владения Кангюй» в китайских источниках восходит к топониму, а в составе этого владения было много племен со своими этническими названиями, в числе их были ариаки Восточного Приуралья, расселявшиеся, очевидно, в одном из малых владений Кангюя или в его центральной части.

С.П.Толстов со ссылкой на Э.Херцфельда, который обратил внимание на совпадение названий дельты Гильменда и среднеазиатской Кангхи, развил положение о том, что этим термином обозначалась в иранских языках «область дельты» вообще, и считал возможным относить ее к дельтам Амударьи и Сырдарьи [Толстов, 1948, с. 24]. С.П.Толстов связывал этимологию термина «канг» с широко распространенным в индоевропейских языках корнем, откуда происходят и слова «канал, канава» [Толстов, 1948, с. 24, примеч. 1]. Приведено там же новоперсидское слово с близким звучанием и значением «копать», обращено внимание на название реки Ганг в Индии, «с которой древнеиндийская традиция в первую очередь ассоциирует представления о крайней разветвленности» [Толстов, 1948, с. 24].

К приведенным сопоставлениям можно добавить и некоторые сведения из других областей и языков, где названия образуются по той же модели: название речного устья, дельты → города (населенного пункта) → области.

На языке коми «Чердынь» — устье реки, притока, отсюда — город Чердынь, главный административный центр Великой Перми (с XV в. — верхнее Прикамье), который располагался в устье одноименной реки [Оборин, 1977, с. 163].

По событиям на западных окраинах Хорезма в XV–XVI вв. известно укрепление Адак на берегу большого водоема [Бартольд, 1965, с. 175, 324]. Местоположение его было неясно, С.П.Толстов отождествил его с Ак-калой [Толстов, 1948], но там нет водоема, и по описанию походов из Адака к городу Вазиру эта локализация не могла быть принята. После того как были получены новые материалы по средневековому обводнению юго-западной части Присарыкамышской дельты, удалось отождествить Адак с поселением у Кой-кырлана, вокруг него были огромные водоемы в древних озерных впадинах, заполненные в это время водой из Сарыкамышского озера (см. [Вайнберг, 1989] и рис. 10), что делало Адак неприступным. Название его возникло, очевидно, в связи с гидрографией — здесь заканчивалось течение воды из Сарыкамыша и недалеко находился исток Узбоя. Потюркски Адак (اداڭ) — термин, обозначающий окончание течения. По мнению Я.Г.Гулямова, название «Адак» связано только с географическим положением района [Гулямов, 1957, с. 173]. Известно оно применительно к дельте Мургаба и даже Узбоя, где русские моряки отмечали остров Идак или Адак у его устья [Берг, 1956, с. 74, 78].

В этой связи следует обратить внимание и на название города Азов в устье Дона; оно произошло от тюркского Азак (иная группа тюркских языков с переходом д > з).

Таким образом, можно вполне обоснованно сделать вывод о том, что Канг, Кангха — название дельтовой области в низовьях Сырдарьи, скорее всего охватывающей дельту рек Чу, Сарысу и Сырдарьи, где мы и локализуем на месте современного Дарьялык-такыра озеро Ворукаша, вблизи которого и находился древний город Кангха, столица Турана. Отсюда, вероятно, и название реки Канг, которое, впрочем, могло применяться, например, и к реке Чу. По названию дельтовой области, где располагались зимовки кочевого владения, и возникло это название, переданное китайскими источниками как Кангюй.

Дилемма об отсутствии этого названия в античных источниках [Толстов, 1948, с. 20 и сл.] решается иначе — в античных источниках вместо Кангюя, находившегося в стороне от трасс походов греков и торговых путей, которые их интересовали, имеются названия племен и народов, проживавших на территории этого владения. В ранний, «легендарный период истории» место Кангюя занимало объединение племен во главе с турами, что и получило отражение в названии Туран.

Имя народа кангар, как обратил на это внимание С.Г.Кляшторный [Кляшторный, 1964, с. 175], появляется в источниках не ранее V в. н.э., когда, очевидно, кангары уже вместе с соседями тохарами попали

в составе какой-то части племен «эпохи великого переселения народов» в Закавказье. Наиболее известны кангары в составе печенегов [Константин Багрянородный, гл. 37], где они считались «главными» в составе этого тюркского объединения. Специалисты считают, что названия кангарских племен и их вождей, засвидетельствованные у Константина Багрянородного в главе 37 его сочинения, являются бесспорно тюркскими [Баскаков, 1960, с. 129; Nemeth, 1932, с. 50]. Название народа кангар связывается с именем реки Канг [Кляшторный, 1964, с. 164 и сл.], что вряд ли может вызывать сомнения. Можно, вероятно, привести длинный список подобных названий, укажем лишь некоторые — борисфениты у Геродота, яксарты и оксии у Птолемея, аланы-танаиты от Танаиса—Дона, инды и др.

Появление «этнонима» кангар около середины I тыс. н.э., когда начался ранний этап тюркизации на восточных окраинах Среднеазиатско-Казахстанского региона (см. об этом ниже), позволяет предположить, что это был новый «этноним», который прилагался к разным тюркизированным уже этносам прежней поры, проживавшим в районе реки Канг или области Канг, вероятнее всего, Сырдарья, но, может быть, и всего древнего района дельты, тоже называвшегося Канг. Тогда и население Джетыясарского урочища — бывших ариakov скорее всего с V в. н.э. следует именовать кангарами. Найденная на Алтынасаре тюркская надпись на сосуде [Кляшторный, Левина, 1989] подтверждает, что по крайней мере часть населения здесь была уже в VI—VII вв. тюркизирована.

В материалах археологического изучения джетыясарской культуры, обобщенных Л.М.Левиной [Левина, 1996], можно найти и археологические соответствия предлагаемой реконструкции. Прежде всего, обратим внимание на то, что к V в. исчезают из Восточного Приаралья типичные для джетыясарской культуры погребения — ямы с нишками, что по времени совпадает с уходом части кангар, вероятно в составе гуннской орды, в Восточную Европу, откуда они попадают в Закавказье. Соседство топонимов с именами кангар и тохар там при их территориальной близости на Сырдарье свидетельствует о достоверности этого сообщения.

Л.М.Левина отмечает, как мы уже писали в главе 4 III части, довольно ранние контакты джетыясарцев и угорского населения юга Западной Сибири, но с IV в. в джетыясарских материалах это влияние становится более ощутимым, что в сочетании с появлением здесь местных керамических подражаний гуннским металлическим котлам, вероятно, свидетельствует о проникновении гунно-угорских племен, с которыми связывается и начальный этап «эпохи великого переселения народов» в Восточной Европе.

Напомним, что появление гуннов к западу от Волги относится к концу IV в. С проникновением гуннов и угров в Восточное Приаралье

есть все основания соотносить и начало «эпохи великого переселения народов» в Средней Азии, о котором мы писали выше. Она, вероятно, началась на рубеже III–IV вв., до их прихода в Восточную Европу. Тогда же происходит и формирование кангар на базе смешения разных этнических групп. По материалам джетьясарской культуры фиксируется появление погребений в подбоях с северной ориентировкой в V в. (о возможных вариантах их происхождения см. в главе 4 части III), во всяком случае, они добавили «пестроты» в этническую картину этого района в начале второй половины I тыс. н.э.

Появление более поздних городищ без сплошной застройки в Джетьясарском урочище (около VI в.) Л.М.Левина связывает с районами Семиречья [Левина, 1996], может быть, они появились с первыми тюрками в период образования Тюркского каганата. Но нельзя исключить, что это происходило еще во время передвижения раннетюркских племен, возникших в Семиречье и прилегающих районах в результате ассимиляции гуннами владения Юебань (в Семиречье до V в.) местных, иранских племен (подробнее об этом см. ниже).

Положение кангар в составе печенежского объединения как будто бы свидетельствует о том, что формировалось оно в районе нижней и средней Сырдарьи. Возможно, что активизация Второго Тюркского каганата в Среднеазиатско-Казахстанских областях в самом начале VIII в. и была причиной продвижения печенегов с частью кангар в зону «болотных городищ» (современная дельта Сырдарьи) и потом, в IX в. под давлением огузов далее на северо-запад. Материалы с Кескен-Куюк-калы вряд ли дают основание сейчас отделить печенежский комплекс от огузского.

Лишь лазуритовые ромбические подвески, выделенные среди обильных типов украшений на памятнике, которые ранее были определены по другим археологическим комплексам Т.И.Макаровой как принадлежащие берендеям, дают нам основание предложить ниже маленький экскурс о байандурах в дельте Сырдарьи (с. 292).

Хазары

По М.И.Артамонову [Артамонов, 1962, с. 171, 175], «историческая память хазар не уходит далее середины VII в.», времени возникновения независимого Хазарского государства (около середины VII в.). К 70-м годам VII в. власть хазар распространилась уже на Северный Кавказ, большую часть Крыма и все Северное Причерноморье, к VIII в. хазары господствовали и над волжско-камскими булгарами [Артамонов, 1962, с. 174]. Хазарская держава — это объединение очень разнородных племен, иногда родственных между собой, возникшее вначале в составе Западнотюркского каганата. На мировую

арену Хазарский каганат выступил как наследник Тюркского государства и династии из рода Ашина. Происхождение хазар до сих пор остается неясным (см. [Артамонов, 1962, с. 114 и сл.]), современники относили их к тюркам (см. [Danlop, 1954, с. 3–7 и сл.]), сами же хазары «считали себя родственными по происхождению с уграми, аварами, гузами, барсилами, оногурами, болгарами и савирами» [Артамонов, 1962, с. 114]. М.И.Артамонов полагал, что большую роль в формировании хазар сыграли отюреченные угры. Язык их был, по одним данным, подобен языку болгар (ал-Истахри, Ибн Хаукаль), а по другим ал-Беруни [Беруни, I, с. 55], болгары говорят на особом языке, «смешанном из тюркского и хазарского», т.е. относящемся к западной группе тюркских языков, в которую входят современный чувашский язык и языки печенежско-огузской группы племен [Артамонов, 1962, с. 115].

На начальном этапе история хазар тесно переплетается с историей савир (тюркизированные угры по преобладающему мнению), которые в VI в. господствовали в Северном и Западном Прикаспии и вели войны в Закавказье. Позднее их на этой территории сменяют хазары, которые, очевидно, подчинили савир. Масуди уже называет хазар тюркскими савирами [Артамонов, 1962, с. 127], а город Кабала в Азербайджане, который был центром савиров, Балазури называет *Хазар*.

Данными о месте первоначального формирования хазар наука не располагает. Вместе с тем есть отдельные факты, сообщаемые письменными источниками, которые позволяют выдвинуть гипотезу, что хазары, как позднее и печенежское и огузское объединения племен, могли сформироваться (начать формироваться как единое объединение) восточнее территории их державы, в районе среднего течения Сырдарьи. Факты эти, взятые вместе, насколько нам известно, никогда не рассматривались.

В самом раннем из сохранившихся арабском географическом сочинении «Книга картины земли» известного ученого Мухаммада ибн Мусы ал-Хваризми (30-е годы IX в.), в разделе о «городах» шестого климата отмечается город «ал-Хазар» с координатами 93°0' долготы и 45°0' широты [Калинина, 1988, с. 40 и 74 сл.], (рис. 14), при этом там же упоминается, что «река Длинная» (по общей географической ситуации и «городам» около нее соответствует Сырдарья–Яксарту древних авторов) протекает вблизи этого пункта [Калинина, 1988, с. 50]. Ближайшими к ал-Хазару «городами» в источнике (в разделе пятого климата) названы Уструшана, Ходжент, Бенакет (южнее), Тарбент, Исфиджаб (юго-западнее) и «центр страны Шаша и Тарбенда». Все эти области находятся на *границе Скифии*, населенной тюрками [Калинина, 1988, с. 75].

Т.М.Калинина вполне обоснованно сопоставляет Скифию ал-Хваризми с *внутренней Скифией* Птолемея, материалы которого были

использованы ал-Хваризми с дополнением новых сведений (с. 75 и сл.). И в связи с этим сопоставлением ею привлекается древняя легенда, приведенная Михаилом Сирийским (XII в.) и через него более поздними авторами, о приходе из *внутренней Скифии*, со стороны гор Имаус в царствование императора Маврикия (582–602) трех братьев со своими сподвижниками. Старший брат Хазарик со своим народом, который стал называться хазарами, занял страну Берсилию ([Калинина, 1988, с. 75–76], там же см. литературу вопроса). Но это сопоставление Т.М.Калинина не считает возможным «рассматривать как обязательную реалию» (с. 76), так как это может быть отголоском книжной традиции (хотя неясно какой?) или «попыткой привести в систему реалии и данные Птолемея (?), или даже простой случайностью» (с. 76). Нам представляется, что есть основание продолжить исследование вопроса, так как имеется возможность по крайней мере показать *неслучайность* появления имени хазар в районе среднего течения Сырдарьи.

Следующие тексту ал-Хваризми авторы повторяют данные о «городе» ал-Хазар и дают некоторые дополнительные сведения (см. [Калинина, 1988]).

Так, автор «Книги чудес семи климатов» Сухраб (ибн Сарабийун), писавший свой труд между 902 и 945 гг. [Крачковский, 1958, т. 4, с. 97], «вносит существенную новую информацию в данные ал-Хваризми» [Калинина, 1988, с. 109]. При описании Яксарта–Сырдарьи он следует сообщению ал-Хваризми, но подчеркивает, что эта река считается *«рекой хазар»* [Калинина, 1988, с. 117 и 125], при этом автор четко знает, как и ал-Хваризми, настоящую «страну Хазар» [Калинина, 1988, с. 124] к северу от Дербента.

Ал-Фаргани, живший в IX в., в соответствии со сведениями ал-Хваризми, отмечает «страну ал-Хазар» к востоку от Каспийского моря (море Джурджана): «Шестой климат начинается с востока и идет через страну Йаджудж, затем через страну ал-Хазар, пересекает море Джурджана по направлению к стране ар-Рум...» (цит. по [Калинина, 1988, с. 130]). Интересно в этой связи отметить и границы расселения тюрков (тюркютов) по представлениям ал-Фаргани: «Седьмой климат начинается с востока от севера страны Йаджудж, затем идет через страну ат-Турк, затем по побережью моря Джурджана с той стороны, что примыкает к северу. Затем пересекает море ар-Рума...» [Калинина, 1988, с. 130]. Таким образом, в интересующем нас районе Приаралья тюрки, по сообщению автора IX в., находились к северу от восточной группы хазар.

Представляется, что приведенные выше данные не могут быть связаны только с какой-либо неизвестной книжной традицией, и еще меньше оснований связывать их с наследием Птолемея. Доверие к ним может быть и подкреплено, если мы обратимся к другому кругу

письменных памятников, связанных с происхождением династии Сельджукидов (подробный анализ источников см. [Агаджанов, 1969, с. 163 и сл.; Артамонов, 1962, с. 410—420]). Ряд средневековых авторов отмечают, что Сельджукиды вышли из среды хазар, а другие связывают их происхождение с огузами. Версии о хазарском происхождении Сельджукидов восходят, скорее всего, к одному источнику — специально посвященному династии Сельджукидов произведению «Малик-наме», составленному неизвестным автором XI в. [Агаджанов, 1969, с. 18]. Оригинал этого сочинения не сохранился, но цитаты и пересказы из него приводятся Ибн ал-Асиром (XIII в.), Абу-л-Фараджем (XIII в.), Мирхондом (XVI в.) и некоторыми другими историками. При ярко выраженной тенденции возвеличивания Сельджукидов и пропаганде идеи об их высоком и благородном происхождении в ряде вариантов «Малик-наме» и у более поздних авторов отмечается, что предок сельджуков Тугаг (Дугаг) и его сын Сельджук были на службе у хазарского царя (у Ибн ал-Асира этот царь назван «ябгу тюрюк», см. [Бартольд, 1963д, с. 566]). Отмечается, что Тугаг отличался большим мужеством и доблестью, но вступил в конфликт с царем, когда тот собрался напасть на страну ислама (в некоторых вариантах — на тюрюк). Сын Тугага Сельджук тоже добился расположения хазарского царя и получил титул сю-баши (глава войска), но жена царя (хатун), боясь возвышения Сельджука, всячески настраивала против него ябгу, который задумал освободиться от Сельджука. Опасаясь за свою жизнь, последний бежал от хазар с сотней всадников и большим количеством скота и «перешел в область ислама», принял мусульманскую веру и поселился в районе Дженда.

В.В.Бартольд вообще не разбирает хазарскую версию происхождения Сельджукидов, а все данные относит на основании сочинения Ибн ал-Асира к огузам. Сомнительной считали эту версию и М.И.Артамонов и С.Г.Агаджанов. Последний отмечал, что термин «хазар», употребленный в источниках, не имеет здесь «определенного этнического содержания» [Агаджанов, 1969, с. 164].

М.И.Артамонов аргументировал свое отрицательное отношение к «хазарской» версии источников тем, что титул главы хазар «ябгу» другими источниками после VIII в. не отмечается, а имена сыновей Сельджука (Израил, Микаель, Юнус и Муса) могли появиться и вне пределов хазарского двора [Артамонов, 1962, с. 420]. Добавим к этому: источники отмечают, что бежал Сельджук от ябгу в юном возрасте [Агаджанов, 1969, с. 175]. На основе анализа «Малик-наме» исследователи считают, что Тугаг жил в IX — первой трети X в. или между второй третью IX и серединой X в. (см. [Агаджанов, 1969, с. 172]), т.е. позже появления в ранней арабской географической литературе (ал-Хваризми и др.) сведений о хазарах на северо-востоке Средней Азии, что свидетельствует о независимости этих двух групп источников.

Обращает на себя внимание и удивительное совпадение локализации хазар на Сырдарье по ал-Харизми, ал-Фаргани и Сухрабу (к северу-востоку от Испиджаба и Тарбенда) и данных иных письменных источников и туркменских народных преданий о первоначальной родине сельджукских племен — в районе среднего течения Сырдарьи [Агаджанов, 1969, с. 174].

Нам представляется, что версии о происхождении Сельджукидов отражают одни и те же события, протекавшие в отмеченном районе, а ябгу хазар и ябгу огузов идентичны, но хазары, фигурирующие в этих источниках, не имели отношения к Хазарскому каганату, а были отдельной группой хазарских племен, расселившихся у Сырдарьи и вошедших в состав огузов, и, как и многие другие племена этого объединения, имели своего главу — ябгу или пайгу (см. [Агаджанов, 1969, с. 66–75, 139, 172 и др.]). Именно у них, а не в Хазарском каганате вплоть до X в. сохранялся, как это было принято в огузской среде, и титул ябгу.

Таким образом, две независимые группы источников фиксируют присутствие хазар или даже какое-то объединение хазарского населения во главе со своим ябгу в районе среднего течения Сырдарьи, по крайней мере в пределах IX–X вв.

Т.М.Калинина [Калинина, 1988, с. 77], комментируя данные ал-Хваризми о хазарах у Сырдарьи, напоминает о том, что в X в. в Хазарском каганате особую роль играли арсии — мусульманская гвардия выходцев из Хорезма, и предполагает возможную связь между этим фактом и сведениями о хазарах в источнике. В разделе о Кердере мы подробно останавливаемся на вопросе об арсиях и их происхождении. Здесь же уместно отметить, что в IX–X вв. присырдарьинские районы, особенно среднее течение реки, ни одним источником не связываются с Хорезмом, к тому же хазарский ябгу и его подданные, согласно данным письменных источников, не были мусульманами. Сельджук принял мусульманство, лишь убежав от хазар. Нет никаких объективных оснований связывать арсиев с хазарами на Сырдарье и считать этот район частью Хорезма или даже областью, соседствующей с ним. Для нашего исследования, несомненно, важно выяснить, когда могли появиться тюрки-хазары на Сырдарье.

В «Истории албан» Моисея Каланкатуйского в связи с изложением истории гуннского княжества в Северном Дагестане в VIII в. отмечается, что глава его — великий князь гуннов Алп-Илитвер был вассалом хазарского кагана, которого источник называет «царем севера» или «царем туркестанским» [Артамонов, 1962, с. 184].

Там же есть сведения о том, что после обращения в христианство Алп-Илитвер «показал много подвигов храбрости в Туркестане хазарскому хану. Он успел снискать его любовь и принужден был дать ему дочь свою в супружество, а сам, достигши почетной старости, прославлен был в трех странах» [Артамонов, 1962, с. 190]. Под Туркеста-

ном вряд ли мог подразумеваться район Северо-Западного Прикаспия, скорее всего здесь можно видеть отголосок сведений (может быть, и сильно преувеличенных) о восточной группе хазар (туркестанской). Напомним, что это свидетельство относится уже к VII в. и много старше разбиравшихся выше (вспомним сообщение Михаила Сирийского о легендарных событиях того же времени, см. выше).

Вероятнее всего, окончательное формирование хазар происходило в составе Тюркского каганата. Основные завоевания тюрков (тюркютов) на западе произошли в пределах второй половины VI в. В 558 г. они уже вышли к Волге, «гоня перед собой тех, кто отказывался покориться» [Гумилев, 1967, с. 35]. В единой державе оказалась вся территория азиатских степей и северо-восток Средней Азии, в составе которой и сформировалось хазарское объединение племен (тюркюты и, очевидно, угры), которое только с конца VI в. в лучшем случае появляется к западу от Волги [Артамонов, 1962, с. 114–132]. Возможно, что хазары были в числе тех племен, которых «гнали впереди себя» двигавшиеся на запад тюркюты. Позднее Хазарская держава выступает в качестве наследника Тюркского каганата. Скорее всего, в ходе завоеваний тюркютов хазарская племенная группа (?) была разделена на две части — одна ушла в Прикаспий (за Волгу), а какая-то часть осталась в районе среднего течения Сырдарьи, месте традиционных «городских» центров скотоводческих племенных объединений на северо-востоке Среднеазиатско-Казахстанского региона. В письменных источниках и археологических материалах нет даже косвенных данных о возможном приходе хазар на Сырдарью из Прикаспия в период между концом VI в. (время появления хазар к западу от Волги) и IX в. (первыми сведениями источников о хазарах на востоке). Вместе с тем в истории Среднеазиатско-Казахстанского региона известно большое число фактов дробления (разделения) скотоводческих племен при их продвижении на новые территории. Части племен, оставшиеся на прежних местах обитания, включались в новые объединения «кочевников» чаще всего под своими именами. Очевидно, аналогичная судьба была и у восточной группы хазар, которые вошли в состав огузов, господствовавших на этой территории в IX–X вв., что и отразили источники в связи с происхождением Сельджукидов.

В составе восточных, как и западных, хазар уже могли быть угры (возможно, и отюреченные), так как археологически отмечается проникновение их на Сырдарью уже в первой половине I тыс. н.э. (см.: часть III, глава 4). Если признать угорскими топонимы с окончанием на *-дер* (см. раздел о Кердере выше), то о проникновении угров до района Отрара (Фараба) свидетельствуют письменные источники в последней четверти X в.: в связи с упадком г. Фараба центром этой области становится город Кедер [Агаджанов, 1969, с. 75], располагавшийся по обеим берегам Сырдарьи.

В подтверждение предложенных выводов можно привести сведения из пехлевийского сочинения «Ядгар Зареран», относящегося к более раннему времени [Брагинский, 1956, с. 218; Гафуров, 1972, с. 197].

И.С.Брагинский обратил особое внимание на одно из имен действующих в нем лиц при описании войны царя Ирана Виштаспы с царем хионитов Арджаспом, проходившей на юге Средней Азии. Там наряду с «колдуном» Видарафшем назван Нам Хваст, сын *Хазара*.

События эти анализировались И.Марквартом [Marquart, 1901, с. 50–52], который пришел к заключению, что, несмотря на анахронизмы и замену одних этнических названий другими (имя хазар им не рассматривалось), можно сделать вывод, что здесь описываются войны Сасанида Бахрама Гура (Варахран V, 420–437 гг.) с хионитами. Не вдаваясь в весьма спорную проблему происхождения этого народа (см. также предыдущую главу), отметим, что он всеми историческими источниками локализуется на юге и юго-востоке Средней Азии, а иногда имя хионитов смешивается с кушанами, эфталитами и тюрками [Гафуров, 1972, с. 196–198].

Имя Хазара, появившееся в пехлевийском сочинении в связи с событиями V в. на юге Средней Азии среди противников царя Ирана, указывает, как нам представляется, на связь этого персонажа с новыми племенами (народами), пришедшими в этот район в V в. А имя их предводителя—царя хионитов Арджаспа — явный анахронизм, указывающий на легендарный Туран, который традиционно в иранской литературе связывается с присырдарьинскими землями, где, как показывает анализ более поздних источников, был район расселения и, возможно, формирования народа хазар.

В соответствии с письменными источниками и для отличия от широко известного в Прикаспии и Поволжье народа следует, очевидно, именовать эту восточную группу хазар «туркестанскими».

Исходя из текста «Ядгар Зареран», можно сделать вывод о том, что хазары появились на исторической арене на северо-востоке Средней Азии не позже V в. Именно в это время и в том же районе, как показывают другие материалы, происходит формирование и другого тюркоязычного народа — кангар.

Хотя проведенное исследование письменных источников и позволяет впервые в науке достаточно достоверно, на наш взгляд, выявить восточную (сырдарьинскую, или туркестанскую) группу хазар, но оно не дает оснований считать район ее расселения «родиной» хазар вообще, так как нельзя исключить того, что обе группы хазар могли прийти из какого-то третьего центра, где расселились поблизости тюркюты и угры.

Постоянная ориентация болгар на союз племен дулу, а хазар, конкурирующих с ними, — на нушиби [Артамонов, 1962; Гумилев, 1967]

вряд ли может быть объяснена только политическими соображениями. Представляется, что причина лежит глубже — в связи этих групп тюркских племен на их «первоначальной родине» (по происхождению или, что менее вероятно, территориально). Болгарские «исконные земли» ищут на востоке современного Казахстана [Геннинг, Халиков, 1964]. В V в. на Иртыш продвинулись из Джунгарии через Тарбагатай племена теле. Этот район, как и Семиречье, является территорией племен союза дулу в эпоху образования Западнотюркского каганата (к этому времени союзы дулу и нушиби, составившие основу этого каганата, уже существовали [Chavannes, 1903, с. 477; Кюннер, 1961, с. 11]). Земли союза нушиби располагались западнее: на западном Тяньшане и далее к Сырдарье [Гумилев 1967, с. 150 и сл.]. Интересно отметить, что при междоусобных войнах в период распада Западнотюркского каганата граница между дулу и нушиби была установлена у реки Чу ([Гумилев 1967, с. 213]; там же ссылки на источники). Восстанавливаемая нами по несколько более поздним источникам «первоначальная родина» хазар на средней Сырдарье и далее на восток как раз и совпадает с территорией союза нушиби. Хазары, как и нушиби, традиционно были связаны и с господствовавшей в Тюркском каганате династией Ашина [Артамонов, 1962, с. 170 и сл.].

Байандуры

Разведочные археологические раскопки, проводившиеся в 1963 г. автором на одном из «болотных городищ» (Кескен-Куюк-кала) в низовьях Сырдарьи, дали основание не только выделить своеобразный культурный комплекс, связанный с последним этапом джетыясарской культуры (см.: часть III, глава 4), но и доставили дополнительно материалы к этнической истории Восточного Приаралья в конце I тыс. н.э. Мы имеем в виду серию ромбических лазуритовых подвесок, которые были найдены в материалах с размытых полов цитадели. Подобные подвески подробно описаны Т.И.Макаровой [Макарова, 1962, с. 127 и сл.]. На основе детального анализа разных серий подвесок из лазурита (и прежде всего ромбических) и мест их находок в Восточной Европе она пришла к выводу, что появление их в южнорусских степях можно связывать с половецким племенем берендеев [Макарова, 1962, с. 134], пришедшим в Восточную Европу в составе огузо-печенежского союза в первой половине XI в. Со ссылкой на В.В.Бартольда [Бартольд, 1973, с. 43] она отмечает, что Гардизи в числе племен, населявших берега Иртыша в X в., отмечал племя «баяндер». Добавим, что у Гардизи это племя относится к кимакам наряду с имеками, кипчаками и др. (см. [Бартольд, 1973, с. 43]).

У Абульгази [Кононов, 1958, с. 51, (520)] Байындыр — старший сын Кок-хана и внук Огуз-хана. Его братом является Бечене. Таким

образом, байандуры, как и печенеги, очевидно, частично вошли в состав огузского объединения племен еще на территории Приаралья. Подтверждение этому можно найти и в археологическом материале — в своеобразии культурного комплекса «болотных городищ» низовьев Сырдарьи. Описывая в свое время наши материалы из Кескен-Куюк-калы, Л.М.Левина отмечала в них в отличие от основного джетыасарского комплекса периода Джетыасар III сильное влияние культуры Семиречья. В особенности это относится к многообразию елочного и растительного орнамента, отдаленные истоки которого она видела в материалах гуннских памятников Монголии и Алтая [Левина, 1971, с. 85].

Позднее, особенно в результате массовых раскопок могильников в Джетыасарском урочище, ею была получена богатейшая коллекция керамики, в том числе и этапа Джетыасар III, но, как правило, на ней не представлен растительный орнамент типа кескенкуюккалинского, гораздо реже встречается и елочный орнамент [Левина, 1996]. Можно предположить, что на «болотных городищах», возникших в конце VII — начале VIII в., представлена культура печенегов, сформировавшаяся в низовьях Сырдарьи на базе позднеджетыасарской и тюркско-семиреченской, проникавшей сюда, по мнению Л.М.Левинной, по долине р. Чу, минуя среднюю Сырдарью.

Комплекс находок с Кескен-Куюк-калы дает основание датировать памятник с конца VII в. и в пределах VIII–IX вв. [Левина, 1971, с. 78], что согласуется с временем возможного пребывания печенегов в этом районе. После ухода основной их массы оставшиеся печенеги были включены, как известно по письменным источникам, в состав огузского объединения [Агаджанов, 1969].

С огузским периодом в истории низовьев Сырдарьи связаны уже иные памятники — Янгикент, Дженд и др. (это выходит далеко за рамки нашей темы).

Интересно, что в богатом комплексе каменных бус и подвесок с Кескен-Куюк-калы (общее описание их см. [Левина, 1971, с. 77–78]) встречены и лазуритовые плоские ромбические подвески со сквозными сверленными каналами у обоих концов ромба. Редкость подобных находок, связанных всегда со степным поясом [Макарова, 1962], дает основание нам, как и Т.И.Макаровой, рассматривать их как своего рода «этнический» (этнографический) индикатор. Принимая вывод Т.И.Макаровой (см. выше), мы можем говорить, что на Кескен-Куюк-кале были представлены и байандуры (может быть, и в составе кимаков?) уже в IX в., но не позже начала X в., так как к этому времени памятник перестал существовать. Совместное проживание печенегов и байандуров в низовьях Сырдарьи может найти подтверждение и в тексте Абульгази, передающего легенду о составе племен огузов и их генетической связи.

Байандуры могли попасть в низовья Сырдарьи в конце VIII — начале IX в. при продвижении в это время в северо-восточные районы Приаралья и западной ветви кимаков-кипчаков, южнее которых располагались печенеги [Кумеков, 1972, с. 56 и сл.].

Подтверждение нашим выводам можно найти и в небольшом экскурсе, посвященном треугольным лазуритовым подвескам в средние века, в работе А.В.Гудковой [Гудкова, 1973, с. 130–131]. Для нас несомненный интерес представляют отмеченные ею по материалам Семиреченской экспедиции находки треугольных лазуритовых подвесок VI–XIII вв. у тюрок Семиречья. Более поздние подвески XII–XIII вв. из Хорезма и на средней Сырдарье могут быть связаны с пребыванием здесь групп огузов или кипчаков.

*Некоторые общие вопросы
раннего этапа тюркизации населения
в присырдарьинских районах*

Проблема ранних этапов тюркизации народов Среднеазиатско-Казахстанского региона весьма сложна и практически не разработана. Распространение тюркской речи чаще всего отмечают только по находкам тюркских рунических надписей. Более ранние этапы, которые могут быть связаны с гуннским периодом, рассматривались А.Н.Бернштамом [Бернштам, 1951], но не получили в дальнейшем поддержки. Н.А.Баскаков объясняет архаические элементы чувашского языка влиянием «западнохуннского», наследников которого он видит в болгарях, хазарах, гузах, печенегах [Баскаков, 1960, с. 102–103]. Поскольку исторические данные и археологический материал позволяют локализовать в присырдарьинских районах в раннем средневековье часть из перечисленных народов, мы можем попытаться как-то обобщить весь этот материал и увязать с ранними этапами тюркского этногенеза, связанного, несомненно, с гуннами, так как тюрок до второй половины VI в. еще не могло быть даже на востоке Среднеазиатско-Казахстанского региона.

Имеющийся в настоящее время комплекс данных позволяет наметить два «этногенетических очага» — северный (в степях Северного Казахстана и на юге Западной Сибири) и южный (в Семиречье и прилегающих районах средней Сырдарьи и Иртыша). М.И.Артамонов [Артамонов, 1962, с. 42 и сл.] отмечал, что гунно-угорский симбиоз и создал ту гуннскую орду, которая завоевала многие области Европы. Вслед за гуннами (конец IV в.) в степях Северного Кавказа появились савиры, а затем болгары и хазары. Но гунны в районах Северного Казахстана — юга Западной Сибири, где они известны со II до IV в., вероятно, оказали сильное воздействие на жизнь местных племен. По

археологическим материалам в III в. фиксируется «выселение» из Западной Сибири группы населения бахмутинской культуры в Западное Приуралье и верхнеобской — в сторону Алтая [Геннинг, Халиков, 1964, с. 148]. В это же время или чуть позже в Восточном Приуралье в джетыясарской культуре появляются яркие угорские влияния и подражания металлургическим гуннским котлам. С этого началась «эпоха великого переселения» в Средней Азии.

Одновременно и на юго-востоке Среднеазиатско-Казахстанского региона происходили следующие события. Часть гуннов в 155–160 гг. в результате разгрома сяньбийцами была вытеснена из Джунгарии в Семиречье, где они создали владение Юебань, просуществовавшее здесь до V в. [Артамонов, 1962, с. 42; Бернштам, 1951]. Следствием была языковая ассимиляция населения в этом и в прилегающих районах. Мы отмечали выше кангар и хазар в присырдарьинских районах. В середине V в. топоним с именем кангар фиксируется в Закавказье; следовательно, какая-то часть их ушла на запад, вероятно, еще в составе гуннов или сразу вслед за ними вместе с савирами. В VI в. в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе появляются хазары. Можно предположить с немалым основанием (см. выше), что и формирование этого тюркского по всем свидетельствам народа происходило на средней Сырдарье или близкой к ней территории. Тюркизация кангар, соседей хазар, должна была произойти здесь же в пределах от IV — начала V до начала VIII в., когда они в составе печенегов уже были вытеснены на запад. Скорее всего процесс тюркизации хазар и кангар происходил синхронно и завершился к VI в. (уход хазар на запад, вероятно, под давлением тюрков) еще до появления Первого Тюркского каганата. Следует обратить внимание на то, что гуннское владение Юебань, ставшее центром раннего очага тюркизации народов на юге, в V в. прекращает свое существование. Процесс тюркизации ранней «западной» группы тюркских народов к этому времени, вероятно, в основном был завершен.

В.Ф.Геннинг и М.С.Акимова (см. [Геннинг, Халиков, 1964]) считали, что антропологические материалы указывают на Восточный Казахстан как район возможного формирования болгар. Здесь они должны были находиться в довольно тесном контакте с угорскими племенами Алтая, вошедшими в Тюркский каганат (по Л.Н.Гумилеву, угры составляли значительную часть его и сам каган Истеми носил угорское имя [Гумилев, 1967, с. 34]), что, вероятно, и получило отражение в их языке, родственном в общем хазарскому [Артамонов, 1962, с. 114–115 и др.]. Происхождение болгар связывают и с народом теле, продвинувшимся из Джунгарии и Западной Монголии на Иртыш, с ними увязывается и гибель владения Юебань, часть населения которого они могли включить в свой состав. В 540 г. теле были разбиты жузжаниями, следствием чего и могло быть их движение на запад.

С болгарами и хазарами завершается движение с востока в Европу той группы племен, которая предшествовала приходу сюда тюрков. По данным Л.Н.Гумилева, сами тюрки на западе были малочисленны, они опирались на местных правителей. Хазары, завоеванные ими, и стали их опорой на северо-западных границах. При всех передвижениях кочевых народов часть их, как правило, оставалась на местах прежнего обитания или вблизи них и входила чаще всего в другие объединения кочевников, создававшиеся позднее на той же территории. Так в конце VII — начале VIII в. в составе печенегов оказались кангары, а позднее какие-то группы этого народа под именем канглы (оформление этнонима происходило уже в составе тюркских народов иной языковой группы) вошли в состав многих народов, формирование которых происходило в Среднеазиатско-Казахстанском регионе.

С огузами, появившимися в присырдарьинских районах, очевидно, в IX в., завершается на этой территории формирование группы народов, возводимых по языку к «западнохуннской» группе. А затем в связи с экологическими изменениями и обводнением более южных русел в дельте Сырдарьи (Жаныдарья) центры расселения скотоводов перемещаются туда и на среднюю Сырдарью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог исследованию этногеографии и в какой-то степени этнической истории северной части Среднеазиатско-Казахстанского региона в древности, объединяемой географическим понятием Туран, я считаю необходимым подчеркнуть прежде всего оправданность выбранного методического подхода, позволившего значительно расширить источниковедческую базу работы. Большое внимание, которое автор уделил вопросам экологии, позволило воссоздать палеогеографическую картину той эпохи, к которой относятся сведения письменных источников и синхронные им археологические материалы. Экология определяла хозяйственно-культурные типы в пределах исследуемого региона, границы их распространения. Экологические ресурсы оказывали влияние на процесс социально-экономического развития областей, а в подавляющем числе случаев от географических факторов зависели и границы самих историко-культурных областей (ср. [Эдельман, 1968]). Исторические примеры показывают, что подобная картина сохраняется и в средние века, а иногда и вплоть до XX в.

Возможности хозяйственного использования природных ресурсов в пустынной зоне, где преимущественно могло развиваться экстенсивное скотоводство, очень ограничены. Соотношение хозяйственной и этнической территории рассматривалось нами с привлечением исторических аналогий из Среднеазиатско-Казахстанского региона. Обращаясь в этом и других аналогичных случаях к сравнительно-историческому методу исследования, автор считал оправданным привлекать материалы по истории тюркских народов региона, так как кочевое скотоводство, распространенное на Туранской низменности в прошлом, это очень устойчивая и консервативная форма хозяйства (см. [Гумилев, 1967]), а «племена», которые известны по письменным источникам с эпохи раннего железного века, по существу представляют собой территориальные объединения, принявшие этническую форму (общность происхождения, общая мифология и верования в первую очередь).

Подтверждением преемственности хозяйственных территорий, на которых «этнические» образования сменяли друг друга с I тыс. до н.э. и до нового времени, кроме многих отмеченных в работе примеров являются и данные лексики тюркских языков из региона, особенно связанные с основной хозяйственной деятельностью населения. Для земледельческого оазиса низовьев Амударьи это отмечено Я.Г.Гуля-

мовым [Гулямов, 1957], но то же самое происходило и у скотоводов, о чем свидетельствуют иранские заимствования в среднеазиатских тюркских языках для обозначения стада, одногорбого и двугорбого верблюдов (см. [Мусаев, 1975, с. 81–82; Щербак, 1961, с. 104–106]).

Связь традиционных путей миграций кочевников с экологией, как и их сезонных перекочевков, не вызывает сомнения.

Для того чтобы полнее и точнее представить пути миграций в древности, было предпринято исследование их в средние века. Специально была выбрана эпоха с распада Золотой Орды и позже, так как для нее имеется довольно широкий круг письменных данных, позволяющих наиболее полно представить картину миграций «племен» в течение нескольких веков. Начиная изучение данного конкретного вопроса, автор даже не предполагал, что миграции этого позднего времени так точно совпадут с тем археологическим материалом, который обычно связывается с перемещением населения в древности. Тот же совокупно взятый материал позволяет сделать вывод, что для истории Средней Азии гораздо существеннее во все времена были движения племен с севера на юг, а не с востока на запад (в древности, например, юечжи, гунно-угорские племена). Движение с востока на запад характерно было для степного пояса, расположенного севернее изучаемого района. На юг, в Среднюю Азию группы «племен» двигались уже после какого-то периода их интеграции и консолидации в северных районах современного Казахстана и на юге Западной Сибири (гунны, кипчаки, узбеки и, очевидно, другие народы). Второй «маршрут» миграций с востока пролегал от Джунгарии и Турфана через Тянь-Шань, Притяньшанье и Фергану. В южные районы по этому пути, как мы отметили, переселялись киргизы, и он удивительно отвечает всем данным письменных источников о пути продвижения в Среднюю Азию той группы юечжи, которая приняла участие в разгроме Греко-Бактрии. В южную Бактрию, а затем и в Индию эти племена продвинулись, очевидно, единственно приемлемым путем для всадников и скота; скорее всего, им прошли еще намного раньше индоарии. Экологическое изучение региона показывает особенности и объемы пищевых ресурсов для скота, которые обусловили развитие в пустынной зоне особого состава стада и отсутствие табунного коневодства. С другой стороны, именно здесь в условиях оседлого скотоводческого хозяйства в соседстве с земледельцами развивается племенная работа по разведению высокопородных лошадей, что для Хорезма подтверждается изобразительными материалами и особыми, выведенными в течение веков сортами люцерны, основного корма таких лошадей. Для дельты Сырдарьи тоже можно предположить сходную ситуацию.

Хозяйственная территория, обычно охватывающая несколько соседних естественногеографических районов, как показывает материал, являлась чаще всего только частью историко-культурной области,

объединявшей несколько таких территорий (например, в дельте Амударьи это левобережный, правобережный Хорезм и районы Приаральской дельты, в Восточном Прикаспии — приузбойские районы, Прибалханье, Устюрт и, вероятно, Мангышлак; в низовьях Сырдарьи — западные древние русла Инкардарьи–Пра-Жаныдарьи и Жетыясарское урочище и примыкавшие к ним сезонные пастбища). Хозяйственно-торговая кооперация приводила к общим чертам в культуре более широкого региона, которым являлась Средняя Азия или даже Среднеазиатско-Казахстанский регион (см. гл. 1 части III). Традиционное совпадение торговых путей с сезонными перекочевками в зоне расселения кочевников дает основание точнее локализовать сведения источников, они как у китайцев, так и у греков появляются в связи с освоением торговых трасс.

Экологические данные позволяют и связать ряд передвижений народов (как локальные, так и глобальные) с природными или климатическими кризисами, а это подводит нас к изучению закономерностей развития кочевнических обществ Евразии, особенно их передвижений по степному поясу и вне его.

Роль археологических материалов в проведенном исследовании, несомненно, была основной. Только они позволили установить хронологию палеогеографических изменений, режим обводнения русел, что дало документальные основания для локализации сведений письменных источников. Даже при наличии последних, содержащих весьма скудные и очень общие данные о расселении народов, археологический материал позволяет существенно дополнить эту картину новыми сведениями, и только по нему устанавливаются хронологические рамки существования на каждой конкретной территории этнических групп как упомянутых в письменных источниках, так и неизвестных им (особенно наглядно это видно на материалах из низовьев Амударьи, где накопился к настоящему времени значительный объем археологических материалов).

В ходе работы над темой удалось установить, что культурные ареалы, выделяемые по *ремесленной* керамике (как сделанной на гончарном круге, так и без его применения), соответствуют историко-культурным областям, чаще всего отмечаемым в письменных источниках под видом «этносов» (массагеты, хорезмийцы, дахи, ариакки и др.). Керамика же ручной выделки, называемая нами в разделе о Хорезме «деревенской», является более точным этническим индикатором, она связана с конкретной группой населения и устойчиво сохраняется в быту. Одному комплексу ремесленной посуды в Хорезме («городской», по нашей условной терминологии) соответствуют две различные группы лепной посуды («деревенской»), распространенные на различных территориях. Их связь с разными по происхождению этническими группами несомненна.

Большую информацию для этногеографической темы содержат и данные о погребальном обряде и погребальных сооружениях. При отсутствии керамики домашней выделки они практически являются единственным критерием для выделения этнической группы (например, в случае с юечжи). Нет нужды специально обосновывать положение о большой консервативности и «этнической окраске» погребальных сооружений и обрядов у скотоводов, где нет свидетельств о распространении какой-то религии, в нашем случае — зороастризма. Можно отметить по нашим материалам, что погребальные сооружения меньше подвергаются изменениям во времени, чем сам обряд погребения (склепы на Узбое и появление в них оссуариев; оссуарного типа погребения в курганах в Присарыкамышской дельте Амударьи; очищенные кости и иногда сосуды-оссуарии в подбойных и катакомбных погребениях там же; смена обряда кремации на обряд выставления трупов в «крестовинках» в чирикратской культуре). Даже нумизматика дает некоторую этническую информацию (при анализе тамг на монетах Хорезма).

Археологические материалы с территории Присарыкамышской дельты Амударьи и древней дельты Сырдарьи показывают довольно наглядно механизм формирования «этнических групп» раннего железного века, когда с распространением кочевого скотоводства осваиваются новые территории для расселения. Иранцы — выходцы с разных территорий с несколько отличными традициями (погребальный обряд и сооружения, керамика и др.) образуют новую группу, которая впоследствии получает название по одному из своих компонентов (например, хорасмии в низовьях Амударьи). Миграции в этот период в пределах Среднеазиатско-Казахстанского региона выступают как этнообразующий фактор. Происходит интеграция культурных традиций, процесс взаимодействия языков, даже если в древнеиранский период, как уже отмечалось, иранские языки мало отличались друг от друга. На протяжении «иранского» периода в истории региона, пожалуй, только в эпоху раннего железного века можно говорить о значительном влиянии миграций на расселение и этнические процессы. Это был период становления иранских этносов региона, ставших потом известными по письменным источникам. В правобережье Амударьи и Северном Прибалханье расселение иранских племен, связанных по происхождению со степными племенами, происходило много ранее [Итина, 1977; Мандельштам, 1961; Мандельштам, 1967; Мандельштам, 1972], в конце эпохи бронзы начала осваиваться и дельта Сырдарьи [Итина 1992].

Изучение всего комплекса материалов показало, что на протяжении практически всего периода древности здесь существовали три устойчивые историко-культурные области. Если для низовьев Амударьи, где находился Хорезм, это было и ранее бесспорным фактом, то для соседних областей Восточного Прикаспия и дельтовой области Сыр-

дарьи — выявляется впервые. И в том и в другом случае это была не скотоводческая периферия земледельческого Хорезма, а самостоятельные историко-культурные области, развитие которых шло своим путем.

В письменных источниках мы находим подтверждение такому положению. Наиболее четко оно выражено у Квинта Курция Руфа в связи с ситуацией в период похода Александра Македонского в Среднюю Азию. Соседями Хорезма в этом сообщении названы массагеты и дахи (Квинт Курций Руф VIII, 1, 8). Вероятно, к подобным сведениям, восходящим к эпохе Александра, относится и часто привлекавшее исследователей сообщение Страбона о том, что к сакам и массагетам относятся хорасмии (Страбон XI, 8, 8). Из этого сообщения археологами чаще всего делаются выводы этногенетического порядка, хотя сам текст не дает оснований для этого, он скорее говорит о территориальной зональности. Известно, что Страбон в тексте о массагетах следует Геродоту или Гекатею через Геродота (см. также [Пьянков, 1994]), часть сведений об этом народе у него добавлена из иных источников. К ним относится и приведенное выше сообщение, по сопоставлению с текстом Квинта Курция Руфа его можно отнести к историкам похода Александра.

Таким образом, в самом общем виде картина расселения народов на севере Средней Азии в эпоху до VIII в. н.э. была следующей (рис. 16–19): в низовьях Амударьи жили хорасмии. Как свидетельствует археология, это обобщенное название населения оазиса, где проживало несколько разных по происхождению этнических групп (собственно хорасмии и их потомки, пришедшие с юга, население правобережья реки — потомки иранских племен, пришедшие сюда из степей; с рубежа IV–III вв. до н.э. — юечжи и какие-то иные группы, пришедшие с севера). Соседями их на западе были массагеты, в конце V в. до н.э. уже занявшие земли по обводненному Узбою. Известно два племени этого объединения — апасиаки вблизи Каспия, в Прибалханье, и дербики вдоль большей части русла Узбоя. К северу от Хорезма, на Устюрте тоже жили массагеты, и одна группа их, проживавшая у Айбугира, находилась в тесном культурном контакте с древнехорезмийской цивилизацией, что особенно ярко отразилось на развитии уже в IV в. до н.э. обряда погребения, близкого к оссуарному. Устюрт, по свидетельству археологических материалов, в это время, как и много позже, был тем путем, по которому кочевники мигрировали из степей в низовья Амударьи (юечжи, например).

Восточные соседи Хорезма в эту эпоху — дахи, возглавлявшие в низовьях Сырдарьи сатрапию «саков, которые за Согдом». В нее, вероятно, помимо дахской группы племен входили и арии (ариаки Птолемея), расселявшиеся в Восточном Приаралье. Если принять наше истолкование текста из «Фарвардин-яшта» (Яшт XIII, 143–144) Авесты,

где приведен перечень областей, как «список» племенных объединений на северо-востоке Среднеазиатско-Казахстанского региона, тогда две из упомянутых там «областей» связаны с дахами и ариями низовьев Сырдарьи. Туры находились восточнее и юго-восточнее их. Вопреки мнению В.И.Абаева [Абаев, 1956] ни письменные материалы, ни археологические не дают оснований отождествлять саков с турами. Даже в перечне областей Яшта XIII туры не «перекрывают» остальные области кочевников, а называются вместе с ними. Особая роль, отводимая турам Авестой и легендарной традицией, зафиксированной Фирдоуси в «Шах-наме», может быть объяснена тем, что на заре иранской истории, в ее «легендарный период» туры возглавляли объединение кочевых племен раннежелезного века, возникшее к северо-востоку от собственно иранских земледельческих областей. Интересно отметить, что замеченное Геродотом отличие массагетов от саков получает подтверждение в археологическом материале. Массагеты не входят и в отмеченный перечень племен-областей в Яште XIII. Саки — понятие собирательное, прилагаемое в источниках ко всем группам кочевников вообще и к кочевникам — соседям Бактрии особо. Не только в Средней Азии понятие «кочевник» передается обозначением какого-то конкретного племени, которое со временем получает расширительное толкование (см. [Кленгель, 1967, с. 61 и сл.]). Название по образу жизни (саки) или по территории (хорасмии, хорезмийцы) в письменных источниках было более предпочтительным, чем этническая принадлежность. Нужно отдать должное наиболее осведомленным античным авторам, они часто избегали обобщенного наименования «саки», а указывали конкретные имена известных им племен скотоводов.

Присоединение среднеазиатских областей к державе Ахеменидов, которое произошло в эпоху Кира и Дария [Дандамаев, 1985, с. 27 и сл.], закрепило сложившуюся этническую ситуацию. Области Турана у Аральского моря составили северные пределы Ахеменидской державы: саки-тиграхауда (массагеты) — к востоку от Каспийского моря, Хорезм — в низовьях Амударьи и сатрапия «саков, которые за Согдом» (дахи) — в низовьях Сырдарьи. Государственные образования вообще стабилизируют этническую ситуацию. В исследуемом районе это относится к древнехорезмийскому государству и даже, очевидно, к раннегосударственному образованию у скотоводов — Кангюю (наличие «малых» владений — свидетельство территориального принципа устройства, участие в войнах с Китаем, династийные браки как будто говорят в пользу того, что это было раннегосударственное объединение), которое выходит на историческую арену не позже II в. до н.э., когда дахи совсем переселяются на юг. В период со II в. до н.э. до конца III в. н.э. это было устойчивое объединение племен, территория которого меняла границы на периферии, но в низовьях Сырдарьи

оно было стабильным и в «этническом» плане. Материалы с территории Джетыясарского оазиса для периода до III в. н.э. не фиксируют каких-либо этнических перемещений. Кангюй, по мнению автора, — название именно государственного типа образования, возникшее из топонима Канг, Кангха, на что обращал внимание еще С.П.Толстов. В его составе было много племен и этнических групп. Среди них, как можно судить по комплексу данных, по культурному влиянию и, очевидно, по социальной роли выделялись арии (ариаки), жители Восточного Приаралья в низовьях Сырдарьи. Соседями их на востоке и юго-востоке до IV в. н.э. неизменно оставались потомки туров, а выше по реке с конца I тыс. до н.э. расселились тохары (каунчинская культура).

Единство каждой из историко-культурных областей Турана определялось культурным комплексом и хозяйственной кооперацией в ее пределах, а также той стороной духовной культуры, которая по археологическим материалам не улавливается. Идея общего происхождения и мифология общих предков, составлявшая цементирующую основу многих «этносов», может быть засвидетельствована для Хорезма по упоминавшимся уже средневековым преданиям о заселении оазиса, прихода в него Сиявуша и воцарении там легендарного Кейхосрова. Очевидно, эти предания оформляются именно к эпохе средневековья, когда из разных этнических групп в оазисе уже складывается единый народ — хорезмийцы, а среди имен царей только с V в. н.э. появляются теофорные, возводимые к Сиявушу (см. [Вайнберг, 1977]). Вероятно, какие-то сходные легенды, возводящие общее происхождение народа к легендарному царю туров Афрасиабу, бытовали и на территории Кангюя. Свидетельство этому мы находим в генеалогических преданиях средневековых династий в объединениях, возникших в районе средней Сырдарьи [Вайнберг, 1973]. С территорией Кангюя автор связывает и корону в виде лежащего двугорбого верблюда в нумизматике Хорезма, титул бограхан (богра — верблюд) Караханидов и топоним Наршах (где «нар» — самец верблюда), символы сохраняемые скорее всего с очень древней эпохи [Вайнберг, 1973].

Данных о языках народов региона в этот период нет, кроме хорезмийского, который по материалам XIV в. отражает сложную этническую историю этого оазиса.

В истории Среднеазиатско-Казахстанского региона следует различать, во-первых, оседлые и полуседлые группы скотоводов и кочевников и, во-вторых, местных скотоводов и кочевников, а также пришлых. Так, массагеты, дахи, арии, туры, сай (сайрама), саки зяксартские — это были местные скотоводы, включавшие в свои объединения как разные по степени оседлости группы населения, так и кочевников с дальними маршрутами сезонных передвижений. В отличие от них племена или объединения их, известные под именами юечжи,

тохары, кушаны, эфталиты, хиониты, гунны, тюрки и некоторыми другими, в разные периоды вторгались на территорию Средней Азии. Следует только отметить, что завоевания кочевников, как правило, не охватывали всего региона целиком. Так, на рубеже IV–III вв. до н.э. завоеватели появились с севера только на северо-западе в Хорезме и Восточном Прикаспии и, может быть, достигли северных границ Бухарского оазиса. Более мощное движение той же группы племен во II в. до н.э. касалось только областей юго-востока и юга Средней Азии (скорее всего, до Амударьи в районе Маргианы). Эфталиты связаны только с областями юга Средней Азии до Ташкентского оазиса и Тянь-Шаня. Западная их граница проходила по Амударье. Этот же рубеж определял в периоды максимального расширения на запад владение тюрков в регионе. Зависимость Хорезма от последних, вероятно, была номинальной, а позже VI в. н.э. она вообще проблематична.

В IV в. н.э. движение «джетыасарцев» (с рубежа III–IV вв.), а вместе с ними и «каунчинцев» по Сырдарье до Ферганы и затем в среднеазиатское Междуречье захватило юг Средней Азии и достигло даже Хорезма. Автор считает возможным связывать каунчинцев с тохарами, полагая, что их движение на юг приводит к появлению нового топонима «Тохаристан».

Движение гуннов сдвинуло с традиционных мест расселения местное население на востоке и на юге Западной Сибири и в Приуралье, затронув даже лесостепную полосу. Часть этого массива племен оказала давление на самое северное объединение народов Средней Азии — Кангуй, которое, вероятно, прекратило свое существование, а часть его населения переместилась на юг.

За последние десятилетия получен археологический материал из Присарыкамышской дельты Амударьи (левобережный Хорезм), из Восточного Прикаспия и Устюрта, указывающий на то, что не позже рубежа IV–III вв. до н.э. в Среднюю Азию с севера продвигаются новые группы кочевого населения. Вопрос о происхождении этой группы племен еще очень далек от выяснения. Здесь мы вступаем в область гипотез. Во-первых, однотипные погребения в подбоях и катакомбах в это же время появляются в Южном Приуралье и входят в комплекс вновь образующейся здесь прохоровской культуры («степная зона», по которой традиционно идет продвижение племен с востока на запад). Во-вторых, несколько позднее, во II в. до н.э., на юге Средней Азии появляются подобные же типы погребальных сооружений, которые исследователи связывают с юечжи китайских источников, пришедшими в Среднюю Азию из Синьцзяна и Китая. В связи с этим есть основание предположить, что в IV–III вв. до н.э. была первая волна передвижения тех же племен (китайские источники столь ранний период их истории не освещают), но направлявшаяся по зоне степей от Джунгарии вдоль Иртыша и далее до Приуралья и северо-

западных районов Средней Азии. Если принять раннюю дату ряда погребений в курганах Бухарского оазиса, то, вероятно, эта волна юечжи продвинулась тогда вплоть до границ Согда. По-видимому, именно этих кочевников имел в виду Эвтидем, угрожая Антиоху (конец III в. до н.э. — Полибий XI, 34).

Экологический кризис, разразившийся в IV в. н.э., как отмечалось, имел скорее всего «глобальный» характер. Во всяком случае он сильно отразился на этнической картине расселения в Среднеазиатско-Казахстанском регионе.

Осушение Узбоя и Присарыкамышской дельты Амударьи заставило огромное количество народа покинуть эти районы. С этого времени массагеты исчезают с исторической арены, возможно, их поглотил поток племен, устремившихся на запад в эпоху «великого переселения народов». Та же участь, скорее всего, постигла кочевников-юечжи и оседлых скотоводов, потомков хорасмиев, из левобережного Хорезма. Земледельцы, вероятнее всего, переселились к Амударье или в правобережный Хорезм. Может быть, вместе с ними здесь оказалась и часть оседлых скотоводов. Памятников кочевников более позднего времени в Хорезме мы не знаем.

Присырдарьинские районы оказались напрямую вовлечены в передвижения племен этой эпохи. К IV в. н.э. в Джетыясарском урочище происходят большие изменения. Появляется гунно-угорское население, принесшее ряд культурных «новшеств». Оно оказало давление на местное население, которое, с одной стороны, двинулось вверх по Сырдарье, вызвав цепную реакцию передвижений вплоть до Бактрии и Хорезма, а с другой — значительная группа древнего местного населения к концу IV — началу V в. вообще ушла из Восточного Приаралья, включившись в общее движение племен на запад. Есть все основания связывать с ней новые культурные влияния в керамических комплексах на Северном Кавказе (рифление и «валики» на горловинах кувшинов) и появление в Кавказском регионе кангар.

Анализ сочинений ранних арабских географов (и прежде всего ал-Хваризми) и сравнение их данных с более поздними свидетельствами позволили автору довольно уверенно определить группу хазар к востоку от средней Сырдарьи, которая сохранялась здесь по крайней мере до IX в. Это, в свою очередь, дает основание связывать с этим районом формирование хазар, которые в конце VI в. появляются к западу от Волги.

Сопоставление территории хазар «в Туркестане», места формирования тюркского, по моему мнению, народа кангар, и территории гуннского владения Юебань в Семиречье (II–V вв.) дает основание для вывода о том, что на юго-востоке Среднеазиатско-Казахстанского региона был один из очагов раннего «западнохуннского» этногенеза тюркских народов. По соседству с гуннским владением Юебань сформиро-

вались к V–VI вв. племена кангар, хазар и, вероятно, болгар, продвигнувшиеся затем отсюда на запад под давлением тюрков и др. Второй очаг этого же раннего этапа «западнохуннского» этногенеза связывают с югом Западной Сибири и савирами [Артамонов, 1962]. Соседство с ними оказало влияние на район низовьев Сырдарьи, где в VI в. часть населения, возможно, уже была тюркизирована, свидетельством чего и является находка рунической надписи на фрагменте сосуда с Алтын-асара [Кляшторный, Левина, 1989]. Но процесс тюркизации Восточного Приаралья, скорее всего, завершился в VIII в., когда здесь расселились печенеги, включившие в свой состав уже бесспорных тюрков — кангар. В конце VII в., когда отсюда в низовья Амударьи (Приаральскую дельту) приходят кердерцы, этот процесс еще не был завершен, так как источники подчеркивают их отличие по языку и от хорезмийцев, и от тюрков. Имеющиеся материалы дали основание автору выдвинуть гипотезу об угорском происхождении кердерцев. Генетически они могут восходить к населению Западной Сибири (саргатская культура), группы которого в V–VI вв. находились уже в Восточном Приаралье, где восприняли многие элементы джетыясарского культурного комплекса. С этой угорской группой, вероятно, связаны этнически арсии, знаменитая мусульманская гвардия хазарских каганов, происхождение их из Кердера представляется несомненным. Остатки этих арсиев-угров вошли в состав кипчаков. В эпоху великих хорезмшахов они были приближены к трону и концентрировались у северных границ Хорезма. С этим объединением тюркских племен связывается процесс активной тюркизации Хорезма [Pritsak, 1955, с. 9], который, как мы видим, происходил много позже, чем на востоке Турана, и в иной языковой среде. Следы огузских говоров в языках узбеков южного Хорезма отмечались Г.П.Снесаревым [Снесарев, 1975, с. 91 и сл.].

Довольно много неясностей еще в этнической истории региона (к числу их относятся, например, вопрос о ранних массагетах, аланская проблема, особенно в части их родства с массагетами), остро ощущается недостаток источников.

По многим вопросам мною высказаны гипотезы, с той или иной полнотой подкрепленные фактами. Как правило, наши предположения касаются вопросов этнической истории, а не этногеографии. Сколь они справедливы — рассудит время и новые материалы, надежда на появление их не оставляет автора.

Сопоставление материалов разных эпох показывает, что в средние века сохраняются те же историко-культурные области на территории Турана. Для Хорезма это неоднократно отмечалось; в Восточном Прикаспии в XIII–XV вв., когда вновь обводняется Узбой, опять появляются объединения племен на его берегах, а в низовьях Сырдарьи территория расселения в пределах дельты смещается на юг, на обводненное русло Жаныдарьи.

Конечно, археологический материал не отражает всех возможных передвижений племен, даже когда они связаны с традиционными путями миграций. Не можем мы определенно фиксировать и возможные их возвратные движения, но без археологического материала реконструируемая картина исторической этногеографии региона, бесспорно, была бы очень далекой от действительности.

В заключение хотелось бы обратить внимание на то, что детальное сопоставление данных палеогеографии и материалов археологии, с одной стороны, и античных письменных источников — с другой, позволяет относиться с полным доверием к сведениям о тех районах, где побывали реальные информаторы (трассы военных походов, торговые пути). Особенно это относится к проблеме впадения Окса в Каспийское море. Дельта Сырдарьи и Арал, находившиеся в стороне от отмеченных трасс, остались неизвестными в древности, что и породило представление о впадении этой реки в Каспий, объединяемый с Аралом в один водоем.

Несколько народов, упомянутых в связи с исследовавшимися районами, остались без географической «привязки». Это, например, аттасии Страбона и рабии Птолемея, так как нет никаких данных для их локализации. Предположительно, но без всякой уверенности можно локализовать первых на территории Акчадарьинского коридора и Северной Акчадарьинской дельты Амударьи (VII–II вв. до н.э., восточная граница оазиса в низовьях Амударьи), а рабиев связывать с поселениями и могильниками на западном берегу Келькора в дельте Узбоя и видеть в них «массагетов болот» («массагеты гор» — апаснаки, а «массагеты равнин» — дербики).

Северная часть Среднеазиатско-Казахстанского региона, заселенная преимущественно скотоводами, не была в древности территорией расселения нерасчлняемой группы сако-массагетских племен, а, как показали исследуемые материалы, имела довольно четко определенные этнические и историко-культурные ареалы. Народы, проживавшие здесь, сыграли значительную роль в истории всего региона и были связующим звеном между цивилизациями юга и кочевниками степного пояса.

- Абаев, 1956. — *Абаев В.И.* Скифский быт и реформа Зороастра. — Archiv Orientalní. Praha, 1956.
- Абаев, 1958. — *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1. М.—Л., 1958.
- Абаев, 1965. — *Абаев В.И.* Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.
- Абаев, 1980. — *Абаев В.И.* Надпись Дария на золотой табличке из Хамадана, перевод. — Хрестоматия по истории древнего Востока. Ч. 2. М., 1980.
- Абдуллаев, 1975. — *Абдуллаев К.А.* Исследование городища Канка: древний Харашкет в Ташкентском оазисе. Автореф. канд. дис. Таш., 1975.
- Абетеков, 1967. — *Абетеков А.К.* Археологические памятники кочевых племен в западной части Чуйской долины. По материалам раскопок 1961 г. — Древняя и средневековая культура Киргизстана. Фрунзе, 1967.
- Абетеков, Баруздин, 1963. — *Абетеков А.К., Баруздин Ю.Д.* Сако-усуньские памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963.
- Абрамзон, 1959. — *Абрамзон С.М.* Вопросы этногенеза киргизов по данным этнографии. — ТКирг. АЭЭ. Т. III. 1959.
- Абрамзон, 1971. — *Абрамзон С.М.* Киргизы и их этногенетические и культурные связи. Л., 1971.
- Абрамова, 1980. — *Абрамова Т.А.* Изменение увлажненности Каспийского региона в голоцене по палинологическим данным. — Колебания увлажненности, 1980.
- Авеста. Избранные гимны. Из Видевдата. Пер. с авестийского И.Стеблин-Каменского. М., 1993.
- Агаджанов, 1969. — *Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Аш., 1969.
- Агаджанов, 1973. — *Агаджанов С.Г.* Сельджукиды и Туркмения в XI—XII вв. Аш., 1973.
- Азатьян и др., 1969. — *Азатьян А.А. и др.* История открытия и исследования советской Азии. М., 1969.
- Акишев, 1959. — *Акишев К.А.* Саки Семиречья. — ТИИАЭ. 1959. т. 7.
- Акишев, 1972. — *Акишев К.А.* К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана. — Поиски и раскопки в Казахстане. А.-А., 1972.
- Акишев, 1978. — *Акишев К.А.* Курган Иссык. М., 1978.
- Акишев, Кушаев, 1963. — *Акишев К.А., Кушаев Г.А.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. А.-А., 1963.
- Алексеев, Бромлей, 1968. — *Алексеев В.П., Бромлей Ю.В.* К изучению роли переселения народов в формировании новых этнических общностей. — СЭ. 1968, № 2.
- Алиев, 1980. — *Алиев К.В.* К вопросу о Каспии и Арале в античных источниках. — Колебания увлажненности, 1980.
- Аммиан Марцеллин.* История. Пер. с лат. Ю.Кулаковского и А.Сонни. Вып. 1—3. Киев, 1906—1908.

- Андрянов, 1958. — *Андрянов Б.В.* Этническая территория каракалпаков в Северном Хорезме (XVIII–XIX вв.). — ТХАЭЭ. 1958, т. III.
- Андрянов, 1969. — *Андрянов Б.В.* Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969.
- Андрянов, 1991. — *Андрянов Б.В.* История воздействия сельского хозяйства на природу Аральского региона. — Известия АН СССР, серия географическая. М., 1991, № 4.
- Андрянов, Итина, Кесь, 1975. — *Андрянов Б.В., Итина М.А., Кесь А.С.* Земли древнего орошения в низовьях Сырдарьи и задачи их освоения. — Вопросы географии. М., 1975, сб. 99.
- Андрянов, Чебоксаров, 1972. — *Андрянов Б.В., Чебоксаров Н.Н.* Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования. — СЭ. 1972, № 2.
- Аннанпесов, 1972. — *Аннанпесов М.* Хозяйство туркмен в XVIII–XIX вв. Аш., 1972.
- Античная география. 1953. — Античная география. Сост. М.С.Боднарский. М., 1953.
- Антиан.* Митридатовы войны. Пер. С.П.Кондратьева. — ВДИ. 1946, № 4.
- Апполов, 1956. — *Апполов Б.А.* Колебания уровня Каспийского моря. — Труды Ин-та океанологии АН СССР. М., 1956, т. 15.
- Апполов, 1956а. — *Апполов Б.А.* Каспийское море и его бассейн. М., 1956.
- Аристотель.* Метеорология. Перевод из книги I и II. — *Латышев В.В.* ВДИ. 1947, № 2.
- Арриан.* Поход Александра. Пер. с древнегреч. М.Е.Сергеенко. М.—Л., 1962.
- Артамонов, 1962. — *Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962.
- Артамонов, 1971. — *Артамонов М.И.* Археологическая культура и этнос. — Проблемы истории феодальной России. Л., 1971.
- Арутюнов, 1989. — *Арутюнов С.А.* Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989.
- Арутюнов, Хазанов, 1979. — *Арутюнов С.А., Хазанов А.М.* Проблема археологических критериев этнической специфики. — СЭ. 1979, № 6.
- Археологическая карта Казахстана. А.-А., 1964.
- Аскарлов, 1976. — *Аскарлов А.* Бронзовый век Южного Узбекистана (К проблеме развития локальных очагов древневосточных цивилизаций). Автореф. докт. дис. М., 1976.
- Афанасьев, 1980. — *Афанасьев Г.Е.* Керамика Мокрой Балки. — Средневековые древности евразийских степей. М., 1980.
- Ахмедов, 1965. — *Ахмедов Б.А.* Государство кочевых узбеков. М., 1965.
- Бабалжанов, 1975. — *Бабалжанов Р.* К вопросу о скотоводческом хозяйстве туркмен Тедженского оазиса в конце XIX — начале XX в. — Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М., 1975.
- Бабаяев, Фрейкин, 1977. — *Бабаяев А.Г., Фрейкин З.Г.* Пустыни СССР вчера, сегодня, завтра. М., 1977.
- Бабур-наме. Записки Бабуря. Пер. М.Самие. Таш., 1958.
- Бартольд, 1963. — *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — Сочинения. Т. I. М., 1963.
- Бартольд, 1963а. — *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана. — Сочинения. Т. II, ч. I. М., 1963.
- Бартольд, 1963б. — *Бартольд В.В.* Арабские известия о русах. — Сочинения. Т. II, ч. I. М., 1963.
- Бартольд, 1963в. — *Бартольд В.В.* Очерк истории: Семиречья. — Сочинения. Т. II, ч. I. М., 1963.

- Бартольд, 1963г. — *Бартольд В.В.* Киргизы: Исторический очерк. — Сочинения. Т. II, ч. 1. М., 1963.
- Бартольд, 1963д. — *Бартольд В.В.* Очерк истории туркменского народа. — Сочинения. Т. II, ч. 1. М., 1963.
- Бартольд, 1964. — *Бартольд В.В.* Шейбаниды. — Сочинения. Т. II, ч. 2. М., 1964.
- Бартольд, 1965. — *Бартольд В.В.* Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XVII в. — Сочинения. Т. III. М., 1965.
- Бартольд, 1965а. — *Бартольд В.В.* К истории орошения Туркестана. — Сочинения. Т. III. М., 1965.
- Бартольд, 1965б. — *Бартольд В.В.* Мангышлак. — Сочинения. Т. III. М., 1965.
- Бартольд, 1968. — *Бартольд В.В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. — Сочинения. Т. V. М., 1968.
- Бартольд, 1968а. — *Бартольд В.В.* Калмыки. — Сочинения. Т. V. М., 1968.
- Бартольд, 1971. — *Бартольд В.В.* Историко-географический обзор Ирана. — Сочинения. Т. VII. М., 1971.
- Бартольд, 1973. — *Бартольд В.В.* «Извлечение из сочинения Гардизи *Зайн ал ахбар*». — Сочинения. Т. VIII. М., 1973.
- Басилов, 1973. — *Басилов В.Н.* Хозяйство западных туркмен-ёмудов в дореволюционный период и связанные с ним обряды и верования. — Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1973 (ТИЭ, нов. сер. Т. XCVIII).
- Баскаков, 1940. — *Баскаков Н.А.* Ногайский язык и его диалекты. М.—Л., 1940.
- Баскаков, 1960. — *Баскаков Н.А.* Тюркские языки. М., 1960.
- Бейхаки Абу-л-Фазл.* История Мас'уда, 1030–1041. Вступит. ст., пер. и примеч. А.К.Арендса. Таш., 1962.
- Беленицкий, 1977. — *Беленицкий А.М.* Искусство античных и средневековых городов Средней Азии. — Произведения искусства в новых находках советских археологов. М., 1977.
- Берг, 1908. — *Берг Л.С.* Аральское море. СПб., 1908.
- Берг, 1934. — *Берг Л.С.* Уровень Каспийского моря за историческое время. — Проблемы физической географии. 1934, № 1.
- Берг, 1947. — *Берг Л.С.* Климат и жизнь. М., 1947.
- Берг, 1956. — *Берг Л.С.* Избранные труды. Т. 1. М., 1956.
- Берлизов, Каминский, 1993. — *Берлизов Н.Е., Каминский В.Н.* Аланы, Кангюй и Давань. — Петербургский археологический вестник. 1993. СПб., № 7.
- Бернштам, 1949. — *Бернштам А.Н.* Древняя Фергана. — ВДИ. 1949, № 1.
- Бернштам, 1949а. — *Бернштам А.Н.* Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана. — Известия АН КазССР. 1949, № 67, сер. археол.
- Бернштам, 1950. — *Бернштам А.Н.* Н.Я.Бичурин (Иакинф) и его труд «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена». — *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.—Л., 1950.
- Бернштам, 1951. — *Бернштам А.Н.* Очерк истории гуннов. Л., 1951.
- Бернштам, 1952. — *Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тяньшаня и Памиро-Алая. М.—Л., 1952 (МИА, № 26).
- Бернштам, 1956. — *Бернштам А.Н.* Саки Памира. — ВДИ. 1956, № 1.
- Беруни Абурейхан.* Памятники минувших поколений. Пер. М.А.Салье. — Избранные произведения. Т. I. Таш., 1957.
- Беруни Абу Рейхан.* Геодезия. Пер. П.Г.Булгакова. — Избранные произведения. Т. III. Таш., 1966.

- Беруни*. Канон Мас'уда (Книги I–V). Пер. и примеч. П.Г.Булгакова и Б.А.Розенфельда при участии М.М.Рожанской и А.Ахмедова. — Избранные произведения. Т. V, ч. 1. Таш., 1973.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф)*. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I–III. М.–Л., 1950–1953.
- Бичурин Н.Я.* Собрание сведений по исторической географии Восточной и Средней Азии. Чебоксары, 1960.
- Болелов, 1993. — *Болелов С.Б.* Керамические курильницы из склепов могильников Алтынасар 4. — Низовья Сырдарьи в древности. Вып. II: Джетыгасарская культура, ч. 1. Склепы. М., 1993.
- Борисенков, 1982. — *Борисенков Е.П.* Климат и деятельность человека. М., 1982.
- Брагинский, 1956. — *Брагинский И.С.* Из истории таджикской народной поэзии. М., 1956.
- Брегель, 1961. — *Брегель Ю.Э.* Хорезмские туркмены в XIX в. М., 1961.
- Бромлей, 1970. — *Бромлей Ю.В.* Этнос и этносоциальный организм. — Вестник АН СССР. 1970, № 1, 2.
- Бромлей, 1973. — *Бромлей Ю.В.* Этнос и этнография. М., 1973.
- Бромлей, 1983. — *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М., 1983.
- Бундахишн. — Зороастрийские тексты. Издание подготовлено О.М.Чунаковой. М., 1997 (Памятники письменности Востока, CXIV).
- Бурханов, 1993. — *Бурханов А.А.* Древности Амуля (Область Амуля в древности и раннем средневековье). Аш., 1993.
- Буряков, Дадабаев, 1973. — *Буряков Ю.Ф., Дадабаев Г.* Памятники античного времени в Ташкентском оазисе. — ИМКУ. 1973, вып. 10.
- Вавилов, 1987. — *Вавилов Н.И.* В Низовьях Амударьи. — Пять континентов. Л., 1987.
- Вайнберг, 1959. — *Вайнберг Б.И.* К истории туркменских поселений XIX в. в Хорезме. — СЭ. 1959, № 5.
- Вайнберг, 1961. — *Вайнберг Б.И.* Покинутые туркменские поселения на землях древнего орошения левобережного Хорезма. Автореф. канд. дис. М., 1961.
- Вайнберг, 1964. — *Вайнберг Б.И.* Археолого-этнографическое изучение памятников Хорезма XVI–XIX вв. Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М., 1964.
- Вайнберг, 1971. — *Вайнберг Б.И.* Эфталитская династия Чаганиана и Хорезм (по данным нумизматики). — Нумизматический сборник. ГИМ, ч. IV, вып. III. М., 1971.
- Вайнберг, 1972. — *Вайнберг Б.И.* Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV–V вв. — Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе. III. М., 1972.
- Вайнберг, 1972а. — *Вайнберг Б.И.* Новая культура раннего железного века в левобережном Хорезме. — АО-1971. М., 1972.
- Вайнберг, 1973. — *Вайнберг Б.И.* Удельный чекан раннесредневекового Кердера. — Вопросы антропологии и материальной культуры Кердера. Таш., 1973.
- Вайнберг, 1975. — *Вайнберг Б.И.* Куюсайская культура раннего железного века в Присарыкамьшской дельте Амударьи. — Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 3. Л., 1975.
- Вайнберг, 1975а. — *Вайнберг Б.И.* Новые памятники куюсайской культуры в Северной Туркмении. — АО-1974. М., 1975.
- Вайнберг, 1977. — *Вайнберг Б.И.* Монеты древнего Хорезма. М., 1977.
- Вайнберг, 1979. — *Вайнберг Б.И.* Памятники куюсайской культуры. — Кочевники на границах Хорезма. М., 1979 (ТХАЭЭ, т. XI).

- Вайнберг, 1981. — *Вайнберг Б.И.* Скотоводческие племена в древнем Хорезме. — Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981.
- Вайнберг, 1982. — *Вайнберг Б.И.* Жилые и хозяйственные постройки туркмен левобережного Хорезма в XIX в. — Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982.
- Вайнберг, 1983. — *Вайнберг Б.И.* Работы в южной части Присарыкамьшской дельты. — АО-1981. М., 1983.
- Вайнберг, 1984. — *Вайнберг Б.И.* Разведочные работы в Присарыкамьшской дельте Амударьи. — АО-1982. М., 1984.
- Вайнберг, 1989. — *Вайнберг Б.И.* Новые материалы к истории западных районов Хорезмского оазиса в XIV–XVI вв. — Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. Нукус, 1989.
- Вайнберг, 1990. — *Вайнберг Б.И.* Роль экологических факторов в формировании этнической территории (по археологическим материалам из Восточного Прикаспия и Приаралья). — Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. II. История и археология. М., 1990.
- Вайнберг, 1991. — *Вайнберг Б.И.* Изучение памятников Присарыкамьшской дельты Амударьи в 70–80-х годах. — Скотоводы и земледельцы левобережного Хорезма (древность и средневековье). Вып. I. М., 1991.
- Вайнберг, 1991а. — *Вайнберг Б.И.* История обводнения Присарыкамьшской дельты Амударьи в древности в свете археологических работ последних десятилетий. — Аральский кризис (историко-географическая ретроспектива). М., 1991.
- Вайнберг, 1992. — *Вайнберг Б.И.* Памятники скотоводческих племен в левобережном Хорезме. — Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992 (сер. «Археология СССР»).
- Вайнберг, 1992а. — *Вайнберг Б.И.* Древнехорезмийские керамические рельефы из культового центра Калалы-гыр 2 (IV–II вв. до н.э.) и их интерпретация. — Культура Востока: проблемы и памятники. Тезисы докладов конференции. СПб., 1992.
- Вайнберг, 1996. — *Вайнберг Б.И.* Экология и особенности хозяйственной деятельности на примере обводненной Присарыкамьшской дельты Амударьи в древности. — Традиционная этническая культура и народные знания. Материалы международной конференции. М., 1994. Тезисы докладов. М., 1996.
- Вайнберг, 1997. — *Вайнберг Б.И.* Экология Приаралья в древности и средневековье. — ЭО. 1997, № 1.
- Вайнберг, Дурдыев, Юсупов, 1971. — *Вайнберг Б.И., Дурдыев Д.Д., Юсупов Х.Ю.* Разведочные работы в Северной Туркмении. — АО-1970. М., 1971.
- Вайнберг, Левина, 1992. — *Вайнберг Б.И., Левина Л.М.* Чирикрабатская культура в низовьях Сырдарьи. — Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992 (сер. «Археология СССР»).
- Вайнберг, Левина, 1993. — *Вайнберг Б.И., Левина Л.М.* Чирикрабатская культура. — Низовья Сырдарьи в древности. Вып. I. М., 1993.
- Вайнберг, Новгородова, 1976. — *Вайнберг Б.И., Новгородова Э.А.* Заметки о знаках и тамгах Монголии. — История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М., 1976.
- Вайнберг, Ставиский, 1994. — *Вайнберг Б.И., Ставиский Б.Я.* История и культура Средней Азии в древности. М., 1994.
- Вайнберг, Юсупов, 1970. — *Вайнберг Б.И., Юсупов Х.* Археологические исследования в Западной Туркмении. — АО-1969. М., 1970.

- Вайнберг, Юсупов, 1984. — *Вайнберг Б.И., Юсупов Х.* О фортификационных особенностях парфянской крепости Игды-кала на Узбое. — Памятники Туркменистана. 1984, № 1/37.
- Вайнберг, Юсупов, 1985. — *Вайнберг Б.И., Юсупов Х.* Новые памятники в Западной Туркмении. — АО-1983. М., 1985.
- Вайнберг, Юсупов, 1990. — *Вайнберг Б.И., Юсупов Х.* Культурный комплекс древних скотоводов на Узбое. — Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа в древности и средневековье. М., 1990.
- Вайнберг, Юсупов, 1992. — *Вайнберг Б.И., Юсупов Х.* Кочевники северо-западной Туркмении. — Стенная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992 (сер. «Археология СССР»).
- Вайнштейн, 1972. — *Вайнштейн С.И.* Историческая этнография тувинцев. М., 1972.
- Вактурская, 1963. — *Вактурская Н.Н.* О средневековых городах Хорезма. — МХЭ. М., 1963, вып. 7.
- Варушенко А., Варушенко С., Клиге, 1980. — *Варушенко А.Н., Варушенко С.И., Клиге Р.К.* Изменения уровня Каспийского моря в позднем плейстоцене-голоцене. — Колебания увлажненности, 1980.
- Варшавский, 1980. — *Варшавский С.Н.* Изменения увлажненности северного Приаралья в последние полтора столетия и их влияние на ландшафт и фауну. — Колебания увлажненности, 1980.
- Васильев, Савельев, 1993. — *Васильев В.Н., Савельев Н.С.* Ранние дахи южного Урала по письменным источникам. Уфа, 1993.
- Васильев, 1955. — *Васильев Л.С.* Бань Чао в Западном крае. — ВДИ. 1955, № 1.
- Васильева, 1975. — *Васильева Г.П.* Некоторые дополнения к этнической карте дореволюционной Туркмении. — Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М., 1975.
- Вейнсбергис, Стелле, 1980. — *Вейнсбергис И.Г., Стелле В.Я.* Позднечетвертичные стадии развития Аральского моря и их связь с изменениями климатических условий этого времени. — Колебания увлажненности, 1980.
- Виноградов, Итина, Яблонский, 1986. — *Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Г.* Древнейшее население низовьев Амударьи. М., 1986 (ТХАЭЭ, т. XV).
- Вигт, 1952. — *Вигт В.О.* Лошади Папырыкских курганов. — СА. 1952, XVI.
- Вишневская, 1973. — *Вишневская О.А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. По материалам Уйгарака. М., 1973.
- Вишневская, 1979. — *Вишневская О.А.* Раскопки городища Кюзели-гыр. — АО-1977. М., 1979.
- Вишневская, 1984. — *Вишневская О.А.* Раскопки городища Кюзели-гыр. — АО-1982. М., 1984.
- Вишневская, Итина, 1971. — *Вишневская О.А., Итина М.А.* Ранние саки Приаралья. — Проблемы скифской археологии. М., 1971 (МИА, № 177).
- Вишневская, Рапопорт, 1997. — *Вишневская О.А., Рапопорт Ю.А.* Городище Кюзели-гыр: К вопросу о раннем этапе истории Хорезма. — ВДИ. 1997, № 2.
- Волин, 1960. — *Волин С.* Сведения арабских источников IX–XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах. — ТИИАЭ. 1960, т. 8.
- Воробьева, 1959. — *Воробьева М.Г.* Керамика Хорезма античного времени. — Керамика Хорезма. М., 1959 (ТХАЭЭ, т. IV).
- Воробьева, 1973. — *Воробьева М.Г.* Дингильдже — усадьба I тысячелетия до н.э. в древнем Хорезме. М., 1973 (МХЭ, вып. 9).
- Восточный Туркестан, 1988. — Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Очерки истории. М., 1988.

- Восточный Туркестан, 1995. — Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Хозяйство, материальная культура. М., 1995.
- Востров, 1962. — *Востров В.В.* Родоплеменной состав и расселение казахов на территории Тургайской области (конец XIX — начало XX в.). — Вопросы этнографии и антропологии Казахстана. А.-А., 1962 (ТИИАЭ, т. 16).
- Востров, 1963. — *Востров В.В.* Некоторые вопросы этнографии казахов Кызылординской области. — Материалы и исследования по этнографии казахского народа. А.-А., 1963 (ТИИАЭ, т. 18).
- Востров, Муканов, 1968. — *Востров В.В., Муканов М.С.* Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX — начало XX в.). А.-А., 1968.
- Гафуров, 1972. — *Гафуров Б.Г.* Таджики: Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972.
- Гекатей Милетский.* Землеописание (фрагменты). Пер. с древнегреч. В.В.Латышева. — ВДИ. 1947, № 1.
- Геннинг, 1988. — *Геннинг В.Ф.* Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. М., 1988.
- Геннинг, Халиков, 1964. — *Геннинг В.Ф., Халиков А.Х.* Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М., 1964.
- Герасимов, 1937. — *Герасимов И.П.* Основные черты развития современной поверхности Турана. — Труды Института географии АН СССР. М., 1937, вып. 25.
- Геродот.* История в девяти книгах. Пер. Г.А.Стратановского. Л., 1972.
- Гинзбург, Трофимова, 1972. — *Гинзбург В.В., Трофимова Т.А.* Палеоантропология Средней Азии. М., 1972.
- Гмыря, 1980. — *Гмыря Л.Б.* Столовая керамика Андрейаульского городища. — Средневековые древности евразийских степей. М., 1980.
- Горбунова, 1995. — *Горбунова Н.Г.* А.Н.Бернштам — исследователь древних культур Средней Азии. — Из истории и археологии древнего Тяньшаня. Бишкек, 1995.
- Гордлевский, 1941. — *Гордлевский В.А.* Государство Сельджукидов Малой Азии. М.-Л., 1941.
- Горелик, 1987. — *Горелик М.В.* Сакский доспех. — Центральная Азия: Новые памятники письменности и искусства. М., 1987.
- Городище Топрак-кала. М., 1981 (ТХАЭЭ, т. 12).
- Грантовский, 1975. — *Грантовский Э.А.* О восточных племенах Кушанского ареала. — Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. II. М., 1975.
- Гребенкин, 1871. — *Гребенкин А.Д.* Таджики: Этнографические очерки. — Туркестанские ведомости. Таш., 1871, № 15.
- Греков, Якубовский, 1950. — *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1950.
- Гриббин, Лэм, 1980. — *Гриббин Дж., Лэм Г.Г.* Изменение климата за исторический период. — Изменение климата. М., 1980.
- Григорьев, 1871. — *Григорьев В.В.* О скифском народе саках. СПб., 1871.
- Григорьев, 1875. — *Григорьев В.В.* Об отношениях между кочевыми народами и оседлыми государствами. — ЖМНП. 1875, март.
- Грум-Гржимайло, 1899. — *Грум-Гржимайло Г.Е.* Описание путешествия в Западный Китай. Т. II. СПб., 1899.
- Грум-Гржимайло, 1926. — *Грум-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II: Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. Л., 1926.

- Грязнов, 1955. — *Грязнов М.П.* Некоторые вопросы сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири. — КСИЭ. М., 1955, XXIV.
- Гудкова, 1964. — *Гудкова А.В.* Ток-кала. Таш., 1964.
- Гудкова, 1973. — *Гудкова А.В.* К изучению раннекердерских бус (VII–VIII вв.). — Вопросы антропологии и материальной культуры Кудера. Таш., 1973.
- Гудкова, Маньолов, 1981. — *Гудкова А.В., Маньолов Ю.П.* Могильник городища Базар-кала. — Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981.
- Гулямов, 1957. — *Гулямов Я.Г.* История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Таш., 1957.
- Гумилев, 1960. — *Гумилев Л.Н.* Хунну. М., 1960.
- Гумилев, 1960а. — *Гумилев Л.Н.* Таласская битва 36 г. до н.э. — Исследования по истории культуры народов Востока: Сборник в честь академика И.А.Орбели. Л., 1960.
- Гумилев, 1964. — *Гумилев Л.Н.* Хазария и Каспий (Ландшафт и этнос. I). — Вестник Ленинградского университета. 1964, № 6.
- Гумилев, 1966. — *Гумилев Л.Н.* Открытие Хазарии. М., 1966.
- Гумилев, 1966а. — *Гумилев Л.Н.* Гетерохронность увлажнения Евразии в средние века: Ландшафт и этнос. V. — Вестник Ленинградского университета. 1966, № 18.
- Гумилев, 1966б. — *Гумилев Л.Н.* Гетерохронность увлажнения Евразии в древности: Ландшафт и этнос. IV. — Вестник Ленинградского университета 1966, № 6.
- Гумилев, 1967. — *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. М., 1967.
- Гумилев, 1970. — *Гумилев Л.Н.* Место исторической географии в системе востоковедных наук. — Народы Азии и Африки. 1970, № 1.
- Гумилев, 1980. — *Гумилев Л.Н.* История колебания Каспия за 2000 лет (с IV в. до н.э. по XVI в. н.э.). — Колебания увлажненности, 1980.
- Дандамаев, 1963. — *Дандамаев М.А.* Иран при первых Ахеменидах (VI в. до н.э.). М., 1963.
- Дандамаев, 1979. — *Дандамаев М.А.* «Мировая» Персидская держава в VI–IV вв. до н.э. — История древнего Востока. М., 1979, гл. XXV.
- Дандамаев, 1985. — *Дандамаев М.А.* Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985.
- Дандамаев, Луконин. 1980. — *Дандамаев М.А., Луконин В.Г.* Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980.
- Дженкинсон А. Путешествие в Среднюю Азию. 1558–1560 гг. — Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Пер. Ю.В.Готье. Л., 1937.
- Диодор. Библиотека. — См. Пьянков, 1975а.
- Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Пер. с греч. И.Алексеева. I–VI. СПб., 1774–1775.
- Дитмар. 1973. — *Дитмар А.Б.* Рубежи ойкумены. М., 1973.
- Дитмар, 1980. — *Дитмар А.Б.* География в античное время: Очерки развития физико-географических идей. М., 1980.
- Доватур и др., 1982. — *Доватур А.И., Калистов Д.П., Шишова И.А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.
- Донские древности. Азов, 1997, вып. 5.
- Доскач, 1940. — *Доскач А.Г.* Геоморфологический очерк Куньядарьинской древнеаллювиальной равнины (Сарыкамьинской дельты р. Амударья) — Труды Института географии. М., 1940, вып. 35.

- Древнейшие государства, 1985. — Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985 (сер. «Археология СССР»).
- Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта. Таш., 1978.
- Дурдыев, 1983. — *Дурдыев Д.* Работы в Северной Туркмении. — АО-1981. М., 1983.
- Дьяконов И., 1956. — *Дьяконов И.М.* История Мидии. М.–Л., 1956.
- Дьяконов И., 1971. — *Дьяконов И.М.* Восточный Иран до Кира. — История Иранского государства и культуры. М., 1971.
- Дьяконов И., 1981. — *Дьяконов И.М.* К методике исследований по этнической истории («киммерийцы»). — Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н.э.). М., 1981.
- Дьяконов М., 1961. — *Дьяконов М.М.* Очерк истории древнего Ирана. М., 1961.
- Ельницкий, 1961. — *Ельницкий Л.А.* Знания древних о северных странах. М., 1961.
- Еремеев, 1971. — *Еремеев Д.Е.* Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории). М., 1971.
- Есаян, Погребова, 1985. — *Есаян С.А., Погребова М.Н.* Скифские памятники Закавказья. М., 1985.
- Жанузаков, 1980. — *Жанузаков Т.Ж.* Этюды о казахских этнонимах. — Ономастика Средней Азии. 2. Фрунзе, 1980.
- Жданко, 1950. — *Жданко Т.А.* Очерки исторической этнографии каракалпаков. — ТИЭ, новая серия. М.–Л., 1950, т. IX.
- Жданко, 1968. — *Жданко Т.А.* Проблема полуседлого населения в истории Средней Азии и Казахстана (некоторые исторические и этнографические проблемы). — История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
- Жданко, 1974. — *Жданко Т.А.* Специфика этнических общностей в Средней Азии и Казахстане (XIX — начало XX в.). — Расы и народы: Современные этнические и расовые проблемы. 1974, № 4.
- Задыхина, 1952. — *Задыхина К.Л.* Узбеки дельты Амударьи. — Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1945–1948 гг. М., 1952 (ТХАЭЭ, т. 1).
- Зеймаль, 1968. — *Зеймаль Е.В.* Кушанская хронология (материалы по проблеме). М., 1968.
- Зелинский, 1964. — *Зелинский А.Н.* Древние пути Памира. — Страны и народы Востока. Вып. III. М., 1964.
- Златкин, 1964. — *Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства (1635–1757). М., 1964.
- Зуев, 1959. — *Зуев Ю.А.* Выступление на научной сессии по этногенезу киргизского народа. — ТКирг. АЭЭ. Фрунзе, 1959, т. III.
- Зуев, 1960. — *Зуев Ю.А.* Тамги лошадей из вассальных княжеств (Перевод из китайского сочинения VIII–X вв. «Танхуйяо», т. III; 72, стр. 1305–1308). — ТИИАЭ АН КазССР, 1960, т. 8.
- Зуев, 1960а. — *Зуев Ю.А.* К этнической истории усуней. — ТИИАЭ. 1960, т. 8.
- Зуев, 1974. — *Зуев Ю.А.* Юечжи и кушаны в свете китайских источников. — Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. I. М., 1974.
- Иванов Вяч., 1967. — *Иванов Вяч. Вс.* Языковые данные о происхождении кушанской династии и тохарская проблема. — Народы Азии и Африки. 1967, № 3.
- Иванов, 1935. — *Иванов П.П.* Очерк истории каракалпаков. — Материалы по истории каракалпаков. М.–Л., 1935 (Труды Института востоковедения АН СССР, т. VII).
- Иванов, 1958. — *Иванов П.П.* Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.). М., 1958.

- Изменения климата. Л., 1980.
- Ильинская, 1975. — *Ильинская В.А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев, 1975.
- Иностранцев, 1911. — *Иностранцев К.А.* О домусульманской культуре Хивинского базиса. — ЖМНП. 1911, № 2.
- История древнего Востока. М., 1979.
- История Казахской ССР. Т. 1. А.-А., 1957.
- История таджикского народа. Т. 1. М., 1963.
- История Узбекистана в источниках. Сост. Б.В.Лунин. Таш., 1984.
- Итина, 1977. — *Итина М.А.* История степных племен Южного Приаралья (II — начало I тыс. до н.э.). М., 1977.
- Итина, 1992. — *Итина М.А.* Ранние саки Приаралья. — Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992 (сер. «Археология СССР»).
- Итина, Яблонский, 1997. — *Итина М.А., Яблонский Л.Т.* Саки нижней Сырдарьи (по материалам могильника южный Тагискен). М., 1997.
- Кадырбаев, 1959. — *Кадырбаев М.К.* Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана. — ТИИАЭ. 1959, т. 7.
- Казахстан. М., 1970 (сер. «Советский Союз» в 22-х томах).
- Калинина, 1988. — *Калинина Т.М.* Сведения ранних ученых Арабского халифата. Тексты, перевод, комментарии. М., 1988 (сер. «Древнейшие источники по истории народов СССР»).
- Каменецкий, 1970. — *Каменецкий И.С.* Археологическая культура — ее определение и интерпретация. — СА. 1970, № 2.
- Карасв, 1972. — *Карасв О.* Историко-географические данные, сообщаемые Махмудом Кашгари. — Советская тюркология. 1972, № 1.
- Кармышева, 1959. — *Кармышева Б.Х.* Выступление на научной сессии по этногенезу киргизского народа. — ТКирг.АЭЭ. Фрунзе, 1959, т. III.
- Кармышева, 1976. — *Кармышева Б.Х.* Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этнографическим данным). М., 1976.
- Кармышева, 1980. — *Кармышева Б.Х.* Слово «аймак» в этнонимии и топонимии Узбекистана. — Ономастика Средней Азии. 2. Фрунзе, 1980.
- Кармышева Б., Кармышева Дж., 1980. — *Кармышева Б.Х., Кармышева Дж.Х.* Что такое Арка-юрт? (К исторической географии Казахстана). — Ономастика Востока. М., 1980.
- Каррыев и др., 1954. — *Каррыев А., Мошкова В.Г., Насонов А.Н., Якубовский А.Ю.* Очерки по истории туркменского народа и Туркменистана в VIII–XIX вв. Аш., 1954.
- Карта СССР, 1965. Масштаб 1:2 500 000. М., 1965.
- Квасов, 1980. — *Квасов Д.Д.* Палеолимнология Арала. — Колебания увлажненности, 1980.
- Квачидзе, 1980. — *Квачидзе В.А.* Городище Бяндован — археологический памятник и источник данных об изменениях уровня Каспийского моря. — Колебания увлажненности, 1980.
- Квинт Курций Руф.* История Александра Македонского. Сохранившиеся книги. Под ред. В.С.Соколова. М., 1963.
- Кесь, 1958. — *Кесь А.С.* Природные факторы, обуславливающие расселение древнего человека в пустынях Средней Азии. — КСИЭ. 1958, вып. XXX.
- Кияткина, 1993. — *Кияткина Т.П.* Краниологический материал из склепов могильников Алтынасар 4. Томпакасар, Косасар. — Низовья Сырдарьи в древности. Вып. II: Джетынасарская культура. Ч. I: Склепы. М., 1993.

- Кияткина, 1993а. — *Кияткина Т.П.* Краниологический материал из склепов могильников Косасар 2 и Косасар 3. — Низовья Сырдарьи в древности. Вып. III: Джетыасарская культура. Ч. II: Могильники Томпакасар и Косасар. М., 1993.
- Кияткина, 1995. — *Кияткина Т.П.* Краниологические исследования материалов из могильников Алтынасар 4. — Низовья Сырдарьи в древности. Вып. V: Джетыасарская культура. Ч. V. М., 1995.
- Клейн, 1970. — *Клейн Л.С.* Проблема определения археологической культуры. — СА. 1970, № 2.
- Клейн, 1988. — *Клейн Л.С.* Стратегия синтеза в исследованиях по этногенезу: Интеграция наук и синтез источников в решении проблемы этногенеза. — СЭ. 1988, № 4.
- Кленгель, 1967. — *Кленгель Х.* Экономические основы кочевничества в древней Месопотамии (в особенности во II тыс. до н.э.). — ВДИ. 1967, № 4.
- Кляшторный, 1953. — *Кляшторный С.Г.* Яксарт—Сыр-Дарья. — СЭ. 1953, № 3.
- Кляшторный, 1964. — *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
- Кляшторный, Левина, 1989. — *Кляшторный С.Г., Левина Л.М.* Об одной рунической надписи с городища Алтын-асар (Восточное Приаралье). — Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. Нукус, 1989.
- Ковалев, 1987. — *Ковалев А.А.* О датировке оленного камня из кургана Аржан. — Скифо-сибирский мир: Искусство и идеология. Новосибирск, 1987.
- Ковалевский, 1956. — *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.
- Козлов, 1948. — *Козлов П.К.* Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. Изд. второе. М., 1948.
- Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э. — IV в. н.э. М., 1967 (ТХАЭЭ, т. V).
- Колебания увлажненности, 1980. — Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М., 1980.
- Коляков, 1985. — *Коляков С.М.* Раскопки усадьбы Гяуркала 3. — АО-1983. М., 1985.
- Коляков, 1986. — *Коляков С.М.* Раскопки поселения Гяур 3. — АО-1984. М., 1986.
- Комарова, 1980. — *Комарова Н.Т.* К вопросу изучения колебаний уровня Каспийского моря в голоцене по историческим данным. — Колебания увлажненности, 1980.
- Конкашпаев, 1969. — *Конкашпаев Г.* Историко-географические сведения о пребывании калмыков (джунгаров) на территории Казахстана в XVI–XVIII вв. — Ученые записки Калмыцкого научно-исследовательского Института языка, литературы и истории. Серия истории. Элиста, 1969, вып. 8.
- Кононов, 1958. — *Кононов А.Н.* Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-гази хана хивинского. М.–Л., 1958.
- Константин Базрянородный.* Об управлении империей. Текст, пер., комментарий. Изд. второе, исправленное. М., 1991.
- Косарев, 1981. — *Косарев М.Ф.* К вопросу о методике археолого-этнографических сопоставлений. — Методические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981.
- Крачковский, 1958. — *Крачковский И.Ю.* Арабская географическая литература. — Избранные сочинения. Т. 4. М., 1958.
- Крицкий и др., 1975. — *Крицкий С.Н., Коренистов Д.В., Раткович Д.Я.* Колебания уровня Каспийского моря. М., 1975.

- Крюкова, 1978. — *Крюкова А.С.* Некоторые наблюдения над терминами в составе гидронимов Уральской и Гурьевской областей. — *Ономастика Средней Азии.* М., 1978.
- Кузеев, 1992. — *Кузеев Р.Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: Этногенетический взгляд на историю. М., 1992.
- Кузьмина, 1971. — *Кузьмина Е.Е.* О некоторых аспектах проблемы культурных и этнических связей Средней Азии и Ирана в эпоху поздней бронзы и раннего железа. — *Искусство и археология Ирана.* М., 1971.
- Кузьмина, 1975. — *Кузьмина Е.Е.* [Рец. на:] *Вишневская О.А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. по материалам Уйгарака. М., 1973 (ТХАЭЭ, т. 8). — СА. 1975, № 2.
- Кузьмина, 1994. — *Кузьмина Е.Е.* Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М., 1994.
- Куклина, 1985. — *Куклина И.В.* Этногеография Скифии по античным источникам. Л., 1985.
- Кумеков, 1972. — *Кумеков Б.Е.* Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. А.-А., 1972.
- Кумеков, 1990. — *Кумеков Б.* Об этническом составе кипчаков XI — начала XIII в. по арабским источникам. — *Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана.* Вып. II: История и археология. М., 1990.
- Кызласов, 1977. — *Кызласов Л.Р.* Уюкский курган Аржан и вопрос происхождения сакской культуры. — СА. 1977, № 2.
- Кюнер, 1961. — *Кюнер Н.В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.
- Латышев. — *Латышев В.В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Ч. I–II. СПб., 1904–1906 (Переиздание — ВДИ. 1946–1949).
- Лашук, 1973. — *Лашук Л.П.* Кочевничество и общие закономерности истории. — СЭ. 1973, № 2.
- Левин, Чебоксаров, 1955. — *Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н.* Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (к постановке вопроса). — СЭ. 1955, № 4.
- Левина, 1968. — *Левина Л.М.* К вопросу об антропоморфных изображениях в джетыясарской культуре. — *История, археология и этнография Средней Азии.* М., 1968.
- Левина, 1971. — *Левина Л.М.* Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тыс. н.э. М., 1971 (ТХАЭЭ, т. VII).
- Левина, 1979. — *Левина Л.М.* Поселения VII–V вв. до н.э. и «шлаковые» курганы районов Сырдарьинской дельты. — *Кочевники на границах Хорезма.* М., 1979 (ТХАЭЭ, т. XI).
- Левина, 1981. — *Левина Л.М.* Среднеазиатские связи джетыясарской культуры в первой половине I тыс. н.э. — *Культура и искусство древнего Хорезма.* М., 1981.
- Левина, 1990. — *Левина Л.М.* Памятники джетыясарской культуры в свете этнической истории Средней Азии (середина I тысячелетия до н.э. — VIII в. н.э.). — *Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана.* Вып. II: История и археология. М., 1990.
- Левина, 1991. — *Левина Л.М.* Елхарас. — *Древности Южного Хорезма.* М., 1991 (ТХАЭЭ, т. XVI), гл. III.
- Левина, 1992. — *Левина Л.М.* Памятники джетыясарской культуры середины I тысячелетия до н.э. — середины I тысячелетия н.э. — *Степная полоса азиат-*

- ской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992 (сер. «Археология СССР»).
- Левина, 1993. — *Левина Л.М.* Джетыясарские склепы. — Низовья Сырдарьи в древности. Вып. II: Джетыясарская культура. Ч. I: Склепы. М., 1993.
- Левина, 1994. — *Левина Л.М.* Джетыясарская культура. Ч. 3–4: Могильники Алтынасар 4. — Низовья Сырдарьи в древности. Вып. IV. М., 1994.
- Левина, 1996. — *Левина Л.М.* Этнокультурная история Восточного Приаралья: I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. М., 1996.
- Левина, Галиева, 1993. — *Левина Л.М., Галиева З.С.* Археолого-ландшафтные исследования с применением дистанционных методов в урочище Джетыясар. — Низовья Сырдарьи в древности. Вып. II: Джетыясарская культура. Ч. I: Склепы. М., 1993.
- Левина, Галиева, 1993а. — *Левина Л.М., Галиева З.С.* Культурный ландшафт юго-западной части джетыясарского урочища. — Низовья Сырдарьи в древности. Вып. III: Джетыясарская культура. Ч. 2: Могильники Томпакасар и Косасар. М., 1993.
- Левина, Галиева, 1995. — *Левина Л.М., Галиева З.С.* Культурный ландшафт восточной части Джетыясарского урочища. — Низовья Сырдарьи в древности. Вып. V: Джетыясарская культура. Ч. 5. М., 1995.
- Левина, Чижова, 1995. — *Левина Л.М., Чижова Л.В.* О некоторых зооморфных и антропоморфных изображениях в джетыясарской культуре. — Низовья Сырдарьи в древности. Вып. V: Джетыясарская культура. Ч. 5. М., 1995.
- Лелеков, 1982. — *Лелеков Л.А.* Термин «арья» в древнеиндийской и древнеиранской традициях. — Древняя Индия: Историко-культурные связи. М., 1982.
- Леонтьев, Чекалина, 1980. — *Леонтьев О.К., Чекалина Т.И.* Колебания уровня Каспийского моря в голоцене. — Колебания увлажненности, 1980.
- Лившиц, 1963. — *Лившиц В.А.* Общество Авесты. — ИТН. Т. 1. М., 1963, гл. III.
- Лившиц, 1978. — *Лившиц В.А.* Новые находки парфянских надписей в Туркмении. — Археология и история Средней Азии. Аш., 1978.
- Литвинский, 1960. — *Литвинский Б.А.* «Саки, которые за Согдом». — Труды АН ТаджССР. Сталинабад, 1960, СХХ.
- Литвинский, 1968. — *Литвинский Б.А.* Кангюйско-сарматский фарн (к историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии). Душ., 1968.
- Литвинский, 1972. — *Литвинский Б.А.* Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972.
- Литвинский, 1972а. — *Литвинский Б.А.* Курганы и курумы Западной Ферганы. М., 1972.
- Литвинский, 1973. — *Литвинский Б.А.* Украшения из могильников Западной Ферганы. — Могильники Западной Ферганы. Вып. 3. М., 1973.
- Литвинский, Седов, 1984. — *Литвинский Б.А., Седов А.В.* Культы и ритуалы кушанской Бактрии: Погребальный обряд. М., 1984.
- Лоховиц, 1979. — *Лоховиц В.А.* Подбойно-катакомбные и коллективные погребения могильника Тумек-кичиджик. — Кочевники на границах Хорезма. М., 1979 (ТХАЭЭ, т. XI).
- Лоховиц, Хазанов, 1979. — *Лоховиц В.А., Хазанов А.М.* Подбойные и катакомбные погребения могильника Туз-гыр. — Кочевники на границах Хорезма. М., 1979 (ТХАЭЭ, т. XI).
- Луконин, 1977. — *Луконин В.Г.* Искусство древнего Ирана. М., 1977.
- Лэмбтон, 1981. — *Лэмбтон Э.К.С.* Аспекты расселения сельджуков-огузов в Иране. — Мусульманский мир, 950–1150. М., 1981.

- Люшкевич, 1980. — *Люшкевич Ф.Д.* К исторической семантике термина «таджик». — Ономастика Средней Азии. 2. Фрунзе, 1980.
- Магомедов, 1980. — *Магомедов М.Г.* К вопросу о колебаниях уровня Каспийского моря в хазарскую эпоху. — Колебания увлажненности. 1980.
- Макарова, 1962. — *Макарова Т.И.* Украшения и амулеты из лазурита у кочевников X–XI вв. — АСГО. 1962, вып. 4.
- Максимова и др., 1968. — *Максимова А.Г., Мерциев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М.* Древности Чардары. А.-А., 1968.
- Мамедов, Трофимов, 1986. — *Мамедов Э.Д., Трофимов Г.Н.* Голоценовые плювиальные озера пустынь Закаспия. — Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. М., 1986, № 55.
- Мамонова, 1980. — *Мамонова Н.Н.* Антропологические исследования древнего населения Западной Монголии по данным палеоантропологии. — Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Л., 1980.
- Мамонова, 1980а. — *Мамонова Н.Н.* Антропологический тип древнего населения Западной Монголии по данным палеоантропологии. — Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1980, вып. XXXVI.
- Мандельштам, 1958. — *Мандельштам А.М.* К вопросу о кидаритах. — КСИЭ. 1958, вып. XXX.
- Мандельштам, 1963. — *Мандельштам А.М.* Некоторые новые данные о памятниках кочевого населения южного Туркменистана в античную эпоху. — Известия АН Туркм.ССР, сер. общ. наук. Аш., 1963, вып. 2.
- Мандельштам, 1966. — *Мандельштам А.М.* Кочевники на пути в Индию. М.–Л., 1966 (МИА, № 36).
- Мандельштам, 1966а. — *Мандельштам А.М.* Погребения срубной культуры в Южной Туркмении. — КСИА. М., 1966, вып. 108.
- Мандельштам, 1967. — *Мандельштам А.М.* Новые погребения «срубного» типа в Южной Туркмении. — КСИА. М., 1967, вып. 112.
- Мандельштам, 1972. — *Мандельштам А.М.* История скотоводческих племен и ранних кочевников на юге Средней Азии. Автореф. докт. дис. Л., 1972.
- Мандельштам, 1975. — *Мандельштам А.М.* К гуинской проблеме. — Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975.
- Мандельштам, 1976. — *Мандельштам А.М.* К характеристике памятников ранних кочевников Закаспия. — КСИА. М., 1976, вып. 147.
- Мандельштам, 1978. — *Мандельштам А.М.* Об одном археологическом аспекте кушанской проблемы. — Проблемы советской археологии. М., 1978.
- Мандельштам, 1981. — *Мандельштам А.М.* Могильник Джанак I. — КСИА. М., 1981, вып. 167.
- Мандельштам, Горбунова, 1992. — *Мандельштам А.М., Горбунова Н.Г.* Общие сведения о ранних кочевниках Средней Азии и их группировках. — Степи азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992 (сер. «Археология СССР»).
- Манылов, 1975. — *Манылов Ю.П.* Курганы VI–IV вв. до н.э. в Хорезме. — ОНУ. 1975, № 3.
- Маргулан и др., 1966. — *Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М.* Древняя культура Центрального Казахстана. А.-А., 1966.
- Марков Г.Е., 1961. — *Марков Г.Е.* Очерк истории формирования северных туркмен. М., 1961.
- Марков Г.Е., 1976. — *Марков Г.Е.* Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976.

- Марков К., 1955. — *Марков К.К.* Высыхает ли Средняя и Центральная Азия. — Очерки по географии четвертичного периода. М., 1955.
- Марушенко, 1959. — *Марущенко А.А.* Курганные погребения сарматского времени в подгорной полосе южного Туркменистана. — Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Турк.ССР. Аш., 1959, т. 5.
- Маршак, 1971. — *Маршак Б.И.* К вопросу о восточных противниках Ирана в V в. — Страны и народы Востока. 10. М., 1971.
- Массон В., 1956. — *Массон В.М.* Памятники культуры архаического Дахистана в Юго-Западной Туркмении. Аш., 1956 (Труды ЮТАКЭ, т. VII).
- Массон В., 1984. — *Массон В.М.* Средняя Азия в эпоху раннего железа: культурная и социально-экономическая динамика. — Раннежелезный век Средней Азии и Индии. Тезисы докладов. Аш., 1984.
- Массон, Ромодин, 1964. — *Массон В.М., Ромодин В.А.* — История Афганистана. Т. 1. М., 1964.
- Массон М., 1953. — *Массон М.Е.* Ахангеран (археолого-топографический очерк). Таш., 1953.
- Массон М., 1968. — *Массон М.Е.* К вопросу о северных границах государства «великих кушан». — Тезисы докладов и сообщений советских ученых. Международная конференция по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. М., 1968.
- Матвеева, 1994. — *Матвеева Н.П.* Ранний железный век Пришимья. Новосибирск, 1994.
- Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. М.—Л., 1939; т. II. М.—Л., 1938.
- Матющенко, 1988. — *Матющенко В.И.* Раскопки в Омской области. — АО-1986. М., 1988.
- Махмуд Кошғарий Девону луғатит турк. Т. III. Таш., 1963.
- Мачинский, 1971. — *Мачинский Д.А.* О времени первого активного выступления сарматов Приднепровья по данным письменных свидетельств. — АСГЭ. 1971, 13.
- Мачинский, 1974. — *Мачинский Д.А.* Некоторые проблемы этногеографии восточно-европейских степей во II в. до н.э. — I в. н.э. — АСГЭ. 1974, 16.
- Медведская, 1972. — *Медведская И.Н.* Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана. — СА. 1972, № 3.
- Медведская, 1980. — *Медведская И.Н.* Металлические наконечники стрел Переднего Востока и Евразийских степей II — первой половины I тысячелетия до н.э. — СА. 1980, № 4.
- Могильников, 1973. — *Могильников В.А.* Калачевка — памятник позднего этапа саргатской культуры. — Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.
- Монгайт, 1967. — *Монгайт А.Л.* Археологические культуры и этнические общности: К вопросу о методике историко-археологического исследования. — Народы Азии и Африки. 1967, № 1.
- Мошкова, 1963. — *Мошкова М.Г.* Памятники прохоровской культуры. — САИ. Вып. Д1–10. М., 1963.
- Мошкова, 1974. — *Мошкова М.Г.* Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974.
- Муканов, 1961. — *Муканов М.С.* К вопросу о родорасселении казахов на территории Казалинского и Перовского уездов Сыр-Дарьинской области (вторая половина XIX в.). — Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана. А.-А., 1961 (ТИИАЭ, т. 12).
- Мукминова, 1954. — *Мукминова Р.Г.* К вопросу о переселении кочевых узбеков в начале XVI в. — Известия АН УзССР. 1954, № 1.

- Мусаев, 1975. — *Мусаев К.М.* Лексика тюркских языков в сравнительном освещении (западнокипчакская группа). М., 1975.
- Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 1. М., 1962.
- Неразик, 1959. — *Неразик Е.Е.* Керамика Хорезма афригидского периода. — Керамика Хорезма. М., 1959 (ТХАЭЭ, т. IV).
- Неразик, 1963. — *Неразик Е.Е.* Предки таджикского народа в IV–V вв. н.э. — ИТН. Т. 1. М., 1963.
- Неразик, 1966. — *Неразик Е.Е.* Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966.
- Неразик, 1968. — *Неразик Е.Е.* Некоторые направления этнических связей населения Южного и Юго-Восточного Приаралья. — История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
- Неразик, 1976. — *Неразик Е.Е.* Сельское жилище в Хорезме (I–XIV вв.). М., 1976 (ТХАЭЭ, т. IX).
- Неразик, 1986. — *Неразик Е.Е.* Об этнических процессах в раннесредневековом Хорезме. — Материалы к этнической истории Средней Азии. Таш. 1986.
- Неразик, 1990. — *Неразик Е.Е.* Приаралье: Некоторые экологические аспекты этнического развития. — Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. II: История и археология. М., 1990.
- Неразик, Лапиров-Скобло, 1959. — *Неразик Е.Е., Лапиров-Скобло М.С.* Раскопки Барак-тама I в 1956 г. — МХЭ. Вып. 1. М., 1959.
- Неразик, Рапопорт, 1959. — *Неразик Е.Е., Рапопорт Ю.А.* Куюк-кала в 1956 г. — МХЭ. Вып. 1. М., 1959.
- Низовья Амударьи; Сарыкамыш, Узбой: История формирования и заселения человеком. М., 1960 (МХЭ, вып. 3).
- Николаев, Кудрявцев, 1980. — *Николаев Р.В., Кудрявцев А.А.* Древние памятники Дербента и колебания уровня Каспийского моря. — Колебания увлажненности, 1980.
- Новгородова, 1989. — *Новгородова Э.А.* Древняя Монголия (Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). М., 1989.
- Обельченко, 1956. — *Обельченко О.В.* Куюмазарский могильник. — Труды Ин-та истории и археологии АН УзССР. Таш., 1956, т. 8.
- Обельченко, 1957. — *Обельченко О.В.* Курганные погребения первых веков нашей эры и кенотафы Куюмазарского могильника. — Труды САГУ, нов. серия, вып. III. Исторические науки, кн. 25. Таш., 1957.
- Обельченко, 1961. — *Обельченко О.В.* Лявданакский могильник. — ИМКУ. Вып. 2. Таш., 1961.
- Обельченко, 1964. — *Обельченко О.В.* Из истории изучения курганных погребений в Средней Азии. — ИМКУ. Вып. 5. Таш., 1964.
- Оборин, 1977. — *Оборин В.А.* К вопросу об этническом составе русских поселений Верхнего Прикамья в XVI–XVII вв. — Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977.
- ОИЯ, 1979. — Основы иранского языкознания: Древнеиранские языки. М., 1979.
- ОИЯ, 1981. — Основы иранского языкознания: Среднеиранские языки. М., 1981.
- Оразов, 1972. — *Оразов А.* Хозяйство и культура населения Северо-Западной Туркмении в конце XIX — начале XX в. Аш., 1972.
- Оразов, 1975. — *Оразов А.* О типах скотоводства в Ахале в конце XIX — начале XX в. — Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М., 1975.
- Особенности сельского хозяйства Адаевского уезда. Л., 1929.

- Периханян, 1983. — *Периханян А.Г.* Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. М., 1983.
- Петров, 1966. — *Петров М.П.* Пустыни Центральной Азии. Т. 1. М.—Л., 1966.
- Петров, 1967. — *Петров М.П.* Пустыни Центральной Азии. Т. 2. Л., 1967.
- Петров, 1973. — *Петров М.П.* Пустыни земного шара. М., 1973.
- Плетнева, 1977. — *Плетнева С.А.* Конференция по археологии «проболгар» (Болгария, г. Шумен). — СА. 1977, № 2.
- Плетнева, 1982. — *Плетнева С.А.* Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982.
- Плиний Секунд.* Naturalis Historia. Пер. В.В.Латышева. — ВДИ. 1949, № 2.
- Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. Т. I—III. М., 1963.
- Погребова, 1977. — *Погребова М.Н.* Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977.
- Погребова, Раевский, 1992. — *Погребова М.Н., Раевский Д.С.* Ранние скифы и Древний Восток. М., 1992.
- Полибий.* Всеобщая история в сорока книгах. Пер. с греч. Ф.Г.Мищенко. Т. I—III. М., 1890—1899.
- Полибий.* История. Пер. с греч. В.В.Латышева. — ВДИ. 1947, № 3.
- Помпоний Мела.* De chorographia. Пер. В.В.Латышева. — ВДИ. 1949, № 1.
- Потапов, 1957. — *Потапов Л.П.* Из истории кочевничества. — Вестник мировой культуры. 1957, № 4.
- Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск, 1990.
- Птицын, 1947. — *Птицын Г.В.* К вопросу о географии Шах-наме. — Труды Отдела Востока Гос.Эрмитажа. Т. IV. Л., 1947.
- Пугаченкова, 1982. — *Пугаченкова Г.А.* Искусство Гандхары. М., 1982.
- Пшеничнюк, 1983. — *Пшеничнюк А.Х.* Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983.
- Пьянков, 1961. — *Пьянков И.В.* Сведения Ктесия о владениях Бардии на востоке Ирана. — ВДИ. 1961, № 4.
- Пьянков, 1964. — *Пьянков И.В.* К вопросу о маршруте похода Кира II на массагетов. — ВДИ. 1964, № 3.
- Пьянков, 1965. — *Пьянков И.В.* «История Персии» Ктесия и среднеазиатские сатрапии Ахеменидов в конце V в. до н.э. — ВДИ. 1965, № 2.
- Пьянков, 1968. — *Пьянков И.В.* «Саки» (Содержание понятия). — Известия отделения общественных наук АН ТаджССР. Душ., 1968, № 3(53).
- Пьянков, 1972. — *Пьянков И.В.* Хорасмии Гекатея Милетского. — ВДИ. 1972, № 2.
- Пьянков, 1975. — *Пьянков И.В.* Массагеты Геродота. — ВДИ. 1975, № 2.
- Пьянков, 1975а. — *Пьянков И.В.* Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия. Текст, перевод, примечания. Душ., 1975.
- Пьянков, 1981. — *Пьянков И.В.* Обсуждение докладов на конференции «Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н.э.)». — Труды Международного симпозиума по этническим проблемам истории Центральной Азии в древности. Душанбе, 1977 г. М., 1981.
- Пьянков, 1983. — *Пьянков И.В.* Хорезм в античной и письменной традиции. — Хорезм и Мухаммад ал-Хорезми в мировой истории и культуре. Душ., 1983.
- Пьянков, 1994. — *Пьянков И.В.* Античные авторы о Средней Азии и Скифии (Критический обзор работ Дж.Р.Гардинер-Гардена). — ВДИ. 1994, № 4.
- Пьянков, 1997. — *Пьянков И.В.* Средняя Азия в античной географической традиции: Источниковедческий анализ. М., 1997.

- Раевский, 1977. — *Раевский Д.С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977.
- Ракитников, 1958. — *Ракитников А.Н.* География сельского хозяйства СССР. — Экономическая география СССР. Вып. V (учебное пособие). М., 1958.
- Рапопорт, 1971. — *Рапопорт Ю.А.* Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971 (ТХАЭЭ, т. VI).
- Рапопорт, 1977. — *Рапопорт Ю.А.* Космогонический сюжет на хорезмийских сосудах. — Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977.
- Рапопорт, 1987. — *Рапопорт Ю.А.* Святилище во дворце на городище Калалы-гыр I. — Прошлое Средней Азии. Душ., 1987.
- Рапопорт, Лапиров-Скобло, 1963. — *Рапопорт Ю.А., Лапиров-Скобло М.С.* Раскопки дворцового здания на городище Калалы-гыр I в 1958 г. — МХЭ. Вып. 6. М., 1963.
- Рапопорт, Трудновская, 1979. — *Рапопорт Ю.А., Трудновская С.А.* Курганы на возвышенности Чаш-тепе. — Кочевники на границах Хорезма. М., 1979 (ТХАЭЭ, т. II).
- Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. I, кн. I. М.—Л., 1952.
- Рихтер, 1954. — *Рихтер В.Г.* Новые данные о береговых линиях на дне Каспийского моря. — Известия АН СССР, серия географическая. 1954, № 5.
- Розенфельд, 1978. — *Розенфельд А.З.* Проблемы региональности и десемантизации в таджикской топонимии. — Ономастика Средней Азии. М., 1978.
- Рубанов, 1980. — *Рубанов И.В.* Геологические и исторические свидетели колебаний уровня Арала. — Колебания увлажненности, 1980.
- Рубрук. — *Вильгельм де Рубрук.* Путешествие в восточные страны • *Плано Карпини Иоанн де.* История Монгалов. Введ. и пер. А.И.Малеина. СПб., 1911 (Перездание: Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. Пер. А.И.Малеина. М., 1957).
- Рузбихан, 1976. — *Фазлаллах ибн Рузбихан Исфохани.* Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя). Пер. с перс., введ., коммент. и указатели Р.П.Джалиловой. Под ред. А.К.Арендса. М., 1976 (Памятники письменности Востока, XXVII).
- Руденко, 1952. — *Руденко С.И.* Горпоалтайские находки и скифы. М.—Л., 1952.
- Руденко, 1961. — *Руденко С.И.* К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и кочевниках. — Материалы по этнографии. Географическое общество СССР, отд. этнографии, вып. I. Л., 1961.
- Руденко, 1968. — *Руденко С.И.* Древнейшие в мире художественные ковры и ткани из оледенелых курганов Алтая. М., 1968.
- Рычков, 1887. — *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887.
- Сабырханов, 1969. — *Сабырханов А.* К истории земельных отношений Казахстана в XVIII в. (на материалах Младшего жуза). — Казахстан в XV—XVIII вв. А.—А., 1969.
- Савельева, Смирнов, 1972. — *Савельева Т.Н., Смирнов К.Ф.* Ближневосточные древности на Южном Урале. — ВДИ. 1972, № 3.
- Сазонова, 1952. — *Сазонова М.В.* К этнографии узбеков Южного Хорезма. — Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1945—1948 гг. М., 1952 (ТХАЭЭ, т. I).
- Сазонова, 1978. — *Сазонова М.В.* Традиционное хозяйство узбеков южного Хорезма. Л., 1978.
- Сарианиди, 1983. — *Сарианиди В.И.* Афганистан: Сокровища безымянных царей. М., 1983.

- Саушкин, 1947. — *Саушкин Ю.Г.* Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза. М., 1947.
- Свод, 1988. — Свод этнографических понятий и терминов: Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. Вып. 2. М., 1988.
- Смирнов, 1961. — *Смирнов К.Ф.* Вооружение савроматов. М., 1961 (МИА № 101).
- Смирнов, 1964. — *Смирнов К.Ф.* Савроматы. М., 1964.
- Смирнов, 1979. — *Смирнов К.Ф.* Кочевники Северного Прикаспия и Южного Приуралья скифского времени. — Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.
- Снесарев, 1975. — *Снесарев Г.П.* Объяснительная записка к «Карте расселения узбеков на территории Хорезмской области (конец XIX — начало XX в.)». — Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М., 1975.
- Сорокин, 1956. — *Сорокин С.С.* Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятники местной культуры. — СА. XXVI. 1956.
- Сорокин, 1958. — *Сорокин С.С.* Культура древних скотоводов в предгорьях Ферганы. Автореф. канд. дис. Л., 1958.
- Сорокина, Ягодин, 1980. — *Сорокина Р.А., Ягодин В.Н.* Развитие гидрографической сети Приаральской дельты в голоцене. — Колебания увлажненности, 1980.
- Справочная карта Афганистана. 1978. Масштаб 1:2 000 000. ГУК. М., 1978.
- Средняя Азия, 1968. — Средняя Азия: Природные условия и естественные ресурсы. М., 1968.
- Ставиский, 1963. — *Ставиский Б.Я.* Средняя Азия в кушанский период. — ИТН, т. I.
- Стеблин-Каменский, 1978. — *Стеблин-Каменский И.М.* Река иранской прародины. — Ономастика Средней Азии. М., 1978.
- Степная полоса, 1992. — Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992 (сер. «Археология СССР»).
- Степугина, 1989. — *Степугина Т.В.* Первые государства в Китае. — История древнего мира: Ранняя древность. Изд. 3. М., 1989.
- Страбон.* География в 17 книгах. Пер. Г.А. Стратановского. М., 1964.
- Струве, 1946. — *Струве В.В.* Поход Дария I на саков-массагетов. — Известия АН СССР, сер. История и философия. 1946, т. III, № 3.
- Струве, 1949. — *Струве В.В.* Восстание в Маргиане при Дарии I. — ВДИ. 1949, № 2.
- Струве, 1968. — *Струве В.В.* Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968.
- Султанов, 1982. — *Султанов Т.И.* Кочевые племена Приаралья в XV–XVIII вв. (Вопросы этнической и социальной истории). М., 1982.
- Тацит Корнелий.* Анналы, Т. I–II. Л., 1969.
- Тизенгаузен, 1884. — *Тизенгаузен В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I: Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.
- Тизенгаузен, 1941. — *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. М.–Л., 1941.
- Тиращян, 1960. — *Тиращян Г.А.* Уточнение некоторых деталей сасанидского вооружения по данным армянского историка VI в. н.э. Фавста Бузанда. — Исследования по истории культуры народов Востока: Сборник в честь академика И.А. Орбели. М.–Л., 1960.

- Токарев, 1973. — *Токарев С.А.* Разграничительные и объединительные функции культуры. М., 1973.
- Толстов, 1947. — *Толстов С.П.* Города гузов. — СЭ. 1947, № 3.
- Толстов, 1947а. — *Толстов С.П.* Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии. — СЭ. VI–VII. 1947.
- Толстов, 1948. — *Толстов С.П.* Древний Хорезм. М., 1948.
- Толстов, 1948а. — *Толстов С.П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948.
- Толстов, 1948б. — *Толстов С.П.* Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР 1947 г. — Известия АН СССР, сер. История и философия. 1948, т. V, № 2.
- Толстов, 1950. — *Толстов С.П.* Огузы, печенеги и море Даукара: Заметки по исторической этнонимике восточного Приаралья. — СЭ. 1950, № 4.
- Толстов, 1958. — *Толстов С.П.* Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949–1953 гг. — ТХАЭЭ. Т. II. М., 1958.
- Толстов, 1959. — *Толстов С.П.* Варварские племена периферии античного Хорезма по новейшим археологическим данным. — Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. М.–Л., 1959.
- Толстов, 1960. — *Толстов С.П.* Приаральские скифы и Хорезм. — XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960.
- Толстов, 1961. — *Толстов С.П.* Приаральские скифы и Хорезм (к истории заселения и освоения древней дельты Сырдарьи). — СЭ. 1961, № 4.
- Толстов, 1962. — *Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
- Толстов, Итина, 1966. — *Толстов С.П., Итина М.А.* Саки низовьев Сырдарьи (по материалам Тагискена). — СА. 1966, № 2.
- Толстов, Кесь, 1954. — *Толстов С.П., Кесь А.С.* Проблема древнего течения Амударьи в свете новейших геоморфологических и археологических данных. — Материалы ко второму съезду Географического общества СССР. М., 1954.
- Томилов, 1987. — *Томилов Н.А.* Проблемы реконструкции этнической истории населения юга Западной Сибири. Омск, 1987.
- Томсон, 1953. — *Томсон Дж.* История древней географии. М., 1953.
- Тревер, 1950. — *Тревер К.В.* Согд, Хорезм, Бактрия, Чач и Паркан (Фергана) в архаический период (VI–IV вв. до н.э.). — История народов Узбекистана. Т. I. Таш., 1950.
- Тревер, 1967. — *Тревер К.В.* История Узбекской ССР. Т. I. Таш., 1967 (перездание).
- Трофимова, 1958. — *Трофимова Т.А.* Материалы по палеоантропологии Хорезма и сопредельных областей. — ТХАЭЭ. Т. II. М., 1958.
- Трофимова, 1963. — *Трофимова Т.А.* Приаральские саки (краниологический очерк). — МХЭ. Вып. 6. М., 1963.
- Трофимова, 1967. — *Трофимова Т.А.* Ранние саки Приаралья по данным палеоантропологии. — *Anthropos. Vrnо*, 1967, 19 (№ 5, 11).
- Трофимова, 1979. — *Трофимова Т.А.* Черепа из погребений куюсайской культуры в могильниках Тумек-кичиджик и Тарым-кая. — Кочевники на границах Хорезма. М., 1979 (ТХАЭЭ, т. XI).
- Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. III. Фрунзе, 1959 (Материалы научной сессии по этногенезу киргизского народа).
- Умняков, 1940. — *Умняков И.И.* Тохарская проблема. — ВДИ. 1940, № 3–4.
- Федоров, 1980. — *Федоров П.В.* О некоторых вопросах голоценовой истории Каспия и Арала. — Колебания увлажненности, 1980.

- Федоров-Давыдов, 1966. — *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
- Федорович, 1950. — *Федорович Б.А.* Древние реки в пустынях Турана. — Материалы по четвертичному периоду СССР. Вып. 3. М.—Л., 1950.
- Федорович, 1973. — *Федорович Б.А.* Природные условия аридных зон СССР и пути развития в них животноводства. — Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1973 (ТИЭ, нов. сер., т. ХСVIII).
- Физико-географический атлас мира. М., 1964.
- Физическая география СССР. М., 1960.
- Фирдоуси.* Шахнаме. Т. I. Изд. подготовили Ц.Б.Бану, А.Лахути, А.А.Стариков. М., 1957.
- Фирдоуси.* Шахнаме. Т. II. Пер. Ц.Б.Бану-Лахути. М., 1960.
- Флёров, 1988. — *Флёров В.С.* Вторая международная конференция «Праболгары в Восточной и Центральной Европе в VI–X вв.». — СА. 1988, № 2.
- Хазанов, 1971. — *Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. М., 1971.
- Хазанов, 1972. — *Хазанов А.М.* Сармато-калмыцкие параллели (К вопросу об однотипности кочевого хозяйства в одинаковом экологическом окружении). — Проблемы алтаистики и монголоведения. Тезисы докладов Всесоюзной конференции. Элиста, 1972.
- Хазанов, 1975. — *Хазанов А.М.* Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М., 1975.
- Халиков, 1977. — *Халиков А.Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М., 1977.
- Ходжайов, 1980. — *Ходжайов Т.К.* К палеоантропологии древнего Узбекистана. Таш., 1980.
- Хотинский, 1980. — *Хотинский Н.А.* Три типа изменений климата Северной Евразии в голоцене. — Колебания увлажненности, 1980.
- Цалкин, 1966. — *Цалкин В.И.* Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии. М., 1966.
- Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 1. М., 1974.
- Цинзерлинг, 1927. — *Цинзерлинг В.В.* Орошение на Амударье. М., 1927.
- Членова, 1964. — *Членова Н.Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1964.
- Членова, 1976. — *Членова Н.Л.* Карасукские кинжалы. М., 1976.
- Членова, 1989. — *Членова Н.Л.* Волга и Южный Урал в представлениях древних иранцев и финно-угров во II — начале I тыс. до н.э. — СА. 1989, № 2.
- Шаниязов, 1974. — *Шаниязов К.Ш.* К этнической истории узбекского народа (Историко-этнографическое исследование на материалах кипчакского компонента). Таш., 1974.
- Шилов, 1983. — *Шилов В.П.* Янчай-Аорсы. — История и культура сарматов. Саратов, 1983.
- Шишкина, 1985. — *Шишкина Г.В.* Самаркандский Согд. — Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985 (сер. «Археология СССР»).
- Шнирельман, 1993. — *Шнирельман В.А.* Археологическая культура и социальная реальность (Проблема интерпретации керамических ареалов). Екатеринбург, 1993.
- Шнитников, 1950. — *Шнитников А.В.* Внутривековые колебания уровня степных озер Западной Сибири и Северного Казахстана и их зависимость от климата. — Труды лаборатории озероведения АН СССР. Т. 1. М.—Л., 1950.
- Шнитников, 1969. — *Шнитников А.В.* Внутривековая изменчивость компонентов общей увлажненности. Л., 1969.

- Щербак. 1959. — *Щербак А.М.* Знаки на керамике и кирпичях из Саркела–Белой Вежи (К вопросу о языке и письменности печенегов). — МИА, № 75. М.–Л., 1959.
- Щербак, 1961. — *Щербак А.М.* Названия домашних и диких животных в тюркских языках. — Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961.
- Эверсман, 1850. — *Эверсман Э.* Естественная история Оренбургского края. Ч. II. Казань, 1850.
- Эдаков, 1976. — *Эдаков А.В.* Новые надписи Ахеменидов. — ВДИ. 1976, № 1.
- Эдельман, 1968. — *Эдельман Д.И.* Основные вопросы лингвистической географии. М., 1968.
- Энциклопедический словарь географических названий. Гл. ред. С.В.Калесник. М., 1973.
- Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н.э.). Труды Международного симпозиума (Душанбе, 1977 г.). М., 1981.
- Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Т. I. Новосибирск, 1996.
- Юстин.* Эпитома сочинения Помпея Трога («Historias Philippicae»). Пер. А.А.Деконского и М.М.Рижского. — ВДИ. 1954, № 2–4; 1955, № 1.
- Юсупов, 1975. — *Юсупов Х.* Приузбойские туркменские племена XIV–XV вв. Аш., 1975.
- Юсупов, 1978. — *Юсупов Х.* Курганы Шахсенем-кыра. — История и археология Средней Азии. Аш., 1978.
- Юсупов, 1979. — *Юсупов Х.* Игды-кала — парфянская крепость на Узбое. — Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.
- Юсупов, 1981. — *Юсупов Х.* Памятники древних кочевников Заузбойского плата (Чолунгыры). — Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981.
- Юсупов, 1982. — *Юсупов Х.* Новые сведения о древних кочевниках на Узбое. — Новые археологические открытия в Туркменистане. Аш., 1982.
- Юсупов, 1984. — *Юсупов Х.* Новые данные о курганном могильнике Шахсенем-кыр. — Проблемы археологии Туркменистана. Аш., 1984.
- Юсупов, 1986. — *Юсупов Х.* Древности Узбая. Аш., 1986.
- Юсупов, 1989. — *Юсупов Х.* Бронзовая статуэтка из культового комплекса Гаравулдесе. — Известия АН ТуркмССР, сер. обществ. наук. 1989, № 5.
- Юсупов, 1991. — *Юсупов Х.* Древние скотоводы северо-западного Туркменистана. Научный доклад, представленный в качестве докт. дис., МГУ. М., 1991.
- Юсупов, 1991а. — *Юсупов Х.* Поселение конца эпохи бронзы на Канга-гыре. — Скотоводы и земледельцы левобережного Хорезма: Древность и средневековье. М., 1991.
- Яблонский, 1983. — *Яблонский Л.Т.* Исследование могильника Сакарчага I. — АО-1981. М., 1983.
- Яблонский, 1984. — *Яблонский Л.Т.* Раскопки курганов в северной Туркмении. — АО-1982. М., 1984.
- Яблонский, 1985. — *Яблонский Л.Т.* Раскопки курганов в северной Туркмении. — АО-1983. М., 1985.
- Яблонский, 1986. — *Яблонский Л.Т.* К этногенезу населения Северной Туркмении (могильник сакского времени Сакарчага 3). — СЭ. 1986, № 5.
- Яблонский, 1986а. — *Яблонский Л.Т.* Погребальный обряд могильника Сакарчага I. — Полевые исследования Института этнографии АН СССР 1982 года. М., 1986.
- Яблонский, 1990. — *Яблонский Л.Т.* «Скифская триада» и проблема этничности археологических признаков — Проблемы исторической интерпретации архео-

- логических и этнографических источников Западной Сибири. Тезисы докладов VII Западносибирского археолого-этнографического совещания. Томск, 1990.
- Яблонский, 1991. — *Яблонский Л.Т.* Проблема формирования культуры саков Южного Приаралья. — СА. 1991, № 1.
- Яблонский, 1992. — *Яблонский Л.Т.* Коллективные погребения могильника Сакарчага. — Скотоводы и земледельцы левобережного Хорезма: Древность и средневековье. Вып. 2. М., 1992.
- Яблонский, 1996. — *Яблонский Л.Т.* Могильник Сакарчага. М., 1996.
- Яблонский, Болелов, 1991. — *Яблонский Л.Т., Болелов С.Б.* Могильник Ясы-гыр в Присарыкамышье: погребальный обряд и антропология. — Новые открытия в Приаралье (материалы к археологической конференции). Вып. 2. М., 1991.
- Яблонский, Коляков, 1992. — *Яблонский Л.Т., Коляков С.М.* Могильник Тарымкая 2. — Скотоводы и земледельцы левобережного Хорезма: Древность и средневековье. Вып. 2. М., 1992.
- Ягодин, 1963. — *Ягодин В.Н.* Археологические памятники Приаральской дельты Амударьи. Автореф. канд. дис. М., 1963.
- Ягодин, 1963а. — *Ягодин В.Н.* К вопросу о локализации Кердера. — ВКФ. 1963. № 2.
- Ягодин, 1970. — *Ягодин В.Н.* Археологическое изучение городища Курганча. — "Средневековые города Средней Азии и Казахстана. М., 1970.
- Ягодин, 1971. — *Ягодин В.Н.* Об этническом определении кердерской культуры и ее роли в этногенезе каракалпак. — ВКФ. 1971, № 3.
- Ягодин, 1973. — *Ягодин В.Н.* Кердерское поселение Курганча. — Вопросы антропологии и материальной культуры Кердера. Таш., 1973.
- Ягодин, 1982. — *Ягодин В.Н.* Археологическое изучение курганных могильников Каскажол и Бернияз на Устюрте. — Археология Приаралья. Вып. 1. Таш., 1982.
- Ягодин, 1984. — *Ягодин В.Н.* Бронзовые наконечники стрел из южной Бактрии. — Древняя Бактрия. Вып. 3. М., 1984.
- Ягодин, 1984а. — *Ягодин В.Н.* Кердерское поселение Куюк-кала: Историческая топография и хронология. — Археология Приаралья. Вып. II. Таш., 1984.
- Ягодин, 1990. — *Ягодин В.Н.* Курганный могильник Девкескен 4. — Археология Приаралья. Вып. 4. Таш., 1990.
- Ягодин, Ходжайов, 1970. — *Ягодин В.Н., Ходжайов Т.К.* Некрополь древнего Миздахкана. Таш., 1970.
- Якубовский, 1941. — *Якубовский А.Ю.* К вопросу об этногенезе узбекского народа. Таш., 1941.
- Якубовский, 1947. — *Якубовский А.Ю.* Вопросы этногенеза туркмен в VIII–IX вв. — СЭ. 1947, № 3.
- Яценко, 1994. — *Яценко С.А.* Аланские катакомбы II–IV вв. н.э.: Новые материалы и новые заблуждения. — Петербургский археологический вестник. СПб., 1994, вып. 17.
- Bartholomae, 1961. — *Bartholomae Chr.* Altiranisches Wörterbuch. B., 1961.
- Benveniste, 1934. — *Benveniste E.* L'Erān-Vēz et l'origine légendaire des Iraniens. — BSOS. 1934, vol. VII, pt. 2.
- Chavannes, 1904. — *Chavannes E.* Notes additionnelles sur les Toukiue (Turks) occidentaux. — T'oung Pao. 1904, V.
- Christensen, 1943. — *Christensen A.* Le premier chapitre du Vendidad. København, 1943.
- Dunlop, 1954. — *Dunlop D.M.* The History of the the Jewish Khazars. Princeton, 1954.

- Enoki, 1956. — *Enoki K.* Sogdiana and the Hsiung-nu. — CAJ. 1956. vol. 1, № 1.
- Frye, 1951. — *Frye R.N.* Tarxün-Türxün and Central Asian history. — HJAS. 1951, vol. 14, № 1–2.
- Gardiner-Garden, 1987. — *Gardiner-Garden J.R.* Herodotos contemporaries on Skythian geography and ethnography. I. Bloomington, 1987.
- Gardiner-Garden, 1987a. — *Gardiner-Garden J.R.* Appolodoros of Artemita and the Central Asian Skythians. IV. Bloomington, 1987.
- Gershevitch, 1959. — *Gershevitch J.* The Avestian Hymn to Mithra. Cambridge, 1959.
- Gershevitch, 1964. — *Gershevitch J.* Zoroaster's Own Contribution. — Journal of Near Eastern Studies. Chicago, 1964. XXIII.
- Gorbunova, 1986. — *Gorbunova N.G.* The Culture of Ancient Ferghana. VI century B.C. — VI century A.D. — BAR International series 281. Oxf., 1986.
- Groot, 1920. — *Groot J.J. M. de.* Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens. II. B.–Lpz., 1920.
- Gutschmid, 1888. — *Gutschmid A.* Geschichte Irans und seiner Nachbarländer von Alexander dem Großen bis zum Untergang der Arsaciden. Tübingen, 1888.
- Harmatta, 1979. — *Harmatta J.* Darius' Expedition against the Sakā tigraxaudā. — Studies on the sources on the history of preislamic Central Asia. Budapest, 1979.
- Heidel, 1937. — *Heidel W.* The Frame of the Ancient Greek Maps. N.Y., 1937.
- Henning, 1965. — *Henning W.B.* The Coresmian Documents. — AM, n.s., 1965, vol. XI, pt. 2.
- Herrmann, 1914. — *Herrmann A.* Alte Geographie des unteren Oxus-Gebiets. B., 1914.
- Herrmann, 1920. — *Herrmann A.* Saki. — RE. 1920, 2. Reihe. Bd. 1/2.
- Herrmann, 1930. — *Herrmann A.* Massagetai. — RE. 1930. Bd. 14/28.
- Herzfeld, 1926. — *Herzfeld E.* Eine neue Darius-Inschrift aus Hamadan. — Deutsche Literaturzeitung. B., 1926, H. 42.
- Herzfeld, 1931. — *Herzfeld E.* Sakastan. — Archaeologische Mitteilungen aus Iran. Bd. IV. H. 1. B., 1931.
- Herzfeld, 1938. — *Herzfeld E.* Altpersische Inschriften. B., 1938.
- Herzfeld, 1947. — *Herzfeld E.* Zoroaster and his World. Vol. II. Princeton, 1947.
- Hirth, 1917. — *Hirth F.* The story of Chung K'ien, China's pioneer in Western Asia. — JAOS. 1917, vol. 37.
- Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghāzi Behādur Khan, publiée, traduite et annotée par Le Baron Desmaisons. T. 1. St.-Pbg., 1871.
- Junge, 1939. — *Junge J.* Saka-Studien. Der Ferne Nordosten im Weltbild der Antike. — Klio, Beih. 41, N.F., H. 28. Lpz., 1939.
- Kent, 1943. — *Kent R.Y.* Old Persian texts. IV. The lists of provinces. — Journal of Near Eastern Studies. Chicago, 1943, vol. II, № 4.
- Marquart, 1901. — *Marquart J.* Erānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i. B., 1901.
- Marquart, 1905. — *Marquart J.* Untersuchungen zur Geschichte von Eran. — Sonderdruck aus dem "Philologus". Suppl. X.H.I. Lpz., 1905.
- Markwart, 1914. — *Markwart J.* Über das Volkstum der Komanen. — AKGWG. 1914. Bd. XIII, № 1.
- Markwart, 1938. — *Markwart J.* Wehrot und Arang. Untersuchungen zur mythischen und geschichtlichen Landeskunde von Ostriā. Leiden, 1938.
- Markwart, 1946. — *Markwart J.* Die Sogdiana des Ptolemaios. — Orientalia. 1946, vol. 15.
- McGovern, 1939. — *McGovern W.M.* The Early Empires of Central Asia. N.Y., 1939.

- Nemeth, 1932. — *Nemeth J.* Die Inschriften des Schatzes von Nagy-Szent-Miklos. Leiden, 1932.
- Nyberg, 1938. — *Nyberg H.S.* Die Religionen des alten Iran. I.pz., 1938.
- Pritsak, 1955. — *Pritsak O.* Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren. Wiesbaden, 1955.
- Ptolemaios.* Geographie 6, 9–21. Ostiran und Zentralasien. Vol. 1. Rom, 1971 (IsMEO. Reports and memories, vol. XV, 1).
- Pulleyblank, 1962. — *Pulleyblank E.G.* The consonantal system of Old chinese. — AM. n.s. 1962, vol. IX.
- Shiratori, 1928. — *Shiratori K.* A study on Su-t'e of Sogdiana. — MTB. 1928, № 2.
- Shiratori, 1956. — *Shiratori K.* A new attempt at the solution of the Fu-lin problem. — MTB. 1956, № 15.
- Tárkány Szücs Ernő, 1965. — *Tárkány Szücs Ernő.* A jószágok égetett tulajdonjegyel Magyarországon. — Különlenyomat az Ethnographia, éir 2–3. Budapest, 1965 (отд. отт. — 1966).
- Tarn, 1951. — *Tarn W.W.* The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1951.
- Zürcher, 1968. — *Zürcher E.* The Yueh-chih and Kaniška in the chinese sources. — Papers of the Date of Kaniška. Leiden, 1968.
- Vainberg, 1994. — *Vainberg B.I.* The Kalali-Gir 2 Ritual Center in Ancient Khwarazm. — Bulletin of the Asia Institute, NS. Michigan, 1994, vol. 8.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЯ

- АО — Археологические открытия. М.
- АСЭО — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
- ВДИ — Вестник древней истории. М.
- ВКФ — Вестник Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР. Нукус
- ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры. Л.
- ГИМ — Государственный исторический музей
- ЖМНП — Журнал Министерства Народного Просвещения. СПб.
- ИАИ — Известия АН СССР. М.
- ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана. Таш.
- ИТН — История таджикского народа. Т. I, с древнейших времен до V в. н.э. Под ред. Б.Г.Гафурова, Б.А.Литвинского. М., 1963
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии. М.—Л.
- КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М.
- МГУ — Московский государственный университет
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.
- МИТТ — Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. М.—Л., 1939; т. II. М.—Л., 1938
- МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции
- ИЭ — Нумизматика и эпиграфика. М.
- ОИЯ — Основы иранского языкознания. М.
- ОПУ — Общественные науки в Узбекистане. Таш.
- САИ — Свод археологических источников. М.
- СА — Советская археология. М.
- СЭ — Советская этнография. М. (позднее ЭО — см. ниже)
- ТИИАЭ — Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. А.-А.
- ТИЭ — Труды Института этнографии АН СССР. М., М.—Л.
- ТКирг. АЭЭ — Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Фрунзе
- Труды САГУ — Труды Среднеазиатского государственного университета. Таш.
- Труды ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Аш.
- ТХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР. М.
- ЭО — Этнографическое обозрение. М.
- АКГWG — Abhandlungen der königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Phil.-hist. Kl.

- AM — Asia. Major. L. (Lpz.)
BSOS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies. L.
CAJ — Central Asiatic Journal. The Hague–Wiesbaden.
HJAS — Harvard Journal of Asiatic Studies. Cambridge, Mass.
IsMEO — Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente. Roma
JAOS — Journal of the American Oriental Society. N. Y.–New Haven.
MTB — Memoirs of the Tokyo Bunko. Tokyo
RE — Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft.
Neue Bearbeitung, begonnen von G. Wissowa, hrsg. von W. Kroll.
Stuttgart

Рис. 1. Карта Турана с учетом данных палеогеографии

Рис. 2. Схематическая карта низовьев Амударьи (воспроизводится по ст. А.С.Кесь в сб. «Культура и искусство древнего Хорезма». М., 1981, с. 73)

Рис. 3. Восточное побережье Каспийского моря в древности, район дельты Узбоа

Рис. 4. Восточное побережье Каспийского моря в древности, район полуострова Мангышлак

Рис. 5. Пустыни Средней Азии и Казахстана (воспроизводится по [Бабаев, Фрейкин, 1977, с. 82—83]).

Условные обозначения: 1 — северная граница пустыни; 2 — песчаная пустыня; 3 — глинистая пустыня; 4 — гипсовая пустыня; 5 — лёссовая пустыня; 6 — такыр площадный и одиночный; 7 — солончак; 8 — пересыхающие реки и сухие русла; 9 — магистральные каналы; 10 — водохранилища; 11 — горные области

Рис. 6. Схема природных районов пустынь Средней Азии и Казахстана (воспроизводится по [Бабаев, Фрейкин, 1977, с. 156]).

Условные обозначения: 1 — Юго-Восточный Прикаспий; 2 — Прикарабогазье; 3 — Центральные Каракумы; 4 — Заунгузские Каракумы; 5 — Юго-Восточные Каракумы; 6 — дельта и долина Амударьи; 7 — Устюрт; 8 — Мангышлак; 9 — Южный Кызылкум; 10 — Северный Кызылкум; 11 — дельта и долина Сырдарьи; 12 — Северный Прикаспий; 13 — Приаральские Каракумы; 14 — Бетпадала; 15 — пески Муюнкум; 16 — Прибалхашье

Рис. 7. Климатическая карта региона

Рис. 8. Климатическая карта региона

Рис. 9. Маршруты сезонных перекочевок в Приаралье

Рис. 10. Археологические памятники юго-западной части Присарыкамьшской дельты Амударьи.

Условные обозначения: I — русла древних протоков; II — граница древнего Сарыкамьшского озера; III — древние каналы; IV — края возвышенностей; V — граница коренных песков; VI — поселение раннего железного века; VII — древние укрепления и крупные памятники; VIII — сельские неукрепленные поселения; IX — курганные могильники; X — средневековая крепость; XI — многослойный памятник (древность и средневековье); XII — средневековые памятники (поселения, кладбища, мазары).

1 — Канга-кала; 2 — Койкырлан; 3 — Поселение Канга 3; 4 — Гяур-кала 2; 5 — Гяур-кала черменябская; 6 — Поселение Гяур 3; 7 — Могильник Тумеккичиджик; 8 — Крепость Шахсенем; 9 — Поселение Куюсай 2; 10 — Крепость Куюсай-кала и могильники Сакар-чага; 11 — Крепость Акча-гелин; 12 — Шахерлик; 13 — Крепость Ярбекир; 14 — Крепость Мангыр-кала; 15 — Городище Кызели-гыр; 16 — Культурный центр Калалы-гыр 2; 17 — Яссы-гыр; 18 — Калалы-гыр 1; 19 — Городище Куня-Уаз; 20 — Крепость и поселение Кызылча-кала

Рис. 11. Основные археологические памятники на территории Акчадарьинских дельт Амударьи (С.П.Толстов — СА. 1958, № 17, с. 108)

Рис. 12. Памятники древней дельты Сырдарьи.

Условные обозначения: *а* — городища и крепости; *б* — поселения; *в* — стоянки; *г* — погребальные сооружения; *д* — могильники; *е* — районы памятников: *I* — Северная Акчадарьинская дельта Амударьи, *II* — памятники чирикрабатской культуры, *III* — урочище Джетыасар, *IV* — восточная группа джетыасарских памятников, *V* — юго-восточная группа джетыасарских памятников, *VI* — памятники оттарско-каратауской культуры.

1—14 — городища урочища Джетыасар; *15* — Карак-асар; *16* — Унгурлы-асар; *17* — Кескен-Куюк-кала; *23* — Кабул-кала; *24* — Чирик-рабат; *25* — Бабинф-мулла; *26* — Сенгир-кала; *27* — Баланды; *28* — Тагискен; *29* — Уйгарак; *35* — Барак-там

Рис. 13. Средняя Азия на карте Птолемея. Современная реконструкция по тексту источника (*Ronca I. Ptolotmaios Geographie 6.9—21. Ostiran und Zentralasien. Teil I. Rom, 1971*, таб. I)

Рис. 14. Средняя Азия по данным ал-Хваризми [Калинина, 1988, с. 106].

Условные обозначения: *395* — Бухара; *396* — Балх; *397* — Самарканд; *398* — Усрушана; *399* — Хаджанда; *400* — Бинакас; *401* — Ахсикас; *402* — Тарбанд; *403* — Исбиджаб; *404* — ат-Тараз; *467* — Хваризм; *468* — ат-Хазар; *469* — Навкас

Рис. 15. Средняя Азия на карте ал-Беруни. Современная реконструкция автора по тексту ал-Беруни.

Условные обозначения: *1* — Сувар и Булгар; *2* — Столица хазар; *3* — Баланджар; *4* — Самандар; *5* — ас-Сарир; *6* — Баб-ал-абваб; *7* — Барда'а, столица Аррана у р. Куры; *8* — Бакуйя; *9* — Балхан; *10* — Мангышлак; *11* — Ардебиль; *12* — Тебриз; *13* — Урмия; *14* — Казвин; *15* — Амул; *16* — Абескун; *17* — Рей; *18* — Демавенд; *19* — Дамган; *20* — Багдад; *21* — Вавилон; *22* — Хамадан; *23* — Исфакан; *24* — Фарах; *25* — Герат; *26* — Джурджан; *27* — Дехистан; *28* — Неса; *29* — Абиверд; *30* — Серахс; *31* — Нишапур; *32* — Мерв; *33* — Земм; *34* — Ферава; *35* — Келиф; *36* — Термез; *37* — Балх; *38* — Талакан; *39* — Вахш; *40* — Железные ворота; *41* — Бадахшан; *42* — Джурджания (Гургандж); *43* — Кят (Хорезм); *44* — Дарган; *45* — Амуййа (Амул); *46* — Бухара; *47* — Кеш; *48* — Самарканд; *49* — Янгикент; *50* — Сюткенд; *51* — Сауран; *52* — Фараб; *53* — Тараз; *54* — Испиджаб; *55* — Бинкет; *56* — Ахсикет; *57* — Иссык-куль; *58* — Узгенд; *59* — Кашгар

Рис. 16. Народы Турана в VII — начале II в. до н.э.

Рис. 17. Народы Турана во II в. до н.э. — в первые века н.э.

Рис. 18. Народы Турана в конце III — V в. н.э.

Рис. 19. Народы Турана в VI — начале IX в.

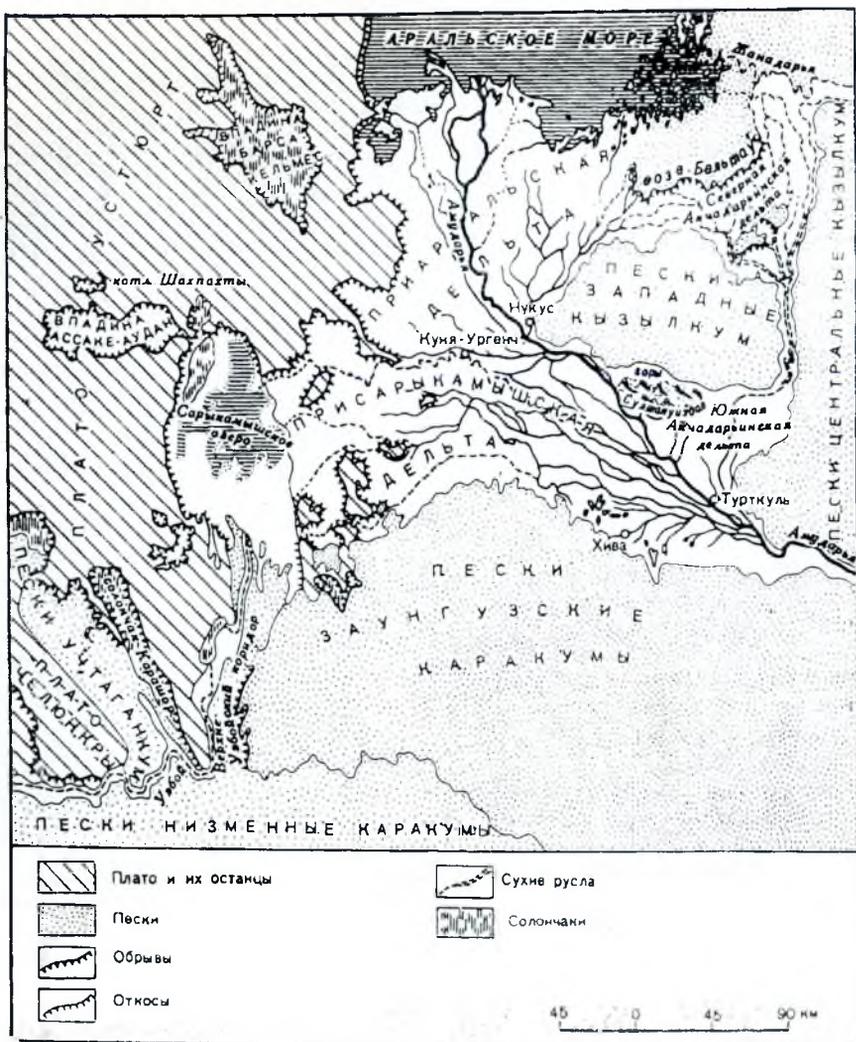

Рис. 2

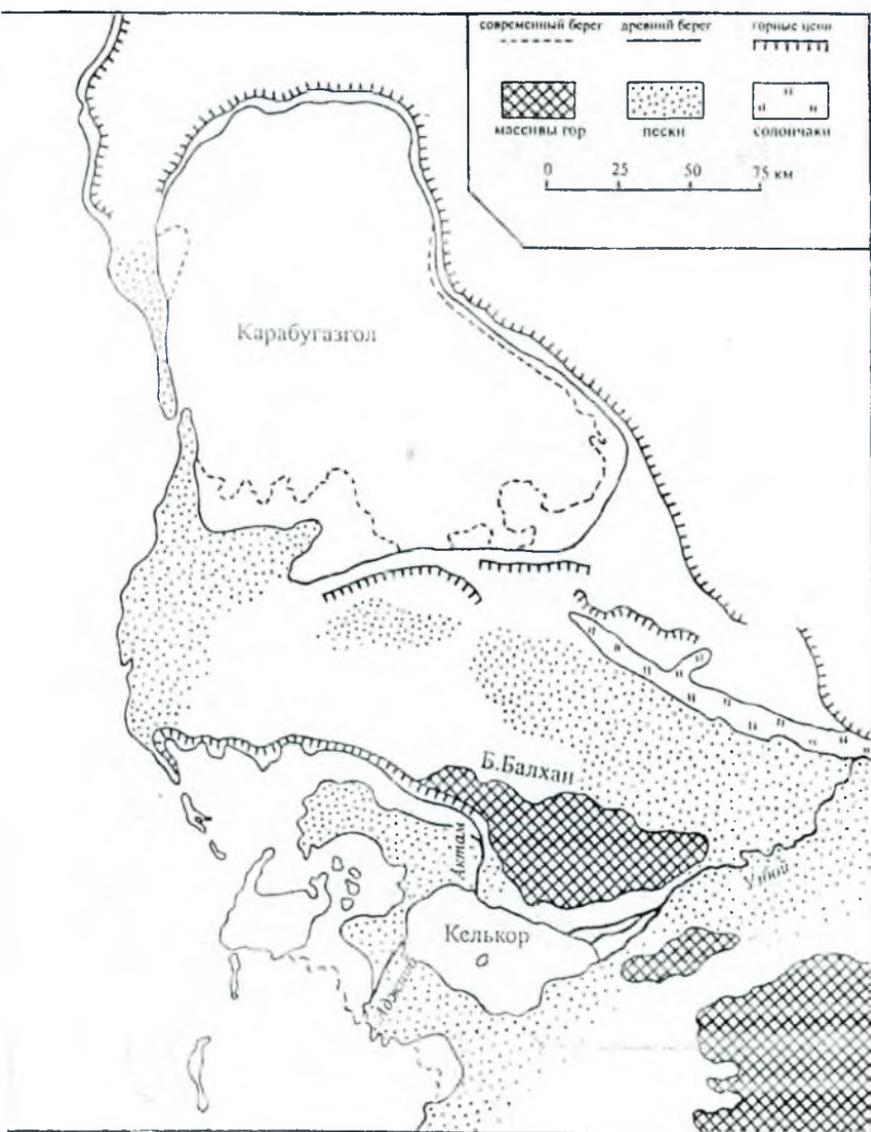

Рис. 3

Рис. 4

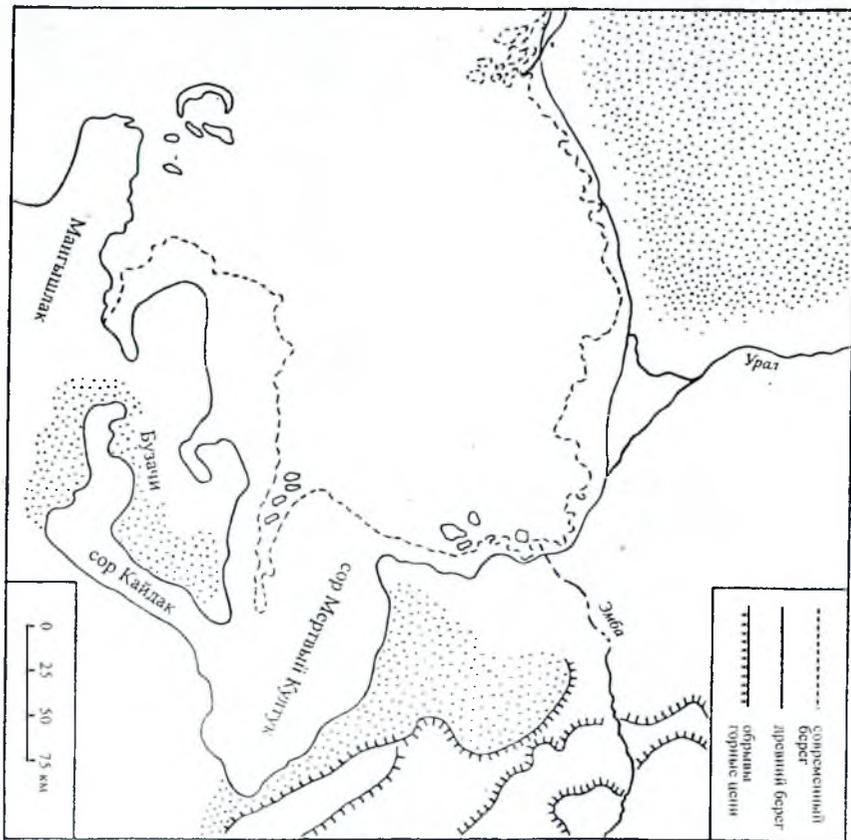

Рис. 5

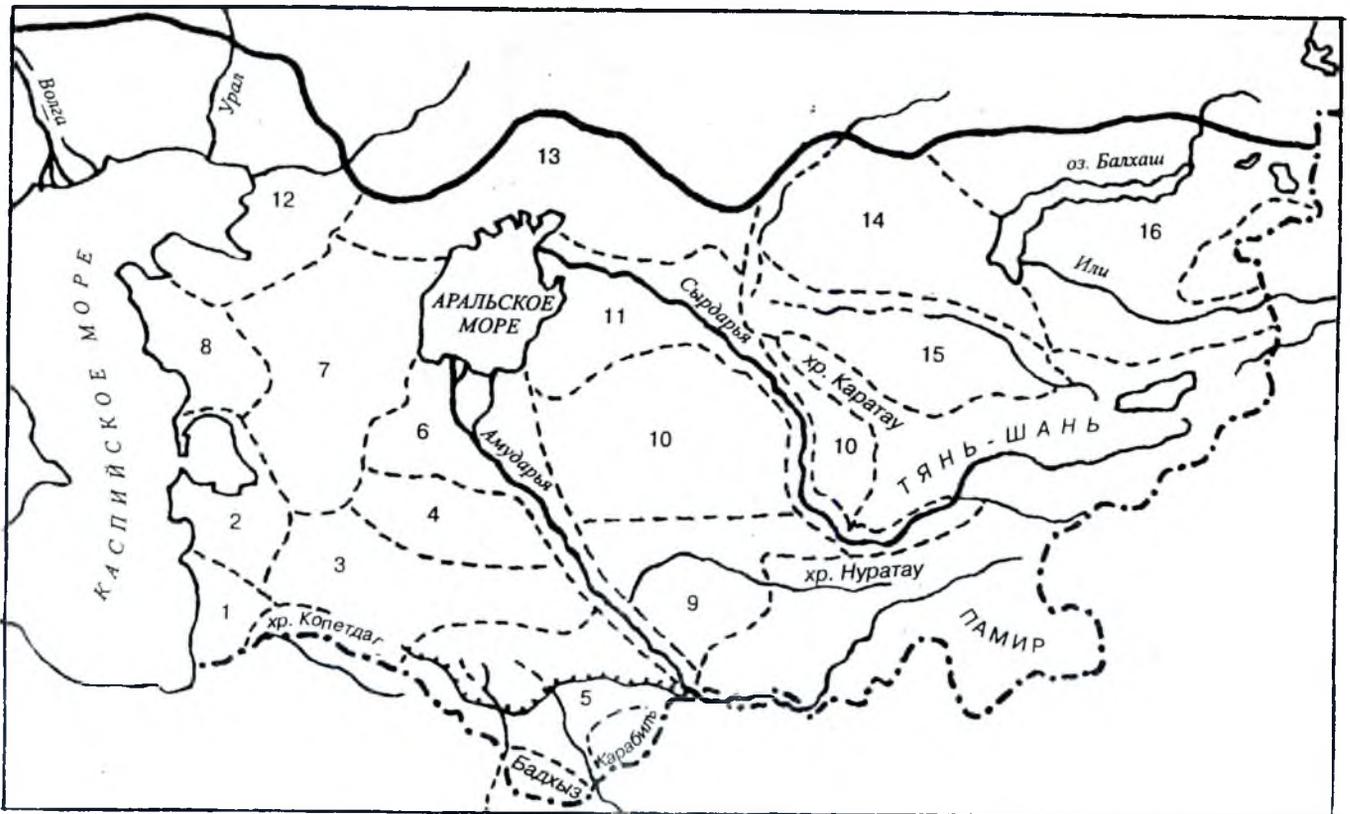

Рис. 6

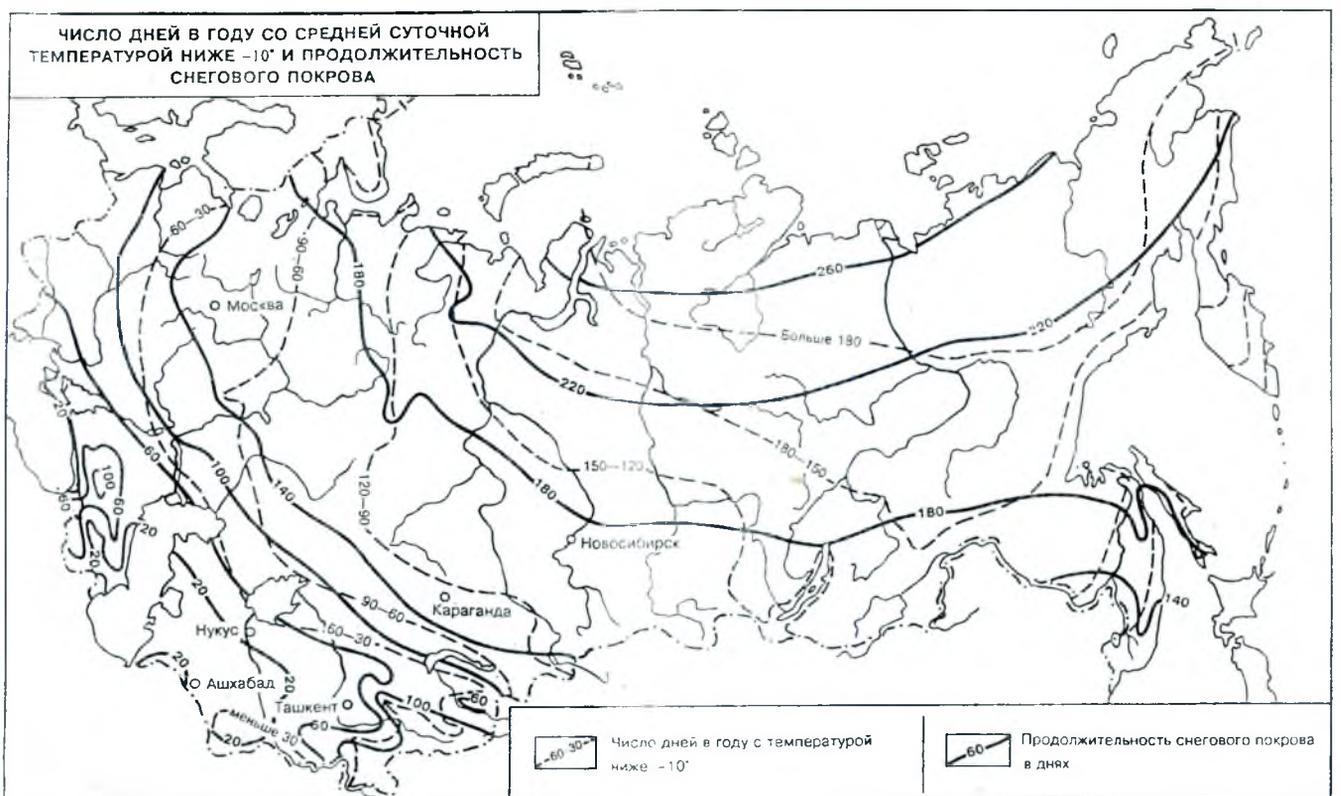

Рис. 7

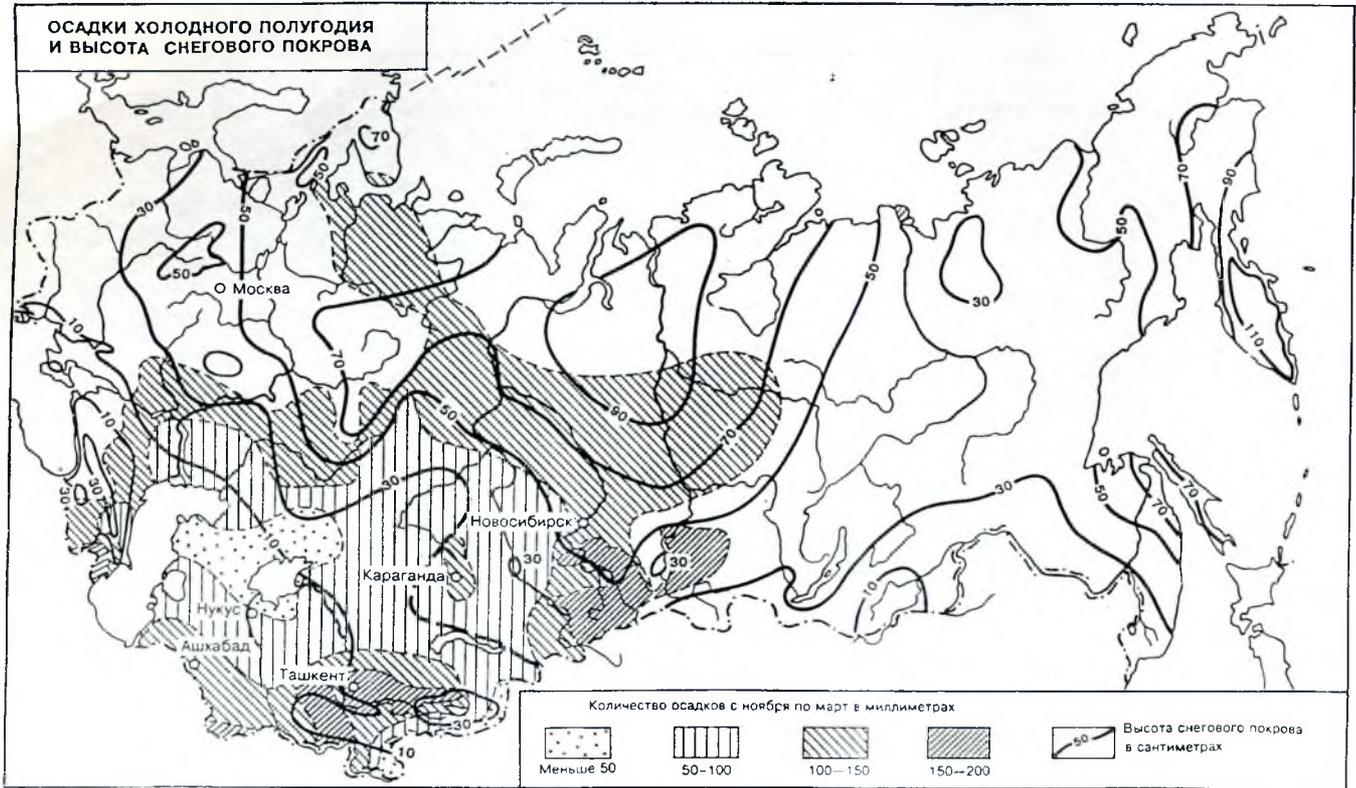
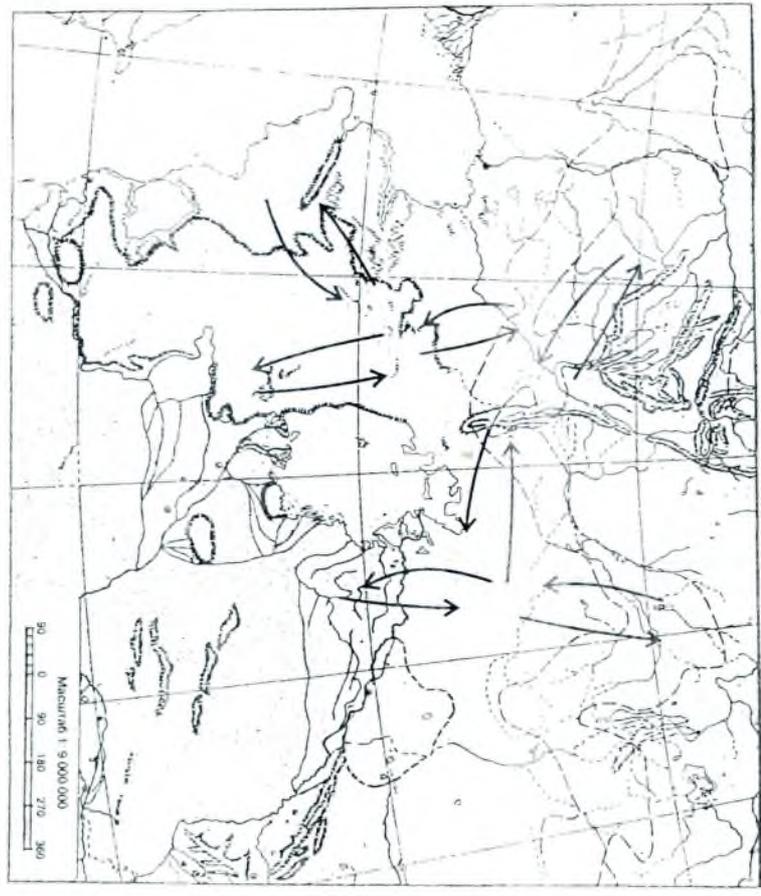

Рис. 8

Рис. 9

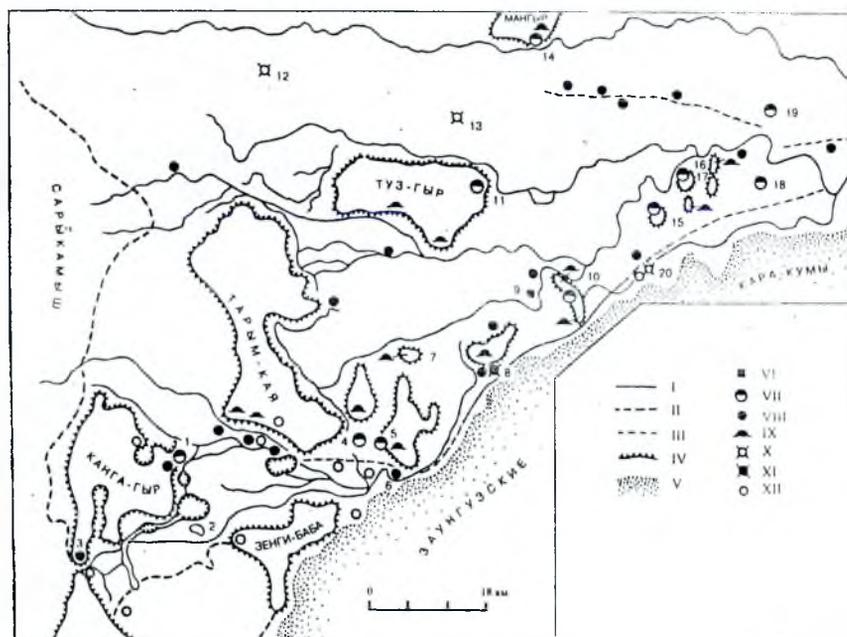

Рис. 10

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА
АКЧА-ДАРЬИ

- ◆ Города и крупные крепости
- ┆ Неолит
- Бронза
- Раннее железо
- Замки, усадьбы и отдельные укрепления

0 8 16 24 км

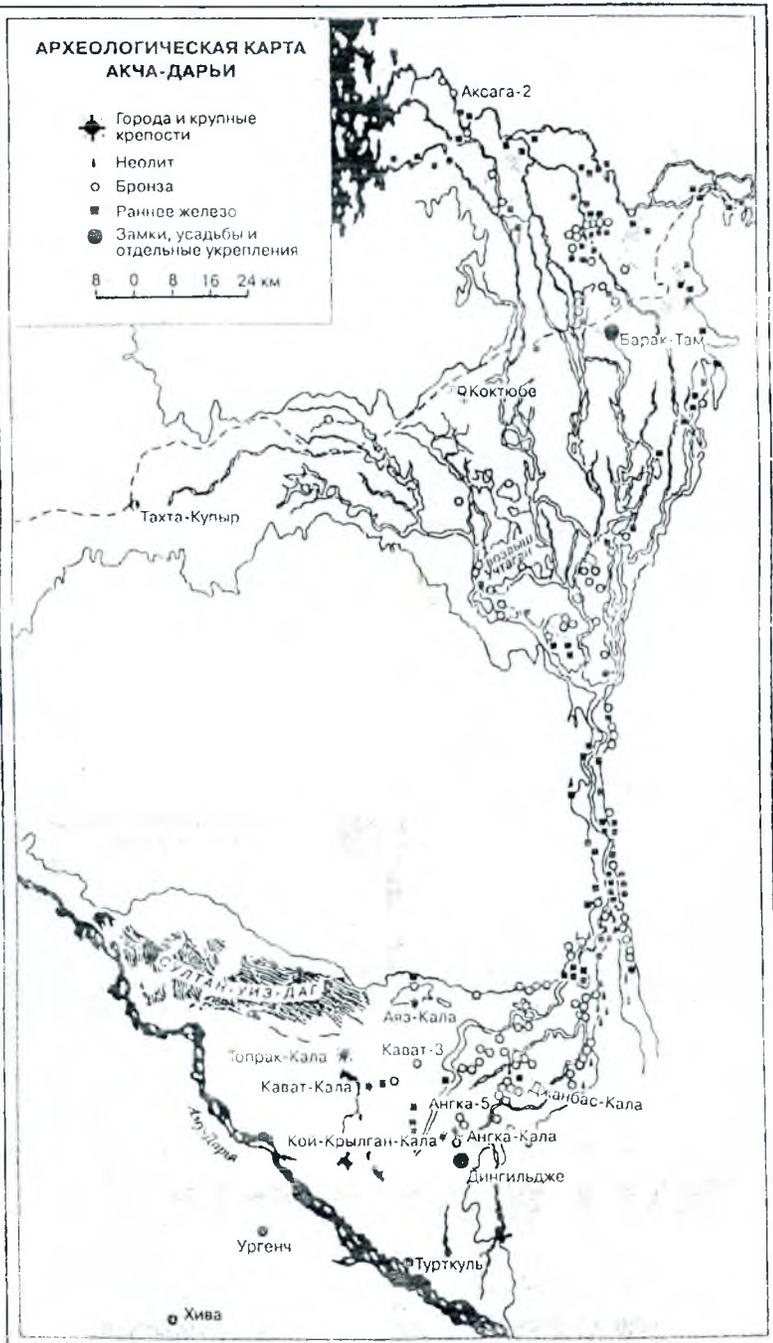

Рис. 11

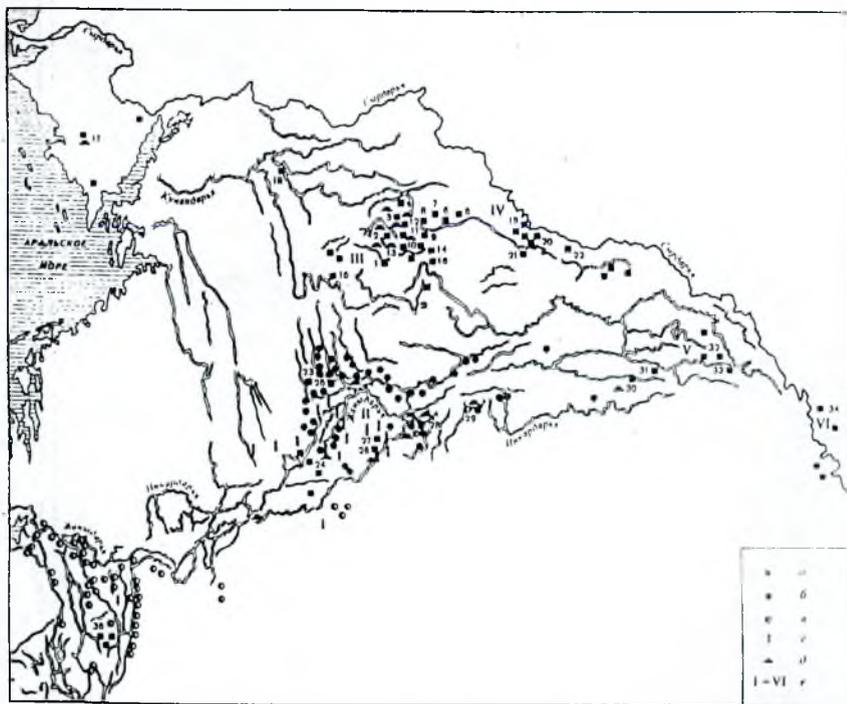

Рис. 12

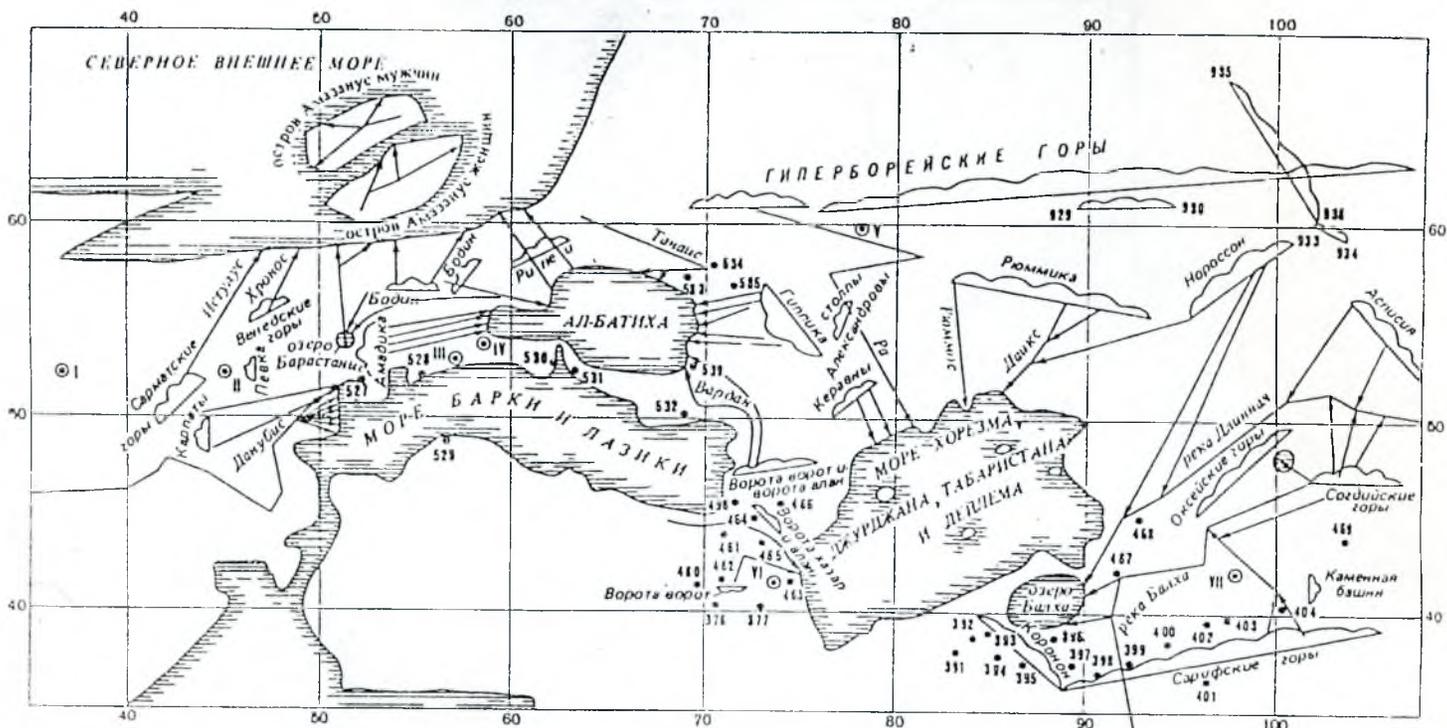

Рис. 14

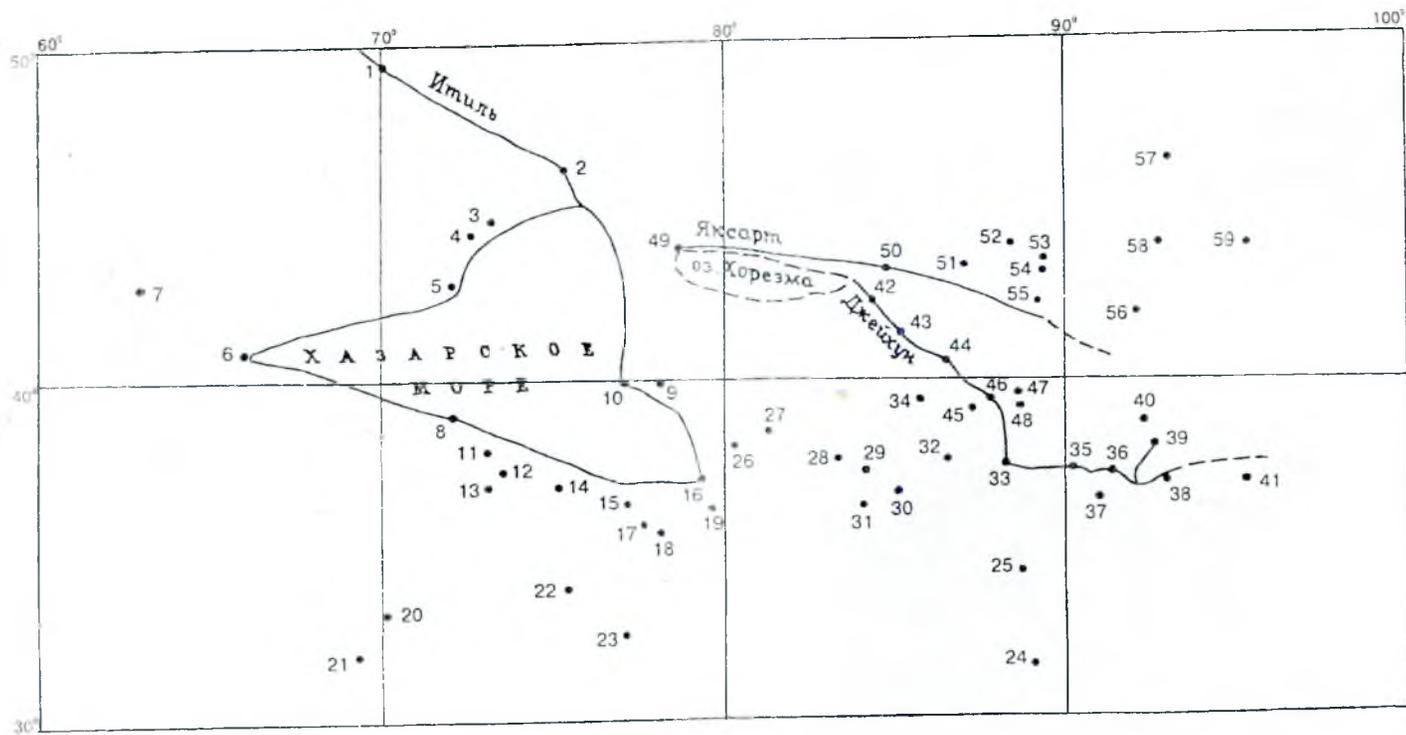

Рис. 15

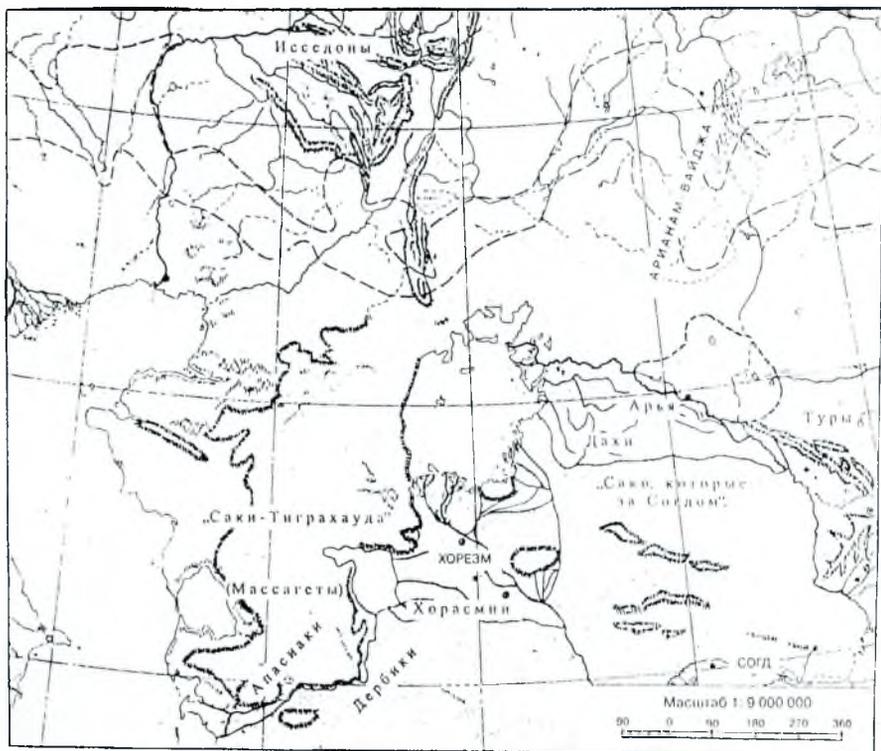

Рис. 16

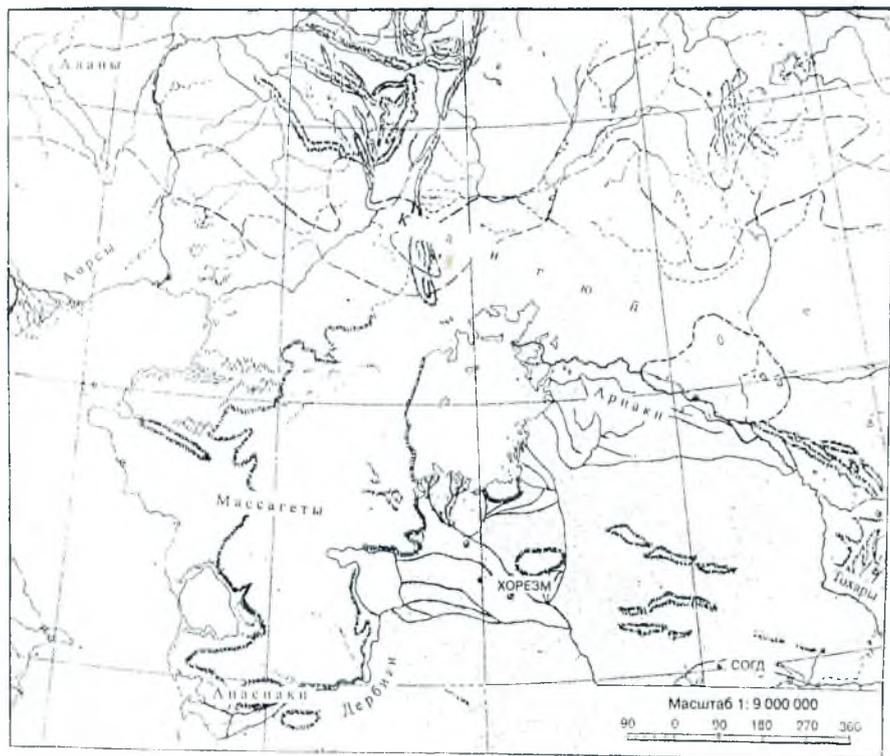

Рис. 17

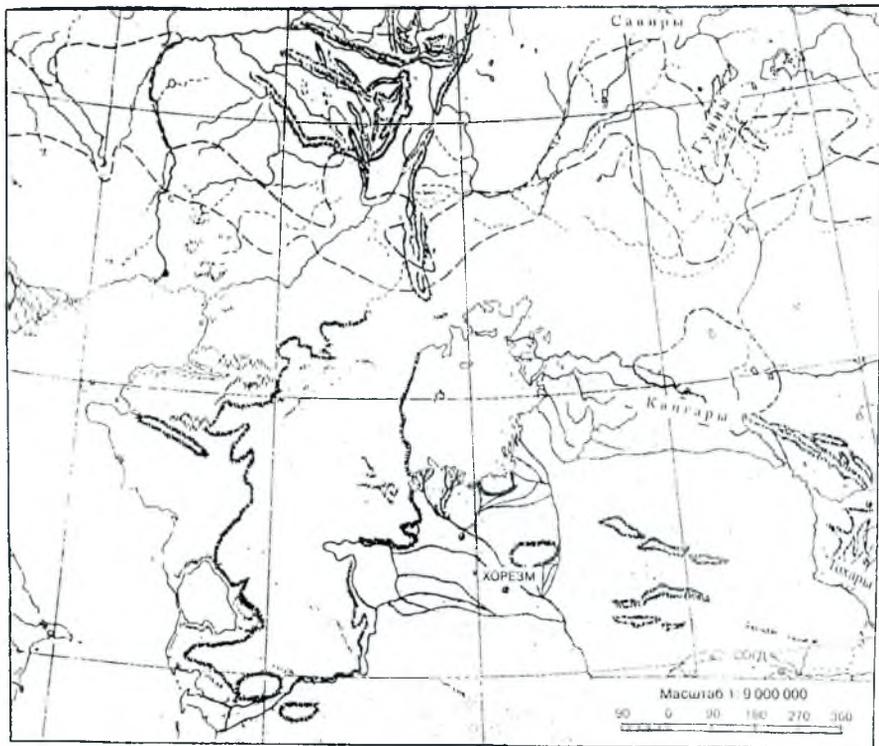

Рис. 18

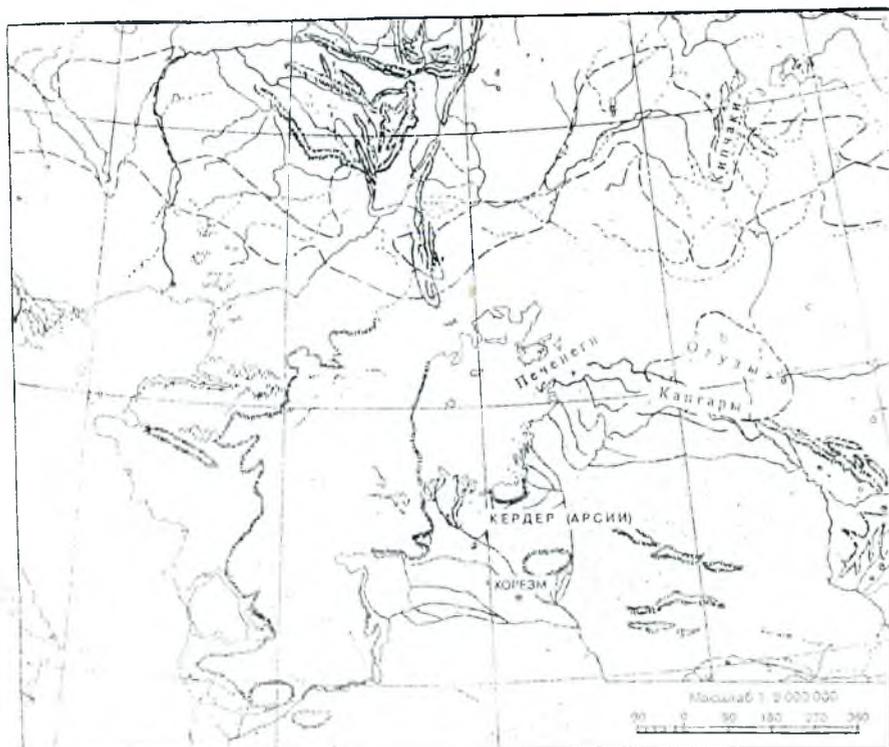

Рис. 19

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Часть I. Общие вопросы экологии и палеогеография.....	16
Глава 1. Палеогеография Приаралья.....	18
Дельтовые протоки Амударьи и Узбой.....	19
История обводнения Присарыкамьшской дельты Амударьи в древности в свете археологических работ последних десятилетий.....	20
Узбой.....	36
Восточное побережье Каспийского моря.....	46
Древняя дельта Сырдарьи.....	52
Глава 2. К вопросу об изменениях климата в Приаралье.....	57
Часть II. Экология и этническая история. Исторические параллели и некоторые закономерности.....	66
Глава 1. Формы хозяйственного освоения естественных ресурсов.....	70
Глава 2. Хозяйственная и этническая территория в историческом аспекте.....	89
Восточный Прикаспий.....	94
Низовья Сырдарьи и Западный Казахстан.....	97
Низовья Амударьи.....	105
Глава 3. Традиционные пути миграций племен в средние века.....	110
Часть III. Археологические комплексы и их ареалы.....	122
Глава 1. Археологические комплексы с широкими ареалами.....	123
Оружие.....	123
Гончарная керамика.....	131
Строительство и архитектура.....	133
Погребальные обряды.....	135
Глава 2. Восточный Прикаспий (Узбой, Прибалханье, Устюрт).....	137
Глава 3. Низовья Амударьи.....	152
Глава 4. Низовья Сырдарьи.....	173
Часть IV. Историческая этногеография северной части Средней Азии в свете данных письменных источников.....	195
Глава 1. Общие географические представления в письменных источниках.....	195
Древнеперсидские источники.....	195
Авестийская география и этногеография.....	196
Античная география о Средней Азии.....	210
Общие географические сведения о северных областях Средней Азии в китайских хрониках.....	219
Ранние арабские географы о территории Туранской низменности.....	221
Глава 2. Восточный Прикаспий.....	222
Глава 3. Низовья Амударьи.....	233
Формирование новой этнической группы в раннем железном веке в Присарыкамьшской дельте Амударьи.....	234
Юечжи.....	241

Сакараваки	250
К вопросу о тохарах	254
Глава 4 Районы нижней и средней Сырдарьи	260
Дахи	260
Ариаки Птолемея	264
Кангюй, Кангха, Кангары	266
Хазары	285
Байандуры	292
Некоторые общие вопросы раннего этапа тюркизации населения в присырдарьинских районах	294
Заключение	297
Библиография	308
Список сокращений	333
Список иллюстраций	335
Иллюстрации	337
Contents	356